

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 12 № 1 / 2022

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 12 № 1 / 2022

Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право

(*Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.*
Seriya: Istorija i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-исполнительного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Исторические науки и археология: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Глухова Александра Викторовна, д-р полит. наук, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Марковичева Елена Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Молокова Маргарита Александровна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Сафонова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Чубаров Вадим Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2022

 Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 28.02.2022.
Дата выхода в свет 24.03.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 28,2.
Тираж 1000 экз. Заказ 7.

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Historical Studies and Archaeology: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Aleksandra V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh State University (Kursk, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Rashad A. Kurbanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Margarita A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vadim V. Chubarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

16+

of the Southwest State University,

305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 28.02.2022.
Release 24.03.2022. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer’s sheets: 28,2.
Circulation 1000 copies. Order 7.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	10
Оригинальные статьи	
Развитие концепции естественного права в христианской доктрине	10
Костенникова Е. А.	
Право быть забытым: становление и признание	20
Оганесян Т. Д.	
Понятие обычного права, правового обычая и правовой традиции в отечественной правовой доктрине ...	32
Ашурбекова А. А.	
Концепция правового государства в либеральных государственно-правовых учениях России второй половины XIX – начала XX века	41
Комаров С. А.	
К вопросу о теории общественного права	51
Трофимова С. А.	
Правовое регулирование института ударных комсомольских строек	61
Чуева И. А.	
Привилегия как правовая категория	71
Емельянов А. С.	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	79
Оригинальные статьи	
Специфика гражданско-правового оборота цифровых финансовых активов	79
Садков В. А.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	89
Оригинальные статьи	
Влияние изменений, внесенных в статью 75 Конституции Российской Федерации, на применение и совершенствование отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации	89
Ушаков А. А., Шиханов В. Н.	
Исторические пути становления института обеспечения транспортной безопасности	101
Яковлева Е. О.	
К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного статьей 216 Уголовного кодекса Российской Федерации	113
Минакова О. В.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	130
Оригинальные статьи	
Малозначительность незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС по действующему законодательству Российской Федерации об административных правонарушениях	130
Андреева В. М.	
ПОЛИТОЛОГИЯ	152
Оригинальные статьи	
О современных политологических аграрных исследованиях	152
Устинович Е. С.	

Трансформация политической системы в Афганистане: проблемы формирования «инклюзивного правительства».....	162
<i>Малик Е. Н.</i>	
Политика Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта через призму ее национальных интересов и стратегии развития.....	174
<i>Шедий М. В.</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	184
Оригинальные статьи	
Особый комитет при Министерстве финансов и его вклад в подготовку винной реформы 1863 года	184
<i>Горюшкина Н.Е.</i>	
Практика театральной гастрольной деятельности в сельской местности в контексте социального функционирования регионального театра в 1964–1985 годах.....	194
<i>Заельская С. А.</i>	
«Хранители ценных предметов»: о работе художественной интеллигенции в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века.....	204
<i>Ткачев В. В.</i>	
Общественно-политические настроения крестьян в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века.....	216
<i>Петрищева Н. С., Зарубина К. А.</i>	
Историография военно-морского флота России в XIX – начале XX века	223
<i>Герман В. А.</i>	
Основные этапы сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в области образования и науки в новейшей истории.....	233
<i>Пираков Ф.</i>	
К сведению авторов	243

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW.....	10
Original articles	
The Development of the Concept of Natural Law in Christian Doctrine.....	10
<i>Ekaterina A. Kostennikova</i>	
The Right to be Forgotten: Formation and Recognition.....	20
<i>Tigran D. Oganesian</i>	
The Concept of Customary Law, Legal Custom and Legal Tradition in the Domestic Legal Doctrine.....	32
<i>Albina A. Ashurbekova</i>	
The Concept of the Legal State in the Liberal State and Legal Doctrines of Russia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries.....	41
<i>Sergey A. Komarov</i>	
On the Question of the Theory of Public Law.....	51
<i>Svetlana A. Trofimova</i>	
Legal Regulation of the Institute of Komsomol Shock Constructions.....	61
<i>Inna A. Chueva</i>	
Privilege and Benefit as Legal Categories: Issues of Correlation.....	71
<i>Alexey S. Emelyanov</i>	
CIVIL LAW.....	79
Original articles	
The Specifics of the Civil Turnover of Digital Financial Assets.....	79
<i>Vitaliy A. Sadkov</i>	
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.....	89
Original articles	
The Impact of Amendments Made to Article 75 of the Constitution of the Russian Federation on the Application and Improvement of Certain Articles of the Criminal Code of the Russia.....	89
<i>Andrey A. Ushakov, Vladimir N. Shikhanov</i>	
Historical Ways of Formation of the Institute of Transport Security.....	101
<i>Elena O. Yakovleva</i>	
On the Subject of a Crime Under article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	113
<i>Olga V. Minakova</i>	
ADMINISTRATIVE LAW.....	130
Original articles	
Low Significance of Illegal Movement of Goods Across the Customs Border of the EAEU Under Applicable Administrative Offense Laws of the Russian Federation.....	130
<i>Viktoria M. Andreeva</i>	
POLITICAL SCIENCES.....	152
Original articles	
About Modern Political Agricultural Research.....	152
<i>Elena S. Ustinovich</i>	

Transforming the Political System in Afghanistan: the Challenge of Forming an "Inclusive Government" ...	162
<i>Elena N. Malik</i>	
The Policy of the Russian Federation in the Field of Artificial Intelligence Development Through the Prism of its National Interests and Development Strategy.....	174
<i>Maria V. Shedyi</i>	
HISTORICAL SCIENCES	184
Original articles	
The Contribution of the Special Committee Under the Ministry of Finance to the Preparation of the Wine Reform of 1863.....	184
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
The Practice of Theatrical Touring Activities in Rural Areas in the Context of the Social Functioning of the Regional Theater in 1964–1985.....	194
<i>Svetlana A. Zaelskaya</i>	
“Keepers of Valuable Items”: About the Work of the Artistic Intelligentsia in the Cities of Baikal Siberia in the Second half of the XIX – early XX Century.....	204
<i>Vitaliy V. Tkachev</i>	
Socio-Political Sentiments of Peasants in Kursk Province in the Second half of the XIX – Early XX Century.....	216
<i>Natalya S. Petrishcheva, Kristina A. Zarubina</i>	
Historiography of the Navy Russia in the XIX – Early XX Centuries.....	223
<i>Vladislav A. German</i>	
The Main Stages of Cooperation Between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in the Field of Education and Science in Recent History.....	233
<i>Farhod Pirakov</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	243

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-10-19>

Развитие концепции естественного права в христианской доктрине

Е. А. Костенникова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

e-mail: e.kostenikova@gmail.com

Резюме

Актуальность. Естественно-правовая доктрина легла в основу принципов современного права, а именно стала фундаментом для формирования концепции прав человека. В 1948 году была принята Всеобщая декларация прав человека. В настоящее время права человека безусловно закрепляются в конституциях государств и проходят красной нитью через систему законодательства. Конституция Российской Федерации провозглашает правовое государство в России, а также закрепляет права и свободы человека. Однако достижение состояния правового государства возможно, если нормы закона не противоречат естественным правам. Функционирует Европейский суд по правам человека, который рассматривает юридические ситуации, связанные с нарушениями прав человека в различных государствах. В теории права активно дискутируется вопрос о правовых универсалиях, то есть о нормах, которые существуют объективно и вне времени. Поэтому дискурс о естественном праве всегда актуален в философской и юридической сфере.

Цель исследования состоит в выявлении сущности учения о естественном праве в христианской государственно-правовой доктрине и определении этапов развития естественно-правовой идеи в христианском учении.

Задачи: выявление основ идеи естественного права и универсализма в ветхозаветном учении; анализ развития идеи естественного права в новозаветном учении; рассмотрение естественно-правовой концепции в трудах богословов; современное прочтение концепции естественного права в современной христианской доктрине.

Методология. При выполнении исследования использовались следующие методы: дедукции и индукции, герменевтики, системный, сравнительно-правовой, конкретно исторический.

Результаты. Исследование носит теоретический характер и может быть использовано при изучении теории государства и права, истории политических и правовых учений, философии права.

Выводы. Теория естественного права получила закрепление в христианско-правовой доктрине начиная с ветхозаветного учения. Своё развитие положения о естественном праве получили в новозаветном учении и в трудах христианских мыслителей. Автор пришел к выводу, что естественный нравственный закон, обладая характеристиками истинности, неизменности и универсальности, создает нравственные основания, необходимые для построения общества.

Ключевые слова: естественное право; доктрина; христианство; правопорядок; нормы; универсализм; партикуляризм.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Костенникова Е. А. Развитие концепции естественного права в христианской доктрине // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 1. С. 10–19. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-10-19>.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Кравченко Н. В., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 10–19

The Development of the Concept of Natural Law in Christian Doctrine

Ekaterina A. Kostennikova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

 e-mail: e.kostennikova@gmail.com

Abstract

Relevance. The natural-legal doctrine formed the basis of the principles of modern law, namely, it became the foundation for the formation of the concept of human rights. In 1948, the Universal Declaration of Human Rights was adopted. Currently, human rights are unconditionally enshrined in the Constitutions of States and run like a red thread through the system of legislation. The Constitution of the Russian Federation also enshrines human rights and freedoms and declares itself as a constitutional state. However, achieving the constitutional state is possible if the norms of the law do not contradict natural rights. The European Court of Human Rights examines legal situations related to violations of human rights in various states. In the theory of law, the issue of legal universals is actively discussed, that is, about norms that exist objectively and outside of time. Therefore, the discourse on Natural law is always relevant in the philosophical and legal fields.

The purpose is to identify the essence of the doctrine of Natural Law in the Christian state and legal doctrine and to determine the stages of development of the Natural Law in Christian doctrine.

Objectives of the research are identification of the foundations of the Natural Law and universalism in the Old Testament teaching; analysis of the development of the Natural Law in the New Testament teaching; consideration of the concept of Natural Law in the works of theologians; modern reading of the concept of Natural Law in modern Christian doctrine.

Methodology. In the study the following methods were used: deduction and induction, hermeneutics, systemic, comparative legal, specifically historical.

Results. The study are of a theoretical nature and can be used in the study of the theory of state and law, the history of political and legal doctrines, philosophy of law.

Conclusions. The theory of Natural Law was consolidated in the Christian legal doctrine, starting with the Old Testament teaching. The provisions on Natural Law received their development in the New Testament teaching and in the writings of Christian thinkers. The author concluded that the Natural Moral Law, possessing the characteristics of truth, immutability and universality, creates the moral foundations necessary for building a society.

Keywords: natural law; doctrine; Christianity; legal order; norms; universalism; particularism.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kostennikova E. A. The Development of the Concept of Natural Law in Christian Doctrine. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 10–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-10-19>.

Received 15.12.2021

Accepted 18.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Проблема естественного права стала обсуждаться еще в древнегреческой и древнеримской философии. Уже тогда философы говорили о делении права на естественное, которое присуще каждому человеку от рождения, независимо от его состояния, и право, исходящее от госу-

дарства. Кроме того, идея естественного права содержится уже в Ветхом Завете. Эта мысль была продолжена христианскими мыслителями – Августином Блаженным и позже Фомой Аквинским.

Христианская доктрина, как и вся средневековая философия, стояла на позиции разделения права на естественное и человеческое. При этом человеческое

право рассматривалось как нечто нестабильное, политически обусловленное, наполненное субъективизмом. Оно не было справедливым по своей природе и рассматривалось как вынужденный ответ на проявления человеческой слабости. Человеческое, позитивное право должно было отражать в себе требования естественного права. Естественное право – это вечное, независимое от сознания и воли человека, а потому справедливое. Оно воспринималось как абсолютное добро. Это право не может быть отнято у человека и принадлежит всем людям по праву рождения. В настоящее время интерес к проблеме естественного права не ослабевает. Особенное внимание ему уделяет современная христианская концепция, выраженная в церковных документах, во взглядах современных христианских мыслителей.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались как общенаучные, так и методы юридической науки. Метод дедукции и индукции использовался при нахождении идей естественного права в источниках христианской доктрины и обобщения с целью выведения общей концепции естественного права. Метод герменевтики был применен в процессе исследования канонических и богословских текстов, которые нуждались в их правовой интерпретации и нахождении в них идей естественного права. Системный метод был использован при анализе отдельных положений естественного права, отыскании связи между различными текстами и последующем выстраивании общей концепции. Сравнительно-правовой метод нашел применение при рассмотрении древних и современных положений, позволяющих раскрыть сущность естественного права. Конкретно исторический метод позволил учитывать историческую обстановку, в которой формировалась концепция естественного права.

Результаты и их обсуждение

На протяжении всей двухтысячелетней истории для христианства характерна преемственность традиций и тех основополагающих идей, которые были сформулированы на первом этапе его становления. Среди множества проблем, которые поднимались христианскими богословами, одной из важнейших является проблема сущности права. Эта проблема сопутствует всей истории христианства с момента его зарождения и до наших дней.

В целях более полного освещения проблемы христианского понимания сущности права мы обратимся к истокам христианства – Ветхому Завету. Как известно, Ветхий Завет, в отличие от Нового, изобилует социальными, правовыми и даже политическими нормами. Можно сказать, что сама суть и назначение ветхозаветного учения заключались как раз в том, чтобы установить определенный правовой и социальный порядок. Важно отметить, что ветхозаветное учение никогда не стремилось к всеобщности и универсальности. Наоборот, конкретный субъект, которому предписаны все установления – народ Израиля, т. е. закрытое и сплоченное на основании происхождения и религии сообщество. Еврейский народ сознавал свою исключительность и особое положение. В силу этого большинство ветхозаветных предписаний носит характер исключительного права и не распространяется на иноверцев. Наличие конкретных норм и правил поведения вполне соответствует духу ветхозаветного партикуляризма [1].

Нельзя не отметить точку зрения некоторых ученых, полагающих, что несправедливо вовсе лишать ветхозаветные предписания свойства универсальности. Так, Хосе Мария Вегас пишет, что Ветхий Завет – существенная часть истории прогрессивного морального познания. Религиозное и моральное переживание Израиля хоть и самобытно, но открыто окружающим его культурам [2, с. 34].

Йозеф Майка отмечает, что в Ветхом Завете закреплены общие положения, принципы и морально-правовые оценки, которые имеют всеобщее и непреходящее значение. Именно они, по мнению социолога, легли в основу христианского гуманизма, христианской социальной доктрины и заложили основы всей европейской цивилизации [3, с. 49]. Особое внимание вопросу универсализма ветхозаветного учения уделяет католический богослов Йозеф Ратцингер (Римский понтифик на покое Бенедикт XVI). Он называет израильский народ носителем универсального обетования и отмечает, что уже в книгах Моисея можно обнаружить субстанциональный момент: Израиль существует не просто сам по себе – лишь для того, чтобы жить по «вечным» правилам закона – он существует для того, чтобы стать светом народов [4, с. 126]. Ратцингер поясняет, что обетование спасения, согласно Ветхому Завету, адресовано всем народам, но Израиль является первым, кому обетование открылось и через кого оно будет реализовано: «Мы слышим, что Его узнают все народы, что Египет и Вавилон – две мировые державы, противостоящие Израилю, – протянут руки к Израилю и будут вместе с ним молиться единому Богу. Мы слышим, что исчезнут границы и что Бог Израиля будет признан и почитаем всеми народами как их Бог, как Единый Бог» [4, с. 127].

Итак, согласимся, что ветхозаветное учение не лишено идей универсальности. Тем не менее в буквальном прочтении общественно-правовые порядки иудеев не могли быть перенесены на все народы. Ветхозаветный закон, изначально имевший непреложный ритуальный характер, в результате тысячелетней истории стал формализованным и наполнился религиозно-моральными санкциями [5]. Миссия Христа заключалась в том, чтобы, не отвергая традиций, пересмотреть глубинный смысл ветхозаветного учения. Христос, провозглашая всеобщность и универсальность Божественных установле-

ний, разрушает внутренние и внешние границы сложившихся общественных порядков. Внутренние – надуманный формализм и ритуальность социально-правовых предписаний; внешние – освобождение от ориентации исключительно на закрытое иудейское сообщество. Еще раз подчеркнем, что сам по себе Закон для Христа непреложен. Как указывает Катехизис Католической церкви, «проповедь Господня не только не отменяет и не обесценивает моральные предписания ветхого закона, но, напротив, выявляет его скрытые возможности, извлекая из него новые требования» [6, с. 462].

Иисус Христос не вводит новых внешних правил взамен старых порядков и законоположений, поскольку установление конкретных норм нивелирует идею универсализма Его учения. Миссия Христа – провозглашение нового союза между Богом и человеком. Опираясь на этот союз, люди вольны определять, что в политическом и социальном устройстве сообразно этому союзу воли, а что нет, и тем самым самостоятельно формировать правовые отношения. Как отмечает Йозеф Ратцингер, конкретные правовые и социальные идеи, политические уложения перестали закрепляться как незыблевые нормы сакрального права, соблюдаемого непреложно во все времена и всеми народами. «За отсутствием социального плана в проповеди Иисуса, – пишет ученый, – обнаруживается скрытый процесс всемирно-исторического значения, не имеющий аналогов ни в каком другом культурном пространстве: конкретные политические и социальные установления выводятся за пределы непосредственной сакральности, за пределы религиозного закона и отдаются на волю человека, который утверждается в воле Бога и осознает, что есть право и что есть добро» [4, с. 127].

Именно в этом направлении впоследствии стала развиваться правовая концепция западной христианской церкви. Уже в I-II веке в трудах христианских

богословов мы можем наблюдать тенденцию к пониманию права в более широком смысле, нежели простой совокупности законов. Это право сообразуется с Божественной волей. Так, святой Иустин Философ (ок. 100–165) в «Апологии» говорит о том, что не все законы совершенны, поскольку «и злые ангелы могут устанавливать законы, соответствующие их порочности, но и в таких законах находят удовольствие люди» [7, с. 246]. Иустин рассматривает право и религию как единое и неразрывное целое. И государственное управление, и законы, и религию философ относит к единой сфере нормативно-регулятивного воздействия на поведение людей. «Идеальным» законодателем Иустин видит Моисея: его законы применялись не только для регулирования общественных отношений, но также для нравственного и морального воспитания людей, для постижения божественной воли и углубления веры. По мысли святого Иустина, христиане, будучи одновременно гражданами «земными и небесными», призваны не просто формально повиноваться земным законам, но «превзойти» их в своей морали, нравственности и богопочитании.

Фундаментальным основанием правового учения, на которое опирались раннехристианские богословы, стала теория естественного права. Знаменитый апологет Тертуллиан (155/65–220/40) ссылается на античное учение о естественном праве в таких сочинениях, как «Апологетик» и «К Скапуле». Он полагает, что зло, творимое людьми, кроется не в самой человеческой природе, а скорее в несправедливых социальных порядках. И люди совершают зло именно тогда, когда они нарушают природный закон. Одним из ярчайших проявлений естественного права Тертуллиан считает свободу совести. Свобода – свойство человеческой природы, и поэтому право каждого быть свободным, в том числе и в выборе религии, есть естественное право. Тертуллиан полагает, что это право универсально,

оно не должно иметь исключений [8, с. 185]. Осуждая гонения христиан, он обвиняет римское государство в непоследовательности: с одной стороны, власти Рима позволяют египтянам поклоняться животным и терпят существование бессмысленных и изуверских культов, а с другой – не разрешают христианам поклоняться их Богу. Римские правители, по словам философа, лишают естественный закон универсальности, а следовательно, упраздняют его.

Нельзя не упомянуть учение еще одного раннехристианского автора – Лактания (ок. 250 – ок. 325), которого за любовь к риторике иногда называют «христианским Цицероном». В сочинении «Божественные установления» он рассуждает об общечеловеческих ценностях и универсальной этике. Он уверенно повторяет мысль Цицерона о том, что «истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое, приказывая, призывает к исполнению долга, запрещая же, отпугивает от преступления. Отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем. И не будет одного закона в Риме, другого – в Афинах, одного – ныне, другого – в будущем. Нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей – Бог, создатель, судья и автор закона» [9, с. 379].

Итак, начала естественно-правовой теории как части христианской концепции заложены уже первыми теоретиками христианства. Как отмечает Г. Г. Майоров, латинские апологеты способствовали оформлению и прояснению христианского мировоззрения. Они отчасти поставили это мировоззрение в связь с античной классической традицией, отчасти противопоставили его этой традиции, выделив как элементы общности, так и его специ-

фику [10, с. 124]. Полагаем, что это утверждение также справедливо и в отношении естественно-правовой концепции: с одной стороны, воззрения раннехристианских богословов испытали значительное влияние римских юристов, но с другой – теологическая составляющая внесла значительные изменения в эту теорию [11, с. 92]. Теперь в лице Бога вполне конкретно определен источник формирования природного, разумного права. И теперь поиск истинного закона в божественных наставлениях стал задачей для последующих философских изысканий представителями классической патристики, а затем и схоластики.

Особое внимание следует уделить концепции естественного права в учении святого Августина. Августин разделяет понятия вечного (божественного) и временного (человеческого) закона. В его понимании Божья воля не просто определяет сущность и содержание вечного, т. е. высшего закона, но сама эта воля и есть воплощенный закон. Бог постепенно открывает его людям через священное писание. Вначале это был закон, провозглашенный с горы Синай Моисеем: «Бог дал Своему еврейскому народу закон, написанный на еврейском языке, не какой-нибудь невразумительный и неведомый, а сделавшийся уже известным всем народам» [12, с. 315]. Августин называет его «первым» законом. Затем последовал закон Христа. Он обозначается философом вторым по последовательности, но первым по значимости: «Хотя Ветхий предшествует по времени, Новый, однако же, должен предпочтаться ему по достоинству; ибо тот Ветхий был предвестником этого Нового» [12, с. 318]. Божественный закон Августин определяет как истину и особенным образом подчеркивает его неизменность.

Таким образом, в граде Божьем вечный закон абсолютен, он реализуется непосредственно и непрестанно, он – вечная, неизменная истина, воплощение Божественной воли. К земному граду, со-

гласно учению Августина, характеристика «вечности» неприменима. Здесь время течет линейно, и временные характеристики распространяются на все предметы и явления, в том числе и на закон. Здесь действует, прежде всего, естественный закон. Он не затрагивает «высших» причин творения, а определяет физиологическую природу всего сущего – существ, вещей и явлений. Воля Бога уже реализовалась в момент творения, и теперь они существуют по своим, природным законам.

В земном граде также действует временный закон – низший из всех, согласно иерархии святого Августина. Он создан людьми для удовлетворения их личных интересов и его предписания исполняются постольку, поскольку обеспечиваются силой государственного принуждения. Временный закон также может быть справедливым: «...Законодатель, при составлении временных законов, если он человек добрый и мудрый, соображается с тем вечным законом» [13, с. 477]. Следовательно, вечный, божественный закон есть источник всего справедливого и благого, что может содержать в себе временный закон.

В литературе встречается точка зрения, согласно которой именно Августин Блаженный заложил основы разграничения права и морали, имеющие сегодня такое важное теоретическое и практическое значение [14, с. 51]. В. А. Четвернин обращает внимание на тот аспект учения, согласно которому временный закон предназначается, прежде всего, для тех, кто неспособен к добровольному нравственному поведению и осуществляется в основном благодаря властному принуждению. Праведники, осененные божественной благодатью, не нуждаются в принудительных временных законах – они руководствуются законом вечным [15, с. 17]. Итак, с точки зрения Августиновой этики вечный закон – это совпадение права и морали, совпадение закона и свободы.

Таким образом, значение теории святого Августина заключается в том, что он определил сущность и источник высшего, вечного закона: это Бог и Его воля. Соответственно, характеристиками истинности, справедливости обладает именно вечный закон. Термин «естественный закон» Августин использует в ином смысле, нежели римские юристы и раннехристианские богословы. Этим термином он обозначает природно-физиологическую сущность вещей и явлений, которая хотя и вдохновлена самим Богом, но не является Его отражением: «Природа есть и у человека, и у скота, и у дерева, и у камня, но ни один из этих предметов не есть Бог» [12, с. 276].

Подобное понимание соотношения вечного и естественного законов впоследствии нашло отражение у представителей ранней схоластики – Ансельма Кентерберийского, Иоанна Солсберийского. Однако наиболее структурированное и логичное изложение мы находим в работе Фомы Аквинского «Сумма теологии». Для Фомы понятия «вечный» и «естественный» закон также не идентичны. Вечный закон – это всеобщее правило мироздания и абсолютное направляющее начало всякого творения. Вечный закон – постановление Божественного разума. В силу того, что Бог вечен и не подчиняется времени, сумма Его установлений – закон тоже должен быть назван «вечным» [16, с. 116]. Все на свете подчинено Божественному разуму, а значит, управляемся вечным законом. Естественный же закон представляет собой непосредственное проявление закона вечного: если вечный определяет цель всякого творения, то естественный характеризует способы достижения этой цели. Естественным законом обусловлены присущие творению свойства и качества, а также мысли, поступки и поведение в целом. Для человека естественный закон приобретает особый смысл. Если вечный закон направляет его к осуществлению

добра как цели, то естественный наделяет его способностью отличать добро от зла.

Таким образом, общим для средневекового христианского богословия является восприятие и толкование естественного (природного) закона как частности проявления или как следствия вечного (божественного) закона [17].

Однако в результате Реформации в Новое время эта мысль была подвергнута жесткой секуляризации. По замечанию Г. Бермана, лютеранские реформаторы скептически относились к способности человека создать такой закон, который отражал бы закон вечный. Кроме того, они активно отрицали, что создание человеческого закона является задачей церкви [18, с. 44]. Вначале теологическая составляющая естественного права была перемещена на второй план, как, например, у Гуго Гроция. Согласно его доктрине, сам Бог подчиняется действующим законам природы: «Естественное же право столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом... Подобно тому, как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро» [19, с. 74–76]. Божественное право – такое же волеустановленное право, как человеческое. Поэтому естественному праву должно соответствовать не только человеческое, но и божественное. В работах последователей Гроция – философов просветительской эпохи – теологический аспект был вовсе утрачен. Источником естественного права провозглашался человеческий разум, либо же, при необходимости введение трансцендентной составляющей, сама природа. Так постепенно происходила секуляризация правового мышления, которая заложила основы современного юридического позитивизма [20, с. 101].

Сегодня религиозные корни и трансцендентные начала права утрачены полностью. Превалирующая концепция заключается в том, что право должно быть

морально нейтральным, иначе оно лишится свойства универсальности. Теперь главное предназначение права – служить инструментом государства и средством реализации воли политической власти. Современные правовые системы, которые принято считать развитыми, строятся исключительно на рационально-прагматических началах. Как пишет Г. Берман, право становится фрагментарным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль [18, с. 53]. Подобная ситуация влечет за собой ряд негативных последствий: во-первых, создается почва для произвола власти, а во-вторых, в обществе складывается негативное, недоверчивое отношение к праву.

Каким же образом должно быть устроено право, которое является собой мораль и справедливость, а не самоуправство и деспотизм? Сущность такого подхода к праву и принципы его реализации представлены Католической церковью в виде концепции естественного нравственного закона. Согласно Катехизису Католической церкви, существует так называемый нравственный закон, который представляет собой разумный порядок, учрежденный могуществом и мудростью Бога [6, с. 457]. Он есть первичная и высшая истина. Непосредственная реализация нравственного закона осуществляется посредством закона естественного, который выражает первоздан-

ное чувство, позволяющее человеку при помощи разума распознавать, что такое добро и зло, правда и ложь [6, с. 458]. Естественный закон абсолютно универсален: он присутствует в сердце каждого человека, утверждается разумом и его власть распространяется на всех людей. Он выражает достоинство личности и определяет основания фундаментальных прав и обязанностей человека. Именно естественный нравственный закон, с точки зрения Церкви, способен преодолеть неизбежные различия и противоречия между народами и культурами. И только он, предписывающий общие принципы, способен стать объединяющим началом для людей. Церковь предлагает использовать естественный нравственный закон как базу для гражданского законодательства, «которое с естественным законом связывается либо путем рассуждения, делающего выводы из его принципов, либо путем дополнений положительного и юридического характера» [6, с. 459].

Выводы

Таким образом, естественный нравственный закон, обладая характеристиками истинности, неизменности и универсальности, создает нравственные основания, необходимые для построения общества.

Список литературы

1. Величко А. М. Библейская философия права и власти [сборник статей]. М.: Вече, 2016. 192 с.
2. Вегас Х. М. Основы христианской этики. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Изд-во Рус. христ. гуманит. акад., 2007. 171 с.
3. Майка Ю. Социальное учение Католической церкви. М.: Изд-во Святого Креста, 1994. 478 с.
4. Ратцингер Й. Иисус из Назарета. СПб.: Азбука-классика, 2009. 416 с.
5. Гааз М. К вопросу о христианском подходе к правопониманию. URL: https://zakon.ru/blog/2020/8/31/k_voprosu_o_hristianskom_podkhode_k_pravoponimaniyu (дата обращения: 20.11.2021).
6. Катехизис Католической церкви. М.: Духовная библиотека, 2001. 815 с.
7. Иустин Философ. Творения. М.: Паломник, 1995. 484 с.

8. Тертуллиан. Творения. Ч. 1. Апологетические сочинения Тертуллиана. Киев: «Петр Барский в Киеве», 1910. С. 81–204.
9. Лактанций. Божественные установления. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 512 с. (Серия: Библиотека христианской мысли. Источники).
10. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М.: Либроком, 2009. 296 с.
11. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований Западного права / П. С. Жданов, С. П. Сальников, В. Б. Романовская, В. И. Цыганов // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 90–98.
12. Августин Блаженный. Творения. Т. 3: О Граде Божьем. СПб.: Алетейя, 1998. 598 с.
13. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1600 с.
14. Развитие теории естественного права в Европе в период от поздней Античности до начала Нового Времени / Е.В. Верховодов, Э. Б. Курзенин, С. П. Сальников, М. Н. Фомичев // Правовое поле современной экономики. 2016. № 4. С. 47–53.
15. Четвернин В. А. Политическое учение Блаженного Августина (метод исследования, основные идеи и их историческое движение) // Политико-правовые идеи и институты в их историческом развитии. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. С. 12–20.
16. Фоминская М. Д. Права человека в контексте современной христианской философско-правовой мысли. М.: Justitia, 2016. 217 с.
17. Фоминская М. Д. Становление христианской идеи прав человека // Философия права. 2017. № 1(80). С. 90–95.
18. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ: Инфра-М – Норма, 1998. 624 с.
19. Гроций Г. О праве войны и мира: [Репринт с изд. 1956 г.]. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
20. Альбов А. П., Каирова А. И. Диалектика права и свободы, закона и естественного права в доктринах немецкой классической и пост-классической философии. Ставрополь: Центр научного знания «Логос», 2018. С. 77–102.

References

1. Velichko A. M. Biblejskaya filosofiya prava i vlasti. Sbornik statej [The Biblical philosophy of law and Power. Collection of articles]. Moscow, Veche Publ., 2016. 192 p.
2. Vegas H. M. Osnovy hristianskoj etiki [Fundamentals of Christian Ethics]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., Russian. hrist. gumanit. akad. Publ., 2007. 171 p.
3. Majka Yu. Social'noe uchenie Katolicheskoy cerkvi [The Social Teaching of the Catholic Church]. Moscow, Izd-vo Svyatogo Kresta, 1994. 478 p.
4. Ratcinger J. Iisus iz Nazareta [Jesus of Nazareth]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2009. 416 p.
5. Gaaz M. K voprosu o hristianskom podhode k pravoponimaniyu [On the question of the Christian approach to the understanding of law]. Available at: https://zakon.ru/blog/2020/8/31/k_voprosu_o_hristianskom_podhode_k_pravoponimaniyu. (accessed 20.11.2021).
6. Katekhizis Katolicheskoy cerkvi [Catechism of the Catholic Church]. Moscow, Duhovnaya biblioteka Publ., 2001. 815 p.
7. Iustin Filosof. Tvoreniya [Justin the Philosopher. Creations]. Moscow, Palomnik Publ., 1995. 484 p.

8. Tertullian. Tvoreniya. Pt. 1. Apologeticheskie sochineniya Tertulliana [Tertullian. Works. Part 1. Apologetic writings of Tertullian]. Kiev, "Petr Barskij v Kieve", 1910, pp. 81–204.
9. Laktancij. Bozhestvennye ustanovleniya [Lactantius. Divine regulations]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2007. 512 p.
10. Majorov G. G. Formirovanie srednevekovoj filosofii: Latinskaya patristika [Formation of Medieval Philosophy: Latin Patristics]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 296 p.
11. Zhdanov P. S., Sal'nikov S. P., Romanovskaya V. B., Cyganov V. I. Ot gumanizma k immoralizmu, ot prav estestvennyh k pravam protivoestestvennym: smena cennostnyh osnovanij Zapadnogo prava [From humanism to immoralism, from natural rights to unnatural rights: changing the value foundations of Western Law]. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2015, no. 11, pp. 90–98.
12. Avgustin Blazhennyj. Tvoreniya. Vol. 3: O Grade Bozh'em [Creations. Vol. 3. About the City of God]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 1998. 598 p.
13. Avgustin Blazhennyj. Ob istinnoj religii. Teologicheskij traktat [About the true religion. Theological Treatise]. Minsk, Harvest Publ., 1999. 1600 p.
14. Verhovodov E. V., Kurzenin E. B., Sal'nikov S. P., Fomichev M. N. Razvitie teorii estestvennogo prava v Evrope v period ot pozdnej Antichnosti do nachala Novogo Vremeni [The development of the theory of natural law in Europe in the period from late Antiquity to the beginning of Modern Times]. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki = The legal field of modern economics*, 2016, no. 4, pp. 47–53.
15. Chetvernin V. A. Politicheskoe uchenie Blazhennogo Avgustina (metod issledovaniya, osnovnye idei i ih istoricheskoe dvizhenie) [The Political teaching of St. Augustine (research method, basic ideas and their historical movement)]. Politiko-pravovye idei i instituty v ih istoricheskem razvitiu [Political and legal ideas and institutions in their historical development]. Moscow, IGI P AN SSSR Publ., 1980, pp. 12–20.
16. Fominskaya M. D. Prava cheloveka v kontekste sovremennoj hristianskoj filosofsko-pravovoj mysli [Human rights in the context of Modern Christian Philosophical and Legal Thought]. Moscow, Justitia Publ., 2016. 217 p.
17. Fominskaya M. D. Stanovlenie hristianskoj idei prav cheloveka [The formation of the Christian idea of human rights]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2017, no. 1(80), pp. 90–95.
18. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya [The Western Tradition of law: the Epoch of formation]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., Infra-M – Norma Publ., 1998. 624 p.
19. Grocij G. O prave vojny i mira [On the Law of War and Peace]. Moscow, Ladorim Publ., 1994. 868 p.
20. Al'bov A. P., Kairova A. I. Dialektika prava i svobody, zakona i estestvennogo prava v doktrinah nemeckoj klassicheskoj i post-klassicheskoj filosofii [Dialectics of law and freedom, law and natural law in the doctrines of German classical and postclassical philosophy]. Stavropol', Centr nauchnogo znaniya "Logos", 2018, pp. 77–102.

Информация об авторе / Information about the Author

Костенникова Екатерина Андреевна, младший научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kate-vrn@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0896-9989

Ekaterina A. Kostennikova, Junior Researcher of Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kate-vrn@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0896-9989

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-20-31>

Право быть забытым: становление и признание

Т. Д. Оганесян¹

¹Дипломатическая академия МИД России
ул. Остоженка 53/2, г. Москва 119021, Российская Федерация

e-mail: t.oganesian@mail.ru

Резюме

Актуальность. Право быть забытым представляет собой право отдельных лиц исключать, ограничивать или удалять ссылки и личную информацию в Интернете. Это право было особенно подчеркнуто в 2014 году Судом ЕС в постановлении по делу *Google Spain*. Изначально зародившееся как право «забыть свое криминальное прошлое» право быть забытым с развитием Интернета получило новую жизнь. В этой связи вопросы признания права быть забытым, определения сущности и форм реализации данного права представляют значительный интерес для доктрины международного права.

Цель состоит в изучении различных подходов становления и признания права быть забытым.

Задачи исследования заключаются в следующем: рассмотреть становление и развитие права быть забытым в практике европейских органов по защите данных; определить вклад Суда ЕС в международном признании права быть забытым; выявить основные формы признания данного права.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, формально-юридического, системно-правового, сравнительно-правового методов и метода толкования права.

Результаты. В ходе проведенной научной работы были определены различные подходы в понимании сущности и признания права быть забытым, выработано понимание о возможности закрепления данного права в качестве международного права, определена роль Суда ЕС в последующем признании и понимании права быть забытым.

Вывод. Вклад подавляющего большинства европейских органов по защите данных показывает, что они выступают за признание и разъяснение права быть забытым. Несмотря на признание Судом ЕС права быть забытым, тем не менее оно не стало международно-признанным правом человека, а стало лишь признанным правом в Европейском союзе и ряде отдельных государств. От установления правильного баланса между правом быть забытым и другими конкурирующими правами во многом будет зависеть то, сможет ли право быть забытым стать международным универсальным правом.

Ключевые слова: право быть забытым; право на забвение; защита данных; Google; Суд Европейского союза; Интернет.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Оганесян Т. Д. Право быть забытым: становление и признание // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 20–31.
<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-20-31>.

Поступила в редакцию 23.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.12.2021

The Right to be Forgotten: Formation and Recognition

Tigran D. Oganesian¹

¹ Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
53/2 Ostozhenka str., Moscow 119021, Russian Federation

 e-mail: t.oganesian@mail.ru

Abstract

Relevance. *The right to be forgotten is the right of individuals to exclude, restrict or delete links and personal information on the Internet. This right was particularly emphasized in 2014 by the CJEU in a ruling in the Google Spain case. Originally originated as the right to "forget your criminal past", the right to be forgotten with the development of the Internet has received a new life. In this regard, the issues of recognition of the right to be forgotten, the definition of the essence and forms of implementation of this right are of considerable interest to the doctrine of international law.*

The purpose is to research various approaches to formation and recognizing the right to be forgotten.

The objectives of the research are as follows: to consider the formation and development of the right to be forgotten in the practice of European data protection authorities; to determine the contribution of the EU Court in the international recognition of the right to be forgotten; to identify the main forms of implementation of this right.

Methodology. The article is based on the methods of analysis, formal legal, systemic legal, comparative legal methods and the method of interpretation of law.

Results. During the scientific work, various approaches were identified in understanding the essence and forms of realization of the right to be forgotten, an understanding was developed about the possibility of consolidating this right as international law, the role of the EU Court in the subsequent recognition and understanding of the right to be forgotten was determined.

Conclusion. The contribution of the overwhelming majority of European data protection authorities shows that they advocate recognition and clarification of the right to be forgotten. Despite the recognition by the EU Court of the right to be forgotten, nevertheless, it has not become an internationally recognized human right, but has only become a recognized right in the European Union and a number of individual States. Establishing the right balance between the right to be forgotten and other competing rights will largely determine whether the right to be forgotten can become an international universal law.

Keywords: right to be forgotten; right to be forgotten; data protection; Google; Court of Justice of the European Union; Internet.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Oganesian T. D. The Right to be Forgotten: Formation and Recognition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 20–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-20-31>.

Received 23.12.2021

Accepted 18.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Интернет является частью западного общества в течение почти трех десятилетий, но несмотря на это он продолжает оставаться сложно урегулированным пространством, в котором конкурируют в большей степени право на уважение частной жизни и свобода выражения мнений. По утверждению Вероники Се-

галми, мы живем в мире Google [1, р. 255]. Таким образом, Google, Яндекс, Facebook и другие крупные онлайн-платформы играют важную роль в принятии решений о том, какая информация будет представлена пользователю, о каких новостях они будут проинформированы и какой контент будет доступен другим пользователям. Ценность данных

заключается также в том, как доступная информация может одновременно формировать личность и нарушать права пользователей [2, р. 273]. В этой ситуации право быть забытым предоставляет возможность лишь восстановить некоторый контроль над своими данными.

Макау Мутуа, профессор юридического факультета Университета Буффало, отмечает, что право быть забытым является ответом на современные вызовы «ничего не забывающего» интернета [3, р. 38]. Значительный вклад в развитие права быть забытым внесли суды Суда Европейского союза (далее – Суд ЕС), которые в 2014 г. на международном уровне дали данному праву новую жизнь.

Право быть забытым изначально рассматривалось как право, которое позволяет осужденному преступнику, отбывшему свой срок, требовать «забыть» его прошлое, чтобы снова стать частью общества. В настоящее время право быть забытым подразумевает возможность лица требовать исключения данных из списка результатов поисковой системы в интернете. В этой связи одним из главных вопросов является вопрос о том, стало ли право быть забытым международно признанным правом человека. Права человека должны отвечать потребностям человека и вызовам сегодняшнего дня, поэтому по мере изменения потребностей и вызовов может изменяться и перечень прав человека [4, р. 14]. С учетом того, что реальность изменилась, должно измениться и право, в том числе международное. Бессспорно, что признание новых прав человека на международном уровне должно отвечать новым вызовам общества и в то же время быть сбалансированным по отношению к другим правам.

Споры о целесообразности закрепления права быть забытым в качестве международного права человека частично связаны с расплывчатостью существующих положений, направленных на реализацию данного права. Кроме того, существуют опасения по поводу его воздей-

ствия на право на свободу выражения мнений, а также по поводу того, приведет ли создание права быть забытым к снижению «качества» интернета из-за цензуры и «переписывания истории».

Методология

Основу исследования составляют общенаучные методы познания: диалектический и логико-системный. Кроме того, были использованы методы, присущие науке международного права: системно-правовой, сравнительно-правовой и метод толкования права. Последнее было особенно актуально при рассмотрении специфики правовых позиций национальных органов и Суда ЕС при определении сущности права быть забытым. Особое значение имеет метод правового анализа, который позволяет выявить закономерности и тенденции развития права быть забытым. В исследовании применялся формально-юридический метод (при обращении к текстам нормативно-правовых и правоприменительных актов). В основу формулировки выводов по результатам проведенного исследования был положен формально-логический метод. В целом последовательность методологии связана с тем, что исследования тесно связаны с практикой, что позволяет узнать о реальных процессах и явлениях.

Результаты и их обсуждение

В различное время право быть забытым находилось в фокусе некоторых национальных органов по защите данных. Например, роль французской национальной комиссии по информатике и свободе (*Commission nationale de l'informatique et des libertés*, далее – CNIL) особенно интересна тем, что она была «дебютантом» в признании права быть забытым (*le droit à l'oubli*). В 1999 г. CNIL отметила: «Пожалуй, никогда принципы, установленные законом от 6 января 1978 года, не имели такой актуальности. В эпоху сетей и "всего цифрового" эти принципы являются гарантия-

ми: принцип цели, контроль за релевантностью собранных данных, конфиденциальность информации, право на доступ и исправление данных, право возражения и, наконец, право на забвение»¹. В 2009 г. CNIL даже сделала заявление о признании фундаментального характера права быть забытым: «Недопустимо и опасно, чтобы информация о человеке оставалась фиксированной и неосязаемой, тогда как человеческая природа предполагает именно то, что люди меняются, противоречат друг другу, словом, эволюционируют совершенно естественно. Для всех это защита свободы слова и свободы мысли, а также право менять свое мнение, религию, политические взгляды, возможность совершать ошибки в молодости, а затем менять свою жизнь. Поэтому наша комиссия приветствует дискуссии, которые сейчас проходят во Франции по этому вопросу, в которых подчеркивается основополагающий характер права на забвение»².

Еще в 1989 г. Комитет экспертов Совета Европы по защите данных (*Council of Europe's Committee of Experts on data protection*) изучил право быть забытым в контексте данных, собираемых с помощью автоматизированных коммуникационных процессов в 1980-х гг., и пришел к выводу, что полученные данные должны быть удалены по прошествии определенного времени³. В другом докладе 1990 г. комитет экспертов отметил, что право быть забытым может быть попыткой переписать историю особенно, в отношении

¹ CNIL. 20ème rapport d'activité. Paris, La Documentation Française, 1999. P. 6. URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/004001043.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

² CNIL. 30ème rapport d'activité. Paris, La Documentation Française, 2009. P. 29. URL: https://www.cnil.fr/sites/default/files/typo/document/CNIL-30erapport_2009.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

³ CDCJ. Strasbourg, 1989. P. 11.

уголовного судопроизводства и реинтеграции. В этой связи в 2003 г. Комитет министров Совета Европы принял декларацию о предоставлении информации через средства массовой информации в связи с уголовным судопроизводством⁴, подчеркнув, что необходимо найти баланс между правом на частную жизнь (ст. 8 ЕКПЧ) и свободой выражения мнений (ст. 10 ЕКПЧ).

Немаловажную роль в формировании права быть забытым в качестве европейского права сыграли национальные органы по защите данных в Испании, Германии, Франции и Италии и, несомненно, заслуживают упоминания, поскольку вдохновили многие другие государства на создание права быть забытым, сильно повлияв на политику, иногда даже на формулировки, которые использует сегодня Суд ЕС. Федеральный закон о защите данных в Германии *Bundesdatenschutzgesetz* (1977) и французский *Loi relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés* (1978) содержали положения, которые предусматривали право на удаление данных на ранней стадии задолго до появления современных цифровых вызовов:

«Статья 4: каждый субъект данных имеет право просить об удалении хранящихся в отношении него данных, если такое хранение было недопустимым»⁵.

«Статья 36: если персональные данные являются неточными, неполными, неоднозначными или устаревшими, а

⁴ Декларация КМСЕ о предоставлении информации через СМИ по уголовным делам (10 июля 2003 года). URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=51355> (дата обращения: 01.12.2021).

⁵ *Bundesdatenschutzgesetz. Gesetz zum Schutz vor Mißbrauch personenbezogener Daten bei der Datenverarbeitung*, 1977. URL: https://dejure.org/BGBI/1977/BGBI_I_S_201 (дата обращения: 01.12.2021).

также если сбор, использование, раскрытие третьим лицам или хранение запрещены, субъект данных может изменить, дополнить, уточнить, обновить или удалить данные»¹.

В конце 1970-х гг. Франция приняла свои первые законы о защите данных. Глава 5 Закона 78-17/1978 включает право физических лиц требовать удаления персональных данных, которые больше не имеют значения². Кроме того, подразумевалось «числовое забвение» – это понятие, принятое специально для банковского сектора и предоставляющее физическим лицам право удалять личную информацию из баз данных по истечении разумного периода времени [5, р. 89]. В 2004 г. в соответствии со стандартами ЕС во французский закон 78-17/1978 был внесен ряд изменений. Например, ст. 38 предусматривает право возражать против обработки персональных данных по законным причинам, а ст. 40 предоставляет процессуальное право исправлять, дополнять или удалять неполные или неточные данные³. В 2010 г. Франция дала импульс концепции *le droit à l'oubli*, разработав кодексы поведения: для рекламы, социальных сетей и поисковых систем⁴.

¹ Loi relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés, 1978. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886460/> (дата обращения: 01.12.2021).

² Loi 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886460/> (дата обращения: 01.12.2021).

³ Loi № 2004-801 du 6 août 2004 relative à la protection des personnes physiques à l'égard des traitements de données à caractère personnel et modifiant la loi n° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000441676/> (дата обращения: 01.12.2021).

⁴ BEUC (European Consumers' Organisation), A Comprehensive Approach on Personal Data Protection in the European Union: European Commission's Communication (2011). URL:

Итальянское агентство по защите данных *Garante per la Protezione dei Dati Personali* (далее – Garante) в ноябре 2004 г. рассмотрело дело о праве быть забытым (*diritto all'oblio*), в котором признал существование данного права на основании ст. 1147 закона о защите данных (*in materia di protezione dei dati personali*), отметив, что: «Методы работы Интернета позволяют, в частности, с помощью поисковых систем находить значительный объем информации, относящейся к личности людей, более или менее актуальной и различной природы. Вопрос, поднятый заявителями, имеет особый интерес и деликатность, поскольку он связан с обязанностью государственных органов информировать о своей деятельности, правах пользователей и потребителей, а также лиц, чьи данные раскрыты, в том числе о праве быть забытыми. ...распространение большого количества персональных данных, которые содержат сайты, относящиеся к различным ситуациям, в отношении одного и того же субъекта, может повлечь за собой непропорциональное нарушение прав и законных интересов, если нет необходимости возвращаться в прошлое, особенно когда персональные данные уже достигли преследуемых целей»⁵.

Таким образом, Garante признал, что принцип качества данных, включенный в ст. 11 итальянского закона о защите данных, также подразумевает право быть забытым, которое включает в себя право удалять персональные данные, когда их обработка более не актуальна. Право

https://edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/opinions/comprehensive-approach-personal-data-protection_en (дата обращения: 01.12.2021).

⁵ Reti telematiche e Internet - Motori di ricerca e provvedimenti di Autorità indipendenti: le misure necessarie a garantire il c.d. "diritto all'oblio". URL: <https://www.garanteprivacy.it/web/guest/home/docweb/-/docweb-display/docweb/1116068> (дата обращения: 01.12.2021).

быть забытым выступает в качестве инструмента для обеспечения эффективного соблюдения принципа качества данных, который требует, чтобы данные использовались только для той цели, для которой они были собраны, и были точными, полными, актуальными.

Итальянская правовая культура включила в права личности то, что называется правом на личную идентичность, право индивида «быть представленным в социальной жизни (особенно средствами массовой информации) таким образом, чтобы это соответствовало или, по крайней мере, не фальсифицировало и не искажало его личную историю» [6, р. 227]. Итальянская конституция менее четко признает право на развитие личности (ст. 3), чем другие национальные конституции, такие как конституции Германии и Испании. Тем не менее итальянские суды и органы по защите данных уделяют особое внимание времени и качеству данных для обеспечения защиты соответствующих прав граждан.

Испанское агентство по защите данных (*Agencia Española de Protección de Datos* – AEPD), в свою очередь, признал право быть забытым, основываясь на принципах защиты данных, ограничения сбора и спецификации целей. Испанское агентство по защите данных расширило право быть забытым, отметив, что гражданин, не имеющий статуса публичной личности и не являющийся субъектом новостного события публичной значимости, имеет право реагировать и исправлять незаконное хранение его персональных данных в Интернете¹. Испанское агентство по защите данных сочло, что физические лица имеют как право аннулировать персональные данные, опубликованные без согласия владельца данных, так и право возражать против обработки данных, выполняемой поисковыми системами, даже если речь идет о публичной или законной информации в офици-

¹ AEPD Decision procedure № TD/01335/2008 and TD/00627/2009.

альных правительственные журналах, если эта информация не имеет актуальной общественной значимости.

Право быть забытым в немецком понимании – это право личности, основанное на принципе информационного самоопределения, включающее в себя право самостоятельно решать, каким образом человек будет представлен третьим лицам или общественности, а также какая и в каком объеме личная информация представляется и кому. Национальная перепись населения, проведенная в 1983 г., спровоцировала дискуссию внутри германского общества, что привело к одному из самых важных ранних европейских дел о защите данных. Приостановив перепись, Конституционный суд Германии интерпретировал права в свете технологических инноваций: «В основе конституционного строя лежат ценность и достоинство индивидов, которые через свободное самоопределение функционируют как элементы свободного общества»². Это основное право гарантирует способность физического лица определять раскрытие и использование своих персональных данных. Ограничения допускаются только в праве информационного самоопределения, являющимся важнейшим достижением в расширении прав пользователей. В постановлении также упоминаются обязательства предоставлять подробную информацию и разъяснения по собранным и хранящимся данным, а также удалению данных. Данное постановление закрепило основополагающий принцип, согласно которому «любое использование персональных данных посягает на личную свободу и поэтому требует юридического обоснования» [7, р. 80].

Немецкое право на информационное самоопределение (*informationelle Selbstbestimmung*) не только инициировало дискуссии о праве быть забытым, но и спо-

² BVerfGE 65. 1983. URL: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=15.12.1983&Aktenzeichen=1%20BvR%20209%2F83> (дата обращения: 01.12.2021).

существовало развитию судебной практики по данному вопросу. Например, заявители Вольфганг Верле и Манфред Лаубер ссылались на право быть забытыми при подаче исков против сайтов, требуя, чтобы их имена больше не упоминались в связи с убийством актера Вальтера Седлмайра, за которое они были осуждены в 1993 г. Заявители успешно убедили некоторые сайты удалить их имена и подали в суд на ряд других средств массовой информации, включая немецкоязычную Википедию. Позиции нижестоящих судов разделились по вопросу о том, является ли информация, содержащаяся в онлайновых архивах, распространением информации, которая нарушила бы права заявителей. В данном деле верховный суд учел не только общественный интерес, но и интересы контролера данных, представив «тонкий подход к конфиденциальности»¹. В декабре 2009 г. Федеральный верховный суд Германии в Карлсруэ постановил, что немецким веб-сайтам не нужно проверять свои архивы, чтобы обеспечивать постоянную защиту прав личности осужденных преступников, отклонив требования заявителей. В последующем ЕСПЧ подтвердил, что Верховный суд Германии был прав, отклонив требования заявителей, и отметил, что «подход к освещению данной темы был вопросом журналистской свободы, и предоставление индивидуальной информации было важным аспектом деятельности СМИ»².

Вклад германских судов заключается в проведении различия между терминами «право быть забытым» и «право на удаление данных», предполагая, что первое

¹ BGH 1 StR 83/94 - Urteil vom 21. Juli 1994 (LG München I). URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/94/1-83-94.php> (дата обращения: 01.12.2021).

² Europe Court Rejects Online Anonymity Suit By German Murder Convicts. URL: <https://independent.ng/europe-court-rejects-online-anonymity-suit-by-german-murder-convicts/> (дата обращения: 01.12.2021).

имеет более широкое содержание, чем второе [8, р. 93]. По этой причине федеральное правительство Германии предлагает, чтобы были четко определены соответствующие требования к осуществлению права быть забытым, и было установлено, в отношении кого это право может быть применено. Более того, германские власти поддерживают идею «срока годности данных», но техническая реализация представляется «большой проблемой» [9, р. 231].

Британская прецедентная практика также одобрила сущность права быть забытым, хотя и сформулировала его в рамках собственности, а не с точки зрения прав человека, отметив, что «если информация является моей частной собственностью, то именно я должен решать, какая ее часть должна быть опубликована»³. В последующем это право было квалифицировано как право на человеческое достоинство, которое служит основой для права на уважение частной жизни [10, р. 310]. В англосаксонских правовых системах мало оснований признавать право быть забытым непосредственно в нормотворческих актах, особенно если учесть распространение принципа открытого суда, который также означает публичный и полный доступ к судебным актам и базам данных по уголовным делам. В Соединенном Королевстве Управление уполномоченного по информации⁴ (*Information Commissioner's Office*, далее – ICO) дает независимые консультации и рекомендации по вопросам защиты данных и свободы информации. В частности,

³ *McKennitt v. Ash* [2006] EWCA Civ 1714 (14 December 2006), § 55. URL: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-008-3400?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/D-008-3400?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Независимый орган Великобритании, созданный для защиты прав на информацию в общественных интересах, содействия открытости государственных органов и конфиденциальности данных для отдельных лиц. URL: <https://ico.org.uk/> (дата обращения: 01.12.2021).

что касается права быть забытым, то ICO заявило, что:

«Согласие имеет особое значение, когда мы рассматриваем право быть забытым. Важно, чтобы комиссия четко понимала, в какой степени это право может быть эффективным на практике, поскольку оно может иметь очень ограниченное применение <...> бывают ситуации, когда право быть забытым может быть реализовано на практике, например, когда человек хочет удалить свою запись из социальной сети, но эти ситуации ограничены <...> также может быть технологически трудно реализовать это право на практике в некоторых обстоятельствах, например, когда информация стала общедоступной в Интернете. Поэтому ICO приветствует предложение комиссии разъяснить право быть забытым»¹.

Решение Суда ЕС по делу *Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González* (далее – Google Spain) «открыло ворота» для международного признания права быть забытым [11, р. 28], подтвердив, что это право существовало (по крайней мере подразумевалось) в соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета Европейского союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (далее – Директива 95/46/ЕС).

В решении по делу Google Spain в 2014 г. Суд Европейского союза окончательно закрепил право быть забытым в своей практике. Истолковав Директиву 95/46/ЕС в широком смысле, Суд ЕС постановил, что отдельные лица имеют

право быть забытыми в отношении информации, которая больше не имеет к ним отношения, открыв ворота для допуска нескольких других таких обширных толкований Директивы. Данное решение бросило вызов уже существующим дискуссиям об определении надлежащего баланса между конфиденциальностью, свободой слова и свободой распространения информации в Интернете не только в ЕС, но и во всем мире. Это вызвало оживленную дискуссию о том, что такое право быть забытым на самом деле, каковы правовые последствия данного решения для ЕС и может ли оно быть реализовано в правовых системах других стран, что привело к множеству различных теорий и понятий, часто способных создать путаницу.

Петер Лехофер, профессор Венского университета экономики и бизнеса, красноречиво охарактеризовал такое толкование конфиденциальности как «сверхосновное право» (*supergrundrecht*), которое «придает особое значение защите личных данных для фундаментального права на уважение частной жизни» [12]. Как отмечает Мэри Самонте, спустя несколько лет после постановления по делу *Google Spain*, территориальная сфера действия этого права продолжает сбивать с толку лиц, стремящихся обеспечить его соблюдение, и контролеров данных, получающих запросы на право быть забытым [13].

Общий регламент по защите данных (*General Data Protection Regulation*, далее – GDPR, вступил в силу 25 мая 2018 г.), в свою очередь, в рамках ЕС впервые выделил право быть забытым в качестве отдельного права². Статья 17 GDPR представляет физическим лицам (субъектам данных) право заставить Интернет «забыть» о них что-либо. В соответствии с подходом, установленным регламентом, физическое лицо имеет право, в частности, потребовать удаления информации,

¹ Contribution of the Belgian Data Protection Authority to the European Commission's consultation on the comprehensive approach to personal data protection in the European Union, Brussels. URL: https://edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/opinions/comprehensive-approach-personal-data-protection_en (дата обращения: 01.12.2021).

² General Data Protection Regulation (EU) 2016/679. URL: <https://gdpr-info.eu/> (дата обращения: 01.12.2021).

если эта информация является персональными данными и больше не является необходимой.

Согласно мнениям зарубежных исследователей, право быть забытым в настоящее время проявляется в трех аспектах. Во-первых, существует право быть забытым «в отношении судебного прошлого» [14, р. 26], которое предполагает удаление информации о судимости по прошествии времени и направлено на защиту репутации и прав личности [15, р. 232]. Во-вторых, существует право быть забытым, установленное законодательством о защите данных, которое предоставляет право субъекту данных «видеть свою информацию либо удаленной, либо анонимной после достижения цели, для которой она была собрана» [16, р. 17].

В-третьих, существует право быть забытым в отношении данных, которые более не актуальны [17, р. 38]. С одной стороны, право быть забытым ориентировано на существование третьих лиц и их неотъемлемую обязанность «забывать» информацию о владельце данных. С другой стороны, право быть забытым ориентировано на защиту самого владельца данных от своего собственного прошлого, чтобы он мог забыть его [18, р. 364].

Право быть забытым выведено с помощью эволютивного толкования из права на уважение частной жизни, хотя и применяется к информации, которая в какой-то степени является публичной [19, р. 199]. Право быть забытым прямо не признается ни в международных договорах по правам человека, ни в национальных конституциях. Область применения данного права остается в значительной степени неопределенной: она варьируется от более ограниченного права, защищаемого существующими законами о защите данных, до более широких понятий, охватывающих права на уважение частной жизни и свободы выражения мнения [20, р. 129].

Выводы

Отвечая на вопрос: является ли право быть забытым совершенно новым «про-

дуктом» Суда Европейского союза, очевидно, что в Европе право быть забытым признано давно – по крайней мере, некоторые признаки права быть забытым прослеживаются в концепции права на информационное самоопределение и позициях органов по защите данных Франции, Италии и Испании. Французский орган CNIL первым признал право быть забытым в соответствии с принципами защиты данных, итальянский Garante признал право быть забытым, включая право на удаление персональных данных, которые больше не актуальны. Испанский АЕРД расширил право быть забытым, включив в него право удалять и исправлять персональные данные в Интернете. Вклад подавляющего большинства европейских агентств по защите данных показывает, что они выступают за признание и разъяснение права быть забытым.

Право быть забытым было введено в ЕС с большой страстью и энтузиазмом как новый рассвет в защите права на уважение частной жизни в Интернете. Однако, несмотря на эволютивное толкование Судом ЕС и ЕСПЧ права на уважение частной жизни, из которого было выведено право быть забытым, тем не менее оно не стало международно-признанным правом человека, а стало лишь признанным правом в Европейском союзе и ряде отдельных государств. Однако учитывая тенденцию, что все больше государств в своих законодательствах и практиках признают право быть забытым, оно имеет все шансы стать в будущем международно признанным правом человека. Во многих случаях предметом разногласий среди государств является вопрос о том, как сохранить общепринятый подход к правам человека, основанный на существовании универсальности, правильно сбалансировать конкурирующие права и в то же время адаптировать права человека к меняющимся международным обстоятельствам. От решения данного сложного вопроса и будет во многом зависеть то, сможет ли право быть забытым стать международным универсальным правом.

Список литературы

1. Szeghalmi V. Difficulties regarding the right to be forgotten in the case law of the Strasbourg Court // Athens Journal of Law. 2018. Vol. 4, is. 3. P. 255–270.
2. Prins J. Digitale referenties // Netherlands juristenblad. 2014. Vol. 89(39). P. 273.
3. Mutua M.W. Human Rights Standards: hegemony, law, and politics. New York: State University of New York Press, 2016. 256 p.
4. Torop H. Õigus olla unustatud - kas rahvusvaheliselt tunnustatud inimõigus? Avaliku õiguse osakond. Tartu: Magistritöö, 2018. 98 p.
5. Viola De Azevedo M. C. Market Integration Through Data Protection: An Analysis of the insurance and financial industries in the EU. Springer, 2013. 239 p.
6. Pino G. The right to personal identity in italian private law: constitutional interpretation and judge-made rights // Harmonization of Private Law in Europe / ed. by M. Van Hoecke and F. Ost. Oxford: Hart Publishing, 2000. P. 225–237.
7. Global privacy protection: the first generation / ed. by J. B. Rule and G. Greenleaf [et al.]. Northampton, MA: Edward Elgar, 2008. 328 p.
8. Larson G. R. Forgetting the first amendment: how obscurity based privacy and a right to be forgotten are incompatible with free speech // Communication Law and Policy. 2013. Vol. 18 (1). P. 91–120.
9. Guillemin G. The right to be forgotten: whose amnesia? // J. Essays in Honour of Dean Spielmann / J. Casadevall [et al.]. Oisterwijk: Wolf Legal Publishers, 2015. P. 229–235.
10. Floridi L. On human dignity as a foundation for the right to privacy // Philosophy & Technology. 2016. Vol. 29(4). P. 307–312.
11. Levesque J. The right to be forgotten: no solution to the challenges of the digital environment // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of laws. Vancouver: The University of British Columbia 2016. 168 p.
12. Lehofer P. EuGH: Google muss doch vergessen - das Supergrundrecht auf Datenschutz und die Bowdlerisierung des Internets. URL: <https://blog.lehofer.at/2014/05/eugh-google-muss-doch-vergessen-das.html> (дата обращения: 01.12.2021).
13. Samonte M. Google v. CNIL Case C-507/17: The Territorial Scope of the Right to be Forgotten Under EU Law. URL: https://europeanlawblog.eu/2019/10/29/google-v-cnil-case-c-507-17-the-territorial-scope-of-the-right-to-be-forgotten-under-eu-law/#_ftn1 (дата обращения: 01.12.2021).
14. Terwagne de C. The right to be forgotten and the informational autonomy in the digital environment // The ethics of memory in a digital age. Publications Office of the EU, 2013. P. 3–32.
15. Mantelero A. The eu proposal for a general data protection regulation and the roots of the ‘right to be forgotten’ // Computer Law & Security Review. 2013. Vol. 29, is. 3. P. 229–235.
16. Ambrose M. L., Ausloos J. The right to be forgotten across the pond // Journal of Information Policy. 2013. Vol. 3. P. 1–23.
17. Jones M. L. Ctrl + Z: The Right to be Forgotten. New York: University Press, 2016. 256 p.
18. Rustad M., Kulevska S. Reconceptualizing the right to be forgotten to enable transatlantic data flow // Harvard Journal of Law and Technology. 2015. Vol. 28. P. 349–373.

19. Pagallo U., Durante M. Human rights and the right to be forgotten // *Human Rights, Digital Society and the Law*. New York: Routledge, 2019. P. 197–208.
20. Freeman M. New priorities in human rights research // *Nordisk Tidsskrift for Menneskerettigheter*. 2005. Vol. 23 (2). P. 129–143.

Reference

1. Szeghalmi V. Difficulties regarding the right to be forgotten in the case law of the Strasbourg Court. *Athens Journal of Law*, 2018, vol. 4, is. 3, pp. 255–270.
2. Prins J. Digitale referenties. *Netherlands juristenblad*, 2014, vol. 89(39). P. 273.
3. Mutua M.W. *Human Rights Standards: hegemony, law, and politics*. New York, State University of New York Press, 2016. 256 p.
4. Torop H. Õigus olla unustatud - kas rahvusvaheliselt tunnustatud inimõigus? Avaliku õiguse osakond. Tartu, Magiströtöö, 2018. 98 p.
5. Viola De Azevedo M. C. *Market Integration Through Data Protection: An Analysis of the insurance and financial industries in the EU*. Springer, 2013. 239 p.
6. Pino G. The right to personal identity in italian private law: constitutional interpretation and judge-made rights. *Harmonization of Private Law in Europe*; ed. by M. Van Hoecke and F. Ost. Oxford, Hart Publishing, 2000. P. 225–237.
7. Global privacy protection: the first generation; ed. by J. B. Rule and G. Greenleaf, eds. Northampton, MA, Edward Elgar, 2008. 328 p.
8. Larson G. R. Forgetting the first amendment: how obscurity based privacy and a right to be forgotten are incompatible with free speech. *Communication Law and Policy*, 2013, vol. 18 (1), pp. 91–120.
9. Guillemin G. The right to be forgotten: whose amnesia? Essays in Honour of Dean Spielmann; ed. by J. Casadeval, eds. Oisterwijk: Wolf Legal Publishers, 2015, pp. 229–235.
10. Floridi L. On human dignity as a foundation for the right to privacy. *Philosophy & Technology*, 2016, vol. 29(4), pp. 307–312.
11. Levesque J. The right to be forgotten: no solution to the challenges of the digital environment. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of laws. Vancouver, The University of British Columbia, 2016. 168 p.
12. Lehofer P. EuGH: Google muss doch vergessen - das Supergrundrecht auf Datenschutz und die Bowdlerisierung des Internets. Available at: <https://blog.lehofer.at/2014/05/eugh-google-muss-doch-vergessen-das.html>. (accessed 01.12.2021)
13. Samonte M. Google v. CNIL Case C-507/17: The Territorial Scope of the Right to be Forgotten Under EU Law. Available at: https://europeanlawblog.eu/2019/10/29/google-v-cnil-case-c-507-17-the-territorial-scope-of-the-right-to-be-forgotten-under-eu-law/#_ftn1. (accessed 01.12.2021)
14. Terwagne de C. The right to be forgotten and the informational autonomy in the digital environment. The ethics of memory in a digital age. Publications Office of the EU, 2013, pp. 3–32.
15. Mantelero A. The eu proposal for a general data protection regulation and the roots of the ‘right to be forgotten’. *Computer Law & Security Review*, 2013, vol. 29, is. 3, pp. 229–235.
16. Ambrose M. L., Ausloos J. The right to be forgotten across the pond. *Journal of Information Policy*, 2013, vol. 3, pp. 1–23.

17. Jones M. L. Ctrl + Z: The Right to be Forgotten. New York, University Press, 2016. 256 p.
18. Rustad M., Kulevska S. Reconceptualizing the right to be forgotten to enable transatlantic data flow. *Harvard Journal of Law and Technology*, 2015, vol. 28, pp. 349–373.
19. Pagallo U., Durante M. Human rights and the right to be forgotten. Human Rights, Digital Society and the Law. New York Routledge, 2019, pp. 197–208.
20. Freeman M. New priorities in human rights research. *Nordisk Tidsskrift for Menneskerettigheter*, 2005, vol. 23 (2), pp. 129–143.

Информация об авторе / Information about the Author

Оганесян Тигран Давидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: t.oganesian@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8239-694X

Tigran D. Oganesian, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: t.oganesian@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8239-694X

Оригинальная статья / Original article<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-32-40>**Понятие обычного права, правового обычая и правовой традиции в отечественной правовой доктрине****А. А. Ашурбекова¹**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

 e-mail: albina-ashurbekova@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Учитывая многонациональный состав Российской Федерации, в ряде регионов которой огромную роль в регулировании социальных отношений играют этнические правовые обычаи и традиции, важнейшей задачей выступает их определение и формальная легитимация. Обычное право и правовая традиция выступают выражением национальной соционормативной системы, единство которой определяет правосознание и правовую культуру определенного этноса. В связи с этим доктринальное определение и соотношение понятий «обычное право», «правовой обычай», «правовая традиция» представляют собой актуальную теоретическую задачу.

Цель исследования состоит в анализе историографии по проблеме определения обычного права, правового обычая и правовой традиции.

Задачи исследования включают: выявление и анализ различных теорий обычного права, определение этнического правового обычая и этнической правовой традиции.

Методология исследования включает широкий спектр научных методов: теоретические, эмпирические, общелогические, обработки и интерпретации научных данных.

Результаты. Для традиционных обществ единство соционормативной сферы (религии, морали и права). Правовая традиция выступает выражением национальной соционормативной системы, единство которой определяет правосознание и правовую культуру определенного этноса.

Вывод. Под этническим правовым обычаем следует понимать социальную норму, обязательная для которой базируется на общественном представлении о нормальном и ненормальном.

Ключевые слова: правовой обычай; этнический правовой обычай; правовая традиция; обычное право; доктрина; теория.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ашурбекова А. А. Понятие обычного права, правового обычая и правовой традиции в отечественной правовой доктрине // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 32–40. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-32-40>.

Поступила в редакцию 20.12.2021

Принята к публикации 21.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Ашурбекова А. А., 2022

The Concept of Customary Law, Legal Custom and Legal Tradition in the Domestic Legal Doctrine

Albina A. Ashurbekova¹✉

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: albina-ashurbekova@yandex.ru

Abstract

Relevance. Given the multinational composition of the Russian Federation, in some regions of which ethnic legal customs and traditions play a huge role in regulating social relations, the most important task is their definition and formal legitimization. Customary law and legal tradition are the expression of a national socionormative system, the unity of which determines the legal consciousness and legal culture of a certain ethnic group. In this regard, the doctrinal definition and correlation of the concepts of "customary law", "legal custom", "legal tradition" is an urgent theoretical task.

The purpose of the research is to analyze historiography on the problem of defining customary law, legal custom and legal tradition.

The objectives of the research include: identification and analysis of various theories of customary law, definition of ethnic legal custom and ethnic legal tradition..

Methodology. The research methodology includes a wide range of scientific methods (theoretical, empirical, general logical, processing and interpretation of scientific data).

Results. Traditional societies are characterized by the unity of the socionormative sphere (religion, morality and law). The legal tradition is an expression of the national socionormative system, the unity of which determines the legal consciousness and legal culture of a certain ethnic group.

Conclusion. Ethnic legal custom should be understood as a social norm, the binding force of which is based on the public perception of the normal and abnormal.

Keywords: legal custom; ethnic legal custom; legal tradition; customary law; doctrine; theory.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ashurbekova A. A. The Concept of Customary Law, Legal Custom and Legal Tradition in the Domestic Legal Doctrine. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 32–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-32-40>.

Received 20.12.2021

Accepted 21.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

История формирования права любого народа всегда представляет живой интерес для исследователей большого количества научных направлений, и естественно, что обычному праву уделялось много внимания, благодаря чему начиная с XIX в. сформировано богатое наследие по изучению обычаев различных народов России. Обычное право изучали не только юристы, но также этнографы, истори-

ки, социологи, политологи и др. Происхождение правовых обычаев, их содержание и значение для развития отдельных народов становилось предметом множества исследований [1; 2; 3], между тем обычное право и теперь нельзя считать до конца изученным и понятным.

Методология

Спектр используемых в работе методов включает: во-первых, всеобщий ме-

тод диалектики; во-вторых, общеначальные методы: эмпирические (сравнения), теоретические (формализации, восхождения от абстрактного к конкретному), а также общелогические (анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация); в-третьих, специально-юридические методы (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой). Учитывая историографический и историко-правовой характер работы, объектом которой выступают неформализованные нормы, в работе использовался метод обработки и интерпретации научных данных, в частности этнографического материала и его доктринального толкования.

Результаты и их обсуждение

На заре становления российской государственности обычное право занимало ведущую роль в правовом регулировании. Основой обычного права были «правда», «норов», «обычай», «преданье», «пошлина» («общепринято изданна», то, что «пошло»), «покон», «закон» [4, с. 87–88]. Все указанные термины имели тождественное значение. По мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, первоисточником обычая и, соответственно, права выступала природа человека, таким образом, первая ступень права есть чувство (инстинкт) – месть, забота о детях и родителях и т. д., вторая ступень права – сознание и проявление воли, все вместе, возведенное в привычку, рождает право. Обычное право проявляется символами, ритуалами, традициями, формулами. Вывел ученый и основные свойства обычного права, установив его: двойную обязательность – внешнюю (обеспечение религиозной основой) и внутреннюю (совесть и сознание права), принадлежность конкретному народу (племени) – «русская правда», «салическая правда» и т. д., традиционность и консервативность («что старее, то правее»), а при отсутствии письменной формы – различность в зависимости от территории применения, что привело к пе-

реходу от обычного права к закону [4, с. 90].

Сторонники исторической школы разработали несколько теорий обычного права, которые так или иначе отразились в отечественной доктрине XIX – начала XX в., в частности, теорию соизволения, теорию правового убеждения, теорию эволюции обычая.

Теория соизволения раскрывает источник обязательности обычного права в выраженном или молчаливом санкционировании со стороны государства. Противники данного подхода отмечают, что обычное право может существовать при полном отсутствии закона и власти, соответственно, в качестве обязательного признака санкционирование рассматривать нельзя. Теория правового убеждения в качестве основы обычного права рассматривает народное правовое убеждение, складывающееся из народного духа и всеобщего согласия с правовой природой обычая. Отрицающие эту теорию утверждают, что лица, применяющие норму обычного права, не могут иметь иного мнения, что данный обычай есть норма права, иначе об обязательности ее не может быть и речи.

Теория эволюции (противопоставление второй) – теории, отрицающие народное правовое убеждение, которые заключаются в практической составляющей обычного права. Сторонники данного направления отмечают, что обычное право возникло из простых неправовых обычаем, а народное убеждение как вторичный фактор позволил простым обычаям перерости в обычай юридические [5, с. 235–244]. Данные теории также имели как сторонников, так и ярых противников, в связи с чем нельзя сказать, что в рамках изучения обычного права сформировалась единая общепризнанная концепция, что не наблюдается и в сегодняшней правовой доктрине.

Г. Ф. Пухта – один из знаковых представителей исторической школы и автор труда «Обычное право» утверждал,

что обычай как народное сознание права не создают новых норм или понятий, они лишь подтверждают силу некоторых правил поведения, которые стали обязательными для членов общества, потому что стали выражением воли народа как единого целого. Исходя из такой постановки вопроса, обычай есть самостоятельная форма права, не нуждающаяся в признании законодателя, однако это распространяется исключительно на обычай целого народа. Противники Г. Ф. Пухты отмечали, что общенародные обычай встречаются редко, в основном суды имеют дело с местными обычаями, таким образом, концепция, предложенная в развитие идей Ф. К. Савиньи, не нашла должной поддержки в научной среде [6, с. 234]. Стоит отметить, что концепции Ф. К. фон Савиньи и Г. Ф. Пухты оказали значительное влияние на формирование теории обычного права в российской правовой доктрине. Ни один труд по теории права в части раскрытия источников права не обходился без критики или включения положений исторической школы права, идеи ее представителей прочно вошли в отечественную правовую доктрину и в дальнейшем процессу формирования и применения норм обычного права уделялось достаточно много внимания.

Несмотря на критику, теория правового убеждения стала наиболее часто упоминаемой в трудах как отечественных ученых (М. Н. Капустин, Ф. И. Леонтьев, Н. М. Коркунов, А. А. Леонтьев и др.), так и зарубежных мыслителей (Бехтер, Гирке, Хельдер и др.).

М. Н. Капустин раскрывал три формы положительного права, где наравне с законом и правом юристов было названо и обычное право, где в качестве его основы указана фактическая сторона жизни. Ученый не ставил закон выше обычного права или практики, отмечая их взаимодействие. Такая позиция была продиктована мнением К. Ф. фон Савиньи – основателя исторической школы права, который утверждал, что изначально все право

исключительно народное (обычное), которое нельзя отождествлять с религией [7, с. 116]. М. Н. Капустин обосновал обычай как внешнее выражение нравов, в то время как Г. Ф. Пухта разделял обычай и нравы, где первый – это привычка отдельных лиц, а вторые – привычка общества, таким образом, обычное право можно именовать «правом нравов» [7, с. 124]. С позиции М. Н. Капустина, правовой (юридический) обычай, как приложение обычного права, утверждается через привычку и подражание, что не поддерживалось немецкими исследователями Г. Ф. Пухтой, Ф. К. Савиньи и др. [7, с. 127]. При этом отмечалось, что обычай могут быть и безнравственными, в том числе самосожжение вдов, умычка невесты и др., что является лишь историческим выражением права, однако противно его природе. Между тем, по мнению ученого, именно семейное и наследственное право образуют нравы и обычай, что было характерно и для Российской империи.

В. М. Хвостов, в свою очередь, под обычаем понимал «юридическую норму, наделенную обязательной силой, вследствие долговременного применения на практике и привычке к ней народа» [8, с. 85]. При этом ученый требовал различия юридического и бытового обычая, где первый получает защиту от государства в силу юридизации обычая путем применения его судом.

Е. Н. Трубецкой в качестве источников права также наравне с законом и прецедентом называл обычай, который раскрывал как постоянно применяемые одинаковые правила к однородным случаям жизни, причем категории «юридический обычай» и «обычное право» ученый рассматривал как тождественные [9, с. 92–93]. Более того, обычай раскрывался ученым как множественный прецедент, который обладает признаками правовых норм [9, с. 97–99]. Он отмечал, что несмотря на древность обычного права до появления исторической школы права

обычное право как самостоятельную форму права не рассматривали.

В. Ф. Залесский, давая характеристику источникам права (обычное право и закон), приводил мнение Штурма, раскрывающего обычное право как нормы, которые хочет большинство, где источником следует считать нравственную потребность общения и народное убеждение в том, что норма-обычай есть норма права [5, с. 183]. В. Ф. Залесский пошел дальше своих коллег и рассматривал право юристов (precedents) в качестве судебного обычая, объединяющего все признаки обычного права, начиная с факта их применения [5, с. 232–233], таким образом увязывая между собой волю народа и волю государства в лице судебных органов. Однако по замечанию М. И. Зарудного, общие законы, в том числе по наследству, применялись судами изредка, да и в случае применения довольно произвольно [10, с. 119].

Отмечая значимость обычного права, Г. В. Мальцев определил его как «фундаментальное явление, проходящее через всю правовую историю» [11, с. 51], отвергая идею о его переходной природе. Анализируя мнения большинства ведущих специалистов в области теории права, В. В. Наумкина указывает, что обычай признавались и широко использовались в Российской империи, а для современного права они представляют значимый интерес с целью «выявления исторических корней развития правовой системы государства» [12, с. 3–4]. Однако уже в XIX в. роль обычаев, особенно в семейно-брачных отношениях, постепенно снижалась, что было вызвано кодификацией обычаев народов Российской империи. При этом существенно то, что нормы обычного права в большинстве своем имели своей целью достижение общественного компромисса, в данной связи опыт этого социального регулятора для позитивного права бесценен.

Отдельного внимания заслуживает раскрытие понятия «правовая традиция»

и выяснение роли правовой традиции в формировании обычного права и законодательства. Стоит отметить, что категории «правовая традиция» и «традиция права» не тождественны. Как установил Р. С. Сулипов, «правовая традиция – это совокупность устойчивых воспроизведящихся результатов правового развития прошлых исторических эпох в пределах отдельно взятой правовой системы, которая обеспечивает трансляцию и преемственность правового опыта, выраженная в передаче правовой культурой из одного времени в другое элементов правовой системы» [13, с. 11]. В свою очередь, «традиция права – это исторически сложившийся обусловленный сходными базовыми правовыми ценностями порядок и функционирования и взаимодействия субъектов права на протяжении всего периода развития правовых систем» [13, с. 11]. Таким образом, традиция права раскрывается через отдельные правовые традиции, которые, в свою очередь, обеспечивают преемственность в праве и служат в качестве духовного ориентира, выражают правовые ценности при формировании норм национального права, влияют на правосознание и правовую культуру. Однако, как отмечают историки, в частности ведущий специалист по данному вопросу В. О. Бобровников, не все местные правовые традиции могут быть позитивны, иногда они могут стать источником острых конфликтов, поэтому подходить к легализации традиционного (обычного) права стоит очень аккуратно [14, с. 67].

Как справедливо указывает А. В. Дашин, в настоящее время под влиянием позитивистского подхода к пониманию категории «источник права» обычное право и правовой обычай рассматриваются исключительно как второстепенные источники права, свойственные обществам с низким уровнем развития [15, с. 91–96]. Однако, как показывают многочисленные исследования о значении правовых обычаев в правовом регулирова-

ний отношений различных государств на разных стадиях исторического развития (И. Л. Бабич, А. А. Борисова, И. М. Зельцера, Л. Е. Лаптева, Ф. И. Леоновича, Б. В. Миллера, Д. Ю. Шапсугова и др.), правовой обычай должен занимать особое место в системе источников права и сегодня. Существенное отличие в понимании правового обычая и обычного права в современном праве и доктрине XIX в. отмечает и Л. Г. Свечникова, раскрывающая правовой обычай как «частную норму общественного происхождения, принудительная сила которой коренилась как в общественном сознании, так и в санкции за его неисполнение» [16, с. 11], а обычное право как «совокупность правовых обычаев, представляющих собой систему, действующую на стадии перехода к государству, закрепляющую сложившиеся общественные отношения» [16, с. 11].

Н. М. Михайленко отмечает, что обычное право не имеет четкого определения, между тем оно глубоко взаимодействует с моралью как социальным регулятором, поскольку неписаный адат в практике народов Северного Кавказа выступает не только в качестве источника права, но и является нравственным ориентиром, феноменом обособленной культуры. Правовой обычай базируется на моральных требованиях, представляет собой своеобразную форму права, включающую и правовое, и религиозное начало. К XIX в. особая система права Северного Кавказа представляла собой симбиоз шариата (исламских правовых традиций), обычного права (адата – языческих традиций) и российского законодательства с их четким разграничением по сфере применения [17, с. 10]. В структуру обычного права включают обычай, религиозные нормы, традиции и обыкновения. При этом под традицией рекомендует понимать общее правило, находящееся в сфере общественного сознания, соблюданное рядом лиц, а под обычаем, разумеется, менее широкое понятие, которое отражает лишь специфику семейно-

бытового уклада, свойственного конкретному народу. В частности, обычному праву народов Дагестана свойственен «местный партикуляризм, юридическая устойчивость и преемственность... отсутствие в обычном праве норм, связанных с требованиями нравственности, фольклора... наличие множества архаичных правил и институтов...» [18, с. 10–13]. Обычаи Дагестана формировались на основе моральных устоев и ценностей народа: взаимопомощь, справедливость, приоритет общих интересов, которые исходили от общины, совета старейшин, судов.

Важной проблемой в продолжение первого замечания является также смешение понятий. Говоря сейчас об обычном праве, его воспринимают как обычай, сложившиеся в деловой практике, а также иные обыкновения. Для уточнения категорий И. Б. Ломакина использует термин «этническое обычное право», чтобы иметь возможность отделить обычное право от «государственно организованного права». Автор определяет этническое обычное право как «определенную систему общественных отношений, в которых обнаруживают себя права и обязанности субъектов этих отношений; сложное интерсубъективное, нормативное, социально значимое и общественно полезное явление... представленное специфическими формализованными структурами (правовыми обычаями), содержащими соответствующие (обычно-правовые) нормы, имеющие прямые и обратные связи с социальной (традиционной) системой» [19, с. 12]. Исходя из данного определения, правовой обычай, по мнению ученого, соответствует фактически нормам права, исключение составляет лишь источник: в первом случае воля исходит от самого общества, во втором – от государства. Роль ритуальной традиции состояла в фиксировании должного поведения. Основными интерпретаторами правовых обычаев выступали жрецы, старейшины и др.

Религиозная основа была и остается основополагающей в эволюции этнического обычного права. Н. И. Кочетыгова предлагает выделять в качестве источника права этнический правовой обычай, понимая под ним регулятор общественных отношений независимо от признания его государством. В свою очередь, под этническим обычным правом ученый предлагает рассматривать «практикуемые нормы, обеспечивающие регулирование отношений внутри определенной социально-культурной группы, являющейся частью национальной культуры, национального самосознания и основанные на правовых обычаях, сложившихся внутри этой группы, наличие которых и подтверждается реальным осуществлением и не зависит от отношения к ним государства», а в качестве обычного (традиционного) права раскрывает совокупность правовых обычаем как «самостоятельную правовую систему, являющуюся неотъ-

емлемой частью культуры определенной этнической общности» [20, с. 198–199].

Выводы

Учитывая многонациональный состав Российской Федерации, в ряде регионов которой огромную роль в регулировании социальных отношений играют этнические правовые обычай и традиции, важнейшей задачей выступает их определение и формальная легитимация. Полагаем, что под этническим правовым обычаем следует понимать социальную норму, обязательная сила которой базируется на общественном представлении о нормальном и ненормальном. Для традиционных обществ характерно единство соционормативной сферы (религии, морали и права). Правовая традиция выступает выражением национальной соционормативной системы, единство которой определяет правосознание и правовую культуру определенного этноса.

Список литературы

1. Агакеримова Ч. А. Взаимодействие в Дагестане адата, шариата и законов Российской империи: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 41 с.
2. Голунский С. А. Обычай и право // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 46–55.
3. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним / Дагест. гос. ун-т. Махачкала, 2009. 206 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 5-е. С.-Петербург; Киев: Н. Я. Оглоблин, 1907. 694 с.
5. Залесский В. Ф. Власть и право. Философия объективного права. Казань: Тип. Б. Л. Домбровского, 1897. 298 с.
6. Немецкая историческая школа права. 2-е изд. М.: Челябинск: Социум, 2020. 529 с.
7. Капустин М. Н. Теория права (юридическая доктрина). Т. I. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1868. 352 с.
8. Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Тип. Вильде, 1914. 165 с.
9. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М.: Тип. «Русский Труд», 1907. 224 с.
10. Зарудный М. И. Законы и жизнь. СПб.: Тип. Второго Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1874. 224 с.
11. Мальцев Г. В. Очерки теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д: СКАГС, 1999. С. 7–94.

12. Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 343 с.
13. Сулипов Р. П. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 211 с.
14. Бобровников В. О. Мусульманские традиции, право и общество на российском Кавказе // Вестник Российской нации. 2014. № 4. С. 66–79.
15. Дашин А. В. Теоретико-правовая наука постсоветской России об обычном праве как явления правовой действительности // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. С. 91–96.
16. Свечникова Л. Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 356 с.
17. Михайленко Н. М. Правовой обычай в системе источников права: опыт комплексного исследования (на примере правовой традиции народов Северного Кавказа): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 213 с.
18. Сагитов А. М. Обычай и традиции в правовой системе Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10–13.
19. Ломакина И. Б. Этическое обычное право: теоретико-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 192 с.
20. Кочетыгова Н. И. Правовой обычай как источник права России: на примере этнического правового обычая: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 214 с.

Reference

1. Agakerimova Ch. A. Vzaimodejstvie v Dagestane adata, shariata i zakonov Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoj aspect. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Das Zusammenwirken von Adat, Scharia und Gesetzen des Russischen Reiches in Dagestan: ein historischer und rechtlicher Aspekt. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2008. 41 p.
2. Golunskij S. A. Obychaj i pravo [Custom and law]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo = *The Soviet State and law*, 1989, no. 3, pp. 46–55.
3. Komarov A. V. Adaty i sudoproizvodstvo po nim [Adats and legal proceedings on them]. Mahachkala, Dagestan St. Univ. Publ., 2009. 206 p.
4. Vladimirskej-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Overview of the history of Russian law]. Ed. 5th St.-Petersburg, Kiev, N. Ya. Oglolbin Publ., 1907. 694 p.
5. Zaleskij V. F. Vlast' i pravo. Filosofiya ob"ektivnogo prava [Power and law. Philosophy of objective law]. Kazan', Tip. B. L. Dombrovskogo, 1897. 298 p.
6. Nemeckaya istoricheskaya shkola prava [German Historical School of Law]. 2th ed. Moscow, Chelyabinsk, Socium Publ., 2020. 529 p.
7. Kapustin M. N. Teoriya prava (yuridicheskaya dogmatika) [Theory of law (legal dogmatics)]. Moscow, Univ. tip. (Katkov i K), 1868, Vol. 1. 352 p.
8. Hvostov V. M. Obshchaya teoriya prava. Elementarnyj ocherk [General theory of law. Elementary essay]. Moscow, Tip. Vil'de, 1914. 165 p.
9. Trubeckoj E. N. Enciklopediya prava [Encyclopedia of Law]. Moscow, Tip. "Russkij Trud", 1907. 224 p.
10. Zarudnyj M. I. Zakony i zhizn' [Laws and life]. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstv. E. I. V. kanceliarii, 1874. 224 p.
11. Mal'cev G. V. Ocherki teorii obychaya i obychnogo prava [Essays on the theory of custom and customary law]. Obychnoe pravo v Rossii: problemy teorii, istorii i praktiki [Customary

law in Russia: problems of theory, history and practice]. Rostov-on-Don, SKAGS Publ., 1999, pp. 7–94.

12. Naumkina V. V. *Obychnoe pravo kochevyh narodov Vostochnoj Sibiri v pravovoij sisteme Rossijskogo gosudarstva XIX – nachala XX v.* Diss. dokt. yurid. nauk [The customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia in the legal system of the Russian state of the XIX - early XX centuries. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2010. 343 p.

13. Sulipov R. P. *Pravovye tradicii Rossii: teoretiko-pravovoij aspect.* Diss. kand. yurid. nauk [Legal traditions of Russia: theoretical and legal aspect. Cand. legal sci. diss.]. Chelyabinsk, 2013. 211 p.

14. Bobrovnikov V. O. *Musul'manskie tradicii, pravo i obshchestvo na rossijskom Kavkaze* [Muslim traditions, law and society in the Russian Caucasus]. *Vestnik Rossijskoj nacii = Bulletin of the Russian Nation*, 2014, no. 4, pp. 66–79.

15. Dashin A. V. *Teoretiko-pravovaya nauka postsovetskoy Rossii ob obychnom prave kak yavleniya pravovoij dejstvitel'nosti* [Theoretical and legal science of post-Soviet Russia on customary law as a phenomenon of legal reality]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2008, no. 1, pp. 91–96.

16. Svechnikova L. G. *Obychaj v prave narodov Severnogo Kavkaza v XIX v.* Diss. dokt. yurid. nauk [Custom in the law of the peoples of the North Caucasus in the XIX century. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2004. 356 p.

17. Mihajlenko N. M. *Pravovoij obychaj v sisteme istochnikov prava: opyt kompleksnogo issledovaniya (na primere pravovoij tradicii narodov Severnogo Kavkaza)*. Diss. kand. yurid. nauk [Legal custom in the system of sources of law: the experience of a comprehensive study (on the example of the legal tradition of the peoples of the North Caucasus). Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2009. 213 p.

18. Sagitov A. M. *Obychaj i tradicii v pravovoij sisteme Respubliki Dagestan*. Diss. kand. yurid. nauk [Customs and traditions in the legal system of the Republic of Dagestan. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2007, pp. 10–13.

19. Lomakina I. B. *Eticheskoe obychnoe pravo: teoretiko-pravovoij aspect.* Diss. dokt. yurid. nauk [Ethnic customary law: theoretical and legal aspect. Dr. legal. sci. diss.]. St. Petersburg, 2005. 192 p.

20. Kochetygova N. I. *Pravovoij obychaj kak istochnik prava Rossii: na primere etnicheskogo pravovogo obychaya*. Diss. kand. yurid. nauk [Legal Custom as a Source of Russian Law: on the example of an ethnic legal custom. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2007. 214 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Ашурбекова Альбина Ашурбековна,
кандидат кафедры теории и истории
государства и права, Белгородский
национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: albina-ashurbekova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2013-4933

Albina A. Ashurbekova, Applicant at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: albina-ashurbekova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-2013-4933

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-41-50>

Концепция правового государства в либеральных государственно-правовых учениях России второй половины XIX – начала XX века

С. А. Комаров¹

¹ Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди 32, г. Уфа 450076, Российская Федерация

✉ e-mail: svkomarov2008@ya.ru

Резюме

Актуальность. Стремительное развитие государства и права, вызванное активными глобализационными процессами, информатизацией, цифровизацией и роботизацией большинства областей общественной жизни, проблемы и вызовы, принесенные пандемией коронавируса, обуславливают необходимость переосмыслиния взаимоотношений личности, общества и государства, границ вмешательства государства в сферы жизнедеятельности общества. Указанные проблемы наиболее рельефно отражаются в либеральной идеологии и соответствующем политico-правовом течении, которое требует новых подходов к рассмотрению и оценке (в ретроспективном измерении) с учетом изменившихся обстоятельств.

Целью исследования является изучение отечественных государственно-правовых учений России второй половины XIX – начала XX века, программные положения которых были направлены на разработку либеральной идеи и либеральных принципов государственного строительства (правового государства).

Задачи: выявить основные особенности либеральных учений П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и Б. Н. Чичерина с учетом их приверженности принципам немецкой классической философии; определить специфику отечественных либеральных государственно-правовых учений XIX – начала XX века сквозь призму взаимоотношений личности, общества и государства.

Методология исследования основывается на применении комплекса всеобщих (диалектический подход), общенакальных (анализ, синтез, дедукция, индукция, системный подход, исторический подход) и частноакальных (статистический, юридико-герменевтический, контент-анализ) методов, позволивших объективно оценить либеральные государственно-правовые учения России рассматриваемого периода и их основные элементы.

Результаты. Рассмотрены либеральные государственно-правовые учения в дореволюционном юридическом дискурсе и процесс их концептуального становления, что стало следствием утвердившейся в западноевропейском правоведении либеральной теории.

Выводы. Российские либеральные государственно-правовые учения обрели очевидную национальную специфику, что способствовало прогрессивному развитию отечественной либеральной политico-правовой мысли; ключевые положения либерального государственно-правового учения выработались на рубеже XIX – XX столетий и в первую очередь были связаны с требованием реализации идеи о правовом государстве.

Ключевые слова: политico-правовое учение; либерализм; неокантианство; гегельянство; правовое государство; автономия личности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Комаров С. А. Концепция правового государства в либеральных государственно-правовых учениях России второй половины XIX – начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 41–50. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-41-50>.

Поступила в редакцию 17.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.02.2022

The Concept of the Legal State in the Liberal State and Legal Doctrines of Russia in the Second Half of the XIX - Early XX Centuries

Sergey A. Komarov¹

¹ Bashkir State University
32 Zaki Validi str., Ufa 450076, Russian Federation

 e-mail: svkomarov2008@ya.ru

Abstract

Relevance. The rapid development of the state and law, caused by active globalization processes, informatization, digitalization and robotization of most areas of public life, the problems and challenges introduced by the coronavirus pandemic necessitate a rethinking of the relationship between the individual, society and the state, the boundaries of state intervention in the spheres of society's life. These problems are most prominently reflected in the liberal ideology and the corresponding political and legal trend, which requires new approaches to consideration and assessment (in a retrospective dimension), taking into account the changed circumstances.

The purpose of the study is to study the domestic state-legal doctrines of Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries, the program provisions of which were aimed at developing the liberal idea and liberal principles of state building (rule of law).

Objectives: to identify the main features of the liberal teachings of P.I. Novgorodtseva, B.A. Kistyakovskiy and B.N. Chicherin, taking into account their commitment to the principles of German classical philosophy; to determine the specifics of domestic liberal state-legal doctrines of the second half of the 19th - early 20th centuries. through the prism of the relationship between the individual, society and the state.

The research methodology is based on the application of a complex of general (dialectical approach), general scientific (analysis, synthesis, deduction, induction, systems approach, historical approach) and particular scientific (statistical, legal-hermeneutical, content analysis) methods, which made it possible to objectively evaluate liberal state-legal teachings of Russia of the period under review and their main elements.

Results. Liberal state-legal doctrines in the pre-revolutionary legal discourse and the process of their conceptual formation are considered, which was the result of the liberal theory that was established in Western European jurisprudence.

Conclusions. Russian liberal state-legal doctrines have acquired an obvious national specificity, which contributed to the progressive development of domestic liberal political and legal thought; the key provisions of the liberal state-legal doctrine developed at the turn of the 19th and 20th centuries and were primarily associated with the requirement to implement the idea of a state governed by the rule of law.

Keywords: political and legal doctrine; liberalism; neo-Kantianism; Hegelianism; rule of law; individual autonomy.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Komarov S. A. The Concept of the Legal State in the Liberal State and Legal Doctrines of Russia in the Second Half of the XIX - Early XX Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-41-50>.

Received 17.12.2021

Accepted 18.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

По праву считающийся самым распространенным и популярным идеологическим направлением в современной политico-правовой мысли либерализм (от лат. «liberalis» – свободный) не теряет

своей актуальности, как в плане концептуального осмысления, так и с позиций юридической футурологии. Стремительное развитие государства и права, обусловленное глобализационными процессами, информатизацией, цифровизацией

и роботизацией большинства областей общественной жизни [1; 2; 3; 4; 5], бушующая пандемия коронавируса, с ее вызовами и порой неразрешимыми задачами, в очередной раз ставят вопрос относительно перспектив развития этого философского и политико-правового течения.

В отечественном гуманитарном поле накопилось огромное количество мнений сторонников и противников либерализма, хотя зачастую многие из них дают различные оценки сущностных основ этого течения и подменяют понятия (умышленно или искусственно) в поисках определенной политической или научной выгоды. Взвешенной и сбалансированной в этом плане видится позиция В. В. Путина, который, рассуждая о достоинствах и недостатках либерализма, отметил важность правильного определения самого понятия. Действительно, если либерализмом считать свободу мысли, свободу выбора и свободу поиска решения, то такие принципы в нашей стране всегда были, есть и будут¹.

Также аргументированной представляется позиция В. Я. Любашца, который указывает, что наиболее часто либерализм (как порождение западной государственно-правовой традиции) понимается как атрибутивный принцип правового государства, поскольку при этом режиме закрепляются «гарантии максимально возможной свободы действия индивида» [6, с. 69]. Именно этот подход нашел свое воплощение в современных конституциях в нормах о правовом статусе личности, взаимной ответственности личности и государства, разделении властей и т.п.

Можно согласиться с точкой зрения А. В. Поповой о том, что «неолиберальная политико-правовая доктрина, возникшая в России в конце XIX – начале XX века, благодаря новой генерации российской интеллигенции и юридического сообщества представляла собой инте-

гральный тип правопонимания, основанный на синтезе идей западноевропейского либерализма, исторической, психологической и социологической школ права, социал-демократизма и юридического позитивизма. Заслуга отечественных неолибералов состояла в том, что они предприняли попытку соединить либерализм и социал-демократизм и на теоретическом уровне признавали актуальность "правового социализма" как итоговой стадии общественного развития» [7, с. 10].

Вообще же сегодня можно утверждать, что базовыми признаками либерализма в современном государстве являются свобода слова, политический и идеологический плюрализм, свободный выбор индивидом своей религиозной принадлежности, реализованная идея правового государства (с властью большинства при учёте мнения меньшинства), верховенство закона, равенство всех граждан, свободное предпринимательство, свободная конкуренция и рынок. Явившись результатом диалектического развития и преобразования прежних иерархических, сословных общественных систем, либерализм символизирует собой такое общество, где граждане обладают равными правами, а каждый человек, наделенный способностями и желанием, может достичь вершин общественного признания, не подвергая при этом опасности свободу и достоинство других людей [8, с. 13].

Ключевое значение либеральной идеологии и принципов, таким образом, в целом не подвергается сомнению, при этом в эпоху постнеклассической рациональности следует вновь обратиться к переосмыслинию либерализма, используя соответствующие методологические инструменты. В этом плане важно понимать, что объективная оценка современного состояния политической и правовой мысли предполагает рассмотрение исторических основ того или иного явления. Не является исключением и либерализм, который прошел длительный путь от

¹ Путин высказался о либерализме и лакайстве в России. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/14/putin/> (дата обращения: 25.11.2021).

эпохи Просвещения с ее блестящими мыслителями (Ж. Ж. Руссо, Вольтер, Д. Дидро, Ш. Л. Монтескье, Дж. Локк, Т. Джефферсон и др.) до отражения этой идеи в правовых учениях российских государствоведов второй половины XIX – начала XX в. В настоящей статье будет проведена оценка указанных государственно-правовых учений и их значения в отечественном правоведении.

Методология

Методология исследования основывается на применении комплекса всеобщих (диалектический подход), общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция, системный подход, исторический подход) и частнонаучных (статистический, юридико-герменевтический, контент-анализ) методов, позволивших объективно оценить либеральные государственно-правовые учения России рассматриваемого периода и их основные элементы. Подбор указанных принципов, приемов и способов правового познания обусловлен исключительно особенностями объекта и предмета исследования, а также поставленной исследовательской целью – изучить особенности становления концепции о правовом государстве в государственно-правовых учениях отечественных либералов, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского и Б. Н. Чичерина. Диалектический подход позволил рассмотреть отечественные государственно-правовые учения в динамике и взаимосвязи с соответствующими им западноевропейскими политико-правовыми учениями, выявить и оценить внутренние противоречия в отечественном политико-правовом дискурсе. Общенаучные методы позволили осуществить работу с политико-правовыми текстами, рельефно обозначив в них цели и задачи российских государствоведов в плане осмысливания концепции о правовом государстве, роли личности в обществе, взаимоотношений личности, общества и государства. Наконец, комплекс частноправовых ме-

тодов позволил связать дореволюционный и современный политико-правовой массив научных юридических знаний, оценить либеральные государственно-правовые учения России XIX – начала XX в. с позиции современного государствоведения.

Результаты и их обсуждение

Генезис и эволюция либеральной политики-правовой мысли

Основатели либеральной идеологии (идеологии свободы) выступали изначально против монархической формы правления и политики меркантилизма, обращая свой взор на концепции прав личности и верховенства закона [9, с. 261]. Так, к примеру, английский философ и государственный деятель Джон Локк справедливо полагал, что свобода есть фундаментальная основа права и государства, а свободные люди – это основа политического умиротворения любого государства [10]. Впервые свои идеи, а впоследствии и два основополагающих положения классического либерализма он воплотил в «Двух трактатах о правлении» (англ. «Two treatises of Government»), где размышлял об экономической и интеллектуальной свободе, неотчуждаемости прав на жизнь, свободе, равенстве.

Однако Дж. Локк больше интересовался частной собственностью и ее неприкосновенностью, нежели скрупулезным обоснованием народных прав и свобод народа. Одной из краеугольных основ его учения является обоснование принципов демократической революции (в работе «Размышления о славной революции 1688 г.»), в рамках которой народ имеет право на восстание против тирана и тирании. Демократия же и демократические формы осуществления власти выступают краеугольным камнем и составляющей всей либеральной идеологии, поскольку добиться мира и всеобщего сотрудничества членов общества без потрясений в виде революций и иных кризисов можно лишь путем достижения народно-

го консенсуса. Как отмечается в трудах либеральных философов, любая иная форма правления, кроме демократии, означает власть над людьми помимо их воли и согласия [8, с. 14].

Выдающийся мыслитель и писатель эпохи Просвещения Жан-Жак Руссо одним из первых заявил о том, что человек рождается свободным, а государство есть результат общественного договора, по которому верховная власть принадлежит народу, нации. Ключевой идеей Ж.-Ж. Руссо явился тезис о неотчуждаемости, абсолютности и «непогрешимости» народного суверенитета, его идеи послужили идеологической основой осуществления сразу двух революций – французской (1789 г.) и американской (1765 г.) [9, с. 19].

Экономические аспекты рассматриваемого учения развивал британский экономист и философ Адам Смит, считающийся олицетворением экономического либерализма. Выдвинутая им концепция о способности индивидов формировать экономическую систему вне контроля государства послужила основой для утверждения о том, что сильнейшими экономическими державами будут те, которые смогут обеспечить простор для полёта мысли и реализации собственных инициатив [11]. А. Смит выступал за отмену феодальных и торговых правил и, исходя из этого, сформулировал революционную для своего времени идею «невидимой руки рынка», основой которой выступала практика саморегулирования рыночных отношений [12, с. 5].

Серьезное испытание либерализм пережил в годы Великой французской революции 1789 г., когда по мере стремительно развивающихся событий Франция разделилась на сторонников кардинальной смены политico-идеологического курса в сторону либеральных идей (либералов) и желающих сохранить монархию и не прибегать ни к какой серьезной реформаторской деятельности (консерваторов). Принятая в 1789 г. Учредительным

собранием Франции «Декларация прав человека и гражданина», провозгласившая такие привычные сегодня принципы, как равенство людей и их прав, свобода частной собственности, свобода слова и печати, право граждан участвовать в принятии законов и установлении налогов, ознаменовала победу либеральной идеи и формально-юридическое ее воплощение. Фактически созданный лучшими умами европейского Просвещения в XVII–XVIII вв. либерализм разрушил старый порядок с его господством узких правящих элит, опирающихся на насилие и авторитет [8, с. 12].

По мере развития либеральной идеи в последней трети XIX в. формируется «социальный либерализм», или «неолиберализм», благодаря трудам Дж. Хобсона, Т. Грина, Л. Хобхауза, Е. А. Фролова справедливо в этом плане отмечает, что это учение характеризуется уже ориентацией на социальный реформизм, на примирение враждующих социальных групп, равенство и свободу [13, с. 60]. Социальный либерализм стал локомотивом для процесса трансформации государства – «ночного сторожа» – в социально-правовое государство XX в.

Отечественные государственно-правовые либеральные учения

К концу XIX столетия завершается теоретическое и формально-юридическое оформление либерализма, опыт ряда государств Нового времени показывает практическую применимость и эффективность основных положений либерализма в экономической и политической жизни.

Развитая таким образом либеральная теория стала предметом исследования в ряде государственно-правовых учений российских правоведов второй половины XIX – начала XX в., когда либеральные идеи становятся весьма популярными в академических юридических кругах. Очевидно, что западную в своей основе либеральную теорию необходимо было «адаптировать» с учетом российских

условий, что и явилось основным направлением доктринальной ее разработки. Характерно при этом, что некоторые наиболее яркие сторонники либеральной теории, такие как П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, основывали свои взгляды на базе философской системы И. Канта (неокантианцы), иные придерживались гегельянских взглядов (Б. Н. Чичерин).

Огромный вклад в развитие отечественного либерализма внес П. И. Новгородцев. Так же как Джон Стюарт Милль в Англии, П. И. Новгородцев в России одним из первых с философских позиций анализировал основы либерализма применительно к государству, праву, государственно-правовым явлениям, взаимоотношениям личности, государства и общества. Его идеи и вклад в разработку либерализма даже более значимы для России, поскольку в Англии Дж. Ст. Милль исследовал проблемы либерализма в условиях его одобрения и принятия в качестве реальной идеологической платформы. В Российской же империи П. И. Новгородцев пытался осмыслить опыт истории европейского либерализма и решать новые теоретические проблемы, которые русским либерализмом еще не были включены в число основных вопросов социально-политического положения России [14, с. 70].

Вместе с тем очевидно, что правовое учение П. И. Новгородцева в части обоснования либеральных идей полноценной реализации, например, в правотворческом процессе Российской империи не получило. Ключевое же значение его работ, как в принципе и большинства государственно-правовых учений XIX – начала XX в., заключалось в разработке этических основ либерализма, а также обосновании методологических путей решения проблем государственного строительства. Более того, многие государствоведы этого периода прямо заявляли, что их задача не поиск нормативных конструкций, не выработка предложений за-

конодателю или правоприменителю, но подготовка научной и методологической базы для будущих исследований (можно вспомнить, к примеру, исследование С. А. Егиазарова по истории учреждений в Закавказье, где автор прямо заявляет, что не собирается искать эффективные меры для реорганизации действующих учреждений, но намерен заниматься их сугубо научным анализом [15, с. I-II]).

Последнее обстоятельство, возможно, объясняет и главную научную задачу в учении П. И. Новгородцева – научно обосновать концепцию общественного идеала, которая предполагала объяснение возможности сочетания изменчивых условий жизни общества, политической системы, с одной стороны, и нравственных императивов конкретного индивида – с другой.

Собственно либеральная идея П. И. Новгородцева и заключалась в том, что в государственно-правовой жизни основной гарантией личности должно быть обеспечение свободы отдельного человека и, как следствие, его индивидуальности. Средствами достижения указанной свободы государствовед считал равенство возможностей, закрепленное в действующем праве. Соответственно относительный (т. е. общественно-политический) идеал мог быть выражен в форме реализованной идеи правового государства.

Еще одним приверженцем неокантианской философии в своих государственно-правовых исследованиях был Б. А. Кистяковский, так же как и П. И. Новгородцев выступавший за утверждение правового государства. Отличием позиции Б. А. Кистяковского была ориентация на социальную справедливость. Придерживаясь либеральных взглядов, он во главу угла ставил право и его очевидную и непререкаемую ценность в любом государстве, главной его целью была защита права как высшего социального регулятора, которое в России незаслуженно, по

его мнению, нивелировалось господством морально-нравственных норм.

Умеренно либеральных взглядов придерживался Б. Н. Чичерин, сумевший, однако, дополнить и представить по-своему учение Г. Гегеля о соотношении гражданского общества и государства [16]. Так, Б. Н. Чичерин как государство-вед призывал включать в понятие государства такой признак, как непрерывная изменяемость специфической организации народной жизни, понимал под государством не простой союз проживающих на его территории людей, но союз народности, объединенной общим законом [17, с. 4–7].

Единые в общем одобрении либеральной теории государствоведы, однако, весьма остро дискутировали по различным аспектам этого учения. Наиболее интересной представляется в этом плане дискуссия, вызванная отношением к собственности и вопросу о возможной поддержке государством экономически незащищенных слоев общества (в основе полемики – учение Дж. Локка о частной собственности и ее неприкосновенности).

Так, например, Б. А. Кистяковский критиковал взгляды П. И. Новгородцева, высказанные им в работе «Право на достойное человеческое существование» [18], отмечая их отрывочность и отсутствие системного подхода, т. к. П. И. Новгородцев, по его мнению, не раскрыл место прав индивидов на достойное существование среди иных субъективных прав.

Расходились они и в трактовке сущности социального государства. В частности, П. И. Новгородцев доказывал, что право, выражая свою этическую основу, должно защищать экономически слабые слои населения (рабочих и т.д.), а Б. Н. Чичерин, напротив, утверждал, что защита слабых есть нарушение справедливости и не сфера права, но область любви, которая призвана восполнять право. По его словам, право является единственным для всех, а человеколюбие имеет в виду

только известную часть общества, нуждающуюся в помощи [19, с. 267].

Сам факт наличия противоположных позиций и их аргументированного обсуждения подтверждает высокий уровень отечественной дореволюционной политico-правовой мысли, определенную заметную уникальность отечественного либерального дискурса, наличие твердой теоретической и методологической основы.

Выводы

Рассмотренные в статье либеральные государственно-правовые учения России второй половины XIX – начала XX в. явились следствием утвердившейся в западноевропейском дискурсе либеральной теории и способствовали развитию отечественной либеральной политico-правовой мысли. Ключевые положения последней выработались на рубеже XIX – XX столетий и были связаны с требованием реализации идеи о правовом государстве.

Основной задачей государствоведов было доказательство автономности личности и обеспечения ее свободы. Государство, построенное на либеральных принципах, должно оказывать всяческую поддержку автономии личности. Средствами такой поддержки должны стать эффективные правовые нормы (подкрепленные надежными теоретическими исследованиями в области понятия и признаков права, снабженные разносторонним методологическим инструментарием) и политика невмешательства государства в частные дела, во внутренний мир индивидов. Таким образом, отечественная концепция правового (социально-правового) государства отразила ключевой постулат учения И. Канта о праве и государстве: к человеку следует относиться исключительно как к цели, но не как к средству.

Актуальность указанных рассмотренных политico-правовых учений лишь повышается в настоящее время, посколь-

ку стремительная трансформация государства и права требуют переосмысления либеральной идеи, а современный тип научной юридической рациональности –

проведения междисциплинарных исследований для получения нового теоретического знания о государстве и праве.

Список литературы

1. Воробьев С. М., Комаров С. А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление // Теория государства и права. 2020. № 1. С. 22–35.
2. Воробьев С. М., Комаров С. А. Информатизация и государственно-организованное общество в информационном измерении // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 25–37.
3. Воробьев С. М., Комаров С. А. Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ // Вестник Московского государственного открытого университета. 2019. № 1. С. 17–27.
4. Работы заявляют о своих правах: Парадигмальные социально-экономические и политico-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий: монография / Е. А. Апольский, В. В. Береза, А. М. Берман [и др.]. Владивосток: Владивост. гос. ун-т экон. и сервиса, 2020. 216 с.
5. Баранов П. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политico-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4(29). С. 320–324.
6. Любашец В. Я., Бухарина М. К., Полякова А. С. Либерализм как политический источник конституционного государства // Территория новых возможностей. 2015. № 3 (30). С. 68–75.
7. Попова А. В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политico-правовой доктрины в России: конец XIX – начало XX в.: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 382 с.
8. Либерализм в XXI веке: Современные вызовы свободе и новые либеральные ответы / Фонд Фридриха Науманна; Экспертная группа «Европейский диалог»; Фонд «Либеральная Миссия»; отв. ред. В. А. Рыжков. М.: Мысль, 2019. 371 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.
10. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / с примеч. Бентами, Бианки, Буханана [и др.]. Т. 1-3. СПб.: Тип. И. П. Глазунова, 1866.
12. «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; науч. ред. Н. А. Макашева; пер. с англ. Ю. Автономов [и др.]. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. 388 с.
13. Фролова Е. А. Идея правового и социального государства в учении П. И. Новгородцева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 10, № 55. С. 60–65.
14. Фролова Е. А. Методологические основы неокантианского учения П. И. Новгородцева // Государство и право. 2012. № 5. С. 68–78.
15. Егиазаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч. II. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств. Казань: Тип. Ун-та, 1891. 448 с.
16. Савченко Т. И. Либеральные учения в России. Б. Н. Чичерин, Н. М. Коркунов // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 6. С. 120–130.

17. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: в 3 ч. Ч. III. Политика. М.: Типолитогр. т-ва Н. Кушнерев и К°, 1898. 556 с.
18. Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование: социально-философские этюды. СПб.: Изд. Т-ва М. О. Вольф, 1911. 56 с.
19. Чичерин Б. Н. Собственность и государство / подг. текста, вступ. ст. и коммент. И. И. Евлампиева. СПб.: Изд. РХГА, 2005. 824 с.

References

1. Vorob'ev S. M., Komarov S. A. Pravovoj status kiberneticheskikh sistem: teoretiko-pravovoe osmyslenie [The legal status of cyberphysical systems: theoretical and legal understanding]. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and Law*, 2020, no. 1, pp. 22–35.
2. Vorob'ev S. M., Komarov S. A. Informatizaciya i gosudarstvenno-organizovannoe obshchestvo v formacionnom izmerenii [Informatization and state-organized society in the formational dimension]. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and law*, 2019, no. 4, pp. 25–37.
3. Vorob'ev S. M., Komarov S. A. Perekhodnoe elektronnoe gosudarstvo v usloviyah funkcionirovaniya informacionnoj (kiberneticheskoy) civilizacii: teoretiko-pravovoj analiz [Transitional electronic state in the conditions of functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Open University*, 2019, no. 1, pp. 17–27.
4. Apol'skij E. A., Bereza V. V., Berman A. M., eds. Roboty zayavlyayut o svoih pravah: Paradigmal'nye social'no-ekonomicheskie i politiko-pravovye izmeneniya v vek cifrovizacii i dolgovremennyh virusnyh epidemij [Robots claim their rights: Paradigmatic socio-economic and political-legal changes in the age of digitalization and long-term viral epidemics]. Vladivostok, Vladivostok Stat. Univ. of Economics and Service Publ., 2020. 216 p.
5. Baranov P. P., Mamychev A. Yu., Mordovcev A. Yu. Prava i svobody cheloveka v cifrovyyu epohu: problemy i perspektivy politiko-pravovoy dinamiki [Human rights and freedoms in the digital age: problems and prospects of political and legal dynamics]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 4(29), pp. 320–324.
6. Lyubashic V. Ya., Buharina M. K., Polyakova A. S. Liberalizm kak politicheskij istochnik konstitucionnogo gosudarstva [Liberalism as a political source of the Constitutional State]. *Territoriya novyh vozmozhnostej = Territory of new opportunities*, 2015, no. 3 (30), pp. 68–75.
7. Popova A. V. Teoretiko-pravovoe issledovanie neoliberal'noj politiko-pravovoy doktriny v Rossii: konec XIX – nachalo XX v. Diss. dokt. yurid. nauk [Theoretical and Legal research of Neoliberal Political and legal doctrine in Russia: late XIX – early XX century. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 382 p.
8. Liberalizm v XXI veke: Sovremennye vyzovy svobode i novye liberal'nye otvety [Liberalism in the XXI Century: Modern Challenges to Freedom and New Liberal Responses]; ed. by V. A. Ryzhkov. Moscow, Mysl' Publ., 2019. 371 p.
9. Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [About the social contract. Treatises]. Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole, 1998. 416 p.
10. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii [Two treatises on the Board]. Sochineniya [Essays]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 3. 668 p.
11. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [Research on the nature and causes wealth of nations]. Vol. 1-3. St. Petersburg, Tip. I. P. Glazunova, 1866.
12. "Nevidimaya ruka" rynka [The "invisible hand" of the market] ; ed. by. Dzh. Ituell, M. Milgejt, P. N'yumen. Moscow, GU-VSHE Publ., 2009. 388 p.

13. Frolova E. A. Ideya pravovogo i social'nogo gosudarstva v uchenii P. I. Novgorodceva [The idea of a legal and social state in the teachings of P. I. Novgorodtsev]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomiceskikh nauk = Actual problems of humanities and socio-economic sciences*, 2016, vol. 10, no. S5, pp. 60–65.
14. Frolova E. A. Metodologicheskie osnovy neokantianskogo ucheniya P. I. Novgorodceva [Methodological foundations of the neo-Kantian teaching of P. I. Novgorodtsev]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2012, no. 5, pp. 68–78.
15. Egiazarov S. A. Issledovaniya po istorii uchrezhdenij v Zakavkaz'e, pt. II. Gorodskie cekhi. Organizaciya i vnutrennee upravlenie zakavkazskih amkarstv [Research on the history of institutions in Transcaucasia. Part II. City workshops. Organization and internal management of Transcaucasian amkarstv]. Kazan', Tip. Univ., 1891. 448 p.
16. Savchenko T. I. Liberal'nye ucheniya v Rossii. B. N. Chicherin, N. M. Korkunov [Liberal doctrines in Russia. B. N. Chicherin, N. M. Korkunov]. *Ustoichivoe razvitiye nauki i obrazovaniya = Sustainable development of science and education*, 2019, no. 6, pp. 120–130.
17. Chicherin B. N. Kurs gosudarstvennoj nauki. Vol. Politika [State Science Course]. Vol. 3. Politika. Moscow, Tipoli-togr. t-va N. Kushnerev i K°, 1898. 556 p.
18. Novgorodcev P. I., Pokrovskij I. A. O prave na sushchestvovanie: social'no-filosofskie etudy [On the right to exist: socio-philosophical studies]. St. Petersburg, Izd. t-va M. O. Vol'f, 1911. 56 p.
19. Chicherin B. N. Sobstvennost' i gosudarstvo [Property and the State]. St. Petersburg, Izd. RHGA Publ., 2005. 824 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: svkomarov2008@ya.ru,
ORCID: 0000-0002-0425-0897

Sergey A. Komarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation,
e-mail: svkomarov2008@ya.ru,
ORCID: 0000-0002-0425-0897

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-51-60>

К вопросу о теории общественного права

С. А. Трофимова¹

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
ул. Горького 71, г. Белгород 308024, Российская Федерация

 e-mail: belui@mvd.ru

Резюме

Актуальность. Построение эффективной модели взаимоотношений государства и общества является залогом стабильного, успешного развития и благополучия граждан. В современной России вопросам управления уделяется пристальное внимание. Поправки, внесенные в Конституцию в 2020 году, затронули отношения центра и периферии, включив местное самоуправление в единую систему публичной власти. 14 декабря 2021 года Государственной думой Российской Федерации принят закон о региональной публичной власти, предусматривающий совершенствование механизмов организации и взаимодействия органов публичной власти, действующих на территории субъектов (федеральных, региональных, муниципальных).

Вводимые в законодательство изменения свидетельствуют о том, что поиск рациональной системы управления не прекращается и сегодня. В этой связи актуальным представляется изучение истории вопроса. В России наука о внутреннем управлении, именуемая в дальнейшем полицейским правом, зародилась в конце XVII века. В ходе ее развития на рубеже XIX-XX веков сформировалась теория общественного права, положения которой послужили предпосылками становления местного самоуправления в России.

Цель состоит в исследовании теории общественного права и ее значении в становлении местного самоуправления в России.

Задачи научной работы заключаются в следующем: охарактеризовать основные положения и специфические черты теории общественного права, продемонстрировать ее историческое значение.

Методология. В ходе проведения исследования использовался всеобщий метод – диалектический, общенаучные методы: синтез, анализ, дедукция, индукция; частнонаучные методы: сравнительный, исторический; специальный формально-юридический.

Результаты. В ходе проведенной работы охарактеризованы основные положения и специфические черты теории общественного права, продемонстрировано ее историческое значение.

Вывод. Теория общественного права явилась оригинальной и противопоставляемой классической идеей об управлении обществом в воззрениях полицейств. Идеи общественного права заложили основу для формирования местного самоуправления в России.

Ключевые слова: государственное управление; самоуправление; полицейское право; общественное право.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Трофимова С. А. К вопросу о теории общественного права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 51–60. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-51-60>.

Поступила в редакцию 23.12.2021

Принята к публикации 20.01.2022

Опубликована 28.02.2022

On the Question of the Theory of Public Law

Svetlana A. Trofimova¹

¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin
71 Gorkogo str., Belgorod 308024, Russian Federation

✉ e-mail: belui@mvd.ru

Abstract

Relevance. *Building an effective model of interaction between the state and society is the key to stable, successful development and well-being of citizens. In modern Russia, close attention is paid to management issues. The amendments made to the Constitution in 2020 affected the relations between the center and the periphery, including local self-government in a single system of public authority. On December 14, 2021, the State Duma of the Russian Federation adopted a law on regional public authorities, which provides for the improvement of the mechanisms for organizing and interacting with public authorities operating on the territory of subjects (federal, regional, municipal).*

The changes introduced into the legislation indicate that the search for a rational management system does not stop today. In this regard, it is relevant to study the history of the issue. In Russia, the science of internal management, hereinafter referred to as police law, originated at the end of the 17th century. In the course of its development, at the turn of the 19th-20th centuries, a theory of public law was formed, the provisions of which served as prerequisites for the formation of local self-government in Russia.

The purpose consists in the study of the theory of public law and its significance in the formation of local self-government in Russia.

The objectives scientific work is as follows: to characterize the main provisions and specific features of the theory of public law, to demonstrate its historical significance.

Methodology. *In the course of the study, a general method was used - dialectical, general scientific methods – synthesis, analysis, deduction, induction; private scientific methods – comparative, historical; special – formal legal.*

Results. *In the course of the work carried out, the main provisions and specific features of the theory of public law are characterized, and its historical significance is demonstrated.*

Conclusion. *The theory of public law was the original and contrasted with the classical idea of the management of society in the views of the police. Key provisions of public law laid the foundation for the formation of local self-government in Russia.*

Keywords: public administration; self-government; police law; public law.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Trofimova S. A. On the Question of the Theory of Public Law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 51–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-10-21>.

Received 23.12.2021

Accepted 20.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

В современной России продолжается развитие курса, взятого на строительство правового государства и развитого гражданского общества. В этой связи проблема баланса личного, общественного, государственного интересов имеет ключевое значение.

При формировании оптимальной модели государственного управления важ-

ная роль отводится эффективной организации и функционированию местного самоуправления как представительной формы народовластия.

При постановке вопроса о новых подходах к проблемам государственного управления необходимо уделить особое внимание углублению общетеоретических знаний, изучению исторической составляющей проблемы – сложившимся

концепциям и накопленному опыту отечественных правоведов. Российское теоретико-правовое наследие, несомненно, богато своим содержанием. Кроме того, его отличает собственная самобытная постановка многих значимых вопросов правовой теории и оригинальные подходы к их разрешению. В этом контексте представляется необходимым рассмотреть теорию общественного права, заложившую основу идеям местного самоуправления в России и сформулированную во второй половине XIX – начале XX в. ученым-полицейистом Василием Николаевичем Лешковым и его сторонниками.

Общественное право развило в контексте полицейско-правовой науки. На сегодняшний день теоретическое наследие классических полицейистов изучено достаточно широко. Труды И. Е. Андреевского, Э. Н. Берендтса, А. И. Елистратова, В. М. Гессена проанализированы в исследованиях современных ученых. Комплексные представления о полицейско-правовой теории, ее значении в отечественной политико-правовой доктрине содержат работы Н. С. Нижник. Взгляды сторонников учения об общественном праве осмыслены в более узком ключе. Проанализированы лишь взгляды на государство и управление обществом Е. В. Спекторского. Основные положения теории общественного права, изложенные в трудах ее автора В. Н. Лешкова, освещены фрагментарно [1; 2] и нуждаются в систематизации.

Методология

В исследовании был применен всеобщий диалектический метод, послуживший основой для выявления противоречивых взглядов на построение оптимальной системы государственного управления. Использовались общенаучные методы синтеза, анализа, дедукции, индукции, позволившие представить в общем виде знания об управлении обществом в рамках науки полицейского права и рассмотреть различия в институцио-

нальных подходах к взаимоотношениям общества и государства. Частнонаучные методы, в числе которых сравнительный и исторический, дали возможность проанализировать различие положений общественного права от права полицейского, воссоздать историческую картину отечественной правовой доктрины второй половины XIX – начала XX в. Специальный формально-юридический метод был применен при анализе правовых понятий, используемых в учении об общественном праве.

Результаты и их обсуждение

Проблема управления обществом возникает на самых ранних этапах развития цивилизации и имеет продолжительную историю. С древнейших времен философы, ученые, мудрые правители размышляли об оптимальной модели организации взаимоотношений государства и общества. Еще Платон в своем труде «Государство», написанном в 360 году до н.э., выдвигал идеи о совместности свободы, своего блага и справедливости в политическом сообществе.

На протяжении времени государственно-управленческая мысль, безусловно, претерпевала достаточное количество изменений. В эпоху Просвещения происходит прорыв в области научного знания, активно начинает развиваться государственно-правовая мысль, по-новому осмысливаются вопросы управления. В это время в Западной Европе и Российской империи зарождаются идеи, способствующие становлению и развитию полицейско-правовой науки (науки о внутреннем управлении) [3, с. 766].

Первым ученым, начавшим разработку фундаментального труда по полицейскому праву, считается француз Н. Деламар. Его идеи, изложенные в четырехтомном трактате о полиции, нашли продолжение в последующем развитии политico-правовой мысли Германии [4, с. 1]. Среди известных ученых-полицейистов XVIII–XIX вв. можно назвать Х. фон

Вольфа, И. Г. Г. фон Юсти, Й. фон Зонненфельса, Г. Г. фон Берга, Р. фон Моля. В своих работах они предприняли попытку не только проработать вопросы, касающиеся проблем организации внутреннего управления и возможные варианты их решения, но и определить предмет, цели, задачи и систему полицейского права [5, с. 751].

В отечественной политико-правовой мысли первые идеи, явившиеся началом для последующего становления полицейско-правовой теории, зарождаются с конца XVII – начала XVIII в. Вопросы государственного управления в это время начинают активно поднимать в своих трудах такие ученые, как Ю. Крижанич и И. Т. Посошков [6, с. 37].

Главной идеей, пронизывающей их работы, является тотальное вмешательство государства во все сферы народной жизни. В своих рассуждениях Ю. Крижанич приходит к выводу о том, что лучшим строем правления является «самовладство», подразумевающее неограниченную регламентацию общественных отношений. В своем трактате «Политика» он позиционирует его в качестве основного, обосновывая это тем, что только таким образом могут быть восполнены недостатки и исправлены ошибки [7, с. 77]. Большое значение Ю. Крижанич уделяет законам, исходящим от правительства, т. к. они непосредственным образом влияют на укрепление государства и успешное развитие, обществу же отводится пассивная роль.

Рубеж XVIII и XIX вв. в научной правовой мысли Российской империи знаменуется появлением перевода трудов выдающихся зарубежных полицейских. Отечественная полицейстика как самостоятельная наука стала оформляться лишь в середине XIX в.

Изначально под термином «полиция» подразумевалась разнородная деятельность полицейских учреждений в сфере обеспечения общественного порядка, безопасности, а также благососто-

яния общества [8, с. 28]. Во многих работах российских ученых-правоведов того времени, среди которых И. Е. Андреевский, И. Т. Тарасов, В. В. Ивановский, Э. Н. Берендтс, В. Ф. Дерюжинский, ярко прослеживались веяния западноевропейской мысли, характеризующиеся широкими государственными полномочиями в сфере управления и вертикальным характером властных отношений, главным субъектом в которых является государство. Одной из основных идей полицейско-правовой теории была тщательная регламентация общественной жизни, сводящая к минимуму самостоятельность и инициативность народа и рассматривавшая общество исключительно в качестве объекта управления. Данные положения были аргументированы философией эвдемонизма.

Однако среди полицействов существовали и иные точки зрения на управление. Свой вклад в рассмотрение вопросов взаимоотношения общества и государства внес Василий Николаевич Лешков (1810–1881) – ученый-правовед, декан юридического факультета Московского университета (1863–1872), председатель Московского юридического общества (1864–1880), действительный член Московского общества русской истории и древностей [8, с. 553], гласный депутат Московского губернского собрания. Во многом последователь своего учителя Ф. К. фон Савиньи В. Н. Лешков сформулировал отличную от классической полицейстики концепцию общественного права. Центральной идеей учения является идея общественного самоуправления. В своих трудах «Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII в.» (1858 г.), «Общественное право» (1871 г.), «О праве самостоятельности» (1871 г.) «Общественное право народонаселения» (1875 г.). В. Н. Лешков акцентирует внимание на самостоятельности общины, русского народа, земства и первичности общества перед государством [9, с. 68]. Если в по-

лицейском праве в качестве субъекта управления единолично выступает государство, то в праве общественном это комплексное образование, состоящее из государства, земства и церкви. Каждое из трех составляющих значимо. Так, государство ответственно за сохранение внешних границ и обеспечение безопасности, через земство народ выражает свои внутренние интересы, ложащиеся в основу внутренней политики, и пользуется жизненными благами, церковь реализует нравственно-воспитательную функцию и отвечает за духовную жизнь населения. Объясняя место и роль каждого из названных субъектов, В. Н. Лешков писал: «Подобно тому, как река немыслима без своих берегов и своего русла, народ с его земскою жизнью осеняется двумя берегами, – одним высоким твердым, часто очень крутым, – государством, и другим, более отлогим, более доступным и в этом смысле близким к населению – церковью» [11, с. 414].

Ключевые положения учения об общественном праве составляют тезисы о децентрализации власти и самостоятельности общества, обоснованные тем, что государству нет необходимости вмешиваться в абсолютно все народные вопросы, многие из них можно решать непосредственно «на местах» (в городе, селе). Общество, самоуправляясь, находит средства для развития и при этом способно быстрее и компетентнее найти выход из насущных жизненных ситуаций [12, с. 13]. Государству же следует вмешиваться только в случае возникающих с решением проблем местного значения затруднений.

При этом ученый не отграничивает категорично общественное право от государственного, они существуют для него безотрывно. Это объясняется тем, что государство он предлагает рассматривать в качестве продолжения общины, а при создании положительных законов руководствоваться не волей правителя, а знаниями, опытом, нравственными убежде-

ниями, рожденными и развивающимися в обществе на протяжении всей истории [13, с. 21]. Именно такая идея взаимодействия, когда государство развивает и сохраняет существующие в народе правила, по мнению ученого, является наиболее рациональной. Два ключевых субъекта взаимодополняют друг друга, признаются равные горизонтальные отношения, в которых общество заимствует от государства силы и средства и выступает в качестве посредника между частным (личным) и (общим) государственным интересом, а государственное управление основывается на общинном устройстве [14, с. 41].

Специфической чертой учения об общественном праве является то, что все процессы, связанные с регулированием общественных отношений, В. Н. Лешков предлагает осмысливать с точки зрения исторического прошлого народа. Ученый объясняет это тем, что учет исторического аспекта народной организации способствует верному определению субъекта и объекта управления, реализуемых ими функций и, как следствие, выстраиванию такой управленческой модели, которая отражает гармонию интересов личности, общества и государства.

Кроме этого, особенностью учения В. Н. Лешкова об общественном праве является и то, что в рассуждениях о взаимоотношениях общества и государства он использует «самобытный» взгляд, выраженный в рассмотрении явлений и процессов с позиций национальной русской государственности. «Образование государственного союза в нашем отечестве имело свой особенный путь и свои особенные условия» [13, с. 1] – с этой мысли ученый начинает свой фундаментальный труд «Русский народ и государство: История рус. обществ. права до XVIII в». Он призывал обращаться «к установлению тех различий, которые существуют между нами и Западом, и тех особенностей, которые достойны развития, достойны стать общечеловеческим

достоинием, как плоды русского ума и труда» [15, с. 4].

Такие оригинальные подходы к вопросам внутреннего управления, сочетающие одновременно и элементы исторической школы права, к числу последователей которой относили В. Н. Лешкова, и славянофильских убеждений, присущи и идеям реализации внешней политики. Ученый в своих трудах подчеркивал, что сила русской дипломатии «в удержании отечественных исторических начал» [16, с. 155].

Формируя общественное право как науку, правовед определил его сущность, предмет, структуру, систему, субъект, объект. Сущность он раскрывает через права отдельных лиц и обществ, которые эти лица образуют, на осуществление деятельности и пользование при этом различными средствами, способствующими личному и государственному развитию, а также повышению народного благосостояния [8, с. 427]. Поэтому и предмет полиции ученый определяет отлично от классической полицейской теории и выражает его в благосостоянии народа, как физическом, так и духовном [17, с. 89].

Структуру общественного права В. Н. Лешков представляет в виде трех составляющих элементов: теории общественного самоуправления, установительных и охранительных законов [18, с. 13].

В систему включает права обществ относительно государства и частных лиц с их взаимными обязанностями [13, с. 16].

Субъектами в общественном праве выступают семейства, общины, народ. Примечательно, что В. Н. Лешков позиционирует их правовой статус шире отдельного гражданского. К примеру, не совсем благополучная категория населения, к числу которой относятся нищие, душевнобольные, судимые, лишенные определенных гражданских прав, восста-

навливаются в правах «человеческих» в рамках общины.

Объектами выступают в целом природа и народные средства (дороги, каналы, почты, школы и другие учреждения, создаваемые для удобства, развития и просвещения). Замечанием является то, что субъекты при пользовании объектами должны сохранять и приумножать их для будущих поколений [13, с. 17].

Рассуждая о месте общественного права в системе права и определении его положения среди отраслей, В. Н. Лешков представляет его как промежуточное, объективно существующее и необходимое, между частным и публичным. Такое положение обусловлено тем, что общества имеют свойства, не присущие отдельно взятому индивиду, свойства, являющиеся процессом органического синтеза, итог которых выражается в качественно новом состоянии. Частные лица сами по себе не способны создать что-либо значимое (объекты промышленности, образования, культуры), их деятельность направлена на удовлетворение своих личных потребностей и улучшение имущественного благосостояния. В момент, когда отдельные лица путем объединения преобразуются в общества, они приобретают в нем определенные права, по одному им недоступные. Далее, согласно идеи В. Н. Лешкова, общества, вошедшие в государство и признанные им, приобретают статус, посредствующий среди между частными и публичными интересами.

У В. Н. Лешкова было немало сторонников его концепции. Отечественный правовед, доктор полицейского права М. М. Шпилевский разделял многие положения его учения, придерживаясь схожей позиции в определении важных правоположений. М. М. Шпилевский поддерживал тезис учета при формировании позитивных законов не только воли правителя, но и тех обычаев, которые «вырабатываются непосредственно народной жизнью и сознательной деятельностью

юристов и охраняются силой народного обычая и авторитета науки» [19, с. 167]. Он также выступал за признание и уделение особого внимания при решении вопросов управления историческому прошлому народа, его внутреннему быту, процессам и результатам интеллектуального и религиозно-политического развития [11, с. 818]. К числу единомышленников В. Н. Лешкова относят имена таких видных исследователей правовой науки, как Е. В. Спекторский и Н. Н. Алексеев.

Однако далеко не все разделяли оригинальные взгляды ученого. Так же как В. Н. Лешков выступал с позицией ошибочности административистских взглядов представителей классической полицейстики, многие из выдающихся ученых полицейского права подвергали критическому разбору его концепцию. Однако не вся критика личности ученого-правоведа и его трудов была конструктивной. К примеру, русские правоведы Ф. М. Дмитриев и Б. Н. Чичерин излагали сугубо субъективный и предвзятый взгляд на персоналию, вызванный больше личными причинами, а вот полемика с И. Е. Андреевским представляется в виде более «здравой» дискуссии, содержащей обоснования дифференциации тезисов внутреннего управления [20, с. 206–207].

Несмотря на различие оценок, данных общей теории общественного права

очевидными представляются мнения историков права о том, что «...концепция "общественного права" В. Н. Лешкова в идеино-политическом плане опережала своё время», «в научно-историческом плане концепции историков и историков права славянофильского толка были намного ближе к реальной действительности, чем концепции западников...» [10, с. 72].

Выводы

Теория общественного права, объединяющая в себе концепцию В. Н. Лешкова, его единомышленников и последователей в развитии идей, явилась первой в отечественной политико-правовой доктрине, фундаментально обосновывающей необходимость взгляда на государственное управление не «сверху вниз», а «снизов», т. е. из жизни народа. Идеи об обязательном учете исторически сложившейся национальной русской государственности, об эффективности общественного самоуправления при формировании целостного подхода к управлению были, возможно, опережающими развитие, но, несомненно, дальновидными и перспективными. Таким образом, положения теории общественного права послужили предпосылками и научно-идейной основой становления местного самоуправления в России.

Список литературы

1. Чукаев Т. О. Проблемы взаимоотношений общества и государства в контексте концепции «общественного права» В. Н. Лешкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4. С. 42–45.
2. Чукаев Т. О. Российская полицейстика в лицах: Василий Николаевич Лешков // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 84–95.
3. Нижник Н. С. Российская полицейстика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786.
4. Гаттенберг К. К. Введение в курс полицейского права // К. К. Гаттенберг, профессор Харьковского университета (1844–1893): [сборник]. Харьков: Паровая тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1905. 78 с.

5. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*. 2020. № 45 (4). С. 750–760.
6. Ивановский В. В. Учебник административного права: Полицейское право. Право внутреннего управления. 4-е изд., испр. и доп. Казань: Типо-лит. В. З. Еремеева, 1911. 516 с.
7. Шпалтаков В. П. Теория Юрия Крижанича и современность // *Вестник Омского университета*. 2019. Т. 17, № 2. С. 71–82.
8. Старилов Ю. Н. Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 624 с.
9. Корнаухова Н. В. В. Н. Лешков о самостоятельности местного самоуправления // *Право и политика*. 2013. № 4. С. 553–559.
10. Емельянова И. А. Общественное право В. Н. Лешкова // *Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение*. 1987. № 6. С. 66–73.
11. Правовая наука и юридическая идеология России: энциклопедический словарь биографий / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, Юрист, 2009. 919 с.
12. Лешков В. Н. О праве самостоятельности как основе для самоуправления. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1871. 25 с.
13. Лешков В. Н. Русский народ и государство: История рус. обществ. права до XVIII в. // Соч. В. Лешкова. М.: Унив. тип., 1858. 613 с.
14. Полынцева Н. Ф. Мировоззрение Василия Николаевича Лешкова // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 2. С. 39–49.
15. Лешков В. Н. Русские основы права. М.: Тип. Бахметева, 1863. 29 с.
16. Лешков В. Н. Еще о русском воззрении на науку и начале общинности в древней России // *Москвитянин*. 1856. № 3. С. 153–159.
17. Лешков В. Н. О законах благоустройства, или что такое полиция // *Москвитянин*. 1843. № 5. С. 89.
18. Биошкина Н. И. Становление российской науки полицейского права (XVII век – 80-е годы XIX века) // *Общетеоретические и историко-правовые проблемы юридической науки и практики: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2011. №1. С. 11–14.
19. Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения // *Сочинение Мих. Шпилевского*. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1875. 196 с.
20. Тесля А. А. Василий Николаевич Лешков и его теория «общественного права» как попытка альтернативы «полицейскому праву» // *Социологическое обозрение*. 2015. Т. 14, № 1. С. 203–223.

Reference

1. Chukaev T. O. Problemy vzaimootnoshenij obshchestva i gosudarstva v kontekste konsepcii "obshchestvennogo prava" V. N. Leshkova [Problems of relations between society and the state in the context of the concept of "public law V. N. Leshkov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 42–45.
2. Chukaev T. O. Rossiiskaya policeistika v licah: Vasilii Nikolaevich Leshkov [Russian Policeistics in persons: Vasily Nikolayevich Leshkov]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical research*, 2016, no. 6, pp. 84–95.
3. Nizhnik N. S. Rossijskaya policeistika: osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya [Russian policeistics: the main stages of formation and development]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: historical research*, 2015, no. 6, pp. 764–786.

4. Gattenberg K. K. Vvedenie v kurs policejskogo prava [Introduction to the course of police law. Sbornik]. K. K. Gattenberg, professor Har'kovskogo universiteta (1844–1893) [K. K. Gattenberg, Professor at Kharkiv University (1844–1893). Sbornik]. Har'kov, Parovaya tip. i lit. M. Zil'berberg i s-v'ya, 1905. 78 p.
5. Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. Policejsko-pravovaya teoriya konca XIX – nachala XX veka o lichnosti – sub"ekte publichno-pravovyh otnoshenij v policejskom gosudarstve [The police-legal theory of the late XIX - early XX century about the personality - the subject of public-legal relations in the police state]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right*, 2020, no. 45 (4), pp. 750–760.
6. Ivanovskij V. V. Uchebnik administrativnogo prava: Policejskoe pravo. Pravo vnutrennego upravleniya [Textbook of Administrative Law: Police Law. The right of internal management]. 4th ed. Kazan', Tipy-lit. V. Z. Eremeeva, 1911. 516 p.
7. Shpaltakov V. P. Teoriya Yuriya Krizhanicha i sovremennost' [Yuri Krizhanich's theory and modernity]. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk University*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 71–82.
8. Starilov Yu. N. Rossijskoe policejskoe (administrativnoe) pravo: konec XIX – nachalo XX veka [Russian Police (Administrative) Law: Late XIX – early XX century]. Voronezh, Voronezh. St. Univ. Publ., 1999. 624 p.
9. Kornauhova N. V. V. N. Leshkov o samostoyatel'nosti mestnogo samoupravleniya [Leshkov on the independence of local self-government]. *Pravo i politika = Law and politics*, 2013, no. 4, pp. 553–559.
10. Emel'yanova I. A. Obshchestvennoe pravo V. N. Leshkova [Public law V. N. Leshkova]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenii. Seriya: Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Jurisprudence*, 1987, no. 6, pp. 66–73.
11. Pravovaya nauka i yuridicheskaya ideologiya Rossii: enciklopedicheskij slovar' biografij [Legal Science and Legal Ideology of Russia: encyclopedic dictionary of biographies]; ed. by V. M. Syryh. Moscow, RAP, Yurist Publ., 2009. 919 p.
12. Leshkov V. N. O prave samostoyatel'nosti kak osnove dlya samoupravleniya [On the right of independence as a basis for self-government]. Moscow, Univ. tip. (Katkov i K), 1871. 25 p.
13. Leshkov V. N. Russkii narod i gosudarstvo: Iстoriya rus. obshchestv. prava do XVIII v. [The Russian people and the State: The History of Russian Societies. rights before the XVIII century]. Soch. V. Leshkova [Op. V. Leshkova]. Moscow, Univ. tip., 1858. 613 p.
14. Polynceva N. F. Mirovozzrenie Vasiliya Nikolaevicha Leshkova [The worldview of Vasily Nikolaevich Leshkov]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical research*, 2020, no. 2, pp. 39–49.
15. Leshkov V. N. Russkie osnovy prava [Russian fundamentals of law]. Moscow, Tip. Bahmeteva, 1863. 29 p.
16. Leshkov V. N. Eshche o russkom vozzrenii na nauku i nachale obshchinnosti v drevnej Rossii [More about the Russian view of science and the beginning of communalism in ancient Russia]. *Moskvityanin = Moskvityanin*, 1856, no. 3, pp. 153–159.
17. Leshkov V. N. O zakonah blagoustrojstva, ili chto takoe policiya [O законах благоустройства, или что такое полиция]. *Moskvityanin = Moskvityanin*, 1843, no. 5, pp. 89.
18. Biyushkina N. I. Stanovlenie rossijskoj nauki policejskogo prava (XVII vek – 80-e gody XIX veka) [Formation of the Russian science of police law (XVII century – 80s of the XIX century)]. *Obshcheteoreticheskie i istoriko-pravovye problemy yuridicheskoy nauki i praktiki: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = General theoretical and historical-legal problems of legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 1, pp. 11–14.

19. Shpilevskij M. M. Policejskoe pravo kak samostoyatel'naya otrasl' pravovedeniya [Police law as an independent branch of jurisprudence]. Sochinenie Mih. Shpilevskogo [Essay by Mih. Shpilevsky]. Odessa, Tip. Ul'riha i Shul'ce, 1875. 196 p.
20. Teslya A. A. Vasilii Nikolaevich Leshkov i ego teoriya "obshchestvennogo prava" kak popytka al'ternativy "policeiskomu pravu" [Vasiliy Nikolayevich Leshkov and his theory of "public law" as an attempt at an alternative to "police law"]. *Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review*, 2015, vol. 14, no. 1, pp. 203–223.

Информация об авторе / Information about the Author

Трофимова Светлана Александровна,
адъюнкт кафедры государственно-правовых
дисциплин, Белгородский юридический
институт МВД России имени И. Д. Путилина,
лейтенант полиции, г. Белгород, Российская
Федерация,
e-mail: belui@mvd.ru,
ORCID: 0000-0001-6546-1762

Svetlana A. Trofimova, Adjunct of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, police lieutenant, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: belui@mvd.ru,
ORCID: 0000-0001-6546-1762

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-61-70>

Правовое регулирование института ударных комсомольских строек

И. А. Чуева¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

e-mail: chueva_i@bsu.edu.ru

Резюме

Актуальность. В последние годы для российской действительности характерно значительное возрастание интереса к советскому наследию. Государственная политика характеризуется активным использованием подобных тенденций при создании новых форм социального взаимодействия (юннаты, стройотрядовское движение, добровольчество, юнармия и т. д.). Подобная повестка может быть оценена неоднозначно, однако ее проявления актуализируют необходимость детального рассмотрения советских институтов и механизмов с точки зрения как положительного, так отрицательного опыта. Ударные комсомольские стройки являются одним из маркеров широкомасштабности мобилизационного движения в Советском государстве и представляют научный интерес не только с социально-экономических позиций, но и с юридической точки зрения.

Целью настоящей статьи является исследование института ударных комсомольских строек с точки зрения правовой регламентации и формирование дифференцированного перечня основных источников правового регулирования указанного явления.

Задачи исследования вытекают из цели статьи и заключаются в том, чтобы проанализировать правовое положение ударных комсомольских строек с учетом их комплексного институционального характера, выявить отраслевую принадлежность регулирующих норм, характеризовать соотношение правовых и неправовых нормативных регуляторов указанного явления.

Методология. Статья базируется на методах анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также историко-сравнительном, историко-правовом, формально-юридическом и формально-логическом методах.

Результаты. В ходе проведенного исследования были выявлены основные источники правового регулирования института ударных комсомольских строек, приведен их перечень, определена отраслевая принадлежность, а также разрешен вопрос о соотношении правовых и неправовых нормативных регуляторов с учетом особенностей советской системы права.

Вывод. Ударные комсомольские стройки, несмотря на длительный период существования, регламентировались достаточно фрагментарно. Тем не менее именно правовые нормы должны рассматриваться в качестве основополагающих источников регулирования, их отраслевое разнообразие подтверждает комплексный характер рассматриваемого института. Неправовые акты (в том числе документы ВЛКСМ) необходимо учитывать как вспомогательные, второстепенные регуляторы.

Ключевые слова: ударные комсомольские стройки; правовое регулирование; советская система права; неправовые регуляторы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чуева И. А. Правовое регулирование института ударных комсомольских строек // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-61-70>.

Поступила в редакцию 22.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Чуева И. А., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 61–70

Legal Regulation of the Institute of Komsomol Shock Constructions

Inna A. Chueva¹✉

¹Belgorod National Research University
85 Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: chueva_i@bsu.edu.ru

Abstract

Relevance. In recent years, Russian reality has been characterized by a significant increase in interest in the Soviet heritage. State policy is characterized by the active use of such trends in the creation of new forms of social interaction (yunnats, construction crew movement, volunteerism, unarmia, etc.). Such an agenda can be evaluated ambiguously, but its manifestations actualize the need for a detailed examination of Soviet institutions and mechanisms from the point of view of both positive and negative experience. The Komsomol shock constructions are one of the markers of the large-scale mobilization movement in the Soviet state, and are of scientific interest not only from a socio-economic point of view, but also from a legal point of view.

The purpose of this article is to study the Institute of Komsomol shock constructions from the point of view of legal regulation and the formation of a differentiated list of the main sources of legal regulation of this phenomenon.

The objectives of the study follow from the purpose of the article and are to analyze the legal status of Komsomol shock constructions, taking into account their complex institutional nature, to identify the sectoral affiliation of regulatory norms, to characterize the ratio of legal and non-legal regulatory regulators of this phenomenon.

Methodology. The article is based on the methods of analysis and synthesis, as well as historical-comparative, historical-legal and formal-legal methods.

Results. In the course of the study, the main sources of legal regulation of the Institute of Komsomol shock construction projects were identified, their list was given, industry affiliation was determined, and the question of the ratio of legal and non-legal regulatory regulators was resolved, taking into account the peculiarities of the Soviet legal system.

Conclusion. The Komsomol shock construction projects, despite the long period of existence, were regulated quite fragmentally. Nevertheless, it is the legal norms that should be considered as the fundamental sources of regulation, their sectoral diversity confirms the complex nature of the institution under consideration. Non-legal acts (including documents of the Komsomol) must be taken into account as auxiliary, secondary regulators.

Keywords: shock Komsomol constructions; legal regulation; Soviet system of law; non-legal regulators.

Conflict of interest: The author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chueva I. A. Legal Regulation of the Institute of Komsomol Shock Constructions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 61–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-61-70>.

Received 22.12.2021

Accepted 18.01.2021

Published 28.02.2021

Введение

Советский опыт коллективных форм организации труда можно рассматривать с различных позиций, административные подходы к подобным процессам по-прежнему вызывают неоднозначную оценку научного сообщества. Обоснованной критике подвергаются институты коллективизации и раскулачивания в работах В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Вио-

лы, А. Береловича, В. Данилова, З. Водопьяновой, В. Кондрашина [1; 2; 3], создание коммун и экономические последствия подобного эксперимента исследовались И. Гончаровой и Г. Чувардиным [4], лагерная система использования труда заключенных являлась предметом научного интереса И. Грибановой, А. Никифорова, И. Федотовой [5; 6; 7] и т.д.

В перечне организованных форм участия советских граждан в процессах возведения промышленных предприятий, освоения целины, работы в деревне, выполнения иных социально-экономических задач институт комсомольских ударных строек все же является обособленной структурой, практически лишенной негативного и трагического окраса, столь характерного для иных форм привлечения населения к труду в советский период. Это связано, в первую очередь, с самой спецификой комсомольских организаций: значительной ролью добровольческой компоненты в их деятельности, прочной идеологической основой ВЛКСМ, восприятием комсомольцев как «передовой части» советской молодежи и т.д. Особый интерес представляют научные работы о роли комсомольских организаций, изданные в современный период. На наш взгляд, анализ советской публистики в рамках рассматриваемой тематики имеет факультативное значение, поскольку она подчинена действующей советской цензуре и не может обладать достаточной степенью верификации. Актуальные исследования, появившиеся в последние годы, в подавляющем большинстве содержат положительную историческую оценку работы комсомольских организаций [8–13]. На государственном уровне также восприняты некоторые формы организации трудового и общественно-полезного потенциала молодежи, основа которых была сформирована в советский период (кружки юных натуралистов при эколого-биологических центрах, в школах, при заповедниках и национальных парках; молодежная организация «Российские Студенческие Отряды»; всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение ЮНАРМИЯ и т.д.).

Тем не менее очевидным является тот факт, что ни одно из подобных современных направлений консолидации молодежной активности не может по своему охвату, масштабу и результативности

сравниться с институтом ударных комсомольских строек – имея общие черты, современные российские молодежные добровольческие организации не обладают синергетическим ресурсом, который был характерен для комсомола: объединяющей идеологией, широкой поддержкой государства и общества и детально проработанным механизмом функционирования. Все вышеуказанные факты обусловливают научный интерес к исследованию института ударных комсомольских строек как одного из выдающихся примеров молодежной активности в Советском государстве.

Методология

Основу исследования составляют как обще-, так и частнонаучные методы научного познания государственно-правовой деятельности, в том числе в историческом контексте. Использование общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также общелогических методов позволило изучить заявленную тему в полном объеме, всесторонне, с получением объективных, научно обоснованных и достоверных выводов об особенностях правового регулирования ударных комсомольских строек. В работе широко использованы и частнонаучные методы, особенно исторические (сравнительно-исторический, историко-правовой), которые позволяют исследовать эволюцию правового регулирования ударного комсомольского строительства на различных исторических этапах существования Советского государства. Формально-юридический метод позволил установить пределы и цели правового регулирования института ударных комсомольских строек, а также выработать понятийно-категориальный аппарат исследования; сравнительно-правовой – проследить трансформацию правовых норм об ударном комсомольском строительстве на всем протяжении исследуемого исторического периода; историко-правовой – изучить заявленную проблематику

в увязке с конкретно-историческими событиями.

Результаты и их обсуждение

Положение о Всесоюзной ударной комсомольской стройке от 10 февраля 1972 г., утвержденное Постановлением Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ № 27/4а, закрепляло, что всесоюзными ударными комсомольскими стройками объявляются важнейшие народно-хозяйственные объекты, сооружение которых предусмотрено директивами съезда КПСС, постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Государственным планом развития народного хозяйства СССР.

До 1972 г. у данного явления отсутствовала какая-либо официальная дефиниция, несмотря на то, что сама практика привлечения комсомольцев к строительству промышленных предприятий существовала уже с 1923 г. [14; 15] На протяжении практически всего периода своего существования институт комсомольских строек получает исключительно общеправовое регулирование, специализированные акты появляются только в 1970-х гг. и носят локальный характер. Тем не менее рассматривая комсомольские ударные стройки с точки зрения нормативной регламентации, целесообразно использовать традиционный позитивистский подход: переходя от общего к частному, в первую очередь исследовать советские нормативные правовые регуляторы (законодательство и подзаконные акты), в последующем смешая вектор научного интереса в сторону ведомственных и локальных актов. Вопрос об отнесении партийных актов к источникам советского права по-прежнему является дискуссионным, однако исходя из специфики континентальных правовых семей, к которым можно отнести и советскую правовую систему, все же следует рассматривать их в качестве отдельной, обособленной группы неправовых регуляторов, обла-

дающих доктринальным значением для советского государства и права [16–20].

Подобный подход позволяет определить основу, базовые положения, в соответствии с которыми формировался механизм ударного комсомольского движения, а в последующем перейти к детальному исследованию отдельных направлений его функционирования, регламентируемых в ведомственных и локальных актах. В рамках настоящей статьи рассмотрим первую, основополагающую группу регуляторов – законодательство СССР, которое относительно ударных комсомольских строек представлено в первую очередь нормами конституционного и трудового права, а также права социального обеспечения.

Хронологические рамки комсомольских ударных строек охватывают практически весь период существования Советского государства, поэтому с точки зрения конституционного регулирования необходимо проанализировать комплекс советских Конституций: 1924 г., 1936 г. и 1977 г., а также Конституцию РСФСР 1918 г. (поскольку привлечение комсомольцев к строительству промышленности, как уже отмечалось ранее, начинается с 1923 г.).

Так, Конституция РСФСР 1918 г. определила превалирующую роль труда над иными формами деятельности, а также закрепила свободу союзов, содействие в объединении и организации рабочих, бесплатное образование. Были образованы народные комиссариаты (в том числе Комиссариат труда, социального обеспечения, просвещения и т. д.). Указанные положения в совокупности с общегосударственной идеологической повесткой создали первые предпосылки для образования в 1918 г. – Российского коммунистического союза молодёжи (РКСМ).

Конституция СССР 1924 г. была направлена, прежде всего, на определение статуса союзных республик и системы государственных органов, впервые общественное устройство и правовое по-

ложение гражданина закрепила только «сталинская» Конституция 1936 г. Также в ней были определены принципы социализма, которые найдут отражение и в концепции организации комсомольских строек («от каждого по его способности, каждому – по его труду», труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина), закреплены основы организации труда, право на бесплатное образование, которое обеспечивалось «...обязательным восьмилетним образованием, широким развитием среднего общего политехнического образования, профессионально-технического образования, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством, всемерным развитием вечернего и заочного образования, бесплатностью всех видов образования, системой государственных стипендий, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах и колхозах бесплатного производственно-го, технического и агрономического обучения трудящихся...». Также отдельно закреплялось равенство прав женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни. Важнейшее значение имело положение о развитии организационной самодеятельности и политической активности народных масс, обеспечении права на объединения в общественные организации: профессиональные союзы, организации молодежи, спортивные и оборонные организации и т.д.

Конституция 1977 г. впервые содержит непосредственное упоминание о ВЛКСМ – установлено, что Профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, кооперативные и другие общественные организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов. Подобное закрепление роли

комсомола на конституционном уровне обосновывает позицию о существенном значении комсомольских организаций для социально-экономической и агитационной повестки государства. Также Конституция 1977 г. содержала подробное регулирование социальных прав граждан, значительно расширяя их перечень по сравнению с ранее действующей Конституцией.

Таким образом, конституционное регулирование советского периода создавало благоприятные предпосылки для развития молодежных организаций и форм коллективного труда: провозглашалась всесторонняя поддержка общественных и молодежных организаций, предоставление для их функционирования всей необходимой материальной базы, труд как форма деятельности становился важнейшей основой существования социалистического строя, предоставлялась возможность совмещения процесса получения образования и выполнения трудовых функций, устанавливались стипендии и гарантированная оплата труда и т. д.

Углубление конституционных положений было осуществлено в трудовом законодательстве советского периода, а также в правовых нормах, затрагивающих вопросы социального обеспечения. Первым кодифицированным актом в сфере регулирования трудовых отношений стал Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г., однако ввиду непродолжительного срока действия процедуру мобилизации трудового потенциала комсомола он не регламентировал. В 1922 г. ВЦИК ввел в действие обновленный Кодекс, устанавливающий институт коллективных и трудовых договоров, ученичество, возможность перемещения рабочих из одной местности в другую только при наличии согласия с их стороны, уравнивание размеров оплаты труда подростков и взрослых граждан, предоставление отпусков, сохранение среднего заработка за рабочими в период участия в съездах и конференциях, возмещение расходов на

переезд в случае изменения рабочим места жительства, льготные условия труда для женщин и несовершеннолетних. Также Кодекс 1922 г. определял роль профсоюзных организаций и органов по разрешению трудовых конфликтов, устанавливал институт социального страхования.

В последующие годы вопросы организации труда в основном регулировались актами правительственные органов СССР (СНК, Совет Министров), носящими подзаконный характер (к примеру, Постановление Совета Народных Комиссаров СССР, Центрального Комитета ВКП (б) и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 28 декабря 1938 г. «О мерах по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле»; Постановление СНК СССР от 1 июля 1940 г. «Об утверждении списка профессий с вредными условиями труда, для которых устанавливается шестичасовой рабочий день»; Постановление СНК СССР от 12 июля 1940 г. «О сверхурочных иочных работах и продолжительности отпусков для рабочих и служащих, достигших 16-летнего возраста»; Постановление Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы от 20 июня 1974 г. № 162 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения трудовых книжек на предприятиях, в учреждениях и организациях» и т.д.).

Единым общесоюзным актом о труде кодифицированного характера стал утвержденный Верховным Советом СССР 15 июля 1970 г. Закон «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде», на основе которого принимались все последующие республиканские трудовые кодексы, действовавшие до момента прекращения существования Советского государства. Основы законодательства СССР подроб-

но регламентировали правовой статус работника и трудового коллектива, также в рамках отдельной главы были сформулированы положения об организации совмещения работы с обучением, установлены дополнительные гарантии для членов профсоюзов, а также сформулированы принципы материальной заинтересованности трудового коллектива в результатах хозяйственной деятельности.

Таким образом, трудовое законодательство советского периода гарантировало молодым рабочим, прибывавшим на производство по комсомольским путевкам, не только наличие и защиту всех основных трудовых прав, но и дополнительные возможности по совмещению работы и образования – данный механизм являлся значительной мерой не только для поддержания материального обеспечения молодых трудящихся, но и способствовал снижению численности неквалифицированных рабочих.

В рамках трудового законодательства существенное значение имеют нормы о социальном обеспечении трудящихся, введение института социального страхования, пособий и пенсий, поддержка беременных женщин и женщин, имеющих детей. Регулирование вопросов социального обеспечения граждан, по аналогии с некоторыми аспектами трудовой сферы, входило в компетенцию правительства Советского государства и носило подзаконный характер. Однако в ряде случаев нормативные правовые акты в области социального обеспечения принимались непосредственно законодательным органом. Так, «Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию» 1930 г. было принято совместным Постановлением ЦИК и СНК СССР, так же как и Постановление ЦИК и СНК СССР «О социальном страховании» 1931 г.

Совокупность конституционных норм, а также законодательных актов о труде и социальном обеспечении советского периода позволила сформировать

устойчивый базис для организации труда молодежи. Несмотря на то, что подробной регламентации в законодательстве ударные комсомольские стройки не получили, на государственном уровне был сформирован эффективный механизм для привлечения трудового потенциала комсомольцев к возведению народно-хозяйственных промышленных объектов, освоению целинных земель, ликвидации безграмотности среди населения и выполнению иных социально значимых целей.

Выводы

Анализ советского законодательства, создавшего предпосылки для эффективного функционирования ударного комсомольского движения, позволяет говорить о том, что высокие показатели мобилизационной и трудовой активности комсомольцев являются не только итогом массовой идеологической работы с молодежью, но и результатом создания ком-

плекса существенных трудовых и социальных гарантий для трудящихся. Заинтересованность комсомольцев в участии в коллективном труде и ударном социалистическом движении основывалась также на возможностях получения оплаты труда и дополнительного материального вознаграждения, повышения уровня квалификации, беспрепятственном совмещении труда и образования, дополнительной поддержке в случае переезда и т. д. Рассматривая процесс привлечения комсомольцев на важнейшие стройки советского периода, ошибочно определять данную процедуру как разновидность принудительного коллективного труда или форму исполнения трудовой повинности. Ударное комсомольское движение носило добровольческий характер, строилось на личном волеизъявлении комсомольцев, что подтверждается множеством очерков и воспоминаний очевидцев и участников исследуемого явления.

Список литературы

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999.
2. Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РГБ, 2007.
3. Водопьянова З. К., Кондрашин, В. В. «...Наша деревня опустошена до последнего семенного зернышка»: из дневников литературного критика К. Л. Зелинского и информационных сводок ОГПУ о голоде в СССР. 1933 г. // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 87–95.
4. Гончарова И. В., Чувардин Г. С. Коммуны Центрального Черноземья – от «военно-го коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация // Крестьяноведение. 2018. № 4. С. 105–122.
5. Грибанова И. В. Труд в особых лагерях ГУЛАГА: БЕРЛАГ, 1948–1954 гг. // Экономическая история: ежегодник. 2010. С. 407–480.
6. Никифоров А. А. Экономический аспект использования труда заключенных в системе ГУЛАГА // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 69–72.
7. Федотова И. Н. К вопросу об использовании принудительного труда научно-технической интеллигенции в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 75–91.
8. Зарубкина О. В. Социальное движение комсомола как необходимость экономического развития страны (к 100-летию комсомола) // Учет, анализ и аудит в условиях цифро-

вой экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: Чуваш. гос. сельскохоз. акад., 2018. С. 494–498.

9. Карабутова Т. В. Комсомол: уроки прошлого и опыт для современного молодежного движения // Молодежное движение в России XX–XXI вв. Исторический опыт. Проблемы и перспективы: материалы региональной научно-практической конференции. Кемерово: Кузбас. регион. ин-т развития проф. образования, 2018. С. 22–25.

10. Рамазанова Э. И. Роль комсомола в воспитании молодежи // Новый взгляд на проблемы всемирной истории: материалы VII Всероссийской научно-практической студенческо-преподавательской конференции. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т, 2018. С. 167–169.

11. Ильина А. С., Туфанов Е. В. Комсомол как молодежная движущая сила Ставрополья // НаукаПарк. 2018. № 6 (67). С. 121–124.

12. Прокопов Е. Е., Шепелева Ю. А. Комсомол как феномен в истории молодежных движений // Комсомол в судьбах разных поколений страны: материалы Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2018. С. 93–96.

13. Старostenко К. В., Городнина О. С. Роль комсомола в жизни советского общества // Комсомол в судьбах разных поколений страны: материалы Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2018. С. 106–115.

14. Вандышева Г. «Есть в наших днях такая точность»: письма комсомольцев – строителей Волховской ГЭС // Волховские огни. 2017. № 5.

15. Развитие электрификации Советской страны 1921–1925 гг.: сборник документов и материалов / под ред. И. А. Гладкова. М.: Госполитиздат, 1956. 703 с.

16. Винниченко О. В., Ваганов А. М. К вопросу об определении статуса партийных документов в системе источников советского права // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 207–208.

17. Новицкая Т. Е. Источники российского права: вопросы теории и истории / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Норма, 2009. С. 29–30.

18. Раевич С. И. О характере норм партийного законодательства // Советское право. 1923. № 3. С. 92–102.

19. Минникес И. В. Источники российского права: проблемы эволюции. М.; Иркутск: ГОУ ВПО РПА МЮ РФ, 2009. 102 с.

20. Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М.: Интерпракс, 1995. 218 с.

Reference

1. Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials]; ed. by V. Danilova, R. Manning, L. Violy. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999.

2. Sovetskaya derevnya glazami VCHK-GPU-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [The Soviet village through the eyes of the Cheka-GPU-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials]; ed. by A. Berelovich, V. Danilova. Moscow, RGB Publ., 2007.

3. Vodop'yanova Z. K., Kondrashin, V. V. "...Nasha derevnya opustoshena do poslednego semennogo zernyshka": iz dnevnikov literaturnogo kritika K. L. Zelinskogo i informacionnyh svodok OGPU o golode v SSSR. 1933 g. ["... Our village is devastated to the last seed grain": from the diaries of literary critic K. L. Zelinsky and OGPU information reports on the famine in the USSR. 1933]. *Otechestvennye arhivy = Domestic Archives*, 2009, no. 1, pp. 87–95.

4. Goncharova I. V., Chuvardin G. S. Kommuny Central'nogo Chernozem'ya – ot "voenno-go kommunizma" do kollektivizacii: zamysel i realizaciya [Communes of the Central Chernozem region - from "war communism" to collectivization: conception and implementation]. *Krest'yanovedenie = Krestyanovedenie*, 2018, no. 4, pp. 105–122.
5. Gribanova I. V. Trud v osobyh lageryah GULAGA: BERLAG, 1948–1954 gg. [Labor in special GULAG camps: BERLAG, 1948–1954]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik = Economic History: Yearbook*, 2010, pp. 407–480.
6. Nikiforov A. A. Ekonomicheskij aspekt ispol'zovaniya truda zaklyuchennyh v sisteme GULAGA [The economic aspect of the use of prisoners' labor in the GULAG system]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and punishment*, 2009, no. 1, pp. 69–72.
7. Fedotova I. N. K voprosu ob ispol'zovanii prinuditel'nogo truda nauchno-tehnicheskoy intelligencii v SSSR v konce 1920-h – 1930-e gg. [On the issue of the use of forced labor of scientific and technical intelligentsia in the USSR at the end of the 1920s – 1930s]. *Intelligentsiya i mir = Intelligentsia and the World*, 2020, no. 1, pp. 75–91.
8. Zarubkina O. V. [The social movement of the Komsomol as a necessity for the economic development of the country (to the 100th anniversary of the Komsomol)]. *Uchet, analiz i audit v usloviyah cifrovoj ekonomiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Accounting, analysis and audit in the digital economy. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, Chuvash. gos. sel'skohoz. akad. Publ., 2018, pp. 494–498. (In Russ.)
9. Karabutova T. V. [Komsomol: lessons from the past and experience for the modern youth movement]. *Molodezhnoe dvizhenie v Rossii XX–XXI vv. Istoricheskij opyt. Problemy i perspektivy. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Youth movement in Russia XX–XXI centuries. Historical experience. Problems and prospects. Materials of the regional scientific and practical conference]. Kemerovo, Kuzbas. region. in-t razvitiya prof. obrazovaniya Publ., 2018, pp. 22–25. (In Russ.)
10. Ramazanova E. I. [The role of the Komsomol in the education of youth]. *Novyj vzglyad na problemy vsemirnoj istorii. Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy studenchesko-prepodavatel'skoj konferencii* [A new look at the problems of world history. Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical student-teacher conference]. Mahachkala, Dagestan St. Ped. Univ. Publ., 2018, pp. 167–169. (In Russ.)
11. Il'ina A. S., Tufanov E. V. Komsomol kak molodezhnaya dvizhushchaya sila Stavropol'ya [Komsomol as a youth driving force of Stavropol]. *NaukaPark*, 2018, no. 6 (67), pp. 121–124.
12. Prokopov E. E., Shepeleva, Yu. A. [Komsomol as a phenomenon in the history of youth movements]. *Komsomol v sud'bah raznyh pokolenij strany. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Komsomol in the destinies of different generations of the country. Materials of the International scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2018, pp. 93–96. (In Russ.)
13. Starostenko K. V., Gorodnina O. S. [The role of the Komsomol in the life of Soviet society]. *Komsomol v sud'bah raznyh pokolenij strany. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Komsomol in the destinies of different generations of the country. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2018, pp. 106–115. (In Russ.)
14. Vandsheva G. "Est' v nashih dnyah takaya tochnost'": pis'ma komsomol'cev – stroitelej Volhovskoj GES ["There is such accuracy in our days": letters of Komsomol members - builders of the Volhovskaya HPP]. *Volhovskie ogni = Volkhov lights*, 2017, no. 5.

15. Razvitie elektrifikacii Sovetskoy strany 1921–1925 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Development of electrification of the Soviet Country 1921–1925. Collection of documents and materials]; ed. by I. A. Gladkov. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956. 703 p.
16. Vinnichenko O. V., Vaganov A. M. K voprosu ob opredelenii statusa partijnyh dokumentov v sisteme istochnikov sovetskogo prava [On the issue of determining the status of Party documents in the system of sources of Soviet law]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Tyumen State University*, 2012, no. 3, pp. 207–208.
17. Novickaya T. E. Istochniki rossijskogo prava: voprosy teorii i istorii [Sources of Russian law: questions of theory and history]; ed. by M. N. Marchenko. Moscow, Norma Publ., 2009, pp. 29–30.
18. Raevich S. I. O haraktere norm partijnogo zakonodatel'stva [On the nature of the norms of party legislation]. *Sovetskoe pravo* = *Soviet law*, 1923, no. 3, pp. 92–102.
19. Minnikes I. V. Istochniki rossijskogo prava: problemy evolyucii [Sources of Russian law: problems of evolution]. Moscow, Irkutsk, GOU VPO RPA MYU RF, 2009. 102 p.
20. Korzhihina T. P., Senin A. S. Iстория rossijskoj gosudarstvennosti [History of Russian statehood]. Moscow, Interpraks Publ., 1995. 218 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Чуева Инна Андреевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: chueva_i@bsu.edu.ru, ORCID: 0000-0002-1907-8030

Inna A. Chueva, Post-Graduate Student of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: chueva_i@bsu.edu.ru,
ORCID: 0000-0002-1907-8030

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-71-78>

Привилегия как правовая категория

А. С. Емельянов¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

 e-mail: emelyanov46@mail.ru

Резюме

Актуальность. Понятийно-категориальный аппарат юриспруденции включает целый ряд понятий, определяющих исключения из общего правила – принципа правового равенства. Системообразующей категорией, определяющей право субъекта пользоваться дополнительным правом, выступает понятие «правовое преимущество». В понятийный ряд этой категории входят понятия: «правовая льгота», «правовая привилегия», «правовой иммунитет» и др. Наиболее спорным, вызывающим неоднозначные оценки и определения выступает понятие «привилегия», негативный смысл которой исторически связан с явлением, отражавшим социальное неравенство. Зарождение принципа равенства связано с постепенным отказом от системных привилегий (сословных, расовых, половых).

Цель исследования состоит в теоретико-правовом и историческом сопоставлении категорий «правовая привилегия» и «правовая льгота».

Задачи исследования включают: сравнение юридических понятий «привилегия» и «льгота», определение процесса их генезиса, выделение признаков, опровергающих их тождественность.

Методология статьи включала методы, традиционно применяемые при проведении теоретико-правового исследования: общенаучные (диалектический, логический, системно-структурный; частнонаучные (исторический, статистический, аксиологический) и специальные (сравнительно-правовой и формально-юридический).

Результаты. Проведенное исследование показало, что правовые льготы и привилегии изначально выступают правомерными нормативными исключениями из общеправового принципа равенства, что не свидетельствует об их юридической тождественности.

Вывод. Эволюция привилегий шла по пути постепенного отказа от системных преимуществ к привилегиям, основанным преимущественно на служебном статусе. Льготы изначально предназначались для облегчения положения социально незащищенного населения, их функциональная роль с течением времени расширилась, но существенно не изменилась.

Ключевые слова: понятие; категория; привилегия; льгота; преимущество; принцип равенства.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Емельянов А. С. Привилегия как правовая категория // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 71–78. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-71-78>.

Поступила в редакцию 23.12.2021

Принята к публикации 20.01.2022

Опубликована 28.02.2022

Privilege and Benefit as Legal Categories: Issues of Correlation

Alexey S. Emelyanov¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
 e-mail: emelyanov46@mail.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the analysis of the concept of "privilege" as a legal category. The conceptual and categorical apparatus of jurisprudence includes a number of concepts that define exceptions to the general rule - the principle of legal equality. The system-forming category defining the right of a subject to use an additional right is the concept of "legal advantage". The conceptual range of this category includes the concepts: "legal privilege", "legal privilege", "legal immunity", etc. The most controversial, causing ambiguous assessments and definitions, is the concept of "privilege", the negative meaning of which is historically associated with a phenomenon that reflected social inequality. The origin of the principle of equality is associated with the gradual rejection of systemic privileges (class, racial, sexual).

The purpose of the study is a theoretical, legal and historical analysis of the category of "legal privilege" based on comparison with the concept of "legal privilege".

The research objectives include: comparison of the legal concepts of "privilege" and "privilege", analysis of their genesis, identification of similarities and differences.

The methodology of the article included methods traditionally used in conducting theoretical and legal research: general scientific (dialectical, logical, system-structural); private scientific (historical, statistical, axiological) and special (comparative legal and formal legal).

Results. The conducted research has shown that legal benefits and privileges initially act as legitimate regulatory exceptions to the general legal principle of equality, which does not indicate their legal identity.

Conclusion. The evolution of privileges followed the path of gradual abandonment of systemic advantages to privileges based mainly on official status. Benefits were originally intended to alleviate the situation of the socially unprotected population, their functional role has expanded over time, but has not changed significantly.

Keywords: concept; category; privilege; privilege; advantage; principle of equality.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Emelyanov A. S. Privilege and Benefit as Legal Categories: Issues of Correlation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 71–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-71-78>.

Received 23.12.2021

Accepted 20.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Исследование вопросов, касающихся юридического равенства правовых понятий и исключений из него, всегда являлось актуальным и востребованным. Понятийно-категориальный аппарат юриспруденции весьма массивен и разнообразен, вследствие чего использование про-

фессиональной терминологии должно отвечать принципу единства в целях избегания противоречий в понимании соответствующих дефиниций и их применения как законодателем, так и правопримениелями. Вместе с тем при толковании отдельных понятий допускается их смешение, что обусловлено в том числе широтой лексического значения одного

из составляющих его слов, а также неоднозначностью их правового толкования. Примером таких «обширных» понятий выступает «правовое преимущество», в понятийный ряд которого входит целый ряд определений: «правовая льгота», «правовая привилегия», «правовой иммунитет», «преференция» и др. К числу наиболее дискуссионных, вызывающих неоднозначные оценки следует отнести понятие «правовая привилегия», поскольку смысл слова «привилегия» исторически связан с явлением, отражавшем социальное неравенство. Сопоставление категорий «правовая льгота» и «правовая привилегия» имеет теоретико-прикладное значение, в том числе и для разделения предмета правового регулирования отдельных отраслей законодательства.

Методология

Методология теоретического исследования дефиниции «правовая привилегия» включала методы, традиционно применяемые при проведении теоретико-правового исследования: общенаучные (диалектический, логический, системно-структурный; частнонаучные (исторический, статистический, аксиологический) и специальные (сравнительно-правовой и формально-юридический), позволивших дать содержательную и сущностную характеристику исследуемого явления.

Результаты и их обсуждение

В отечественной историографии немало работ посвящено определению «правовых привилегий» [1; 2; 3; 4; 5], однако до настоящего времени проблема остается дискуссионной. По теме привилегий есть общетеоретические [2; 3; 4; 5; 6], международно-правовые [7; 8] и отраслевые [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16] исследования, однако единого мнения выработать не удалось.

Семасиологический подход к изучению понятия «привилегия» позволяет установить, что большинство словарей определяют значение этого слова как преимущественного права, льготы [17]. Исходя из семантического значения, очевидно, что наиболее близкими по смыслу выступают слова «льгота» и «привилегия». Семантические определения данных терминов имеют схожий синонимический ряд – «преимущественное право», «облегчение», «дополнительное право». В связи с этим теоретико-правовой анализ дефиниции «привилегия» должен фокусироваться в плоскости сравнения с понятием «льгота».

Так, М. Г. Дибиров полагает, что «между льготами и привилегиями нет принципиальных различий, эти слова вполне могут использоваться в качестве синонимов, в т. ч. в юридической, нормативной лексике» [9, с. 53]. По мнению И. И. Кравченко, «льготы и привилегии – это одна система» [18, с. 49]. Близкой позиции придерживается и С. Ю. Суменков, отмечавший, что «привилегии и льготы представляют собой юридические средства, направленные на более полное удовлетворение интересов и потребностей субъектов путем предоставления дополнительных прав, либо освобождения от соответствующих обязанностей» [5, с. 9]. Однако, указывая на единство природы двух категорий, С. Ю. Суменков доказывал, что основополагающей является категория «льгота», имеющая более широкую сферу распространения.

Немало исследователей считают привилегии разновидностью правовых льгот [1; 6; 19]. Так, С. С. Лампадова отмечает, что «привилегии являются специфической разновидностью льгот, ориентированных на субъектах, участвующих в политической жизни общества» [1, с. 15–16].

Существует в российской науке и крайняя точка зрения, согласно которой льготы и привилегии признаются преимуществами, но первые основаны на законе, а вторые (привилегии) «не только не имеющие правового обоснования, но и нередко получаемые вопреки правовым установлениям» [15, с. 24]. Полагаем, что такая точка зрения не имеет законодательного подтверждения. Оба термина и «льготы», и «привилегии» используются в нормативно-правовых актах как понятия, означающие юридические облегчения.

Несомненно, нельзя не признать семантическую (смысловую) общность слов «льгота» и «привилегия». Нередки случаи употребления в законодательстве этих понятий как правовых синонимов. Так, в некоторых двусторонних консультских конвенциях России привилегированный статус консульских учреждений и их работников обозначен не только терминами «привилегии и иммунитеты», но «льготы»¹. Полагаем, что в данном случае слова «льготы» и «привилегии» используются как синонимы. В одном ряду они употребляются и в административном законодательстве, например, в аспекте недопущения дискриминации и преимуществ (льгот и привилегий) и др.²

Сходство правовых льгот и привилегий в юридическом смысле проявляется в целом ряде моментов, в частности: они облегчают положение адресатов и направлены на удовлетворение их интересов; выступают средствами правового стимулирования; являются компенсаци-

онными мерами, призванными восполнить затраты от выполнения какой-либо деятельности; могут расцениваться как формы правовых изъятий (правомерных исключений) и как инструменты правовой дифференциации субъектов права.

Однако в юридической лексике понятия «льгота» и «привилегии» отождествлять нельзя. Признание самостоятельности правовых категорий «льгота» и «привилегия» актуализируют задачу их соотношения. Генезис понятий не свидетельствует об их тождественности.

Понятие «привилегия» исторически связано с понятием социального статуса лица и объективно существующей природой властеотношений. Наличие классового общества и соответственно привилегированных сословий подтверждает этот тезис. В период феодализма особые привилегии (исключительные права) стали оформляться как «пожалование» монарха, например, постепенное законодательное оформление сословных прав и привилегий служилого сословия в России. Зарождение принципа равенства связано с постепенным отказом от принципа системных привилегий (сословных, расовых, половых).

Понятие «привилегия» в современном российском законодательстве преимущественно употребляется в отношении лиц, имеющих публичный статус, и выступает преимуществом, направленным на предоставление особых прав, связанных со служебной деятельностью. В настоящее время чаще всего оно используется применительно к органам внешних сношений и их сотрудникам (дипломатическим агентам, консульским должностным лицам, членам административно-технического персонала и др.) и закрепляется в универсальных и двусторонних договорах, участниками которых выступает Россия, а также внутригосудар-

¹ Консультская конвенция между Российской Федерацией и Украиной (Москва, 15 января 1993 г.). URL: <https://www.kdmid.ru/> (дата обращения: 10.11.2021).

² О порядке отбывания административного ареста: федер. закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70369202/> (дата обращения: 10.11.2021).

ственных нормативных актах, например в Консультском уставе РФ 2010. Нельзя не согласиться с А. В. Малько и И. С. Морозовой, отмечавших, что в процессе управления лицам, наделенным публичной властью, «необходимы преимущества, называемые привилегиями» [6, с. 147].

Привилегии публичных лиц определяются объективно существующей иерархией юридически властных связей и неравенством субъектов управленческих отношений. Уравнивать роли в системе властеотношений бессмысленно. По мнению А. Г. Репьева, в действующем праве «привилегия как тип правового преимущества представлена следующими видами: преференцией, субсидией, грантом, квотой и властной прерогативой» [4, с. 22].

Употребление термина «льгота» в современном российском законодательстве гораздо шире, чем «привилегия», что, скорее всего, связано с негативным смыслом, исторически закрепившимся за понятием «привилегия» как явления, отражавшего социальное неравенство. Использование термина «льгота» исторически связано с необходимостью облегчения положения социально незащищенного населения. Например, в Конституции СССР 1977 г. в ст. 35, 45 и 53 употребляется термин «льгота» как социальное преимущество для беременных женщин и матерей, учащихся и студентов, многодетных семей.

Социальное значение льготы существенно не изменилось, хотя функциональная роль с течением времени расши-

рилась. В настоящее время понятие «льгота» преимущественно связано с улучшением материального состояния, формой поддержки нуждающегося лица и направлено на сглаживание социального неравенства. В связи с этим многие льготы выражаются в денежном эквиваленте (дотациях, компенсациях и пр.). В отечественной историографии льготы классифицируются по различным основаниям: сфере правового регулирования; адресатам (субъектам права); характеру; социальной роли, времени действия и др. [2, с. 66–88]

Выводы

Таким образом, правовые льготы и привилегии выступают правомерными нормативными исключениями из общеправового принципа равенства. Генезис привилегий был связан с социальным статусом привилегированных сословий. Трансформация привилегий шла по пути постепенного отказа от системных преимуществ к привилегиям, основанным на служебном статусе. В современном российском законодательстве понятие «привилегия» употребляется в отношении лиц, имеющих публичный статус, и выступает преимуществом, связанным со служебной деятельностью. Употребление понятия «льгота» изначально связано с защитой уязвимых категорий населения. Сфера применения термина «правовая льгота» сегодня достаточно широка но преимущественной областью распространения остается социальное законодательство.

Список литературы

1. Лампадова С. С. Юридический иммунитет: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 19 с.
2. Морозова И. С. Льготы в российском праве: Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 185 с.

3. Провалинский Д. И. Правовые привилегии в современном российском праве // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2 (35). С. 154–157.
4. Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2019. 529 с.
5. Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 187 с.
6. Малько А. В., Морозова И. С. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот // Правоведение. 1999. № 4. С. 143–156.
7. Исполинов А. С. Привилегии и иммунитеты Европейского Союза // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 1995. № 1. С. 68–74.
8. Сафонова Е. В. Зарождение отечественной доктрины о консульских иммунитетах и привилегиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 1. С. 140–147.
9. Дибиров М. Г. Привилегии в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 228 с.
10. Красильников А. В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 242 с.
11. Таранова Т. Привилегии в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 10. С. 24–28.
12. Избиенова Т. А. Льготы или «кантильготы» занятости для женщин и лиц с семейными обязанностями // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 30–32.
13. Старова Е. В. Льготное налогообложение земельных участков, используемых для сельскохозяйственного производства: обзор отдельных арбитражных споров по ставке земельного налога // Вестник арбитражной практики. 2021. № 2. С. 54–60.
14. Кныш Р. Д. Правовой стимул как целое, а правовые льготы, поощрения и привилегии как частное в системе финансового и налогового права // Финансовое право. 2021. № 9. С. 39–43.
15. Афанасьев Д. В. Основные положения современного патентного права: предпосылки формирования и развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 6. С. 91–104.
16. Кирсанова Е. Е. Значение системы привилегий в процессе формирования исключительных прав на литературную собственность // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 66–74.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка и фразеологических выражений / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: «А ТЕМП», 2004. 944 с.
18. Власть, демократия, привилегия: материалы круглого стола // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 43–67.
19. Шапиро И. М. Юридическое равенство, законность и справедливость как социально-правовые категории // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 2 (12). С. 17–28.
20. Дюрягин И. Я. Гражданин и закон. М.: Юрид. лит., 1989. 382 с.

References

1. Lampadova S. S. Yuridicheskij immunitet: teoretiko-pravovoj aspect. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Legal immunity: theoretical and legal aspect. Cand. legal sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2002. 19 p.

2. Morozova I. S. L'goty v rossijskom prave: Voprosy teorii i praktiki. Diss. kand. yurid. nauk [Benefits in Russian law: Questions of theory and practice. Cand. legal sci. diss.]. Saratov, 1999. 185 p.
3. Provalinskij D. I. Pravovye privilegii v sovremenном rossijskom prave [Legal privileges in modern Russian law]. *Vestnik Vladimirsogo yuridicheskogo instituta* = *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2015, no. 2 (35), pp. 154–157.
4. Rep'ev A.G. Preimushchestva v rossijskom prave: teoriya, metodologiya, tekhnika. Diss. dokt. yurid. nauk [Advantages in Russian law: theory, methodology, technique. Dr. legal sci. diss.]. Saratov, 2019. 529 p.
5. Sumenkov S. Yu. Privilegii i immunitety kak obshchepravovye kategorii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Privileges and immunities as general legal categories. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2002. 187 p.
6. Mal'ko A. V., Morozova I. S. Privilegii kak specificheskaya raznovidnost' pravovyh l'got [Privileges as a specific kind of legal benefits]. *Pravovedenie* = *Jurisprudence*, 1999, no. 4, pp. 143–156.
7. Ispolinov A. S. Privilegii i immunitety Evropejskogo Soyuza [Privileges and immunities of the European Union]. *Vestnik MGU. Seriya 11: Pravo* = *Bulletin of Moscow State University. Episode 11: Law*, 1995, no. 1, pp. 68–74.
8. Safronova E. V. Zarozhdenie otechestvennoj doktriny o konsul'skih immunitetah i privilegiyah [The origin of the Russian doctrine of consular immunities and privileges]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2015, no. 1, pp. 140–147.
9. Dibirov M. G. Privilegii v ugolovnom prave Rossii. Diss. kand. yurid. nauk [Privileges in Russian Criminal Law. Cand. legal sci. diss.]. Saratov, 2015. 228 p.
10. Krasil'nikov A. V. Ugolovno-processual'nye privilegii otdel'nyh kategorij lic. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal procedural privileges of certain categories of persons. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2006. 242 p.
11. Taranova T. Privilegii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Privileges in civil proceedings]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process* = *Arbitration and civil procedure*, 2006, no. 10, pp. 24–28.
12. Izbienova T. A. L'goty ili "antil'goty" zanyatosti dlya zhenshchin i lic s semejnymi obyazannostyami [Benefits or "anti-benefits" of employment for women and persons with family responsibilities]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* = *Labor law in Russia and abroad*, 2016, no. 2, pp. 30–32.
13. Starova E. V. L'gotnoe nalogoooblozhenie zemel'nyh uchastkov, ispol'zuemyh dlya sel'skohozyajstvennogo proizvodstva: obzor otdel'nyh arbitrazhnyh sporov po stavke zemel'nogo naloga [Preferential taxation of land plots used for agricultural production: an overview of individual arbitration disputes on the land tax rate]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki* = *Bulletin of Arbitration Practice*, 2021, no. 2, pp. 54–60.
14. Knyshev R. D. Pravovoj stimul kak celoe, a pravovye l'goty, pooshchreniya i privilegii kak chastnoe v sisteme finansovogo i nalogovogo prava [Legal incentive as a whole, and legal benefits, incentives and privileges as private in the system of financial and tax law]. *Finansovoe pravo* = *Financial Law*, 2021, no. 9, pp. 39–43.
15. Afanas'ev D. V. Osnovnye polozheniya sovremennoj patentnoj pravy: predposyalki formirovaniya i razvitiya [The main provisions of modern patent law: prerequisites for the formation and development]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2021, no. 6, pp. 91–104.
16. Kirsanova E. E. Znachenie sistemy privilegij v processe formirovaniya isklyuchitel'nyh prav na literaturnyu sobstvennost' [The importance of the system of privileges in the process of

formation of exclusive rights to literary property]. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial law*, 2020, no. 3, pp. 66–74.

17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian language and phraseological expressions]. Moscow, "A TEMP", 2004. 944 p.

18. Kravchenko I. I. *Vlast', demokratiya, privilegiya. Materialy kruglogo stola* [Power, democracy, privileges. Materials of the round table]. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*, 1991, no. 7, pp. 43–67.

19. Shapiro I. M. *Yuridicheskoe ravenstvo, zakonnost' i spravedlivost' kak social'no-pravovye kategorii* [Legal equality, legality and justice as socio-legal categories]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2008, no. 2 (12), pp. 17–28.

20. Dyuryagin I. Ya. *Grazhdanin i zakon* [Citizen and the law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 382 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Емельянов Алексей Сергеевич, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: emelyanov46@mail.ru, ORCID: 0000-0001-3375-9403

Alexey S. Emelyanov, Applicant at the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: emelyanov46@mail.ru, ORCID: 0000-0001-3375-9403

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-79-88>

Специфика гражданско-правового оборота цифровых финансовых активов

В. А. Садков¹

¹ Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
ул. Историческая 130, г. Волгоград 400089, Российская Федерация

e-mail: wrendek@mail.ru

Резюме

Актуальность. Цифровые финансовые активы обозначены в нормах российского права как особый сегмент цифровых прав. В настоящее время нормативная база, регламентирующая оборот цифровых финансовых активов, находится в стадии становления, а законодательство, регламентирующее общественные отношения, возникающие относительно этого явления, характеризуется несовершенством и противоречивостью.

Целью исследования является разработка теоретических положений, способствующих уяснению специфики гражданско-правового оборота прав, относимых российским законодателем к категории цифровых финансовых активов, определение структуры такого оборота для использования полученных результатов в разработке норм, регламентирующих правоотношения, опосредованные электронно-виртуальной средой.

Задачи: выявить необходимые условия участия субъектов права в обороте цифровых финансовых активов; определить элементы оборота цифровых финансовых активов; обозначить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Методология. При написании работы использовались методы анализа и синтеза, системный метод, формально-юридический метод и метод толкования норм права.

Результаты. Автором утверждается, что для того, чтобы стать субъектом оборота прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов, лицу необходимо: во-первых, обладать правом пользования аппаратно-программным комплексом (компьютером и (или) смартфоном с каналом интернет-связи), обеспечивающим персональный доступ к работе в соответствующей информационной системе; а во-вторых, иметь уникальный код для обеспечения персонализации себя как участника информационного взаимодействия. Это в совокупности является обязательным признаком его гражданско-цифровой сделкоспособности. Предлагается пятиэлементная структура гражданско-правового оборота прав, удостоверенных по конструкции цифровых финансовых активов.

Выводы. Использование цифровых технологий, опосредующих фиксацию имущественных прав, их принадлежность определенному участнику гражданско-правового оборота будет неуклонно расширяться. Предлагаемая автором структура гражданско-правового оборота цифровых финансовых активов может рассматриваться в качестве основы для разработки правил обмена цифровых финансовых активов и совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы; цифровые права; гражданско-правовой оборот.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Садков В. А. Специфика гражданско-правового оборота цифровых финансовых активов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 79–88. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-79-88>.

Поступила в редакцию 16.12.2021

Принята к публикации 20.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Садков В. А., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 79–88

The Specifics of the Civil Turnover of Digital Financial Assets

Vitaliy A. Sadkov¹✉

¹ Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation,
130 Historical str., 400089 Volgograd, Russian Federation

✉ e-mail: wrendek@mail.ru

Abstract

Relevance. Digital financial assets designated in the norms of Russian law as a special segment of digital rights. Currently, the regulatory framework regulating the turnover of digital financial assets is in the process of formation, and the legislation regulating public relations arising in relation to this phenomenon characterized by imperfection and inconsistency.

The purpose of the research is to develop theoretical provisions that contribute to understanding the specifics of civil law turnover of rights classified by the Russian legislator as digital financial assets, which determining the structure of such turnover for using the results obtained in the development of norms regulating legal relations mediated by the electronic virtual environment.

Objectives: to identify the necessary conditions for the participation of legal entities in the turnover of digital financial assets; to determine the elements of the turnover of digital financial assets; to identify the directions for further development of legal regulation of the issues under consideration.

Methodology. When writing the work, author used the methods of analysis and synthesis, the system method, the dogmatic legal method and the method of interpretation of the norms of law.

Results. The author argues that in order to become a subject of turnover of rights certified by the design of digital financial assets, a person must: firstly, have the right to use a hardware and software complex (computer and (or) smartphone with an Internet communication channel) that provides personal access for work in the appropriate information system; and secondly, have a unique code to ensure personalization of himself as a participant in information interaction. This together is a mandatory sign of its civil-digital transaction capacity. A five-element structure of civil law turnover of rights certified by the design of digital financial assets is proposed.

Conclusions. The use of digital technologies mediating the fixation of property rights, their belonging to a certain participant in civil turnover, will steadily expand. The structure of the civil turnover of digital financial assets proposed by the author can be considered as a basis for the development of rules for the exchange of digital financial assets and the improvement of Russian legislation.

Keywords: digital financial assets; digital rights; turnover; property rights.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sadkov V. A. The Specifics of the Civil Turnover of Digital Financial Assets. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 79–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-79-88>.

Received 16.12.2021

Accepted 20.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Сегодня мы являемся свидетелями того, как информационно-телекоммуникационные технологии все глубже проникают в каждый сегмент нашей жизни, что является следствием индустриального переворота, составляющего базу для четвертой промышленной революции,

нередко именуемой как «Индустрия 4.0» [1, с. 57].

По мнению Дона Тапскотта, в качестве основы нового экономического уклада следует рассматривать явление "digitization", сутью которого является цифровая форма существования информации [2, с. 114]. Л. В. Санникова и Ю. С. Харитонова обоснованно полага-

ют, что цифровизация экономических процессов позволяет существенно снизить транзакционные издержки, ускорить проведение транзакций, упростить доступ участникам хозяйственной деятельности на товарные рынки [3].

Создавая правовую базу для обеспечения эффективного внедрения новых технологий, российский законодатель ввел в юридический лексикон категорию «цифровые права», определение которой сформулировано в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако, по справедливому мнению А. В. Габова, в полной мере адекватно описать цифровые права как новую реальность достаточно непросто [4, с. 33].

Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) с 1 января 2021 г. цифровые финансовые активы рассматриваются в качестве одной из разновидностей цифровых прав.

Закон о ЦФА регламентирует общественные отношения, связанные с инновационными разработками, касающимися новых финансовых технологий (FinTech), предназначенных для упрощения доступа к финансовым услугам, осуществления взаиморасчетов между субъектами гражданского оборота. При этом формулировки Закона о ЦФА допускают двоякое толкование категории «цифровые финансовые активы» (далее – ЦФА): и с позиций совокупности имущественных прав, обладающих определенной ценностью, и с позиций нового, оригинального способа фиксации таких прав.

О ЦФА, как о совокупности оборотоспособных имущественных прав, говорится в нормах ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА, где в качестве ценностного наполнения категории ЦФА законодатель называет: денежные требования; имущественные права, зафиксированные в эмиссионных

ценных бумагах, и право требовать передачи таких эмиссионных ценных бумаг; корпоративные права участия в капитале непубличного акционерного общества. Причем, на наш взгляд, следует сделать оговорку, что в качестве денежных требований к правам, составляющим сущностное наполнение категории ЦФА, следует относить только обязательственные денежные требования, т. к. денежные требования, возникающие из судебных решений, налоговых отношений, административного и уголовного штрафов и др., в силу своей необоротоспособности и неотделимости от личности должника не могут рассматриваться в качестве прав, относящихся к категории ЦФА.

Что же касается особенностей способа фиксации обладания такими правами субъектами гражданских правоотношений (что, по мнению законодателя, и предопределяет обоснованность именования вышеназванных прав как ЦФА), можно отметить, что записи о правах, удостоверяемых ЦФА, должны фиксироваться в информационной системе, построенной преимущественно по технологии распределенного реестра. Технология распределенного реестра (blockchain) призвана обеспечить децентрализованный учет и хранение записей о выпуске и обороте прав, удостоверенных ЦФА. К преимуществам данной технологии относят надежность хранения соответствующей информации, ее прозрачность и доступность, безопасность базы данных, в которой учитываются требования контрагентов, цифровая форма предоставления данных, ускорение процессов обмена информацией за счет отсутствия посредников [5, с. 192]. По мнению законодателя, введение ЦФА предназначено, прежде всего, для упрощения оборота имущественных прав, которые удостоверены посредством вышеописанной конструкции.

Говоря об обороте прав, удостоверенных ЦФА, как о разновидности цифровых, а следовательно, и имуществен-

ных прав, следует отметить, что проблематика оборота имущественных прав отражена в работах таких ученых-цивилистов, как В. А. Белов [6], С. Н. Братусь [7], Ю. В. Виниченко [8], С. П. Гришаев [9], Т. В. Дерюгина [10], А. О. Иншакова [11], А. А. Карцхия [12], Л. В. Криволапова [13], А. В. Сусликова и Ю. О. Пронина [14], А. С. Яковлев [15], Т. С. Яценко [16] и др. Однако исследований, раскрывающих специфику оборота имущественных прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на настоящее время нет.

Методология

Для достижения цели и решения поставленных задач автором использовались такие общенаучные методы, как анализ, синтез, системного подхода, а также такие частнонаучные методы научного познания, как формально-юридический, толкования норм права.

С помощью методов анализа и синтеза осуществлено исследование российских правовых норм, регулирующих общие вопросы оборота ЦФА. Применение системного метода способствовало структурированному, последовательному и логическому изложению материала и поиску новых решений. Формально-юридический метод позволил изучить состояние законодательства в исследуемой области. Метод толкования норм права способствовал выявлению пробелов и коллизий в правовом регулировании обращения ЦФА.

Результаты и их обсуждение

Одной из важнейших особенностей оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, является электронная форма фиксации таких прав. Суть данной формы фиксации базируется на использовании двоичного кода, алфавит которого состоит всего из двух цифр – 0 и 1. Учитывая, что этот код вводится в электронно-вычислительную машину, нередко он именуется как «машинный код». Для того чтобы данные, зафиксирован-

ные посредством машинного кода, стали понятными для пользователей, используется графический интерфейс. Все это возможно только при применении специальной электронно-вычислительной техники, т. е. таких устройств, как ЭВМ, смартфон и пр.

Определяя понятие ЦФА, в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА законодатель устанавливает, что выпуск, учет и обращение ЦФА (фактически – прав, удостоверенных по конструкции ЦФА) возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему, которая может функционировать как на основе распределенного реестра, так и на иной основе. Правила функционирования такой информационной системы разрабатываются специальным субъектом – оператором информационной системы. Специфика его правового положения и осуществления деятельности определяется нормами ст. 5 и 6 Закона о ЦФА. Ведение реестра операторов информационных систем, в которых осуществлен выпуск ЦФА (далее – оператор выпуска ЦФА), а также контроль над деятельностью таких операторов возложены на Банк России.

Еще одной особенностью оборота ЦФА является необходимость их введения в гражданский оборот надлежащими субъектами должным образом. Л. Ю. Васильевская, обращая внимание на отличие цифрового мира от реального, говорит о невозможности обходиться в рамках цифровизации тех или иных прав без цифрового кода («цифрового ключа»). Использование «цифрового ключа» в рамках функции распознавания уполномоченного лица позволяет идентифицировать пользователя, решить вопрос о допуске его к совершению транзакций, блокирует действия «чужого» лица с токеном и пр. [17, с. 114].

Нормы ст. 2 Закона о ЦФА определяют, что права, удостоверенные ЦФА, возникают у их *первого* (курсив наш. – В. С.) обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой

осуществляется выпуск ЦФА, записи о зачислении ЦФА указанному лицу. Однако следует помнить, что ценность представляют сами права, а не записи о них. Записи – это лишь способ удостоверения вышеназванных прав и идентификации правообладателей.

Выпустить права, удостоверенные по конструкции ЦФА, без доступа к информационной системе, в которой осуществляется учет записей, подтверждающих принадлежность тех или иных имущественных прав, обозначенных в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА, определенному лицу невозможно. Для того чтобы быть участником взаимодействия в информационной системе, в которой осуществляется выпуск, учет и обращение прав, удостоверенных ЦФА, т. е. стать субъектом оборота таких прав, лицу необходимо: во-первых, обладать правом пользования аппаратно-программным комплексом (компьютером и (или) смартфоном с каналом интернет-связи), обеспечивающим персональный доступ и работу в соответствующей информационной системе; а во-вторых, иметь уникальный код для обеспечения персонализации себя как участника информационного взаимодействия. Полагаем, что это в совокупности является обязательным признаком его гражданско-цифровой сделкоспособности. Без персонального компьютера или смартфона, подключенных к Интернету, и соответствующего программного обеспечения, технических устройств, позволяющих выявить надлежащую правосубъектность контрагента в электронно-виртуальной среде, установить взаимодействие между субъектами невозможно.

Для обеспечения взаимодействия обладателей ЦФА, выпущенных в различных информационных системах, законодателем установлена необходимость участия в таком взаимодействии еще одного посредника – оператора обмена ЦФА (далее по тексту – оператор обмена ЦФА). Особенности его правового положения установлены в ст. 10 Закона о

ЦФА. Основная обязанность оператора обмена ЦФА заключается в обеспечении заключения сделок относительно прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, путем сбора и сопоставления разноправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в сделке с ЦФА в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц. При этом оператор обмена ЦФА, помимо своей деятельности, может осуществлять и деятельность по выпуску ЦФА. Ведение реестра операторов обмена ЦФА, осуществление контроля за их деятельностью возложено на Банк России. Лицо, не указанное в соответствующем реестре, к деятельности по обмену ЦФА не допускается.

В соответствии с нормами ч. 13 ст. 10 Закона о ЦФА оператор обмена ЦФА вправе совмещать свою деятельность с деятельностью оператора выпуска ЦФА. Вместе с тем, в соответствии с нормами ч. 14 ст. 10 вышеназванного закона, оператором обмена ЦФА, а также иных видов цифровых прав, выпущенных с использованием инвестиционной платформы, может быть оператор соответствующей инвестиционной платформы.

Регламентация разработки правил обмена ЦФА, их содержания и согласования осуществляется в нормах ст. 11 Закона о ЦФА. Российский законодатель предусматривает, что правила обмена ЦФА утверждаются оператором обмена ЦФА, после чего согласовываются с Банком России, которому предоставлено право устанавливать дополнительные требования к правилам обмена ЦФА помимо тех, что прописаны в ч. 2 ст. 11 Закона о ЦФА.

Нормы ч. 2 ст. 11 Закона о ЦФА устанавливают, что в правилах обмена ЦФА отражаются: порядок совершения сделок с ЦФА через оператора обмена ЦФА; виды прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и других оцифрованных прав (цифровых прав), сделки с которыми могут совершаться через опера-

тора обмена ЦФА; порядок взаимодействия оператора обмена ЦФА с оператором выпуска ЦФА; требования, предъявляемые к защите информации и информационной надежности; обстоятельства, когда для действительности сделки, опосредующей переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, необходимости выражения дополнительного волеизъявления его сторон, включая волю оператора обмена ЦФА, не требуется.

Говоря об обороте ЦФА, следует иметь в виду, что ЦФА – это не какие-то новые объекты гражданских прав, а определенная совокупность уже известных российскому праву имущественных прав, удостоверенных особым образом. Исходя из такого понимания ЦФА, обоснованно сделать вывод о том, что оборот этих прав должен строиться по конструкции перехода требований от одного лица к другому, что в цивилистической доктрине именуется цессия [18, с. 359].

Говоря о волевых действиях, лежащих в основании перехода имущественных прав от одного лица к другому, мы стоим на позиции, что сделка, опосредующая уступку требования в порядке ст. 382 ГК РФ, – это правомерные действия граждан и юридических лиц. Неправомерные действия не могут признаваться сделкой, а лишь совершаются в виде сделки [19, с. 130]. Мы солидарны с позицией тех авторов, которые утверждают, что «договором является не цессия, как нередко полагают, а та сделка, на которую опирается переход, составляющий сущность цессии» [13, с. 112]. Следует отметить, что проблематика отсутствия разграничения самой уступки права и сделок, которые лежат в основании такой уступки, порождает использование в юридическом лексиконе такого «юридического фантома», как «договор цессии (уступки)».

Уступка требования обусловливается личным характером обязательственных отношений [20, с. 221]. Общие правила уступки требования определены нормами

ст. 388–390 ГК РФ, которые в рамках оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, следует применять с учетом особенностей, обусловленных спецификой конкретного вида права, удостоверенного по конструкции ЦФА.

К сожалению, сегодня правил обмена ЦФА, разрабатываемых операторами обмена ЦФА, до сих пор нет, да и в реестрах Центрального Банка еще не учтен ни один оператор выпуска ЦФА и оператор обмена ЦФА. Это свидетельствует о сложности механизмов, опосредующих оборот имущественных прав, отнесенных российским законодателем к категории ЦФА. Однако основываясь на системном подходе, мы полагаем, что оборот прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, может быть описан как упорядоченная совокупность элементов, составляющих его структуру и определяющих последовательность совершаемых действий.

Полагаем, что гражданский оборот прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, должен осуществляться следующим образом:

1. Лицу, желающему вступить в правоотношения в качестве обладателя прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, необходимо приобрести статус пользователя той информационной системы, в которой учитываются права, удостоверенные по конструкции ЦФА и представляющие для него инвестиционно-финансовый интерес.

2. Пользователю информационной системы, являющемуся индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, желающему привлечь свободные денежные средства других участников гражданского оборота (далее по тексту – лицо, выпускающее ЦФА), необходимо оформить решение о выпуске прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, и разместить его в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на своем официальном сайте (это решение должно дублироваться на сайте оператора информационной системы, в которой

осуществляется выпуск прав, удостоверенных по конструкции ЦФА).

3. Пользователю информационной системы, желающему приобрести права, указанные в решении о выпуске ЦФА (далее по тексту – инвестор), необходимо посредством использования информационных технологий заключить договор с лицом, выпускающим ЦФА, о приобретении названных прав, после чего лицо, выпускающее ЦФА, осуществляет запись в информационной системе о приобретении таких прав контрагентом (с момента внесения в информационную систему записи о приобретении инвестором прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, он приобретает статус первого обладателя ЦФА).

4. Обладателю ЦФА для совершения сделки по передаче прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, необходимо подать заявку на совершение такой сделки оператору обмена ЦФА, который учитывает ее в информационной системе и размещает сведения о поданных заявках для информирования других пользователей. Встречные заявки, поданные другими пользователями, также учитываются оператором обмена ЦФА, о чем информируются пользователи информационной системы. При совпадении условий разнонаправленных заявок оператор обмена ЦФА обеспечивает заключение сделки между контрагентами без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон (по конструкции смарт-контрактов). При помощи компьютерной программы записи о заключенной сделке

и ее результатах автоматически вносятся в распределенный реестр. Денежные средства либо обмениваемые ЦФА, выступающие в качестве встречного представления, учитываются в реестровых книгах за передавшим права на ЦФА субъектом-пользователем информационной системы, а передаваемые ЦФА – за его контрагентами.

5. При наступлении срока исполнения обязательств, удостоверенных по конструкции ЦФА, и надлежащем исполнении таких обязательств либо по иным основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации или решением о выпуске ЦФА, записи о принадлежности прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, автоматически погашаются.

Выводы

Использование цифровых технологий, опосредующих фиксацию имущественных прав, их принадлежность определенному участнику гражданского оборота будет неуклонно расширяться. Сформулированные автором предложения, характеризующие специфику гражданско-правового оборота ЦФА и направленные на упорядочивание такого оборота, несомненно, далеки от идеала. Однако они могут послужить отправной точкой для разработки правил обмена ЦФА и формирования иных норм, призванных обеспечить эффективное использование технологии распределенного реестра в интересах гражданского оборота.

Список литературы

1. Тарасов И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6 (50). С. 57-63.
2. Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1996. Vol. 1. 376 р.
3. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
4. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асоксов, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев,

- А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупенин, В. Кислый, М. Жужжалов, В. Попов, М. Аграновская // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.
5. Садков В. А. О дуализме понимания категорий «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» // Власть Закона. 2020. № 4. С. 188–196.
6. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М. А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 6–77.
7. Братусь С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве (доклад на заседании Сектора гражданского права Всесоюзного института юридических наук) // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 70–72.
8. Виниченко Ю. В. О соотношении гражданского и экономического оборота // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 5. С. 879–887. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25\(5\).879-887](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(5).879-887)
9. Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав: монография. М.: СПС «ГАРАНТ», 2015. 249 с.
10. Дерюгина Т. В., Иншакова А. О. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 31–34
11. Иншакова А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>
12. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-2>
13. Криволапова Л. В. Гражданский оборот имущественных прав: теория и практика: монография. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2010. 239 с.
14. Сусликова А. В., Пронина Ю. О. Понятие гражданско-правового оборота // Современная научная мысль. 2017. № 4. С. 317–321.
15. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 25 с.
16. Яценко Т. С. Новые подходы к охране авторских прав в сети Интернет в цифровую эпоху // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 64–70.
17. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
18. Белов В. А. Частное право. Материалы для изучения: в 3 т. Т. 2: Проблемы обязательственного и договорного права. М.: Юрайт, 2021. 754 с.
19. Фабричная Т. Б., Мартынова Ю. М. Проблема недействительности сделок // Приволжский научный вестник. 2015. № 12-2 (52). С. 130–132.
20. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздан, 1950. 416 с.

References

1. Tarasov I. V. Industriya 4.0: ponyatie, konsepcii, tendencii razvitiya [Industry 4.0: concept, concepts, development trends]. *Strategii biznesa = Business strategies*, 2018, no. 6 (50), pp. 57–63.
2. Tapscott D. The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence. New York, McGraw-Hill, 1996, vol. 1, 376 p.

3. Sannikova L. V., Haritonova Yu. S. *Cifrovye aktivy: pravovoj analiz* [Digital assets: Legal analysis]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p.
4. Novoselova L., Gabov A., Savel'ev A., Genkin A., Sarbash S., Asoskov A., Semenov A., Yankovskij R., Zhuravlev A., Tolkachev A., Kamel'kova A., Uspenskij M., Krupenin R., Kislyj V., Zhuzhzhalov M., Popov V., Agranovskaya M. *Cifrovye prava kak novyj ob'ekt grazhdanskogo prava* [Digital rights as a new object of civil law]. *Zakon = Law*, 2019, no. 5, pp. 31–54.
5. Sadkov V. A. O dualizme ponimaniya kategorij "cifrovye prava" i "cifrovye finansovye aktivy" [On the dualism of understanding the categories of "digital rights" and "digital financial assets"]. *Vlast' Zakona = The Power of Law*, 2020, no. 4, pp. 188–196.
6. Belov V. A. [The object of subjective civil law, the object of civil legal relations and the object of civil turnover: the content and correlation of concepts]. *Ob'ekty grazhdanskogo oborota. Sbornik statej* [Objects of civil turnover. Collection of articles]; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2007, pp. 6–77. (In Russ.)
7. Bratus' S. N. O ponyatii grazhdanskogo oborota v sovetskem grazhdanskom prave (doklad na zasedanii Sektora grazhdanskogo prava Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk) [On the concept of civil turnover in Soviet civil law (report at a meeting of the Civil Law Sector of the All-Union Institute of Legal Sciences)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*, 1949, no. 11, pp. 70–72.
8. Vinichenko Yu. V. O sootnoshenii grazhdanskogo i ekonomicheskogo oborota [On the ratio of civil and economic turnover]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii = Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics*, 2015, vol. 25, no. 5, pp. 879–887. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25\(5\).879-887](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2015.25(5).879-887)
9. Grishaev S. P. Evolyuciya zakonodatel'stva ob ob'ektaх grazhdanskikh prav [Evolution of legislation on objects of civil rights]. Moscow, SPS "GARANT", 2015. 249 p.
10. Deryugina T. V., Inshakova A. O. Oborotosposobnost' i pravovoj rezhim ob'ektov grazhdanskikh prav: sootnoshenie ponyatij [Turnover and legal regime of civil rights objects: correlation of concepts]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2019, no. 6, pp. 31–34
11. Inshakova A. O. Oborot ob'ektov grazhdanskikh prav imushchestvennogo haraktera: osnovnye ponyatiya, vidy, tendencii zakonodatel'nogo razvitiya [Turnover of objects of civil rights of property character: basic concepts, types, trends of legislative development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6–15. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>
12. Karckhiya A. A. Cifrovye prava i pravoprimenenie [Digital rights and law enforcement]. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of law enforcement*, 2019, no. 2 (31), pp. 43–46. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-2>
13. Krivolapova L. V. Grazhdanskij oborot imushchestvennyh prav: teoriya i praktika [Civil turnover of property rights: theory and practice]. Orenburg, Izd. centr OGAU, 2010. 239 p.
14. Suslikova A. V., Pronina Yu. O. Ponyatie grazhdansko-pravovogo oborota [The concept of civil law turnover]. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*, 2017, no. 4, pp. 317–321.
15. Yakovlev A. S. Imushchestvennye prava kak ob'ekty grazhdanskikh pravootnoshenij. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Property rights as objects of civil legal relations. Cand. legal sci. abstract diss.]. Voronezh, 2003. 25 p.
16. Yacenko T. S. Novye podhody k ochrane avtorskih prav v seti Internet v cifrovyyu epohu [New approaches to copyright protection on the Internet in the digital age]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 64–70.

17. Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyj ob'ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikacii cifrovogo prava [Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law]. *Aktual'nye problemy rossiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2019, no. 5 (102), pp. 111–119.
18. Belov V. A. Chastnoe pravo. Materialy dlya izucheniya. Vol 2. Problemy obyazatel'stvennogo i dogovornogo prava [Private law. Materials for study. Vol. 2. Problems of obligation and contract law]. Moscow, Yurajt Publ., 2021. 754 p.
19. Fabrichnaya T. B., Martynova Yu. M. Problema nedejstvitel'nosti sdelok [The problem of invalidity of transactions]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik = Privolzhsky scientific Bulletin*, 2015, no. 12-2 (52), pp. 130–132.
20. Novickij I. B., Lunc L. A. Obshchee uchenie ob obyazatel'stve [The general doctrine of commitment]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1950. 416 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Садков Виталий Андреевич, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: wrendek@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5171-7023

Vitaliy A. Sadkov, Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: wrendek@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5171-7023

Влияние изменений, внесенных в статью 75 Конституции Российской Федерации, на применение и совершенствование отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации

А. А. Ушаков¹, В. Н. Шиханов²✉

¹Иркутская региональная экологическая общественная организация «Мой Байкал»
рабочий посёлок Маркова 34, Иркутская область 664528, Российская Федерация

²Иркутский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
ул. Шевцова 1, г. Иркутск 664035, Российская Федерация

✉ e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru

Резюме

Актуальность. В 2020 году в Конституцию Российской Федерации был внесён ряд изменений. Вопрос об их влиянии на отечественную систему права, а также правоприменительную практику неоднократно поднимался в научном сообществе. Авторы анализируют новые положения части 5 статьи 75 Конституции в её взаимосвязи с отдельными положениями Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение социально-экономических прав граждан.

Цель исследования: выявить особенности влияния изменений, внесённых в статью 75 Конституции Российской Федерации, на оценку степени общественной опасности преступлений, где объектом посягательства является право на справедливую оплату труда, а также на квалификацию деяний с признаками таких преступлений.

Задачи: изучение сложившейся судебной практики, оценка значимости изменений, внесённых в статью 75 Конституции Российской Федерации, для применения статей Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, наблюдение, индукция и дедукция), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования отличают сочетание прикладного и теоретического характера. Оно способствует решению ряда проблем правоприменительной практики, а также осмыслиению связи Конституции Российской Федерации с уголовным законом, решению проблем конкуренции правовых норм.

Выводы. Проведённое исследование позволяет утверждать, что право на справедливую оплату труда стало более значимым с точки зрения Конституции Российской Федерации. Нарушение этого права позволяет считать его существенным и вменять в вину как последствие из статей 201, 285, 286, 330 Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом такая позиция Основного Закона высовечивает недооценку степени общественной опасности в статье 145¹ УК РФ. Названная норма является специальной по отношению к статьям 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако оказалась привилегированной, менее наказуемой.

Ключевые слова: Конституция России; поправки; человек труда; минимальный размер оплаты труда; невыплата заработной платы; злоупотребление полномочиями.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ушаков А. А., Шиханов В. Н. Влияние изменений, внесенных в статью 75 Конституции Российской Федерации, на применение и совершенствование отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 90–100. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-90-100>.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.02.2022

The Impact of Amendments Made to Article 75 of the Constitution of the Russian Federation on the Application and Improvement of Certain Articles of the Criminal Code of the Russia

Andrey A. Ushakov¹, Vladimir N. Shikhanov²

¹Irkutsk Regional Ecological Public Organization "My Baikal"

Markov work settlement 34 / 26, Irkutsk region 664528, Russian Federation

²Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

1 Shevtsova str., Irkutsk, 664035, Russian Federation

 e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru

Abstract

Relevance. In 2020, a number of amendments were made to the Constitution of the Russian Federation. The question of their influence on the domestic legal system, as well as law enforcement practice, has been repeatedly raised in the scientific community. The authors analyze the new provisions of Part 5 of art. 75 of the Constitution of the Russian Federation in its interrelation with certain provisions of the Criminal Code of the Russia on liability for violation of socio-economic rights of citizens.

The purpose of the study to identify the peculiarities of the impact of the amendments made to Article 75 of the Constitution of the Russian Federation on the assessment of the degree of public danger of crimes where the object of encroachment is the right to fair wages, as well as on the qualification of acts with signs of such crimes.

Objectives: research of the established judicial practice, assessment of the significance of the amendments made to Article 75 of the Constitution of the Russian Federation for the application of articles of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology. In the process of working on the research, both general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, observation, induction, deduction) and methods of legal science (legal-dogmatic, comparative) were used.

The results of the study are distinguished by a combination of applied and theoretical nature, since it contributes to solving a number of problems of law enforcement practice, as well as understanding the connection of the Constitution of the Russian Federation with criminal law, solving problems of competition of legal norms and assessing the degree of public danger of criminal acts encroaching on the labor rights of citizens.

Conclusions. The conducted research suggests that the right to fair wages has become more significant from the point of view of the Constitution of the Russian Federation. This statement leads to two conclusions. Firstly, the violation of this right allows us to consider it essential and impute it as a consequence of Articles 201, 285, 286, 330 of the Criminal Code of the Russian Federation. Secondly, this position of the Basic Law highlights the underestimation of the degree of public danger in Article 145¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The mentioned norm is special in relation to Articles 201 and 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, but it turned out to be privileged, less punishable.

Keywords: Constitution of Russia; amendments; worker; minimum wage; non-payment of wages; abuse of authority.

Conflict of interest: Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ushakov A. A., Shikhanov V. N. The Impact of Amendments Made to Article 75 of the Constitution of the Russian Federation on the Application and Improvement of Certain Articles of the Criminal Code of the Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 90–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-90-100>.

Received 15.12.2021

Accepted 18.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регули-

рования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» внес много значимых изменений в Основной Закон государства. Поправки

оказывают сильное влияние на применение норм различных отраслей права. Полагаем, этот процесс оказывается и на уголовно-правовых отношениях.

Следует обратить внимание на изменения, внесённые в ч. 5 ст. 75 Конституции Российской Федерации. Теперь у граждан появилась конституционно-правовая гарантия выплаты минимального размера оплаты труда в размере не менее установленного законодательством величины прожиточного минимума трудоспособного населения¹. Это положение Основного Закона оказывается значимым для целого ряда статей Особенной части УК РФ, а также может повлиять на толкование некоторых оценочных признаков.

Методология

Методология настоящего исследования преимущественно базируется на таких общелогических методах, как анализ и синтез, что позволяет выстраивать суждения и проверять логику изменяющегося права. Чередование индуктивного и дедуктивного направлений позволило авторам выявить несоответствие сложившейся правоприменительной практики тем изменениям, которые произошли в тексте Конституции Российской Федерации.

Формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования заключались в изучении российского законодательства и судебной практики, регулирующих вопросы правовой охраны права на справедливую оплату труда. Результаты использования этих методов позволили описать отношения конкурен-

ции между некоторыми статьями Уголовного кодекса РФ.

Результаты и их обсуждение

Полная невыплата гражданину заработной платы, пенсий, стипендий пособий и иных выплат в течение 2 месяцев, а равно их частичная невыплата в течение 3 месяцев влечёт уголовную ответственность в соответствии со ст. 145¹ УК РФ. Разумеется, такая правовая оценка содеянного возможна при наличии возможности произвести требуемые выплаты, а также в случае совершения данного действия из корыстной или иной личной заинтересованности. В примечании к названной статье указано, что частичная невыплата – это выплата в таком размере, который составляет менее половины от подлежащей выплаты.

При этом в реальной действительности существовали и существуют различные схемы нарушений прав граждан на справедливую оплату труда, на получение социальных выплат, в особенности, когда невыплаты происходят с разной периодичностью и на протяжении длительного периода времени. В соответствии с этим в правоприменительной практике и в доктрине сложились разные подходы к толкованию сроков невыплаты. Во-первых, достаточно распространённой была позиция о том, что срок невыплаты (например, «свыше двух месяцев») относится не к количеству платежей, а к длительности невыплаты (даже одного платежа) [1, с. 40–43; 2, с. 217; 3, с. 28–30].

Показательна в этом плане точка зрения В. А. Новикова: «Момент окончания преступления обусловлен истечением двух календарных месяцев при полной невыплате и трех месяцев при частичной невыплате заработной платы» [4, с. 277]. Подобная позиция поддержана другими правоведами [5, с. 94; 6] и высказывалась судами [7, с. 93]. Для ч. 1 ст. 145¹ УК РФ этот подход означает: состав преступления имеется, если работодатель не вы-

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2009 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ст. 3498.

платил полностью заработную плату только за сентябрь (один раз), но погасил задолженность перед работником по прошествии такого срока, который превысил два месяца (например, в феврале следующего календарного года).

В соответствии с другой позицией полная и частичная невыплата заработной платы, стипендий, пособий свыше двух или свыше трёх месяцев относятся всё же к количеству платежей [1, с. 40, 43–44]. Однако оставался вопрос о том, должны ли эти невыплаты (полные, частичные) идти подряд или же нет. Например, если работодатель не выплачивает заработную плату в августе, октябре и декабре – это всё равно может образовывать состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145¹ УК РФ, ведь полная невыплата имела место суммарно более чем два месяца.

У этого подхода изначально имелись оппоненты с достаточно серьёзными контраргументами. Их позиция строилась на том, что частичная невыплата должна иметь место три месяца подряд, а полная невыплата – два месяца подряд. Например, Г. А. Есаков дал такое толкование ст. 145¹ УК РФ: «Преступление признается оконченным по истечении двух месяцев подряд, начиная со дня, установленного законодательством либо локальными нормативными актами для производства соответствующих выплат» [8, с. 154]. В таком случае можно полагать, что ст. 145¹ УК РФ предусматривает ответственность за невыплату двух полных размеров месячной заработной платы, стипендий либо трёх неполных платежей, если эти события по установленному графику платежей следовали подряд [9, с. 74–75].

Следует заметить, что в судебной практике разных регионов использовались различные подходы к толкованию признаков «свыше двух месяцев» и «свыше трёх месяцев», несмотря на то, что они более чем существенно отличаются между собой и по-разному опреде-

ляют границы уголовно наказуемого поведения.

В 2018 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление, в котором хотя и кратко, но всё же определил свою правовую позицию по данному вопросу¹. Исходя из п. 17 данного постановления, частичные невыплаты – это платежи, которые осуществлялись в размере менее половины подлежащей выплате суммы свыше трех месяцев подряд, т.е. в каждый из 3 месяцев. Полная невыплата означает, что свыше двух месяцев подряд выплаты не осуществлялись или размер осуществленной выплаты заработной платы в течение двух месяцев подряд был ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом одновременно на всей территории Российской Федерации. Исходя из этого теперь состав преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ, можно усмотреть только в случае нескольких беспрерывных частичных или полных невыплат.

Однако данный факт порождает среди недобросовестных работодателей (и других субъектов, производящих выплаты, поименованные в ст. 145¹ УК РФ) схемы, направленные на одновременное нарушение прав граждан и избежание наказания, как раз ввиду формального отсутствия состава преступления [9, с. 74]. Они состоят в том, чтобы невыплаты происходили не подряд, а чередовались с периодами полных выплат. Например, оплата труда происходит в сентябре и ноябре, но работа за октябрь и декабрь не

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/27537/> (дата обращения: 02.11.2021).

оплачивается. Такие схемы встречаются сейчас, имели место и ранее.

Получается, что в этих случаях социально-экономические и трудовые права граждан остаются нарушенными вопреки положениям Конституции Российской Федерации, и нарушения могут быть существенными. По мнению отечественных правоведов, подобные нарушения трудовых и социально-экономических прав граждан, а также отношений по формированию бюджетов государственных внебюджетных фондов (при начислении заработной платы) сами по себе обладают такой степенью общественной опасности, которая стала основанием для кriminalизации полной и частичной невыплаты заработной платы и иных платежей, указанных в ст. 145¹ УК РФ [10, с. 566; 11, с. 192].

В этих условиях в качестве рабочего варианта можно было бы предложить квалификацию содеянного по ст. 201 УК РФ, либо по ст. 285 УК РФ – как злоупотребление полномочиями лица, обязанного производить выплаты надлежащим образом. Однако правоприменительная практика неоднократно сталкивалась с серьёзными сложностями при квалификации противоправных действий руководителей различных организаций по названным статьям уголовного закона (не только по вопросам невыплаты заработной платы). Дело в том, что составы данных преступлений являются материальными. В отличие от ст. 145¹ УК РФ необходимо наступление последствий в виде существенного вреда правам и законным интересам граждан (для ст. 201 УК РФ) либо существенных нарушений прав и законных интересов граждан (для ст. 285 УК РФ).

Данные определения общественно опасных последствий рассматриваются как тождественные в сложившихся подходах к толкованию и в правоприменении [12, с. 33]. Но и сложность с установ-

лением «существенности» (оценочный признак) характерна для применения каждой из упомянутых статей о служебных преступлениях [13, с. 37–66]. В частности, оказывается достаточно сложно утверждать, что задолженность по заработной плате или иным выплатам (в полном размере, или более половины), именно «существенно» нарушает права и законные интересы потерпевшего, особенно если невыплаты чередуются с полными выплатами.

Вместе с тем Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 устанавливает, что под существенными нарушениями следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепринятыми принципами и нормами международного права, Конституции Российской Федерации¹.

Следовательно, внесение поправок в Конституцию, а именно в ч. 5 ст. 75, которая теперь гарантирует выплату заработной платы в минимальном размере оплаты не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения, позволяет считать отступление от этого положения именно существенным нарушением права гражданина. Можно сказать, что для рассматриваемой конституционно-правовой гарантии в системе правового регулирования имеется последний аргумент и средство защиты – ст. 201 и 285 УК РФ, наряду со ст. 145¹ УК РФ.

Правоприменители, таким образом, могут рассматривать варианты привлечения к уголовной ответственности тех не-

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8117/> (дата обращения: 02.11.2021).

добросовестных работодателей и иных уполномоченных лиц, которые нарушают конституционные права граждан и одновременно пытаются обойти букву закона из ст. 145¹ УК РФ. Алгоритмы правовой оценки подобных ситуаций в процессе банкротства предложены Е. Г. Быковой и С. А. Яшковым [14].

Однако сочетание рассматриваемого противоправного поведения с процессом банкротства – явление специфическое, не самое распространённое. Поэтому вне ситуации банкротства перед правопримениелями остаётся вопрос о возможности и законности применения ст. 201 и 285 УК РФ. Дело в том, что в уголовном законе существует специальная норма – в ст. 145¹ УК РФ. Значит, предложениям о квалификации фактов регулярной невыплаты заработной платы, но не подряд (чредуя с периодами выплат более минимального размера оплаты труда или более половины от начисленного), можно возразить: если содеянное не подпадает под признаки специальной нормы (ст. 145¹ УК РФ), то и преступления это не образует, вовсе.

Однако в российском уголовном кодексе существует множество положений, работающих как раз по алгоритму, в котором мы сомневаемся. Например, это ст. 171 УК РФ об ответственности за незаконное предпринимательство. В диспозиции данной нормы говорится о том, что незаконное предпринимательство – это осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии либо без аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере.

Можно было бы сказать, что все виды предпринимательской деятельности,

которые осуществляются без регистрации или в отсутствие вышеупомянутых обязательных разрешительных актов, наказуемы только при извлечении крупного дохода либо причинении крупного ущерба.

Вместе с тем Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 говорит о том, что действия лица, занимающегося частной медицинской или фармацевтической деятельностью без соответствующего специального разрешения (лицензии), если они повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью (любого, даже лёгкого. – *А. У., В. Ш.*) или смерть человека, надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 235 УК РФ. Казалось бы, перед нами специальная норма для такого вида деятельности. Однако в том случае, когда осуществление частной медицинской или фармацевтической деятельности без соответствующего специального разрешения (лицензии) не повлекло последствий, указанных в ст. 235 УК РФ, однако виновное лицо причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо извлекло доход в крупном или особо крупном размере, действия такого лица следует квалифицировать по соответствующей части ст. 171 УК РФ¹.

Другим примером является логика применения ст. 177 и 315 УК РФ. В обоих случаях признаком преступления является злостное неисполнение решения суда, однако в ст. 177 УК РФ речь идёт о непогашении кредиторской задолженности, и криминообразующим признаком является крупный размер такой задолженности. В

¹ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8243/> (дата обращения: 02.11.2021).

свою очередь, ст. 315 УК РФ, признаваемая общей нормой, не содержит никаких ограничений по размеру задолженности и вообще по виду действий, которые необходимо совершить во исполнение судебного решения. Санкции этих статей являются схожими до идентичности.

Казалось бы, можно истолковать эти статьи уголовного закона в их системе так, что злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (специальная норма), совершённое вопреки решению суда, влечёт уголовную ответственность только при крупном размере этой задолженности. Тогда невыплата задолженности в размере, не превышающем 2 250 000 рублей, не может квалифицироваться по общей норме из ст. 315 УК РФ (поскольку в уголовном законе создана специальная норма со схожей категорией и наказуемостью).

Но этот вывод остаётся в русле теории: методические рекомендации ФССП¹, а также позиция Конституционного Суда Российской Федерации², и в итоге сложившаяся правоприменительная практика позволяют квалифицировать по ст. 315 УК РФ случаи злостного непогашения кредиторской задолженности в любых размерах (даже 100 000 рублей), т. е. ко-

¹ Методические рекомендации Федеральной службы судебных приставов по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности): от 21.08.2013 № 04-12. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154953 (дата обращения: 04.10.2021).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Алексея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 315 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 395-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176752 (дата обращения: 04.10.2021).

гда правоприменитель не может квалифицировать содеянное по ст. 177 УК РФ.

Кроме того, в трудах правоведов и судебной практике встречаются правила квалификации нецелевого расходования бюджетных средств (и средств государственных внебюджетных фондов), когда при недостаточности некоторых признаков из ст. 285¹ и 285² УК РФ предлагается (небесспорно) квалифицировать содеянное по ст. 285 либо 286 УК РФ. Так, например, Б. В. Волженкин говорит о том, что содержащиеся в ст. 285¹, 285² УК РФ нормы об ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов являются специальными по отношению к общей норме – злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Следовательно, в случае недостатка признаков специальной нормы выбор нужно сделать в пользу общей нормы, т. е. ст. 285 УК РФ [15, с. 152].

В соответствии с этими правилами Брянский областной суд вынес кассационное определение № 22-1309/2012 от 15.06.2012, которым отменил оправдательный приговор нижестоящего суда (по ст. 285¹ УК РФ) и указал на возможность переквалификации содеянного на ст. 286 в ситуации, когда размер нецелевого расходования бюджетных средств хотя и оказался меньшим, чем это требуется для ст. 285¹ УК РФ, но мог быть преломлен через признак «существенное нарушение жилищных прав граждан»³.

Ещё одним примером является логика выбора между ст. 317 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ: если виновное лицо

³ Определение судебной коллегии по уголовным делам Брянского областного суда № 22-1309/2012 от 15.06.2012 // Судебные акты РФ. URL: <http://old.sudobnyereshenija.rpf/>. (дата обращения: 04.10.2021).

не достигло возраста 16 лет (необходимо для вменения ст. 317 УК РФ) либо деятельность сотрудника правоохранительного органа, в связи с которой ему была причинена смерть, не является «охраной общественного порядка» или «обеспечением общественной безопасности», то содеянное квалифицируется как убийство (по общей норме) [16, с. 229–230].

Не менее показательными являются правила применения норм об освобождении от уголовной ответственности. Если лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности по правилам примечания к статье Особенной части УК РФ (какое-то требование не выполнено), то суд должен решить вопрос о возможности применения к нему общих норм из ст. 75–76² УК РФ¹ [17].

Как видим, в уголовном праве существуют ситуации, при которых отсутствует состав преступления, предусмотренный специальной нормой, однако при этом содеянное подпадает под состав преступления, предусмотренный общей нормой [18, с. 94–96; 19, с. 8; 20, с. 73; 21, с. 16]. Это правило описано в ч. 3 ст. 17 УК РФ. «В зависимости от содержания специальные нормы делятся на нормы-дополнения и нормы-изъятия. Нормы-дополнения содержат такие специальные правила поведения, которые не противоречат общим предписаниям. Иными словами, общая и специальная нормы действуют сообща и могут применяться одновременно» [22, с. 214]. Запрет на применение общей нормы по сложившейся традиции и логике дифференциации уг-

ловной ответственности распространяется только на те ситуации, когда специальная норма является привилегированной, т. е. нормой-исключением.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что поправки в ст. 75 Конституции Российской Федерации способны оказать серьёзное влияние на практику применения ст. 145¹, 201 и 285 УК РФ. Права граждан могут получить еще большую защиту от незаконных действий работодателя и иных уполномоченных лиц, производящих выплаты, предусмотренные законом.

Вместе с тем сравнение существующих санкций ст. 145¹ и 201, 285 УК РФ позволяет выдвигать контаргументы, считая состав невыплаты заработной платы привилегированным (нормой-исключением) по отношению к составам злоупотребления полномочиями в коммерческой или иной организации и злоупотребления должностными полномочиями. Подобные небесспорные отношения существуют и между другими статьями Особенной части УК РФ, которые могут быть соотнесены как общие и специальные нормы. Полагаем в этой связи уместным скорректировать санкции ст. 145¹ УК РФ в сторону ужесточения до уровня преступления средней тяжести, придав ей статус нормы-дополнения.

В таком случае механизм правовой охраны, опирающийся на ст. 75 Конституции Российской Федерации, будет реальным и последовательным, ориентируя работодателей и иных уполномоченных лиц на более добросовестное выполнение обязанностей по выплате заработной платы, стипендий и иных платежей.

¹ Пункты 7, 15¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8350/> (дата обращения: 02.11.2021).

Список литературы

1. Галкин Д. В. Полная невыплата свыше двух месяцев заработной платы: вопросы толкования уголовно-правовой нормы // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1 (15). С. 40–44.
2. Багмет А. М., Богуславский А. М. Проблемы законодательства и правоприменения в вопросах невыплаты заработной платы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5. С. 215–219.
3. Гронская Н. Ю., Данилова Н. А., Осипова Е. П. Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат (квалификация, расследование). СПб.: С.-Петербург. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009. 116 с.
4. Новиков В. А. Актуальные вопросы уголовной ответственности за невыплату заработной платы (по материалам судебной практики) // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 272–284.
5. Курсаев А. В. О квалифицированном составе невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та экономики и управления: Кузбас. ин-т ФСИН России, 2019. С. 92–98.
6. Марасов Ю. Г. К вопросу об исчислении периода невыплаты заработной платы // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XV Международной научно-практической конференции. Тольятти: Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2018. С. 1–4.
7. Прудникова Т. А. Невыплата заработной платы: ошибки правоприменительной практики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 4 (18). С. 91–94.
8. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. Изд. второе, испр. и доп. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 800 с.
9. Щепельков В., Оленников С. Срок давности по делам о невыплате заработной платы // Уголовное право. 2019. № 1. С. 71–77.
10. Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина / под ред. В. Б. Малинина. СПб.: Изд-во профессора В. Б. Малинина, 2011. 952 с.
11. Бикеев А. А., Талан М. В. Общественная опасность нарушения правил установления и выплаты заработной платы и социальных выплат // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 4. С. 187–195.
12. Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России: проблемы законодательного закрепления и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия Управления МВД России, 2005. 60 с.
13. Никонов П. В., Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ). Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб: Юридический центр, 2021. 776 с.
14. Быкова Е. Г., Яшков С. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой оценки невыплаты заработной платы при банкротстве организации // Уголовное право. 2019. № 2. С. 17–27.

15. Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Изд-во Р. Асланова: Юридический центр Пресс, 2005. 560 с.
16. Нафеев Э. М. Конкуренция уголовно-правовых норм статей 105 и 317 УК РФ // Novaum.RU. 2019. № 17. С. 228–230.
17. Иващенко К. А., Рахманова Е. Н. Соотношение освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного в примечании 3 к ст. 178 УК РФ, с нормами Общей части УК РФ // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2019. № 2 (47). С. 267–272.
18. Пикуров Н. И. Разрешение конкуренции правовых норм в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 5 (73). С. 90–98.
19. Васильев А. А., Маньковский И. Ю., Куликов Е. А. Категории общего, особенного и единичного в праве: аспекты общей теории // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1 (84). С. 3–9.
20. Бордакова А. Г. К вопросу о классификации специальных норм в российском праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 71–73.
21. Бурлаков В. Н. Проблемы квалификации смежных преступлений против здоровья населения и против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств // Криминалистика. 2021. № 2 (35). С. 14–17.
22. Бордакова А. Г. Специальные нормы: междисциплинарный подход к исследованию // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 212–216.

References

1. Galkin D. V. Polnaya nevyplata svyshe dvuh mesyacev zarabotnoj platy: voprosy tolkovaniya ugovorono-pravovoj normy [Total non-payment of over two months of wages: questions of interpretation of the criminal law norm]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ik resheniya = Investigation of crimes: problems and ways to solve them*, 2017, no. 1 (15), pp. 40–44.
2. Bagmet A. M., Boguslavskij A. M. Problemy zakonodatel'stva i pravoprimeneniya v voprosah nevyplaty zarabotnoj platy [Problems of legislation and law enforcement in non-payment of wages]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2006, no. 5, pp. 215–219.
3. Gronskaya N. Yu., Danilova N. A., Osipova E. P. Nevyplata zarabotnoj platy, pensij, stipendij, posobij i inyh ustyanovlennyh zakonom vyplat (kvalifikaciya, rassledovanie) [Non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments established by law (qualification, investigation)]. St. Petersburg: S.-Peterb. in-t (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2009. 116 p.
4. Novikov V. A. Aktual'nye voprosy ugovoronoj otvetstvennosti za nevyplatu zarabotnoj platy (po materialam sudebnoj praktiki) [Topical issues of criminal liability for non-payment of wages (based on the materials of judicial practice)]. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2016, no. S1, pp. 272–284.
5. Kursaev A. V. [About the qualified staff of non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments]. *Bor'ba s pravonarusheniyami v sfere ekonomiki: pravovye, processual'nye i kriminalisticheskie aspekty. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Combating offenses in the field of economics: legal, procedural and criminalistic aspects. Collection of materials of the International Scientific and practical conference]. St. Petersburg: S.-Peterb. in-t (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2017. 116 p.

cal conference]. Novosibirsk, Novosibirsk St. univ. of Economiks and Menedgment Publ., Kuzbas. in-t FSIN Rossii, 2019, pp. 92–98 (In Russ.).

6. Marasov Yu. G. [On the issue of calculating the period of non-payment of wages]. *Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki. Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Tatishchev readings: actual problems of science and practice. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference]. Tol'yatti, Volzhsky Univ. after V. N. Tatishchev, 2018, pp. 1–4.

7. Prudnikova T. A. Nevyplata zarabotnoj platy: oshibki pravoprimenitel'noj praktiki [Non-payment of wages: mistakes of law enforcement practice]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ik resheniya = Investigation of crimes: problems and ways to solve them*, 2017, no. 4 (18), pp. 91–94.

8. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' [Criminal law. The special part]; ed. by L. V. Inogamova-Hegaj, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev. Ed. 2th. Moscow, Yurid. firma "KONTRAKT", INFRA-M Publ., 2008. 800 p.

9. Shchepel'kov V., Olennikov S. Srok davnosti po delam o nevyplate zarabotnoj platy [Statute of limitations on cases of non-payment of wages]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2019, no. 1, pp. 71–77.

10. Enciklopediya ugolovnogo prava. Vol. 16. Prestupleniya protiv konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 16. Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen]; ed. by V. B. Malinin. St. Petersburg, Izd-vo professora V. B. Malinina, 2011. 952 p.

11. Bikeev A. A., Talan M. V. Obshchestvennaya opasnost' narusheniya pravil ustanovleniya i vyplaty zarabotnoj platy i social'nyh vyplat [Public danger of violation of the rules for the establishment and payment of wages and social benefits]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. Humanities*, 2012, vol. 154, kn. 4, pp. 187–195.

12. Asnis A. Ya. Ugolovnaya otvetstvennost' za sluzhebnye prestupleniya v Rossii: problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya i pravoprimeneniya. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Criminal liability for official crimes in Russia: problems of legislative consolidation and law enforcement. Dr. legal sci. abstract diss.]. Moscow, Akademiya Upravleniya MVD Rossii Publ., 2005. 60 p.

13. Nikonorov P. V., Shihanov V. N. Teoriya i praktika kvalifikacii dolzhnostnyh prestuplenij (Glava 30 UK RF) [Theory and practice of qualification of official crimes (Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Ed. 2th St. Petersburg, Yuridicheskij centr Publ., 2021. 776 p.

14. Bykova E. G., Yashkov S. A. Nekotorye voprosy ugolovno-pravovoj ocenki nevyplaty zarabotnoj platy pri bankrotstve organizacii [Some issues of criminal-legal assessment of non-payment of wages in case of bankruptcy of an organization]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2019, no. 2, pp. 17–27.

15. Volzhenkin B. V. Sluzhebnye prestupleniya: Kommentarij zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki [Official crimes: Commentary on legislation and judicial practice]. St. Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova, Yuridicheskij centr Press Publ., 2005. 560 p.

16. Nafeev E. M. Konkurenciya ugolovno-pravovyh norm statej 105 i 317 UK RF [Competition of criminal law norms of Articles 105 and 317 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Novaum.RU*, 2019, no. 17, pp. 228–230.

17. Ivashchenko K. A., Rahmanova E. N. Sootnoshenie osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti, predusmotrennogo v primechanii 3 k st. 178 UK RF, s normami Obshchej chasti UK RF [The ratio of exemption from criminal liability provided for in Note 3 to Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation with the norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta*

biznesa = Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business, 2019, no. 2 (47), pp. 267–272.

18. Pikurov N. I. Razreshenie konkurencii pravovyh norm v Postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25.06.2019 № 18 "O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'ej 238 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii" [Resolution of competition of legal norms in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.06.2019 No. 18 "On judicial practice in cases of crimes provided for in Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2019, no. 5 (73), pp. 90–98.

19. Vasil'ev A. A., Man'kovskij I. Yu., Kulikov E. A. Kategorii obshchego, osobennogo i edinichnogo v prave: aspekty obshchej teorii [Categories of general, special and singular in law: aspects of general theory]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2019, no. 1 (84), pp. 3–9.

20. Bordakova A. G. K voprosu o klassifikacii special'nyh norm v rossijskom prave [On the issue of classification of special norms in Russian law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2020, no. 1 (181), pp. 71–73.

21. Burlakov V. N. Problemy kvalifikacii smezhnyh prestuplenij protiv zedorov'ya naseleniya i protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatacii transportnyh sredstv [Problems of qualification of related crimes against public health and against traffic safety and operation of vehicles]. *Kriminalist = Criminalist*, 2021, no. 2 (35), pp. 14–17.

22. Bordakova A. G. Special'nye normy: mezhdisciplinarnyj podhod k issledovaniyu [Special norms: an interdisciplinary approach to research]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State-legal studies*, 2020, no. 3, pp. 212–216.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ушаков Андрей Андреевич, член Иркутской региональной Экологической общественной организации «Мой Байкал», Иркутская область, Иркутский район, Российская Федерация, e-mail: andrey.ushakoff@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4705-7517

Andrey A. Ushakov, Member of the Irkutsk Regional Ecological Public Organization "My Baikal", Irkutsk district, Irkutsk region, Russian Federation, e-mail: andrey.ushakoff@mail.ru, ORCID:0000-0003-4705-7517

Шиханов Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru, ORCID: 0000-0002-9751-0714

Vladimir N. Shikhanov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law Irkutsk Law, Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russia, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru, ORCID: 0000-0002-9751-0714

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-101-112>

Исторические пути становления института обеспечения транспортной безопасности

Е. О. Яковлева¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

 e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Транспорт относится к ключевому сегменту российской экономики, составной частью производственной инфраструктуры, поэтому его развитие служит залогом успешного функционирования всей экономической конъюнктуры, что имеет прямое выражение относительно финансовой устойчивости и инвестиционной привлекательности любой страны. Специфика и важность правовых отношений, возникающих в транспортной отрасли, обуславливает актуальность настоящего исследования, виду ее уязвимости к преступным посягательствам, что создает угрозу национальной безопасности и отдельным охраняемым законом интересам личности, общества и государства. Данная статья посвящена исследованию исторических аспектов становления отечественного законодательства в области обеспечения транспортной безопасности, как одной из актуальных проблем, непрерывно усугубляемых развитием научно-технического прогресса.

Целью исследования стало установление возможных закономерных связей между правовыми институтами ответственности и развитием транспортной инфраструктуры.

Задача: сравнительно-правовой анализ исторического развития транспортной отрасли периода конца XVII в. до настоящего времени.

Методология основана на использовании как общенаучных, так и частнонаучных методов научного познания.

Результатом исследования стало выявление закономерной связи между развитием транспортных путей и сообщений и правом, а также невозможностью последнего следовать на опережение преступным посягательствам.

Выводы. Автор пришел к выводу о необходимости разработки таких законодательных «алгоритмов», которые позволят не только разрешить имеющиеся современные вопросы квалификации преступных форм поведения в рассматриваемой отрасли, но и определить стратегию предупредительного воздействия на них. Основу таких алгоритмов необходимо закладывать в проведении современных научных исследований, носящих не унифицированный характер, а преимущественно междисциплинарный формат.

Ключевые слова: транспорт; безопасность; технологии; юридическая ответственность; преступление; искусственный интеллект.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Яковлева Е. О. Исторические пути становления института обеспечения транспортной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. 101–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-101-112>.

Поступила в редакцию 14.12.2021

Принята к публикации 17.01.2022

Опубликована 28.02.2022

Historical Ways of Formation of the Institute of Transport Security

Elena O. Yakovleva¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
 e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Transport belongs to a key segment of the Russian economy, an integral part of the production infrastructure, therefore its development is the key to the successful functioning of the entire economic conjuncture, which has a direct expression regarding the financial stability and investment attractiveness of any country. The specificity and importance of legal relations arising in the transport industry determines the relevance of this research, due to its vulnerability to criminal encroachments, which poses a threat to national security and individual legally protected interests of the individual, society and the state. This article is devoted to the study of historical aspects of the formation of domestic legislation in the field of transport security, as one of the urgent problems continuously aggravated by the development of scientific and technological progress. The article under consideration is devoted to the author's research of the historical aspects of the formation of domestic legislation in the field of transport security, as one of the urgent problems continuously complicated by the development of scientific and technological progress.*

The purpose of the study was to establish possible natural links between legal institutions of responsibility and the development of transport infrastructure.

The objectives were a comparative legal analysis of the historical development of the transport industry from the end of the XVII century to the present.

The methodology is based on the use of both general scientific and private scientific methods of scientific cognition.

The result of the study was the identification of a natural connection between the development of transport routes and communications and the law, as well as the inability of the latter to be ahead of criminal encroachments.

Conclusions. The author to the conclusion that it is necessary to develop such legislative "algorithms" that will allow not only to resolve the existing modern issues of the qualification of criminal forms of behavior in the industry in question, but also to determine a strategy of preventive action against them. The basis of such algorithms should be laid in the conduct of modern scientific research, which is not of a unified nature, but mainly interdisciplinary format.

Keywords: transport; security; technology; legal responsibility; crime; artificial intelligence.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Yakovleva E. O. Historical Ways of Formation of the Institute of Transport Security. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 101–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-101-112>.

Received 14.12.2021

Accepted 17.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Интенсификация производственных процессов отечественной индустрии транспорта имеет отдельный научный интерес с точки зрения осуществляемых подходов к реализации новых технологий и продуктов, внедряемых в повседневную жизнь гражданского населения. Сложно недооценить многозначность роли транс-

порта не только в жизнеобеспечении отдельного индивида, но и в благотворном развитии социально-экономического климата всей страны, по сути создавая ее имидж и инвестиционную привлекательность.

Стремительные темпы инновационного развития не могли не поставить перед собой довольно амбициозные и на первый взгляд невероятные задачи, свя-

занные с созданием единой транспортной системы России. По крайней мере, так могло показаться в прошлом десятилетии, в период утверждения Транспортной стратегии РФ¹, когда Правительством России до 2030 г. (с прогнозом на период до 2035 г.) был взят курс на синхронное преодоление таких факторов, как глобальная конкуренция, ограничения экономики и зарубежная политика «сдерживания» России, а также исчерпание источников экспортно-сырьевого типа развития. Связующим звеном решения поставленных задач явилось сохранение человеческого капитала в условиях непростого социально-экономического развития.

Сегодня же с большими и достаточно аргументированными надеждами возможно рассуждать не только о создании единого транспортного пространства России, но и о внедрении в транспортную отрасль технологий по последнему слову будущего. Безусловно, такой процесс должен находиться под пристальным контролем правоведов, усилиями которых, по нашему мнению, должна создаваться правовая база, обеспечивающая не только гарантии соблюдения прав и законных интересов всех участников гражданско-правовых отношений, связанных с использованием новых продуктов, но и должна быть создана та фундаментальная основа, которая позволит гарантировать обеспечение безопасности личности, общества и государства от негативных последствий использования рассматриваемых продуктов.

В науке достаточно хорошо изучены вопросы неосторожной преступности, а также уголовно-правовые и криминологические характеристики преступлений, совершаемых на транспорте. Однако вопросы обеспечения транспортной бе-

зопасности с позиции проблем, обусловленных развитием технического транспортного парка страны, созданием современных интеллектуальных транспортных систем, внедрением новых образовательных программ обучения профессиональных кадров, не рассматривались ранее в разрезе единой комплексной программы преступлений, что требует отдельного внимания. Теоретической основой работы являются научные труды таких ученых, как: Н. С. Алексеев [1], Ю. М. Антонян [2], А. В. Борисов [3], Д. А. Бражников [4], П. С. Дагель [5], М. Ю. Зеленков [6], Н. И. Исаев [7], А. А. Матвеев [8], Т. Д. Малютина [9], А. И. Чучаев [10] и др.

Отдельного внимания уже сегодня должны заслуживать вопросы определения границ дозволенного использования новых средств и технологий в транспортной промышленности, а также обеспечения транспортной безопасности [11, с. 144].

Такая задача, стоящая на пути научного сообщества, несомненно, требует комплексного, ответственного подхода и не может быть «вырвана из контекста», игнорируя этические принципы осуществления научной деятельности, ограничивая умозаключения отдельными, единичными исследованиями. Важен междисциплинарный подход и последовательность в уяснении общих закономерностей в вопросах соотношения права и технологий, наряду со свободой научного творчества. Поэтому вопросы нормативного регулирования той или иной отрасли, в нашем случае транспортной, следует начинать с историко-правового анализа генезиса развития общественных отношений с целью уяснения степени влияния прошлого и его событий на современное видение феномена и определение его значимости в мировоззренческом поле.

Методология

Методологическая база научного исследования включает теоретико-методо-

¹ О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ: [ред. от 11.06.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/ (дата обращения: 20.11.2021).

логические положения юридической науки о закономерностях, тенденциях развития и профилактике преступных отношений в области обеспечения транспортной безопасности в современной России. Методами исследования для получения новых знаний и выводов данной научной работы выделяют качественный и количественный, сравнительно-правовой, статистический, исторический, аналитический, диалектический, логический и формально-юридический. Сравнительно-правовой метод был направлен на изучение общих и специфических закономерностей обеспечения транспортной безопасности в России и иных зарубежных странах. Диалектический метод направлен на познание института обеспечения транспортной безопасности, носит всеобщий, универсальный характер, состоящий в выработке генеральной стратегии поиска и регулирования рассматриваемых правоотношений. Логический и формально-юридический методы были использованы при исследовании понятия транспортной безопасности. Указанный метод включает в себя средства и способы логического изучения и объяснения. Использование исторического метода позволило произвести соотношение развития законодательной базы, направленной на регулирование отношений в области обеспечения транспортной безопасности на протяжении длительных лет, в частности произведен анализ правовой базы в советский, дореволюционный и современный период.

Результаты и их обсуждение

Формирование единого транспортного пространства России на базе сбалансированного, опережающего развития транспортной инфраструктуры, безусловно, не может решаться без правового регулирования отношений в сфере управления, финансирования и определения правового порядка, гарантирующего функционирование транспортной системы.

Правовое регулирование обеспечивает работу единой системы транспортных коммуникаций, способствует созданию интегрированной системы товаро-транспортной технологической инфраструктуры всех видов транспорта. Без правового регулирования транспортных отношений невозможно обеспечивать безопасность на транспорте, что имеет прямое воздействие на соблюдение гарантий защиты граждан от преступных посягательств, в то время когда такая защита прав и свобод человека и гражданина, закрепленная в положениях Конституции РФ, является обязанностью государства.

На всех видах транспорта (водного, воздушного, железнодорожного, автомобильного) безопасность движения, безопасность полётов, безопасность судоходства обеспечиваются путём правового установления порядка, предотвращающего угрозы и опасность причинения вреда людям и транспортной инфраструктуре, транспортным средствам. Инженерно-технические и организационные меры структурируются и применяются в рамках норм современного законодательства.

Развитие общественных отношений подтверждает историческую взаимосвязь развития транспорта и правового регулирования транспортных отношений, прослеживаемую с самых давних времён.

Укрепление правовых основ транспортной деятельности проходило под давлением двух факторов. Первым выступал процесс развития транспортных технологий, шедший в русле индустриализации. Вторым фактором являлся рост потребности в расширении и улучшении качества транспортных услуг. Полноценная реализация обоих факторов не могла осуществляться без соответствующего правового регулирования, без создания и развития транспортного права.

Транспортное право продолжает развиваться под воздействием потребностей, диктуемых задачами развития транспорта, определёнными в стратегических программных документах России, направ-

ленными на создание условий, способствующих экономическому росту, повышению конкурентоспособности национальной экономики и повышению качества жизни населения, оказанию доступных, безопасных и высококачественных транспортных услуг [12, с. 17]. В настоящее время транспортное право представляет собой большой объём разнообразных правовых концепций, теоретических положений, правовых идей, правовых принципов, огромного количества законов, учений, одним из которых и является учение о транспортной безопасности.

Для того чтобы транспортная система отвечала требованиям, заявленным в государственных программных документах, нужны чёткие, удобные правовые регуляторы, гарантированно обеспечивающие содержание и безопасное функционирование всей структуры, образующей транспортный комплекс. Одним из основных средств правового регулирования в настоящее время служит Федеральный закон «О транспортной безопасности»¹ (далее – Федеральный закон №16), с момента вступления в силу которого исполнилось тринадцать лет. Достаточно наглядный срок для подведения некоторых итогов становления данного нормативного акта и законодательной базы в данной сфере в целом.

Во исполнение данного Федерального закона Правительством РФ, Минтрансом России и подведомственными ему службой и агентствами разработан и утвержден большой блок подзаконных нормативных правовых актов. Примером тому служат Федеральный закон «О противодействии терроризму»², Федераль-

ный закон от «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»³, ряд правительственные актов и др. На основании этого транспортную безопасность на сегодняшний день можно рассматривать как полноценно сформировавшийся юридический институт. Однако так было не всегда.

С развитием технического прогресса всё чаще возникал вопрос об обеспечении транспортной безопасности. При этом рассматривая этапы развития как отечественной, так и зарубежной системы обеспечения дорожной безопасности, отметим, что впервые проблема обеспечения такой безопасности возникла после появления и распространения в обществе транспортных средств. И если рассматривать транспортные средства как общие средства передвижения, то стоит сказать, что ещё в «Русской правде» – первом кодифицированном сборнике законов Киевской Руси – было установлено привлечение к ответственности за причинение вреда человеку ввиду управления повозкой или лошадью⁴.

Однако правовые акты, непосредственно посвящённые обеспечению безопасности дорожного движения, появились в отечественном законодательстве позднее. Так, например, в ряде памятников российского права конца XVII в. были введены некоторые запреты, связанные с транспортной безопасностью. Например, к таким документам можно отнести Боярский приговор 1676 г., содержащий ограничения на въезд извозчиков с порожними санями и с седоками в

¹ О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ: [ред. от 11.06.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/ (дата обращения: 20.11.2021).

² О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 20.11.2021).

³ О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 17-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/ (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ «Русская правда»: (пространная редакция). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/> (дата обращения: 19.11.2021).

Кремль¹. Причём стоит отметить, что именно данный документ впервые ограничил количество транспортных средств в столице. Далее порядок дорожного движения в стране всё активнее становился предметом правового регулирования. Так, уже в конце XVII в. в стране были введены некоторые ограничительные меры для обеспечения транспортной безопасности, и всё это, в первую очередь, потому, что число лошадей всё увеличивалось и они становились основным средством передвижения.

В XVIII в. в России произошли изменения практически во всех сферах жизни общества, и эти преобразования начались со времен правления Петра I. Безусловно, указанные изменения затронули и обеспечение транспортной безопасности в стране. Кроме того, именно в этот период требования к дорогам, транспортным средствам были значительно увеличены. Особо стоит отметить и то, что после строительства Санкт-Петербурга и перенесения в этот город столицы между Москвой и «городом на Неве» было также налажено транспортное сообщение. И строительство этой дороги закончилось в 1746 г.

В связи с развитием дорожной сети появилось особое учреждение, обеспечивающее безопасность дорожного движения – Полицмейстерская канцелярия. В 1720 г. также введены ограничения, обязывающие передвигаться по «новой» столице только лишь на взнузданных лошадях. Кроме того, в том же году ввели запрет на передвижение по улице без фонарей.

В середине XVIII в. в стране резко увеличилось число наездников, экипажей, что, в свою очередь, обострило проблему обеспечения безопасного дорожного движения. Хотя наиболее сильно дорожное строительство активизировалось в 1810–60-е гг. Особо отметим, что в

1802 г. был также впервые издан Указ «О запрещении скорой езды».² При этом впервые была введена ответственность за нарушение правил передвижения по улицам города гужевого транспорта не только в отношении извозчика, но и в отношении владельца того или иного экипажа. Далее император всё чаще и чаще издаёт новые нормативно-правовые акты, которые определяют различные меры ответственности для нарушителей безопасности дорожного движения. Причём нарушителей в данный период времени наказывали по-разному: отправляли в смирительный дом, конфисковывали у владельца лошади, назначали правонарушителям штраф (когда возникала необходимость после аварии лечить пострадавшего).

Первая четверть XIX в. во времена правления Александра I, последователя Петра I, характеризуется коренными преобразованиями, связанными в большей мере изданием именных указов и правовых актов правительенного сената. Результатом деятельности стало создание отдельного самостоятельного органа управления транспортной отраслью, наряду с созданием специализированных образовательных учреждений по типу подготовки профессиональных кадров. Исторический период характеризовался внедрением мощной транспортной системы.

Однако проблема недостаточности финансирования наложила свой след на организацию дорожного движения, поэтому уже в период правления Николая I проблема отсутствия дорог выделялась среди прочих. Стратегия развития предусматривала значительное вливание денежных средств на создание дорог категорийного использования. Несомненно, законодательная часть, регламентирующая ответственность за нарушение их со-

¹ В Кремль на лошадях не въезжали.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3850728>
(дата обращения: 11.11.2021).

² Полное собрание законов Российской империи. Т. 30. СПб., 1830. Ст. 23420.

хранности, была модернизирована и дополнена рядом нормативно-правовых актов. Так, к примеру, в 1833 г. был издан Указ «Основные правила об устройстве и содержании дорог в государстве» [13, с. 74–75].

Активное развитие дорожных сетей привело к значительному росту их потребительского использования среди гражданского населения, характеризующегося в немалой степени грубым и беспорядочным движением обозов, не уступающим приоритет в движении экипажам на почтовых лошадях. Такая ситуация требовала особенного внимания и дальнейших преобразований нормативно-правового регулирования порядка осуществления дорожного движения, что обусловило появление новых правил. Рассматриваемый период характеризуется появлением нормативного закрепления обязанности правостороннего движения сухопутных транспортных средств, использования специальных звуковых сигналов, а также распределением полномочий по осуществлению контролю за обеспечением транспортной безопасности. Основные функции по фиксации нарушений были переданы земской полиции. Дорожному начальству были поручены задачи, связанные с обеспечением сохранности дорожного полотна среди жителей селений, владельцами пастбищ и погонщиками скота. Впервые были регламентированы меры юридической ответственности за причиненный вред отношениям, обеспечивающим транспортную безопасность как умышленного, так и неосторожного характера.

В 1845 г. было принято в России знаменитое «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», по сути, первый уголовный кодекс, которым преду-

сматривалось установление уголовной ответственности за нарушение в том числе правил дорожного движения¹. При этом стоит отметить, что именно в это время в стране начинает активно развиваться и железнодорожный транспорт. Причём среди санкций за нарушения правил дорожного движения уже встречались более «разнообразные» наказания: штрафы, аресты, битье розгами, обязанность возмещения ущерба и др.

В конце XIX – начале XX в. были предприняты первые попытки внедрения самодвижущихся экипажей на электрической, бензиновой, паровой тяге. И в связи с этим неизбежно увеличилось число дорожно-транспортных происшествий, ввиду чего потребовалась дополнительная правовая детализация использования различного рода автотранспорта. Причём это коснулось не только самих правил дорожного движения, но и технических требований, предъявляемых к транспорту.

В 1910 г. Россией была ратифицирована Международная конвенция относительно движения автомобилей, подписанная в 1909 г. в Париже. Причём именно в этой конвенции содержались основные правила дорожного движения, а также различные требования к техническому состоянию транспортных средств, в стране после этого появились дорожные знаки².

После провозглашения советской власти был издан Декрет СНК «Правила автодвижения по городу Москве и ее

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата обращения: 20.11.2021).

² Международная конвенция относительно автомобильного движения. URL: <https://base.garant.ru/2540348/> (дата обращения: 20.11.2021).

окрестностям» от 10 июня 1920 г.¹, причём стоит отметить, что некоторые положения данного нормативно-правового акта актуальны и в настоящее время. Например, в одном из разделов акта указано, что каждая из автомашин должна иметь два печатных номерных знака, при этом каждый из номерных знаков должен содержаться в исправности и чистоте, а также соответствовать назначению.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. специальных статей об ответственности за безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств не было. Хотя сфера обеспечения безопасности дорожного движения регламентировалась иными нормативно-правовыми актами. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. уже содержались нормы, обеспечивающие безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта. К примеру, в ст. 75 УК РСФСР предусматривалась ответственность за нарушение правил безопасности на железнодорожном транспорте².

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. сформирована довольно четкая система транспортных преступлений, причём эти нормы закона в дальнейшем были переняты и современным уголовным законодательством.

Исследуя зарубежный и мировой опыт, отметим, что транспортную безопасность в мире стали «охранять» несколько раньше. Так, среди значимых международных нормативно-правовых актов следует выделить Международную конвенцию о дорожном движении (вместе с Протоколом о дорожных знаках и

сигналах) 1949 г., Конвенцию о дорожном движении 1968 г., Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1968 г., Европейскую конвенцию о наказании за нарушения правил дорожного движения 1964 г. и др. [14, с. 76] Принимая во внимание опыт ближайших «соседей», можно отметить, что если рассматривать МУК СНГ, то в нём также выделена самостоятельная глава 25, которая так и называется «Преступления против движения и эксплуатации транспорта», и она, в свою очередь, входит в восьмой раздел «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения».

Современный УК РФ в целом практически воспринял данную модель системы норм о транспортных преступлениях, за исключением двух обстоятельств. Основное различие было связано с особенностью деления кодекса на разделы. Так, девятый раздел, куда и входит глава 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», называется «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», а если говорить о втором различии, то оно состоит в том, что перечень деяний, запрещённых УК РФ (в первой редакции), был значительно больше.

Среди уголовных кодексов большинства стран континентальной Европы самостоятельная глава об исследуемых преступлениях выделяется нечасто. К примеру, в Уголовном уложении ФРГ обеспечивают транспортную безопасность нормы, включённые в гл. 28 «Общеопасные преступные деяния»³. В Уголовном кодексе Голландии содержится специальный раздел 29 «Преступления, связанные с судоходством и авиацией»⁴.

¹ Декрет СНК «Правила автодвижения по городу Москве и ее окрестностям». URL: https://perviydoc.ru/v32176/декрет_1920_г_об_автодвижении_по_городу_москве_и_ее_окрестностям_правила (дата обращения: 20.11.2021).

² Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 20.11.2021).

³ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практический комментарий. М., 2010. С. 76.

⁴ Уголовный кодекс Голландии. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.aps?normID=12424>

В Уголовном кодексе Швейцарии транспортной безопасности посвящен раздел 9, в котором содержится всего 3 статьи (о нарушении деятельности общественного транспорта, железнодорожного транспорта, а также деятельности предприятий, служащих общественным интересам).¹ Причём данный раздел кодекса именуется как «Преступления и проступки против общественного транспорта».

Также интересен с научной точки зрения Уголовный кодекс Израиля, где глава, «охраняющая» транспортную безопасность, называется «Преступления в отношении транспортного средства»².

Соглашаясь с отдельными авторами [15], отметим, что на современном этапе развития российского общества приоритетным направлением для исследований обеспечение транспортной безопасности по-прежнему является. Такая проблема признана мировым сообществом, поэтому опыт зарубежных стран представляет научную значимость в исследовании вопросов, связанных не только с уголовно-правовой квалификацией деяний, но и разработкой эффективных средств предупреждения будущих преступлений, посягающих на транспортную безопасность в России [16]. Подтверждением тому служит отчетливая закономерность между развитием научно-технического прогресса, социально-экономическим климатом страны и наличием законодательного дисбаланса.

Ныне появление новых, высокотехнологичных средств управления на основе использования искусственного интел-

30&subID=100100457,100100458,100100510, 100101139 (дата обращения: 20.11.2021).

¹ Уголовный кодекс Швейцари. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241950&subID=100098712,100098714,100098879,100099064#tex> (дата обращения: 10.12.2021).

² Закон об уголовном праве Израиля на русском языке. URL: <https://pravo.israelinfo.co.il/articles/analitik/926> (дата обращения: 20.11.2021).

лекта [17] и возможностью беспилотного управления как нельзя доказывает острую необходимость в срочном решении будущих проблем [18], которые относимы многими авторами не только к обеспечению безопасности от угроз террористического характера и киберугроз [19], бесперебойному функционированию таких средств в непрерывном режиме, а также защите логистических схем управления и координации транспортных потоков России. Решение таких проблем укладывается в понимание необходимости обеспечения безопасного функционирования транспортной отрасли в целях создания платформы для «развития экономической составляющей нашей страны, в том числе в рамках осуществления товарооборота» [20, с. 7].

Выводы

Таким образом, институт обеспечения транспортной безопасности возник еще до появления привычных нам транспортных средств в России.

Исторический и сравнительно-правовой анализ позволил в наглядной степени определить векторы развития российской государственной политики, направленной на обеспечение не только безопасности дорожного движения, но и транспортной безопасности. Такую историческую модель права, по нашему мнению, более склонно относить к типу европейского устройства. Строительство и проектирование транспортных путей и сообщений послужило значительным «толчком» в создании и систематизации первых источников транспортного права и, несмотря на временную переоценку приоритетов рассматриваемого строительства от сухопутных дорог в сторону железнодорожных путей, интерес к разрешению правовых деликтов не иссякал, а лишь дополнялся по мере появления новых форм преступных посягательств, в том числе неосторожных.

Список литературы

1. Алексеев Н. С. Транспортные преступления. Ответственность за преступления, посягающие на правильную работу советского транспорта. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 147 с.
2. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография. М.: Норма, 2014. 368 с.
3. Борисов А. В. Криминологическая характеристика транспортной преступности // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2 (55). С. 30–34.
4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2016 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / О. Р. Афанасьева, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова, С. В. Маликов, В. И. Шиян. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФГКУ ВНИИ МВД России, 2017. 127 с.
5. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. 132 с.
6. Зеленков М. Ю. Критерии и методы оценки эффективности цифровизации управления транспортно-логистическими системами // Тренды и управление. 2019. № 2. С. 76–90.
7. Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2011. 188 с.
8. Матвеев А. А. Противодействие коррупции в государственном и муниципальном управлении в сфере транспорта // Российское государствоведение. 2019. № 1. С. 114–120.
9. Малютина Т. Д. К вопросу о взаимосвязи коррупции и транспортной безопасности // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 19. С. 7–13.
10. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: монография. М.: Проспект, 2018. 256 с.
11. Яковлева Е. О. Тенденции развития уголовной политики в эпоху массовой роботизации транспортных средств // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 136–144. <https://doi.org/10.17223/22253513/36/12>.
12. Яковлева Е. О. Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений. М.: Юрлитинформ, 2016. 192 с.
13. Петров Ю. И. Развитие сухопутных путей сообщения и транспортного законодательства в России во второй четверти XIX столетия // Транспортное право и безопасность. 2019. № 3(31). С. 72–80.
14. Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 486 с.
15. Yakovleva E., Tarykin V. Legal support of the achievements of modern scientific and technological progress of transport in the agro-industrial complex // E3S Web of Conferences. Chelyabinsk, 2021. Р. 05020. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805020>.
16. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 461–476.
17. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.
18. Sheveleva S., Yakovleva E. Transport security in terms of digitization // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Novosibirsk, 2020. Р. 012087. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/918/1/012087>.

19. Grebenkov A. A., Yakovleva E. O. The state of modern malicious software: Foundations of study on cyber-armaments // International Journal of Applied Engineering Research. 2016. Vol. 11, No 9. P. 6832–6834.

20. Яковлева Е. О. Криминологическая характеристика неосторожных преступлений, совершаемых на транспорте / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. 155 с.

References

1. Alekseev N. S. Transportnye prestupleniya. Otvetstvennost' za prestupleniya, posyagayushchie na pravil'nyu rabotu sovetskogo transporta [Transport crimes. Responsibility for crimes that infringe on the proper operation of Soviet transport]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1957. 147 p.
2. Antonyan Yu. M., Eminov V. E. Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psihologicheskoe issledovanie [The identity of the criminal. Criminological and psychological research]. Moscow, Norma Publ., 2014. 368 p.
3. Borisov A. V. Kriminologicheskaya harakteristika transportnoj prestupnosti [Criminological characteristics of transport crime]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2019, no. 2 (55), pp. 30–34.
4. Afanas'eva O. R., Brazhnikov D. A., Goncharova M. V., Malikov S. V., Shiyan V. I. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii po itogam 2016 goda i ozhidaemye tendencii ee razvitiya: analiticheskij obzor [Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2016 and expected trends in its development: analytical review]. 2th ed. Moscow, FGKU VNII MVD Rossii Publ., 2017. 127 p.
5. Dagel' P. S. Uchenie o lichnosti prestupnika v sovetskem ugolovnom prave [The doctrine of the criminal's identity in Soviet criminal law]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1970. 132 p.
6. Zelenkov M. Yu. Kriterii i metody ocenki effektivnosti cifrovizacii upravleniya transportno-logisticheskimi sistemami [Criteria and methods for evaluating the effectiveness of digitalization of management of transport and logistics systems]. *Trendy i upravlenie = Trends and management*, 2019, no. 2, pp. 76–90.
7. Isaev N. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatacii transportnyh sredstv [Criminal liability for violation of traffic rules and operation of vehicles]; ed. by N. G. Kadnikova. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 2011. 188 p.
8. Matveev A. A. Protivodejstvie korrupcii v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii v sfere transporta [Combating corruption in state and municipal administration in the field of transport]. *Rossijskoe gosudarstvovedenie = Russian State Studies*, 2019, no. 1, pp. 114–120.
9. Malyutina T. D. K voprosu o vzaimosvyazi korrupcii i transportnoj bezopasnosti [On the issue of the relationship between corruption and transport security]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: problems and solutions*, 2014, no. 19, pp. 7–13.
10. Chuchaev A. I., Pozharskij A. Yu. Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, harakteristika [Transport crimes: concept, types, characteristics]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 256 p.
11. Yakovleva E. O. Tendencii razvitiya ugolovnoj politiki v epohu massovoj robotizacii transportnyh sredstv [Trends in the development of criminal policy in the era of mass robotization of vehicles]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2020, no. 36, pp. 136–144. <https://doi.org/10.17223/22253513/36/12>.
12. Yakovleva E. O. Lichnost' voditelya i situaciya v mekhanizme soversheniya dorozhno-transportnyh prestuplenij [The identity of the driver and the situation in the mechanism of committing traffic crimes]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 192 p.

13. Petrov Yu. I. Razvitiye suhoputnyh putej soobshcheniya i transportnogo zakonodatel'stva v Rossii vo vtoroj chetverti XIX stoletiya [Development of land communication routes and transport legislation in Russia in the second quarter of the XIX century]. *Transportnoe pravo i bezopasnost' = Transport law and security*, 2019, no. 3(31), pp. 72–80.
14. Korobeev A. I. Transportnye prestupleniya i transportnaya prestupnost' [Transport crimes and transport crime]. Moscow, YurLitinform Publ., 2015. 486 p.
15. Yakovleva E., Tarykin V. Legal support of the achievements of modern scientific and technological progress of transport in the agro-industrial complex. E3S Web of Conferences. Chelyabinsk, 2021. P. 05020. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805020>.
16. Mosechkin I. N. Iskusstvennyj intellekt i ugolovnaya otvetstvennost': problemy stanovleniya novogo vida sub"ekta prestupleniya [Artificial intelligence and criminal responsibility: problems of the formation of a new type of subject of crime]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*, 2019, no. 3, pp. 461–476.
17. Begishev I. R., Hisamova Z. I. Iskusstvennyj intellekt i ugolovnyj zakon [Artificial intelligence and criminal law]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 192 p.
18. Sheveleva S., Yakovleva E. Transport security in terms of digitization. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Novosibirsk, 2020. P. 012087. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/918/1/012087>.
19. Grebenkov A. A., Yakovleva E. O. The state of modern malicious software: Foundations of study on cyber-armaments. *International Journal of Applied Engineering Research*, 2016, vol. 11, no. 9, pp. 6832–6834.
20. Yakovleva E. O. Kriminologicheskaya harakteristika neostorozhnyh prestuplenij, sovershaemyh na transporte [Criminological characteristics of reckless crimes committed on transport]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2019. 155 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Яковlevа Елена Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7346-8016

Elena O. Yakovleva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-7346-8016

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-113-129>

К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного статьей 216 Уголовного кодекса Российской Федерации

О. В. Минакова¹

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

e-mail: marivanna77@mail.ru

Резюме

Актуальность. Анализ правоприменительной практики и уголовно-правовой теории относительно толкования признаков субъекта преступления, предусмотренного статьей 216 Уголовного кодекса Российской Федерации, показывает, что существуют проблемы отнесения к нему лиц, которые не наделены обязанностью осуществлять организацию или обеспечивать соблюдение, а также соблюдать правила безопасности при ведении работ повышенной опасности (ненадлежащий субъект). На примерах следственно-судебной практики рассмотрены основные сложности квалификации нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ, препятствующие изобличению виновных. Неверная квалификация содеянного не субъектами указанного деяния влечет нарушение принципов вины и справедливости, для чего требуется разработка разъяснений по уголовно-правовой оценке подобных случаев.

Целью исследования является уточнение теоретических представлений о субъекте нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ.

Задачи: изучение положений следственно-судебной практики, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ; выявление проблем квалификации по субъекту; формулирование предложений по их разрешению.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция), так и методы юридической науки (формально-юридический, системно-структурный и другие).

Результаты исследования заключаются в разработке определения и признаков субъекта преступления по статье 216 Уголовного кодекса Российской Федерации,дается его классификация по группам. Она позволяет добиться единого правоприменения посредством установления точных признаков виновного. Самостоятельно для правопримениеля сформулированы выводы и предложения по квалификации нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ.

Вывод. Проведенное исследование позволяет утверждать о совершении нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ только специальным субъектом, обязанным соблюдать соответствующие правила безопасности, либо организовать или обеспечить их соблюдение другими лицами.

Ключевые слова: строительство; специальный субъект; работы повышенной опасности; приговор; правила безопасности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Минакова О. В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного статьей 216 Уголовного кодекса Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 113–129. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-113-129>.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Принята к публикации 19.01.2022

Опубликована 28.02.2022

On the Subject of a Crime Under article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation

Olga V. Minakova¹

¹Belgorod State National Research University
85 Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

 e-mail: marivanna77@mail.ru

Abstract

Relevance. An analysis of law enforcement practice and criminal law theory regarding the interpretation of the characteristics of the subject of the crime under Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation shows that there are problems of attributing to it persons who are not entrusted with the obligation to organize or ensure compliance, as well as observe safety rules when conducting high-risk work (improper subject). On the examples of investigative and judicial practice, the main difficulties of qualification of violations of safety rules in the conduct of construction or other work that prevent the detection of perpetrators are considered. The misqualification of the act by the non-subjects of the said act entails a violation of the principles of guilt and justice, which requires the development of explanations on the criminal legal assessment of such cases.

The purpose of the study is to clarify theoretical ideas about the subject of violation of safety rules during construction or other work.

Objective: study of the provisions of investigative and judicial practice, guiding explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; identification of problems of qualification by subject; Formulation of proposals for their resolution.

Methodology. In the process of working on the study, both general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction) and methods of legal science (formal legal, system-structural and others) were used.

The results of the study consist in the development of the definition and characteristics of the subject of the crime under Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation, its classification by groups is given. It makes it possible to achieve uniform enforcement by establishing the exact signs of the perpetrator. Independently for the law enforcement officer, conclusions and proposals are formulated on the qualification of violations of safety rules during construction or other work.

Conclusion. The study makes it possible to claim that a safety violation was committed during construction or other work only by a special entity obliged to comply with the relevant safety rules, or to organize or ensure their observance by other persons.

Keywords: construction; special subject; high-risk work; sentence; safety rules.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was prepared within the framework of the state task "Transformation of private and public law in conditions of evolving society and the state" (No. 0851-2020-0033).

For citation: Minakova O. V. On the Subject of a Crime Under article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 113–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-113-129>.

Received 15.12.2021

Accepted 19.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

При оценке последствий нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ как уголовно-правовых правоприменителю необходимо

установить виновного в их наступлении. При этом одно только выявление лица, в обязанности которого входили организация и (или) обеспечение соблюдения специальных правил безопасности, а также их соблюдение, не предрешает

вопроса о субъекте рассматриваемого преступления. Его признаки не всегда точно определяются правоприменителем, что приводит к привлечению к уголовной ответственности невиновных и, напротив, уходу от нее лиц, обязанных организовать и контролировать соблюдение установленных требований. Сплошная выборка приговоров в поиске оправдательных вердиктов выявила факты привлечения к уголовной ответственности лиц, в действиях которых отсутствовал указанный состав преступления. Во втором же случае нередки ситуации, когда к ответственности привлекаются рядовые работники, а руководители строительных организаций, обязанные осуществлять общее руководство работами и обеспечить соблюдение правил безопасности при их ведении, исключаются из круга виновных. Во избежание фактов незаконного возбуждения уголовного дела или вынесения оправдательных приговоров в отношении виновных правоприменителю требуется алгоритм определения признаков субъекта рассматриваемого деяния.

Методология

Особое значение в методологии придавалось всеобщему диалектическому методу познания преступности, связанной с нарушением специальных правил безопасности. С помощью формально-юридического, структурно-функционального методов, анализа судебной практики изучались российское уголовное законодательство, руководящие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в постановлениях Пленума, приговоры и постановления следственных и судебных органов, что позволило решить целый ряд исследовательских задач. Формально-логический метод был основным при характеристике элементов и признаков указанного состава преступления. Системный, сравнительно-правовой метод, методы индукции и дедукции, анализа, аналогии, моделирования и анализа нормативных документов позволили комплекс-

но и логически верно систематизировать материал и разработать новое видение субъекта преступления.

Результаты и их обсуждение

Дискуссия о лицах, нарушивших специальные правила безопасности, в науке продолжается, несмотря на принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹. В нем нет разъяснений, кто именно подлежит уголовной ответственности по ст. 216 УК РФ, а потому следует представить авторское видение субъекта этого преступления. Понятно, что его общими признаками являются вменяемость и достижение возраста шестнадцати лет, что предписывают положения ст. 19-23 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а вот является ли субъект специальным, как ориентирует правоприменителя теория, следует рассуждать. Например, в учебнике по уголовному праву под редакцией Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова говорится, что субъектом преступления выступают должностные лица и другие работники, постоянная или времененная деятельность которых связана с данным производством, и обязаны соблюдать названные правила [1, с. 315]. Эта же позиция отражается в большинстве комментариев к УК РФ. Так, в комментарии под редакцией А. В. Бриллианта субъектом этого преступления названо как лицо, на кото-

¹ О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 нояб. 2018 г. № 41 // Российская газета. 2018. 5 дек.

рое возложены обязанности по выполнению правил и норм охраны труда (например, главный инженер, начальник цеха, участка, мастер, прораб), так и другие работники, деятельность которых связана с данным предприятием (конкретный работник, нарушивший правила техники безопасности, лицо, командированное на предприятие, студент-практикант) [2, с. 318]. К специальному субъекту, согласно комментарию под редакцией А. И. Рарога, относится лицо, непосредственно связанное с выполнением строительных и иных работ, на которое возложены обязанности по соблюдению правил: ответственный по технике безопасности, рядовые работники [3, с. 425].

Если исходить из того, что специальным признается субъект, обладающий кроме общих, уникальными, особенностями характеристиками, то юридическая обязанность знания специальных правил и будет выступать этим отличительным элементом. Такая обязанность может возникать из квалификационных требований должности, профессии или специальности, предписаний нормативных правовых актов, предусматривающих компетентность работника, его знание правил охраны труда и производственной безопасности и организации их обеспечения и др. Например, в своей монографии Э. Н. Зинченко приходит к верному выводу, что субъектом преступления, связанного с нарушением правил безопасности горных работ, может быть не любое лицо, а только прошедшее специальное обучение по профессии, имеющее знание правил техники безопасности и психофизиологическую пригодность к горным работам [4, с. 90].

Аналогичной позиции придерживается В. Ф. Лапшин, полагая, что в подобных случаях требуется установить объективный и субъективный критерии. Объективный критерий представляет наличие определенных обязанностей по соблюдению действующих правил и требований, а субъективный – надлежащую осведом-

ленность о содержании этих правил, подтверждаемую письменными доказательствами о прохождении соответствующего обучения, инструктажа, квалификационного испытания и т.п. При отсутствии любого из приведенных критериев субъект не является специальным [5, с. 123]. На это обратил внимание и Конституционный Суд России, указав: «В уголовном законе установлена система специальных норм, направленных на обеспечение безопасности в отдельных сферах жизнедеятельности, характеризующихся повышенными требованиями к поведению субъектов (в частности, ст. 143, 215, 216, 217, 218, 219, 236, 247, 263, 264, 268, 350 УК РФ). В таких отношениях их участники выступают как *специальные субъекты*, призванные соблюдать комплекс правил, обеспечивающих как индивидуальную безопасность, так и общую защищенность жизни и здоровья широкого (неопределенного) круга лиц. Несоблюдение (нарушение) требований специальных норм само по себе создает опасность причинения вреда жизни и здоровью людей, другим объектам уголовно-правовой охраны»¹.

Вот почему многочисленная практика признания субъектами по ст. 216 УК РФ лиц, не имеющих специальных знаний, необходимой квалификации, компетенций, соответствующего опыта и навыков, однако допущенных к выполнению строительных или иных работ повышенной опасности, должна быть признана порочной, поскольку здесь исключается особый признак субъекта. При наличии к тому оснований они подлежат ответственности по статьям УК РФ за неосто-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Быкова Михаила Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 109 и частью четвертой статьи 264 Уголовного кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 8 июля 2021 г. № 1373-О. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 24.10.2021).

рожные преступления. В таких случаях противоправностью и виновностью характеризуются действия лица, не выполнившего возложенной на него обязанности по запрету на допуск к работе необученных, неаттестованных работников при причинении ими вреда, описанного в ст. 216 УК РФ. Вместе с тем, если лицо, осознавая свое незнание, неопытность и неквалификацию, предвидит наступление преступных последствий, но не допускает реальной возможности их наступления либо не считает их неизбежными, оно действует с преступной самонадеянностью, а значит, подлежит уголовной ответственности. Освобождение от нее может иметь место лишь тогда, когда «недостаток требуемых знаний и опыта нельзя ставить лицу в упрёк, когда оно не сумело приобрести надлежащие знания и опыт по не зависящим от него обстоятельствам» [6, с. 152].

К примеру, Абаканский городской суд признал К. виновным в том, что, дав указание проходящим производственную практику учащимся ФИО3 и ФИО2 о производстве общестроительных работ, не разъяснил им, что демонтаж конструкции необходимо осуществлять последовательно сверху вниз, а при разборке строений запрещается подрубать каменные столбы и простенки вручную. В ходе демонтажа стены, расположенной между кухней и комнатой, ФИО3, будучи не осведомленным о надлежащем порядке проведения работ, разбил кувалдой нижнюю часть межкомнатной перегородки, которая упала на ФИО2. В результате преступной небрежности К. и нарушения им вышеуказанных правил при ведении строительных работ, ФИО2 был причинен тяжкий вред здоровью по признаку вреда, опасного для жизни человека, повлекший его смерть¹.

¹ Приговор Абаканского городского суда от 05.02.2019 по уголовному делу № 1-148/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. [2018]. URL: <https://sudact.ru/>

Необходимо упомянуть и о второй позиции, когда субъектом преступления по ст. 216 УК РФ ученые считают вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности потому, что оно нарушает общее правило безопасности – не совершать опасные действия без получения соответствующих знаний, умений и навыков [7, с. 86, 89] при отсутствии необходимых для этого прав и компетенций, корреспондируемых с обязанностями [9, с. 100–106]; незнание нарушенных специальных правил не освобождает его от ответственности за их нарушение [10, с. 108–109]. В таком широком подходе его сторонники признают реальное существование объективного вменения по ст. 216 УК РФ [7, с. 39–44], и тот факт, что исключить его полностью по неосторожным деяниям не удается [11, с. 96]. Как пишет М. В. Бавсун, практика использования института вины и принципа виновной ответственности не соответствует их законодательным формулировкам и следует по пути целесообразности, которая находится вне рамок закона и обусловлена условиями реальной действительности [12, с. 12–13].

Субъективная сторона предполагает знание лицом, совершившим преступление, предусмотренное ст. 216 УК РФ, соответствующих правил безопасности ведения строительных или иных работ (объективный критерий). В этой сфере действует огромное количество нормативных актов, посвященных вопросам безопасности, часто не кодифицированных, ведомственных или не федерального уровня, предписания которых находятся в разных документах, регулирующих одни и те же отношения либо не всегда являющихся понятными и очевидными как запретительные. Требование знать все положения действующего закона, прочих нормативных актов, должностных инструкций, необходимых для выполнения профессиональных функций, и означает

объективное вменение, поскольку их не знание и невыполнение от ответственности не освобождает. В силу так называемой профессиональной или специальной вменяемости при бланкетной форме диспозиции презюмируется должное предвидение (обязанность и возможность) последствий своей деятельности, основанное на предположении о достаточности знаний в данной области, накопленном опыте и др. Об этом писал и М. С. Гринберг, что там «...где обязанность налицо, суды последовательно вменяют виновникам упущений объективно случайный вред» [13, с. 470].

Субъективное же вменение предполагает ответственность только при наличии у лица психического отношения к тому, что он совершает под контролем сознания и воли. Оно должно учитывать факторы, относящиеся к самой личности, определяемые уровнем ее биологического, в частности анатомического, физиологического и психофизиологического развития, и факторы, относящиеся к уровню социализации личности [14, с. 63–64]. Отсюда должное предвидение, как оценочное понятие, не соответствуют категории «предвидение», и его пределы требуют юридической формализации [15, с. 35–37]. Преодолеть объективное вменение можно лишь внесением соответствующих изменений в правоприменительную практику. Для этого, как утверждает В. В. Лунеев, следует ограничить привлечение к уголовной ответственности за небрежность лишь случаями, где психическое отношение к деянию (к действиям и последствиям) в той или иной мере просматривается [16, с. 63–64]. Этой цели может служить «субъективный критерий ("могло предвидеть")», означающий учет индивидуальных психических особенностей конкретного субъекта, вытекающих из его жизненного опыта, образования, квалификации, состояния психики и здоровья, а также из той конкретной обстановки, в которой действовало (бездействовало) лицо, допустившее

наступление общественно опасного последствия» [17, с. 66].

Правоприменительная же практика в этой части не придерживается одной позиции и формируется сумбурно. К примеру, приговором Междуреченского городского суда Кемеровской области, признавшего всех фигурантов виновными по ст. 216 УК РФ, установлено, что Г., являясь собственником нежилого помещения, приискал за вознаграждение для выполнения строительных работ по капитальному ремонту части фасадной стены дома Б-ева, Г-лова и Б. и заключил с ними устный договор подряда. Вследствие допущенных Б-евым, Г-ловым и Б. нарушений правил безопасности при ведении строительных работ по демонтажу кладки простенка между окнами, при которых в результате уменьшения геометрических размеров сечения простенка нагрузка превысила его несущую способность, произошло обрушение части стены дома, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц. Как установило следствие, Г. обязан был привлечь к выполнению работ по капитальному ремонту несущей фасадной стены здания индивидуального предпринимателя или юридическое лицо, имеющих выданные саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к таким видам работ. Б-ев, Г-лов и Б. не имели такого свидетельства, специального строительного образования, не прошли соответствующую подготовку каменщика, обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, инструктаж о правилах безопасности производства демонтажных работ, которые обязан был довести до них заказчик Г.¹

Напротив, Ленинским районным судом г. Новосибирска осуждена индивидуальный предприниматель К., которая, яв-

¹ Приговор Междуреченского городского суда Кемеровской области от 20.06.2019 по уголовному делу № 1-3/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. [2019]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RDr8oj20shJx/> (дата обращения: 24.10.2021).

ляясь ответственным исполнителем по муниципальному контракту № перед заказчиком МКУ «Ленинское», приняла на себя обязанности по выполнению работ на высоте по обрезке деревьев. Омолаживающую обрезку дерева она поручила Свидетель № 3 и Свидетель № 4, не обученных в установленном порядке и не владеющих безопасными методами сноса и обрезки деревьев, а также работам на высоте. Свидетель № 3 и Свидетель № 4 в отсутствие нанимателя К. поднялись в люльке автогидроцилиндра на неустановленную высоту, где с использованием бензопилы стали спиливать ветки дерева и бесконтрольно сбрасывать их на неогороженный по периметру участок. Суд верно указал, что подсудимая К., допустив Свидетель № 3 и Свидетель № 4 к фактическим работам, не обеспечив соблюдение требований по охране труда и проверке знаний требований охраны труда, не приняла мер к их обучению правилам и нормам техники безопасности при ведении работ на высоте, не осуществляла контроль за их соблюдением. В результате бесконтрольного сброса спиленных веток на неогороженный по периметру участок произошло падение ветки тополя на голову ФИО16, смерть которой наступила на месте происшествия. Суд признал несостоительными доводы подсудимой К. о том, что за случившееся должны нести ответственность Свидетель № 3 и Свидетель № 4, которые обеспечивали выполнение технической стороны контракта, указав, что «контракт был заключен непосредственно с индивидуальным предпринимателем К., смерть ФИО16 наступила в результате действий, совершенных непосредственно при выполнении работ согласно данного контракта. Вводный и первичный инструктаж, проверка знаний требований охраны труда и безопасности работ на высоте, обучения и стажировки со Свидетель № 3 и Свидетель № 4 ею не проводились, наличие у пильщиков допуска к работам такого вида ею не контролировалось, на месте

производства работ она не присутствовала, безопасность при их производстве не обеспечивала»¹.

В следственно-судебной практике возникает и проблема уголовно-правовой оценки вины работника, не юридически (документально), а де-факто состоящего в трудовых отношениях, при несоблюдении им требований безопасности, повлекшем указанные в ст. 216 УК РФ последствия. В подобных случаях право-применитель признает субъектом непосредственного причинителя вреда либо лицо, распорядившееся допустить его к соответствующим работам без надлежащего оформления или заключения гражданско-правового договора. В теории же даются взаимоисключающие рекомендации по квалификации подобных действий. Предлагается, например, вменять им неосторожные преступления против личности [18, с. 18; 19, с. 93–99; 20, с. 63–67; 21; с. 119]. К сожалению, Пленум эту и описанные выше ситуации по субъекту преступления, указанного в ст. 216 УК РФ, не комментирует. В п. 9 его постановления говорится только о том, что по ст. 216 УК РФ ответственность могут нести как работники организации, в которой произошел несчастный случай, так и другие лица, постоянная или временная деятельность которых связана с выполнением строительных или иных работ либо с опасным производством, *обязанные* соблюдать соответствующие правила и требования.

Согласно абз. 9 ч. 2 ст. 212 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) работодателю запрещается допускать к работе сотрудника, не прошедшего в установленном порядке обучение и инструктаж по охране труда, стажировку и проверку знаний требований охраны

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 17.07.2020 по уголовному делу № 1-213/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. [2020]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tb95cc1MuLrX/> (дата обращения: 24.10.2021).

труда. Выполнение лицом трудовых обязанностей, предполагающих специальные знания, без издания приказа или иного акта исключает их возложение как надлежащее, хотя и приравнивается к возникновению фактических трудовых отношений с момента его допуска к работе (а это вытекает из положения ч. 3 ст. 16 ТК РФ). Здесь правоприменителю не представляется возможным доказать юридическую *обязанность знать и соблюдать правила безопасности* ведения конкретного вида работ и охраны труда, поскольку отсутствуют подписанные им трудовой договор, должностная инструкция и др. В этой связи разделяем позицию С. С. Аветисяна в том, что лицо должно признаваться ненадлежащим субъектом не только в тех случаях, когда оно незаконно включено в сферу специальных отношений, но и тогда, когда на него такие обязанности возлагаются необоснованно [22, с. 48–49].

Ответственность за причинение вреда в этих случаях должно нести лицо, давшее разрешение и допустившее исполнителя к строительным или иным работам с нарушением положений трудового и гражданского законодательства (договор строительного подряда, ст. 740 ГК РФ), поскольку оно не обеспечило соблюдение правил безопасности таким работником (руководитель организации, индивидуальный предприниматель, подрядчик и др.).

Указанными доводами обоснованно руководствовался Советский районный суд г. Орла. Его приговором установлено, что для выполнения кровельных работ «индивидуальный предприниматель В. привлек по устной договорённости Ш. и С. без оформления с ними договорных отношений, без составления акта-допуска, графика совмещённых работ. Выполняя строительные работы по текущему ремонту крыши жилого дома, Ш. и С. при помощи газовой горелки открытым огнем нагревали кровельный материал. Из-за возгорания вертикальной

конструкции деревянной обрешетки, повлекшего задымление одной из квартир, находящихся на последнем этаже, был причинен тяжкий вред здоровью ФИО1». Суд признал доказанным вину В. по ч. 1 ст. 216 УК РФ на том основании, что обязанность по обеспечению выполнения на строительной площадке необходимых мероприятий по технике безопасности и пожарной безопасности во время проведения иных работ была возложена на него, а действия Ш. и С. были переквалифицированы на ст. 109 УК РФ¹.

Высшей судебной инстанции следует разъяснить, что работник, с которым трудовой или гражданско-правовой договор не заключался письменно, участвующий в производственной деятельности с ведома или по поручению работодателя либо его уполномоченного представителя, не является субъектом уголовной ответственности по ст. 216 УК РФ. При наличии к тому оснований он несет уголовную ответственность за деяния, в которых содержится иной состав преступления.

В следственно-судебной практике существует и проблема признания субъектом преступления лиц, на которых специальным актом не была возложена ответственность за обеспечение соблюдения другими работниками правил безопасности при ведении строительных или иных работ. Здесь виновному лицу устно передоверена обязанность контролировать соблюдение правил производственной безопасности в связи с отбытием ответственного лица на другой строительный объект, совещание, по личным делам и др. Фактическое выполнение таких функций временно, без юридически оформленного документа (приказ, распоряжение, график), не может расцениваться

¹ Приговор Советского районного суда г. Орла от 07.02.2020 по уголовному делу № 1-11/2020. Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. [2018]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eucM1vZVL91J/> (дата обращения: 24.10.2021).

ся как законное возложение обязанности по обеспечению требований безопасности. Позиция теоретиков, полагающих, что субъектом преступления является «лицо, на которое были фактически возложены такого рода обязанности, не обращая внимания на документальное оформление их передачи» [23, с. 106], ошибочна. Такой подход есть не что иное, как распространительное толкование нормы, что чрезмерно расширяет рамки данного состава преступления.

Примером тому служит приговор Раменского городского суда по ч. 1 ст. 216 УК РФ, которым осуждены С., генеральный директор ООО, и распиловщик-прораб ФИО1. Из него следует, что С. допустил к станку по распиловке деревянного бруса ФИО3, не прошедшего инструктаж, обучение и проверку знаний по охране труда, не имеющего квалификационного удостоверения на право управления деревообрабатывающими станками. ФИО1 обвинялся в том, что не обеспечил на своем участке соблюдение техники безопасности при работе ФИО3 на деревообрабатывающем станке, в результате чего при распиле от бруса вылетел отколовшийся отрезок дерева и ударили в область головы ФИО2, что повлекло причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью. При исследовании доказательств суд не принял во внимание, что функции прораба, как старшего среди остальных распиловщиков, на ФИО1 были возложены С. на время его отсутствия устно, однако по трудовому договору он являлся только распиловщиком¹.

В подобных случаях устного поручения иному работнику, не обеспечившему соблюдение правил производства опасных работ, лицом, ответственным согласно локальному акту (приказ, распоряже-

ние, график, наряд-задание) за обеспечение безопасности, вопрос о квалификации содеянного решается следующим образом. Лицо, отдавшее распоряжение устно о производстве работ в его отсутствие, несет ответственность за все наступившие последствия, поскольку оно устранилось от выполнения возложенных на него обязанностей по контролю за соблюдением правил безопасности. Только при надлежащем оформлении возложения такой обязанности субъектом преступления становится лицо, которое наделяется обязанностью в отсутствие иных обязаных лиц контролировать соблюдение специальных правил безопасности, что подтверждает, к примеру, приговор Энгельсского районного суда Саратовской области.

Признав бригадира Д. виновным по ч. 2 ст. 216 УК РФ, суд сделал правильный вывод о том, что в отсутствие на строительном объекте прораба и главного инженера во вторую смену, ответственных за обеспечение охраны труда, Д. обладал полномочиями работника, на которого *временно была возложена обязанность по выполнению правил и норм охраны труда*, т. е. осуществлял функции непосредственного руководителя строительно-монтажных работ с обязанностью обеспечения требований охраны труда и техники безопасности, и в своей работе должен был руководствоваться ими при проведении подчиненными ему сотрудниками работ. Согласно приказу руководителя строительной компании ООО «Кронверк» «О назначении лиц, ответственных за обеспечение охраны труда в пределах, порученных им участков работ», *ответственным лицом за соблюдение техники безопасности работниками* своего звена при выполнении строительно-монтажных работ *назначался аттестованный бригадир* звена монтажников согласно графику, составленному прорабом. При демонтаже наружных стеновых панелей во вторую смену Д., понадеяв-

¹ Приговор Раменского городского суда от 17.05.2017 по уголовному делу № 1-148/2017 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. [2017]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JyVn4w68N1rK/> (дата обращения: 24.10.2021).

вшись на электросварщика, не проверил все крепления панелей, одна из которых обрушилась на ФИО8, причинив ему тяжкий вред здоровью, повлекший смерть¹.

Исключение из этого правила представляют случаи, когда, напротив, лицо, документально (юридически) наделенное обязанностью обеспечивать соблюдение правил безопасности ведения строительных или иных работ, находится во время производственного инцидента в отпуске, на выходных или нерабочих праздничных днях или временно нетрудоспособно и др. Вменяя ему нарушение специальных правил безопасности, следует установить, имело ли оно фактическую возможность выполнить возложенные на него обязанности по обеспечению их соблюдения другими работниками, о чем говорилось ранее. В практике расследования и рассмотрения уголовных дел по ст. 216 УК РФ множество примеров, когда сторона защиты настаивает на непризнании субъектом подзащитного ввиду того, что он, будучи лицом, на которое возложены обязанности по организации или обеспечению безопасности строительных или иных работ, находился вне территории их ведения (отпуск, нахождение в медицинском учреждении и др.). Тексты обвинительных заключений и приговоров показывают, что суду необходимо и достаточно наличие документального подтверждения возложения указанной обязанности без фактической ее передачи другому лицу в отсутствие субъекта такой ответственности по объективным причинам.

Так, Городецким городским судом Нижегородской области по ст. 216 УК РФ

осужден мастер цеха К., ответственный за охрану труда и технику безопасности на объекте строительно-монтажных работ. 21.03.2016 работник С.А.Е., выполняя порученные ему мастером К. работы по увлажнению железобетонных опор, производя забор воды для этих целей из колодца аванкамеры городского водозабора глубиной 11 м, находящегося на монтажной площадке, погружая в него ведро и зачерпывая воду, по неосторожности упал в него и утонул. Отсюда, заключает суд, «между вышеуказанными нарушениями правил безопасности при ведении порученных С.А.Е. строительных работ в подмостовых помещениях, допущенными мастером цеха К., который проявил преступную неосторожность в виде преступной небрежности, и наступившими последствиями – смертью работника цеха С.А.Е. имеется прямая причинно-следственная связь». Между тем из приговора следует, что мастер К. согласно приказу директора Нижегородского филиала АО «...» № 730 от 11.03.2016 с 21.03.2016 находился в очередном отпуске. Виновность К. обоснована тем, что он «допустил преступную небрежность, не предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, повлекшие по неосторожности смерть С.А.Е.», поскольку им не давалось распоряжения о прекращении работ по увлажнению бетонных поверхностей консольей работнику С.А.Е.²

Субъект здесь определен неверно в силу фактического и юридического прекращения лицом выполнения своих

¹ Приговор Энгельского районного суда Саратовской области от 13.12.2017 по уголовному делу № 1-1-584/2017 // Судебные нормативные и акты РФ: [сайт]. [2017]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ai7cWfKnQIgN/> (дата обращения: 24.10.2021).

² Приговор Городецкого городского суда Нижегородской области от 19.05.2020 по уголовному делу № 1-1/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. [2020]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5PGacu24hMQV/> (дата обращения: 04.02.2021).

должностных обязанностей. Неотмена распоряжения о выполнении работ повышенной опасности, порученных К., не является доказательством его вины, поскольку на каждый их вид ежедневно составляется наряд-допуск и назначается лицо, ответственное за производственную безопасность при их ведении. При оформлении приказа об отпуске К. обязанности по обеспечению охраны труда и производственной безопасности на объекте строительно-монтажных работ должны были быть возложены на иное лицо, поскольку на время отпуска работник освобождается от исполнения любой трудовой функции. Согласно ст. 107 ТК РФ, отпуск является видом времени отдыха, а время отдыха – время, в течение которого работник *свободен от исполнения трудовых обязанностей* (ст. 106 ТК РФ). В случае непередачи такой обязанности виновным должно быть признано уполномоченное лицо, ответственное за производство работ в целом на объекте строительства (подрядчик, прораб, главный инженер, начальник цеха или смены, его заместители, технолог, главные механики и др.).

Очевидно, указанными доводами руководствовался Таштыпский районный суд Республики Хакасия от 20.08.2018. Его приговором Ф. и С. признаны невиновными и оправданы в связи с непричастностью к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 216 УК РФ. Среди обстоятельств, послуживших основанием для вынесения оправдательного приговора, был установленный судом факт, что С. в день несчастного случая находился на выходном дне и не может нести ответственность за действия работников, которые не исполнили должным образом свои обязанности. В этот день наряд на выполнение ежесуточного технического обслуживания подъемной установки он не давал и отметки о выполнении наряда не делал. В частности,

суд I инстанции указал: «У электромеханика по подъемным установкам С., согласно графику работы в период времени с ДД.ММ.ГГ, была пятидневная рабочая неделя, с продолжительностью рабочего дня 8 часов (с 06.30 до 15.00 часов), и выходными днями среда, четверг (том 5 л.д. 217), что подтверждается информационной справкой ООО "А"». В Апелляционном постановлении Верховный суд Республики Хакасия, оставив приговор в силе, указал: «Обосновывая свои выводы, суд верно сослался на исследованные в судебном заседании письменные доказательства, в том числе: согласно графику выходов рабочих и ИТР участка № на июль 2014 г. подсудимый С. работал во вторую смену, а ДД.ММ.ГГ у него был выходной (т. 7 л.д. 71-73)»¹.

Кроме приведенных примеров правоприменительного толкования ст. 216 УК РФ, к уголовной ответственности привлекаются лица, которые не обеспечили соответствующие условия для соблюдения правил безопасности при ведении строительных или иных работ, профессиональное обучение или переподготовку работников и других лиц, их выполняющих, а также разработку соответствующих должностных инструкций и правил; осуществляя непосредственное руководство проведением отдельных видов работ, отдавали указания или распоряжения, нарушающие установленные правила безопасности; не приняли мер для устранения известных им нарушений правил безопасности другими руководителями и др. [24, с. 114]

Подводя итоги исследования, представляется возможным дать определение

¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Хакасия от 14.11.2018 по уголовному делу № 22-1258/2018 // Судебные и нормативные и акты РФ: [сайт]. [2018]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rYi6mluwPpgN/> (дата обращения: 24.10.2021).

субъекта преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ. Им является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, на которое в соответствии с должностным или служебным положением либо по специальному распоряжению возложена обязанность по организации или обеспечению соблюдения или соблюдению требований безопасности и охраны труда при ведении строительных или иных работ в силу возникших трудовых и гражданско-правовых отношений. На основе обобщения имеющихся в теории представлений о нем и мониторинга правоприменительной практики выделим оригинальные признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ. Субъект здесь определяется нарушением требований безопасности и охраны труда при ведении строительных или иных работ повышенной опасности; обособленностью сферы соответствующих работ, при выполнении которых допущено нарушение; ограниченным допуском к ним, обусловленным подтверждаемыми установленными документами компетенциями, знаниями, навыками, и его особым порядком; организацией или обеспечением соблюдения указанных требований или обязанностью их соблюдения. По этим признакам субъект по ст. 216 УК РФ должен определяться только как специальный.

Для правильной квалификации субъект преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, предлагается разделить на *две группы*, конкретизированные на основе данных судебных приговоров о личности осужденных, *следующим образом*:

1. Работники, на которых по роду своей деятельности *возложена обязанность* по организации или обеспечению соблюдения требований безопасности и охраны труда при ведении строительных или иных работ повышенной опасности:

1.1. Должностные лица, которые по специальному распоряжению (постоянно или временно) наделены обязанностью по организации или обеспечению соблюдения требований безопасности и охраны труда при ведении строительных или иных работ повышенной опасности, если они не возложили такую обязанность в установленном законом порядке на иное уполномоченное лицо (руководители предприятий и организаций всех форм собственности, их заместители, главный инженер, главный механик, главный энергетик и др.). Должностные лица, которые в соответствии со служебным положением осуществляли общее руководство указанными работами без возложения соответствующей обязанности, не являются субъектом преступления по ст. 216 УК РФ.

1.2. Лица, ответственные исключительно за организацию или обеспечение соблюдения требований безопасности и охраны труда, непосредственно не выполняющие строительные или иные работы повышенной опасности, в том числе по гражданско-правовому договору (инженер по охране труда и технике безопасности, технолог, главные специалисты службы охраны труда, специалисты и др.).

1.3. Лица, осуществляющие непосредственное руководство строительными или иными работами повышенной опасности и в этой связи по специальному локальному акту ответственные за организацию или обеспечение соблюдения требований безопасности и охраны труда на определенных участках работниками, осуществляющими строительные или иные работы повышенной опасности (мастер, начальник цеха, участка, смены, его заместители, бригадир, прораб, механик и др.).

1.4. Лица, на которых временно возложена обязанность по организации или обеспечению соблюдения требований

безопасности и охраны труда при ведении строительных или иных работ повышенной опасности, в связи с отсутствием уполномоченного работника, и не имеющие указанной обязанности в другое время.

1.5. Ответственные исполнители строительных или иных работ повышенной опасности, обязанные обеспечить соблюдение требований безопасности и охраны труда в соответствии с действующими нормативными правовыми актами (индивидуальные предприниматели, подрядчики, субподрядчики, другие работодатели, не являющиеся работниками организации и др.).

2. Работники, постоянно или временно работающие на данном производстве, и иные лица (командированные сотрудники, практиканты, лица, получающие образование в соответствии с ученическим договором и т.д.), непосредственно выполняющие строительные или иные работы, *обязанные знать и соблюдать правила безопасности и охраны труда* при их ведении, и ознакомленные с ними в установленном порядке.

Выводы

В целях совершенствования правоприменительной практики автором разработаны следующие рекомендации субъекту квалификации. Передача полномочий по организации или обеспечению соблюдения правил безопасности ведения строительных или иных работ от ответственного лица другому работнику на постоянной основе или для временного исполнения допускается только при ее надлежащем оформлении посредством издания письменного приказа, распоряжения и иного локального акта уполномоченным должностным лицом.

Не являются субъектами рассматриваемого преступления ответственные за организацию или обеспечение соблюдения требований безопасности при ведении строительных или иных работ лица,

которые во время производственного инцидента находились в отпуске, на лечении в медицинских учреждениях, на выходных или нерабочих праздничных днях или являлись нетрудоспособными в связи с болезнью и т.д. Неоформление или недлежащее оформление отсутствия работника по уважительным причинам в указанный период, подтверждаемого иными доказательствами (показания свидетелей, командировочное удостоверение, листок нетрудоспособности, график отпусков и др.), не является основанием для его привлечения к уголовной ответственности, поскольку в соответствии с действующим законодательством исполнение трудовых обязанностей на указанное время прекращается.

Не образуют состава рассматриваемого преступления действия лиц, повлекших по неосторожности указанные в ст. 216 УК РФ последствия, фактически допущенных к выполнению строительных или иных работ с нарушением положений трудового законодательства (отсутствие приказа о приеме на работу, трудового договора, ознакомления с должностной инструкцией, гражданско-правового договора и др.). Действия (бездействие) таких лиц квалифицируются по соответствующим статьям Уголовного кодекса при наличии признаков другого состава преступления. Аналогичным образом решается вопрос об уголовной ответственности лица, допущенного к выполнению строительных или иных работ и не имеющего соответствующей специальности или квалификации, обязательной аттестации и др., предоставляющих право на их ведение. Ответственность за причинение вреда в указанных случаях по ст. 216 УК РФ несут работодатель или его уполномоченный представитель, а также иные лица, с ведома или по поручению которых работник был фактически допущен к выполнению трудовой функции.

Список литературы

1. Курс уголовного права. Особенная часть: в 5 т. Т. 4 / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 672 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженков, Э. Н. Жевлаков [и др.]; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. Т. 1. 792 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова и [др.]; отв. ред. А. И. Рарог. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби: Пропсект, 2005. 640 с.
4. Зинченко Э. Н. Уголовная ответственность за нарушения правил безопасности горных работ. Киев: Вища школа, 1979. 146 с.
5. Лапшин В. Ф. Определение субъекта в отдельных составах преступлений, нарушающих правила профессиональной деятельности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 4 (22). С. 123–128.
6. Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М.: Госюризdat, 1957. 211 с.
7. Бавсун М. В., Белецкий К. А. Объективное вменение в уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении работ или оказании услуг (ст. 216, 238 УК РФ) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 4 (22). С. 84–90.
8. Селивановский Д. О. Общая характеристика субъекта преступления в сфере общественной безопасности при нарушении специальных правил // Право и практика. 2019. № 2. С. 100–106.
9. Кауфман М. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с нарушением специальных правил // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 4 (22). С. 108–116.
10. Бавсун М. В., Николаев К. Д., Рагозина И. Г. Проблемы субъективного вменения в ходе реализации уголовной ответственности за нарушение правил ведения горных, строительных или иных видов работ // Сибирское юридическое обозрение. 2015. № 1 (26). С. 39–44.
11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Л. А. Прохоров, Н. А. Лопашенко, Ю. И. Бытко и [др.]; под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов: Сарат. гос. акад. права: Сарат. высш. шк. МВД РФ, 1997. 425 с.
12. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 22 с.
13. Гринберг М. С. Уголовное право. Избранные труды / отв. ред. М. С. Фокин. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2012. 695 с.
14. Гринберг М. С. Субъект преступления и субъективный критерий неосторожности (вопросы специальной вменяемости) // Правоведение. 1986. № 3. С. 63–64.
15. Михеев Р. И., Коробеев А. И. Проблемы «специальной вменяемости» и границы уголовной ответственности // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1983. Вып. 39. С. 35–43.
16. Лунеев В. В. Субъективное вменение. М.: Спарт, 2000. 71 с.

17. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г. М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.
18. Безбородов Д. А. О некоторых особенностях применения уголовного закона в случае нарушения правил безопасности при ведении строительных работ // Криминалист. 2014. № 2 (15). С. 17–21.
19. Григорьева М. А. Криминалистическая характеристика субъекта нарушения правил безопасности при ведении строительных работ // Криминалист. 2012. № 1 (10). С. 93–99.
20. Улезько И. С. Личность преступника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 216 УК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52). С. 63–67.
21. Мухортова М. В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 260 с.
22. Аветисян С. С. Некоторые вопросы квалификации соучастия в преступлениях с ненадлежащим специальным субъектом // Закон и право. 2004. № 1. С. 48–49.
23. Улезько И. С. Ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 192 с.
24. Никиточкина М. В. Основные причины и условия, способствующие нарушениям правил безопасности при ведении строительных работ // Бизнес в законе. 2013. № 1. С. 114–117.

References

1. Kurs ugolovnogo prava. Osobennaya chast' [Criminal law course. The special part]; ed. by G. N. Borzenkova i V. S. Komissarova. Moscow, IKD "Zercalo-M" Publ., 2002. Vol. 4.
2. Brilliantov A. V., Dolzhenkov G. D., Zhevlakov E. N., eds. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]; ed. by A. V. Brilliantov. 2th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2016.
3. Gracheva Yu. V., Ermakova L. D., eds. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]; ed. by A. I. Rarog. 3th ed. Moscow, TK Velbi, Prospekt Publ., 2005.
4. Zinchenko E. N. Ugolovnaya otvetstvennost za narusheniya pravil bezopasnosti gornih rabot [Criminal liability for violations of mining safety rules]. Kiev, Vyshaya shkola Publ., 1979. 146 p.
5. Lapshin V. F. Opredelenie sub"ekta v otdelnih sostavah prestuplenii, narushayuschihih pravila professionalnoi deyatelnosti [The definition of a subject in certain compositions of crimes that violate the rules of professional activity]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii* = *Library of Criminal Law and Criminology*, 2017, no. 4 (22), pp. 123–128.
6. Makashvili V. G. Ugolovnaya otvetstvennost za neostorojnost [Criminal liability for carelessness]. Moscow, Gosurizdat Publ., 1957. 211 p.
7. Bavsun M. B., Beleckij K. A. Obektivnoe vmenenie v ugolovnoi otvetstvennosti za narushenie pravil bezopasnosti pri vedenii rabot ili okazanii uslug (st. st. 216, 238 UK RF) [Objective imputation of criminal liability for violation of safety rules during work or services (Article 216, 238 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii* = *Library of Criminal Law and Criminology*, 2017, no. 4 (22), pp. 84–90.

8. Selivanovsky D. O. Obschaya harakteristika sub"ekta prestupleniya v sfere obschestvennoi bezopasnosti pri narushenii specialnih pravil [General description of the subject of a crime in the field of public safety in case of violation of special rules]. *Pravo i praktika = Law and practice*, 2019, no 2, pp. 100–106.
9. Kaufman M. A. Problemi ugolovno-pravovoi kvalifikacii prestuplenii, svyazannih s narusheniem specialnih pravil [Problems of criminal classification of crimes related to violation of special rules]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2017, no. 4 (22), pp. 108–116.
10. Baysun M. V., Nikolaev K. D., Ragozina I. G. Problemi sub"ektivnogo vmeneniya v hode realizacii ugolovnoi otvetstvennosti za narushenie pravil vedeniya gornih, stroitelnih ili inih vidov rabot [Problems of subjective imputation during the implementation of criminal liability for violation of the rules for mining, construction or other types of work]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian legal review*, 2015, no. 1 (26), pp. 39–44.
11. Prohorov L. A., Lopashenko N. A., Bytko Yu. I., eds. *Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast'* [Criminal law of the Russian Federation. The general part]; ed. by R. R. Galiakbarova. Saratov, Saratov gos. akad. prava, Sarat. vyssh. shk. MVD RF, 1997.
12. Baysun M. V. Celesoobraznost' v ugolovnom prave. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Expediency in criminal law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Omsk, 2002. 22 p.
13. Grinberg M. S. *Ugolovnoe pravo. Izbrannie trudi* [Criminal law. Selected works]; ed. by M. S. Fokin. Omsk, 2012. 695 p.
14. Grinberg M. S. Sub"ekt prestupleniya i sub"ektivnyi kriterii neostorojnosti (voprosi specialnoi vmenyaemosti) [The subject of the crime and the subjective criterion of negligence (issues of special sanity)]. *Pravovedenie = Law*, 1986, no. 3, pp. 63–64.
15. Miheev R. I., Korobeev A. I. Problemi "specialnoi vmenyaemosti" i granici ugolovnoi otvetstvennosti [Problems of "special sanity" and the boundaries of criminal responsibility]. *Voprosi borbi s prestupnostyu = Issues of combating crime*, 1983, no. 39, pp. 35–43.
16. Luneev V. V. *Sub"ektivnoe vmenenie* [Subjective imputation]. Moscow, Spark Publ., 2000. 71 p.
17. Naumov A. V. *Praktika primeneniya Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi: kommentarii sudebnoi praktiki i doktrinalnoe tolkovanie* [Practice of applying the Criminal Code of the Russian Federation: commentary on judicial practice and doctrinal interpretation]; ed. by G. M. Reznik. Moscow, Volters Clover Publ., 2005. 926 p.
18. Bezborodov D. A. O nekotorih osobennostyah primeneniya ugolovnogo zakona v sluchae narusheniya pravil bezopasnosti pri vedenii stroitelnih rabot [On some features of the application of the criminal law in case of violation of safety rules during construction work]. *Kriminalist = Criminality*, 2014, no. 2 (15), pp. 17–21.
19. Grigoreva M. A. Kriminalisticheskaya harakteristika sub"ekta narusheniya pravil bezopasnosti pri vedenii stroitelnih rabot [Forensic characteristics of the subject of violation of safety rules during construction work]. *Kriminalist = Criminality*, 2012, no. 1 (10), pp. 93–99.
20. Ulezko I. S. Lichnost' prestupnika, sovershivshego prestuplenie, predusmotrennoe st. 216 UK RF [The identity of the criminal who committed the crime under Art. 216 of the Criminal Code]. *Nauchnii vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (10), pp. 63–67.
21. Muhortova M. V. *Prestupleniya, svyazannie s narusheniem specialnih pravil: priroda i osobennosti elementov sostava*. Diss. kand. yurid. nauk [Crimes related to the violation of special rules: nature and features of the elements of the composition. Cand. legal sci. dis.]. Moscow, 2016. 260 p.

22. Avetisyan S. S. Nekotorye voprosy kvalifikacii souchastiya v prestupleniyah s ne-nadlezhaschim specialnym sub"ektom [Some issues of qualification of complicity in crimes with an improper special subject]. *Zakon i pravo = Law and law*, 2004, no. 1, pp. 48–49.
23. Ulezko I. S. *Otvetstvennost' za narushenie pravil bezopasnosti pri vedenii gornih, stroitel'nyh ili inyh rabot (st. 216 UK RF): ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty*. Diss. kand. yurid. nauk [Responsibility for violation of safety rules during mining, construction or other work (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal legal and criminological aspects. Cand. legal sci. dis.]. Omsk, 2015. 192 p.
24. Nikitochkina M. V. *Osnovnye prichiny i usloviya, sposobstvuyuschie narusheniym pravil bezopasnosti pri vedenii stroitelnih rabot* [The main reasons and conditions contributing to violations of safety rules during construction work]. *Biznes v zakone = Business in law*, 2013, no. 3, pp. 114–117.

Информация об авторе / Information about the Author

Минакова Ольга Викторовна, ассистент кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: marivanna77@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2932-2110

Olga V. Minakova, Assistant of the Department of Criminal Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: marivanna77@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2932-2110

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

ADMINISTRATIVE LAW

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-130-151>

Малозначительность незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС по действующему законодательству Российской Федерации об административных правонарушениях

В. М. Андреева¹

¹Российская таможенная академия

Комсомольский пр. 4, г. Люберцы 140015, Российская Федерация

e-mail: veroni2005@yandex.ru

Резюме

Актуальность настоящей статьи обусловлена отсутствием законодательного определения понятия и признаков малозначительности административно-правового деликта, в связи с чем судьям предоставлены широкие дискреционные полномочия по наделению общественно опасных деяний признаками малозначительности и определению степени вреда, наносимого правонарушением охраняемым общественным отношениям. Вместе с тем анализ правоприменительной практики показал, что этот законодательный пробел приводит к принятию противоречивых и порой противоположных друг другу судебных решений.

Целью исследования является определение признаков и понятия малозначительности незаконного перемещения товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза, а также определение степени вреда, наносимого административным правонарушением охраняемым общественным отношениям, для признания деяния малозначительным.

Задачи: изучение законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях в части регламентации понятия малозначительности незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС и определения ее признаков; анализ правоприменительной практики и научных точек зрения, определяющих признаки малозначительного незаконного перемещения товаров; выработка предложений по совершенствованию законодательства РФ об административных правонарушениях в данной части.

Методология. В данном исследовании применен диалектический метод познания, представляющий собой совокупность общенаучных и частнонаучных методов.

Результаты. Автором выработаны предложения по определению понятия и признаков малозначительности административно-правового незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Выводы. Проведенное исследование позволило утверждать о необходимости определения признаков малозначительности, а также степени вреда, наносимого правонарушением охраняемым общественным отношениям, через призму совокупности всех элементов состава незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС как административного проступка.

Ключевые слова: административная ответственность; малозначительность; степень вреда; незаконное перемещение товаров; таможенная граница; замечание.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Андреева В. М. Малозначительность незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС по действующему законодательству Российской Федерации об административных правонарушениях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 130–151. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-130-151>.

Поступила в редакцию 12.12.2021

Принята к публикации 14.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Андреева В. М., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 130–151

Low Significance of Illegal Movement of Goods Across the Customs Border of the EAEU Under Applicable Administrative Offense Laws of the Russian Federation

Viktoria M. Andreeva¹✉

¹Russian Customs Academy

4 Komsomolsky prospect, Lyubertsy 140015, Russian Federation

✉ e-mail: veroni2005@yandex.ru

Abstract

Relevance of this article is arisen from the gap in the statutory definition and indicia of the low significance of the administrative delict, pursuant thereto judges are vested with the wide discretionary powers on allotting socially-dangerous acts with the indicia of the low significance and defining the harm degree inflicted by the administrative offense to the protected social relations. In addition to that an analysis of the law enforcement practice proved that this statutory gap results to giving contradictory and sometimes opposite judgments.

Purpose of the research is determining the indicia and definition of the low significance of illegal movement of goods across the customs border of the Eurasian Economic Union as well as defining the harm degree inflicted by the administrative offense to the protected social relations for recognizing a delict as the low significant one.

Objectives study of the administrative offense laws of the Russian Federation in the context of regulating the definition of the low significance of illegal movement of goods across the customs border of the EAEU and determining of its indicia; analysis of the law enforcement practice and scientific research which define indicia of the low significant illegal movement of goods; elaboration of proposals for improvement of the administrative offense laws of the RF in question.

Methodology. In this research the dialectical method of inquiry is applied which one is a complex of the general and private scientific methods.

Results. The author elaborates proposals for determining the definition and indicia of the low significance of administrative illegal movement of goods across the customs border of the EAEU.

Conclusions. The conducted research allows to state about the necessity of determining indicia of the low significance as well as the harm degree inflicted by the administrative offense to the protected social relations through the prism of set of all offence elements of illegal movement of goods across the customs border of the EAEU in the form of the administrative delict.

Keywords: administrative liability; low significance; harm degree; illegal movement of goods; customs border; admonition.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Andreeva V. M. Low Significance of Illegal Movement of Goods Across the Customs Border of the EAEU Under Applicable Administrative Offense Laws of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 130–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-130-151>.

Received 12.12.2021

Accepted 14.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

В настоящее время в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не раскрывается понятие малозначительности, поскольку в ст. 2.9 КоАП РФ законодатель указал только на наличие

возможности у должностного лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, освободить виновное лицо от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. Данный законодательный пробел активно восполняется научным и судеб-

ным толкованием. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» указано, что малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений¹.

Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения.

В Постановлении Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» указано о том, что при квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного судам надлежит учитывать, что ст. 2.9 КоАП РФ не содержит оговорок о ее неприменении к каким-либо составам правонарушений, предусмотренных КоАП РФ.

Возможность или невозможность квалификации действия в качестве малозначительного не может быть установлен-

на абстрактно, исходя из сформулированной КоАП РФ конструкции состава административного правонарушения, за совершение которого установлена ответственность. Так, не может быть отказано в квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного только на том основании, что в соответствующей статье Особенной части КоАП РФ ответственность определена за неисполнение какой-либо обязанности и не ставится в зависимость от наступления каких-либо последствий.

Квалификация правонарушения как малозначительного может иметь место только в исключительных случаях и производится применительно к обстоятельствам конкретного совершенного лицом деяния. При этом применение судом положений о малозначительности должно быть мотивировано².

Таким образом, из вышеприведенных положений видно, что под критерий малозначительности могут попадать только те действия, которые не нанесли существенного ущерба охраняемым общественным отношениям; малозначительность применяется в исключительных случаях и к любым правонарушениям – и с формальным, и с материальным составом. Однако определение критерия существенности ущерба и исключительности случаев применения ст. 2.9 КоАП РФ на практике осталось за рамками судебного толкования.

Методология

Для достижения поставленных целей настоящего исследования автором использовался диалектический метод познания, представляющий собой совокуп-

¹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5: [ред. от 23.12.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 01.11.2021).

² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10: [ред. от 21.12.2017]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48600/ (дата обращения: 01.11.2021).

ность общенаучных и частнонаучных методов, определенных целями и задачами исследования, включая систематизацию и обобщение, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования.

Для понимания сути и особенностей малозначительности незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС автором также применялся дедуктивный метод познания путем определения общих признаков малозначительности административного правонарушения, в результате чего получены частные выводы о понятии и признаках малозначительности незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Результаты и их обсуждение

Статья 2.9 КоАП РФ предусматривает возможность для лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, освобождения делинквента от административной ответственности при малозначительности совершенного им деяния. В этом случае должностным лицом выносится постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении с объявлением виновному устного замечания. Ввиду прекращения производства по делу об административном правонарушении устное замечание как таковое не является наказанием субъекта за совершенное им деяние и не учитывается впоследствии в качестве отягчающего признака при совершении повторного правонарушения. В данном случае устное замечание призвано оказать воспитательную меру воздействия на правонарушителя. Однако освобождение делинквента от административной ответственности ввиду малозначительности совершенного деяния не исключает факта совершения им правонарушения и наличия противоправного деяния.

Как пишет Л. А. Ломакина, «хотя устное замечание не влечет для наруши-

теля неблагоприятных юридических последствий, но оно свидетельствует о неотвратимости реагирования государства на каждое противоправное поведение лица, допустившего административное правонарушение, в том числе и малозначительное; оно является мерой воспитательного воздействия, направленной на осознание лицом противоправности своего поведения. Следовательно, устное замечание содержит в себе предупредительную и профилактическую направленности как к лицам, совершившим эти правонарушения, так и к другим лицам (частная и общая превенции). Пресечение административного правонарушения и его предупреждение – это две неразрывно связанные цели, нельзя достигнуть эффективного результата какой-либо одной из них, пренебрегая другой» [1, с. 55–59].

Соглашаясь с Л. А. Ломакиной, приходим к выводу о том, что малозначительность является мерой государственного реагирования на совершенное правонарушение, призванной указать лицу на то, что деяние есть, оно совершено, однако ввиду отсутствия сколь-нибудь ощутимого вреда охраняемым общественным отношениям допустимо освободить лицо от административной ответственности. Можно сказать, государство в данном случае выступает в роли заботливого родителя, применяющего к своему чаду меры воспитательного характера в виде указания на совершенную shallость, преследуя при этом своей целью несовершения в дальнейшем подобного.

С учетом того, что судьям и должностным лицам, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, делегированы дискреционные полномочия по установлению содержания понятия малозначительности, такие понятия, как существенность и исключительность, в решениях по делам о незаконном перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС трактуются судьями по-разному.

Так, в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2019 № 15АП-4614/2019, отказывая виновному лицу в применении ст. 2.9 КоАП РФ при рассмотрении вопроса о привлечении к административной ответственности по ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ, суд постановил, что существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении виновного лица к исполнению своей публично-правовой обязанности, поскольку им не были приняты меры к проверке достоверности сведений, заявляемых таможенному органу при оформлении убытия товара с территории Таможенного союза, с целью недопущения представления таможенному органу недействительных документов. Из пояснений, данных таможне, и позиции, изложенной в апелляционной жалобе, следует, что субъект ответственности не признает наличие вины в совершении вменяемого правонарушения, что, по мнению суда, также свидетельствует о пренебрежительном отношении к исполнению обязанностей международного перевозчика. Также суд отметил, что отсутствуют основания для замены наказания на предупреждение ввиду важности охраняемых отношений, обеспечивающих в том числе национальную безопасность¹.

В Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 19.11.2019 № Ф09-7626/19, признавая деяние малозначительным в связи с совершением правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, суд принял во внимание незамедлительное представление де-

кларации на товары в таможенный орган, а также тот факт, что совершенное деяние не создало существенной угрозы охраняемым общественным отношениям и не причинило вреда интересам государства и общества².

Похожий вывод сделал Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 06.11.2008 № 17АП-8124/2008-АК по делу о привлечении лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, постановив о том, что данное правонарушение образует формальный состав и считается оконченным с момента нарушения требований (условий) при перемещении товаров через таможенную границу, а именно: незаявление сведений о товаре, подлежащем декларированию, т. е. правонарушение выразилось в бездействии лица, обязанного задекларировать товар. В этой связи существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении каких-либо общественно опасных последствий в результате совершенного правонарушения, а в пренебрежительном отношении общества к исполнению своих публично-правовых обязанностей в сфере соблюдения таможенных норм и правил при перемещении товаров через таможенную границу.

Малозначительность является объективным свойством административного правонарушения, при этом принятие мер по устранению вредных последствий не связано с фактом, устраняющим противоправность деяния, и не может свидетельствовать о малозначительности со-

¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.05.2019 № 15АП-4614/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c3c76210-824b-4d35-a605-312d5fb5983d/d8c3468b-eba3-4201-9de1-1c8625c382c1/A53-40079-2018_20190531_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.11.2019 № Ф09-7626/19. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/093f1bd3-e475-434e-8233-d719954e2960/25aed17f-ad85-4fe2-8716-83f5c35b1e87/A71-19004-2018_20191119_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

вершенного обществом правонарушения¹.

В ином случае Четвертый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 16.11.2016 № 04АП-5639/2016 о признании деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ малозначительным, на доводы таможенного органа о наличии в действиях общества существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, которая заключается в пренебрежительном отношении к исполнению своих публично-правовых обязанностей в сфере таможенного дела, постановил следующее: из материалов дела не следует явное пренебрежительное отношение общества к исполнению своих публично-правовых обязанностей. Фактические обстоятельства дела не позволяют считать, что общество уклонялось от исполнения возложенных на него обязанностей.

Правонарушение выразилось в недекларировании обществом незначительной части товара (0,14 м³ лесоматериала), стоимостью 380,08 руб. Таким образом, объем и стоимость незадекларированного товара являются незначительными. При этом размер неуплаченной вывозной пошлины также незначителен (около 120 руб.), что указывает на отсутствие существенного вреда федеральному бюджету. Кроме того, товар был выпущен таможенным органом без доначисления таможенных платежей².

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.11.2008 № 17АП-8124/2008-АК. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1bad8caa-771f-4328-ab62-db36d1bea384/4b1dd257-331c-4e52-b0de-8c9bab9e9747/A60-19752-2008_20081106_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

² Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2016 № 04АП-5639/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1bad8caa-771f-4328-ab62-db36d1bea384/4b1dd257-331c-4e52-b0de-8c9bab9e9747/A60-19752-2008_20081106

При признании деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ малозначительным, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 24.02.2020 № 17АП-941/2020-АК пришел к следующим выводам: по смыслу ст. 2.9 КоАП РФ оценка малозначительности должна соотноситься с характером и степенью общественной опасности, причинением вреда либо с угрозой причинения вреда личности, обществу или государству.

С учетом конкретных обстоятельств дела, характера и степени общественной опасности совершенного административного правонарушения, принимая во внимание, что поведение общества не было обусловлено намеренным негативным отношением заявителя к правилам публичного порядка, в отсутствие существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, суд счел возможным признать правонарушение малозначительным³.

Таким образом, из вышеприведенных положений судебных актов видно, что суды в рамках предоставленных им дискреционных полномочий по-разному оценивают признаки малозначительности деяния, не смотря на то, что, безусловно, имеется и ряд идентичных аспектов.

Анализ судебной практики по делам о незаконном перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС в совокупности с научными взглядами на оценку таких деяний может позволить определить дальнейший вектор для понимания сущности малозначительности незаконного перемещения товаров через таможенную

Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.02.2020 № 17АП-941/2020-АК. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c621e91d-e807-4980-9e94-eab409b58d68/39a9cccd1-6721-4c37-9d06-50a4b3dd9061/A50-28275-2019_20200214_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

границу ЕАЭС и выработать комплексный подход к пониманию малозначительности деяния как правового явления в целом.

Отправной точкой для определения признаков малозначительности незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, на наш взгляд, должно являться внутреннее содержание всех конструктивных элементов состава административного правонарушения, поскольку правонарушение – это совокупность всех его элементов и отсутствие хотя бы одного влечет прекращение дела об административном правонарушении и, как следствие, невозможность применения соответствующей санкции.

Здесь следует отметить, что суды, тем не менее, трактуют малозначительность как объективное свойство административного правонарушения, что, впрочем, напрямую корреспондирует содержанию понятия малозначительности, данному в ст. 2.9 КоАП РФ. Вместе с тем в своих решениях суды отмечают, что угроза охраняемым общественным отношениям заключается в пренебрежительном отношении виновного лица к совершенному правонарушению, что свидетельствует о признании судьями необходимости рассматривать малозначительность в совокупности объективных и субъективных признаков правонарушения¹. Таким образом, представляется обоснованным рассматривать малозначительность незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС в

совокупности всех признаков состава правонарушения, а не в отрыве объективных от субъективных. Степень вреда, нанесенного административным правонарушением, также следует рассматривать через призму всей совокупности элементов состава правонарушения.

Объект административного правонарушения представляет собой охраняемые общественные отношения, которым наносится вред совершенным правонарушением. При этом, как отмечает А. А. Карпов, «...объектом административного проступка считается не всякое, а лишь такое общественное отношение, которое охраняется административным наказанием» [2, с. 32–38]. Относительно объекта незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС считаем целесообразным применить четырехзвенную классификацию по вертикали. Так, в общей теории административного права существует выделение общего объекта правонарушения, родового, видового и непосредственного.

Общим объектом правонарушения признаются все охраняемые КоАП РФ общественные отношения.

Родовым объектом административного правонарушения является группа охраняемых общественных отношений, объединенных Особенной частью КоАП РФ в главы. В случае незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС таким объектом выступают правоотношения в сфере таможенного дела.

Видовой объект – это подвид определенной группы общественных отношений. В данном случае в сфере таможенного дела выделяется установленный порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, который, в свою очередь, обеспечивает фискальные интересы, а также интересы в сфере национальной безопасности государства. Соблюдение установленных правил перемещения товаров через таможенную гра-

¹ В качестве примера можно привести Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.11.2008 № 17АП-8124/2008-АК, Постановление ФАС Дальневосточного округа от 01.02.2006 № Ф03-А51/05-2/4898, Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2018 № 14АП-7544/2018, Решение Псковского областного суда от 24.04.2017 по делу № 12-88/2017, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.10.2019 № Ф03-4226/2019.

ницу ЕАЭС является обязанностью каждого участника таких правоотношений.

Непосредственным объектом административного правонарушения являются конкретные общественные отношения, охраняемые санкцией определенной статьи КоАП РФ, которым правонарушением причиняется вред. В частности, ст. 16.1 и 16.21 КоАП РФ имеют непосредственным объектом посягательства установленный порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, в данном случае их видовой и непосредственный объекты совпадают. Однако непосредственный объект посягательства ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ иной – им является установленный порядок таможенного декларирования товаров.

В силу формальности самого действия объект незаконного перемещения товаров в первую очередь позволит определить степень вреда, нанесенного охраняемым общественным отношениям. Условно говоря, в данном случае объект посягательства выступает «пострадавшей стороной», а кто как не «пострадавшая сторона» может рассказать правопримениителю, насколько существенный вред причинен ей неправомерным действием?

Схожей точки зрения придерживается И. П. Долгих, делая вывод о том, что «определенным фактором при принятии решения о малозначительности действия должен являться характер совершенного правонарушения, под которым следует понимать степень и характер его общественной вредности, т. е. способности причинить вред охраняемым законом интересам. В свою очередь, характер общественной вредности напрямую зависит от объекта посягательства» [3, с. 166–170].

Однако существует и иная точка зрения. Так, Н. А. Дорохов и А. Н. Безрук отмечают, что «в каждом конкретном случае вопрос о степени малозначительности решается отдельно. Но окончное решение должно основываться на оценке объективных и субъективных факторов. Такая оценка позволяет установить степень

малозначительности и опасности действия. Несомненно, доминирующая роль здесь отдается субъективным факторам, т. к. степень направленности умысла, а не только причиненный вред будет свидетельствовать о степени общественной опасности действия» [4, с. 95–96].

Следует отметить, что в теории и в правоприменительной практике существует два подхода к установлению степени общественной опасности правонарушения. Первый, как говорилось ранее, определяет степень нанесенного вреда через призму субъективных признаков – путем определения психического отношения виновного к совершенному им действию (раскаивается ли он в содеянном либо относится к нему пренебрежительно). Второй подход ставит определение степени нанесенного вреда в зависимость от степени административно-правовой охраны общественных отношений.

О. Н. Шерстобоев отмечает: «чем выше показатель административно-правовой охраны, тем меньше вероятность признания административного правонарушения малозначительным. ... Думается, что степень административно-правовой охраны общественных отношений может быть обозначена характером санкций, закрепленных нормами Особенной части КоАП РФ» [5, с. 57–60]. Похожей позиции придерживаются О. Е. Шишкина и Н. А. Сайко: «В науке административного права вполне обоснованно предлагается увязать возможность применения или неприменения малозначительности действия с видами административных наказаний, поскольку именно они являются единственным "видимым для глаза" общества индикатором негативной оценки административных правонарушений» [6, с. 50–54].

Такому подходу в науке административного права дано название «лестницы административных наказаний» и сводится он к тому, что меры административной ответственности в ст. 3.2 КоАП РФ перечислены в зависимости от уровня тяже-

сти совершенного деяния и таким образом законодатель установил критерий значимости охраняемых общественных отношений, в связи с чем И. А. Клюшников определяет возможность для признания таких деяний малозначительными, в санкциях статей которых не предусмотрены наказания, установленные пп. 4–10 ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ [7, с. 12].

Представляется, что определение признаков малозначительности таким способом спорно. И если признаки субъективной стороны могут определить отношение виновного к совершенному им деянию и тем самым помочь правопримениителю в установлении степени вреда, исходящего непосредственно от виновного, то установленные законодателем санкции за совершение правонарушений вряд ли могут отразить степень их общественной опасности через ценность и особую охрану тех или иных общественных отношений. Как справедливо отметил Т. А. Гуменюк, «критерий социальной значимости охраняемых общественных отношений не означает исключения возможности применения положений о малозначительности административного правонарушения и освобождения от административной ответственности, если фактические обстоятельства дела объективно свидетельствуют о возможности применения ст. 2.9 КоАП РФ» [8, с. 16–29].

Полагаем, что такой подход нельзя применить к административным правонарушениям, предусматривающим ответственность за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС. Так, например, санкция ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ предусматривает в числе прочих наказаний предупреждение, что согласно теории «лестницы наказаний» автоматически делает возможным применение положений ст. 2.9 КоАП РФ к такого рода деяниям. Здесь следует отметить, что предупреждение в ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ является относительно «молодой» санкцией, поскольку была

включена в указанную статью 23 июня 2016 г. Федеральным законом № 207-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Выходит, до 23 июня 2016 г. положения ст. 2.9 КоАП РФ не могли применяться к ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ, поскольку тогда в санкции указанной статьи были предусмотрены только штраф и конфискация, а после 23 июня 2016 г. применение положений ст. 2.9 КоАП РФ к таким деяниям стало возможным.

На наш взгляд, это недопустимо (судебная практика также свидетельствует об обратном), поскольку сами деяния не изменились, а степень общественной опасности незаконного перемещения товаров, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ, с введением наказания в виде предупреждения не стала меньше.

Рассмотрим другую ситуацию. По мнению И. А. Клюшникова, в том случае, когда санкцией соответствующей статьи предусмотрено наказание в виде конфискации, такие деяния нельзя отнести к малозначительным [7, с. 12]. Однако все санкции статей и их части об ответственности за незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС предусматривают наказание в виде конфискации. Следуя логике И. А. Клюшникова, незаконное перемещение в принципе не может являться малозначительным. Однако обширная правоприменительная практика доказывает обратное – положения ст. 2.9 КоАП РФ широко применяются в таких случаях.

И это правильно, поскольку и незаконное перемещение товаров зачастую не наносит существенного ущерба охраняемым общественным отношениям. Так, в правоприменительной практике таможенных органов нередки случаи привлечения лиц к ответственности по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ в ситуациях, когда при отправке товара в количестве и ассортименте, предусмотренном внешнеторго-

вым контрактом, поставщик отправляет кроме заказанного товара еще рекламную продукцию. Как правило, в подобных ситуациях получателю неизвестно о том, что поставщик отправит дополнительный, не заказанный и не оплаченный товар. На практике это практически ничего не стоящие предметы: рекламные каталоги, блокноты, брелоки, ручки и т.п., а зачастую только рекламные каталоги. Получатель, не зная о том, что помимо заказанного товара в его адрес прибыла рекламная продукция, не представляет, самостоительно либо через таможенного представителя, ее к таможенному декларированию, в связи с чем наступает ответственность по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ.

Как видим, такого рода деяния не могут нанести существенного ущерба охраняемым общественным отношениям, что делает логичным в данном случае прекращение дела в связи с малозначительностью совершенного деяния. Однако санкция ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ среди прочих наказаний предусматривает конфискацию товара, явившегося предметом административного правонарушения, что, следуя логике теории «лестницы наказаний», должно исключать применение малозначительности.

Таким образом, принимая во внимание, что незаконное перемещение товаров через таможенную границу представляет собой правонарушения с формальным составом, на наш взгляд, обоснованно определять степень вреда, нанесенного охраняемым общественным отношениям, прежде всего через детальный анализ объекта правонарушения и его субъективной стороны. И если при совершении правонарушения с материальным составом достаточно исследовать объективную сторону правонарушения и рассчитать реальный ущерб общественным отношениям не представляет трудностей, то в правонарушениях с формальным составом все гораздо сложнее. Применение мер административного принуждения в данном случае не обусловлено матери-

альной составляющей нанесенного вреда, поскольку при незаконном перемещении нарушаются иные, кроме экономически значимых, права и интересы общества и государства.

Проблематично в данном случае вывести универсальную формулу по определению той невидимой грани, за которой начинается существенный вред охраняемым общественным отношениям, поэтому законодатель предоставляет право применителю свободу в самостоятельной интерпретации оценочного понятия малозначительности путем его наполнения определенным содержанием в каждом конкретном случае. Такой индивидуальный подход может выражаться в установлении того, насколько ощутимы результаты неправомерного деяния в контрольной сфере и насколько легко они могут быть устранимы.

Как отмечалось, незаконное перемещение посягает на установленный порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС. Таким образом, деяние необходимо оценивать с точки зрения степени его влияния на установленный и охраняемый государством порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, который призван обеспечивать безопасность государства и его фискальные интересы, а именно: на эффективное функционирование установленного порядка перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС с учетом его предназначения и условий существования. При этом малозначительное незаконное перемещение возможно рассматривать как дефект, существенно не влияющий либо не влияющий вовсе на условия функционирования установленного порядка перемещения товаров и не достигший необходимой степени общественной опасности для применения мер государственного воздействия. Являясь незначительным дефектом, правонарушение не может нарушить установленный порядок перемещения товаров.

Таким, на наш взгляд, может быть подход к определению степени вреда, нанесенного рассматриваемым деянием охраняемым общественным отношениям, через детальное рассмотрение «пострадавшей стороны» – объекта административного правонарушения.

Следующим немаловажным элементом состава правонарушения, способным сообщить правоприменителю о степени вредоносности деяния, является, на наш взгляд, субъективная сторона, представляющая собой отрицательное отношение субъекта к установленному порядку перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, игнорирование требований публично-правового характера по соблюдению определенных обязанностей.

Согласно ст. 2.1 КоАП РФ правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ установлена административная ответственность. При этом юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Формы вины физического лица представляют собой умысел и неосторожность. Умышленные деяния выражаются в осознании лицом, его совершившим, противоправного характера своего действия (бездействия), предвидение его вредных последствий и желание наступления таковых или сознательное их допущение либо безразличное к ним отношение. Неосторожность имеет место тогда, когда виновное лицо предвидит возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не пред-

видело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

Анализ судебной практики по незаконному перемещению товаров через таможенную границу ЕАЭС показывает, что положения ст. 2.9 КоАП РФ применяются судами только в случае совершения незаконного перемещения товаров по неосторожности для физических лиц и для юридических лиц только в том случае, если не было установлено пренебрежительного отношения лица к совершенному им деянию.

Если для физического лица установление неосторожной формы вины не представляет сложностей, то для установления вины юридического лица существуют определенные трудности, поскольку в КоАП РФ закреплена такая концепция вины юридического лица, вследствие которой невозможно разграничить умышленное и неосторожное незаконное перемещение товаров. На наш взгляд, это является серьезной проблемой для правоприменителя, поскольку вина может выражаться только в форме умысла либо неосторожности. И признание незаконного перемещения товаров малозначительным возможно только в случае наличия неосторожной формы вины, а в отсутствие таковой градации субъективное отношение юридического лица к совершенному деянию может выражаться только в несоблюдении установленных правил и норм при наличии возможности для их соблюдения. Вышеизложенное свидетельствует о том, что определение истинной степени вреда общественным отношениям, нанесенного юридическим лицом при незаконном перемещении товаров, невозможно без установления ее неосторожной формы.

На практике выход из этой ситуации реализуется судьями не в установлении наличия у юридического лица возможности для соблюдения установленных правил и норм, а в установлении субъективного (пренебрежительного) отношения

юридического лица к совершенному деянию либо в его отсутствии.

Признавая деяние, совершенное юридическим лицом, малозначительным, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 14.02.2020 № 17АП-941/2020-АК пришел к выводу о том, что поведение общества не было обусловлено его намеренным негативным отношением к правилам публичного порядка¹.

Пятый арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 30.08.2017 № 05АП-5443/2017 при описании вины юридического лица целиком употребил такие психологические аспекты противоправного поведения лица как «общество должно было знать и предвидеть наступление таких неблагоприятных последствий... и принять меры по недопущению нарушений таможенного законодательства»².

Как видим из приведенных примеров, суды применяют нормы об ответственности за незаконное перемещение товаров в отрыве от установленного законодателем правила определения вины юридического лица, зачастую апеллируя к психологическому (субъективному) подходу при признании юридического лица виновным, что в данном случае приводит к бесполезности установления вины юридического лица, поскольку оно не может «осознавать», «предвидеть»,

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2020 № 17АП-941/2020-АК. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c621e91d-e807-4980-9e94-eab409b58d68/39a9ccd1-6721-4c37-9d06-50a4b3dd9061/A50-28275-2019_20200214_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

² Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 № 05АП-5443/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a741a30e-b85d-437e-9b56-b8f67c65458a/2333f2c0-0314-479a-a1ce-302f0cb481e4/A51-12843-2017_20170830_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

«желать» и «сознательно допускать либо относиться безразлично». Поэтому говорить о возможности определения истинной степени вреда, нанесенного юридическим лицом установленному порядку перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, не приходится.

Представляется, что для признания действий юридического лица в совершении незаконного перемещения товаров через таможенную границу малозначительными необходимо установить наличие у этого лица возможности для соблюдения установленных правил перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС при одновременном несоблюдении данным лицом установленной обязанности, что, в свою очередь, не явилось следствием пренебрежительного отношения юридического лица к исполнению своих публично-правовых обязанностей.

В свою очередь, как мы отметили, признание рассматриваемого деяния малозначительным при совершении его физическим лицом возможно только при наличии неосторожной формы вины, когда виновное лицо предвидело возможность наступления вредных последствий своего деяния, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть. Также необходимо установить, что лицо осознало противоправный характер своего деяния, раскаялось в его совершении и в дальнейшем не собирается нарушать установленные правила перемещения товаров.

Следует заметить, что в большинстве своем научное сообщество приходит к аналогичному выводу о возможности признания административных деликтов малозначительными только при наличии неосторожной формы вины [5; 9; 10].

Однако некоторые авторы допускают возможность применения на практике

положений ст. 2.9 КоАП РФ к правонарушениям с умышленной формой вины [11, с. 107–130]. С этим нельзя согласиться, поскольку, например, правонарушения по ч. 2 ст. 16.1 КоАП РФ всегда совершаются с умышленной формой вины. Нельзя по неосторожности скрыть товар от таможенного контроля путем использования тайников или иных способов, затрудняющих обнаружение таких товаров. Лицо, сооружая тайник, действует целенаправленно и осознанно в обход установленных правил перемещения товаров, нарушая публично-правовую обязанность по их таможенному декларированию. И в этом кроется несомненная высокая общественная опасность совершающего правонарушения, поскольку лицо действует активно и преднамеренно, что, в свою очередь, исключает возможность применения положений ст. 2.9 КоАП РФ к правонарушениям, предусмотренным ч. 2 ст. 16.1 КоАП РФ. По этой причине выражим свое несогласие с существующим мнением о том, что малозначительные правонарушения могут совершаться одинаково как с умышленной формой вины, так и по неосторожности [7, с. 12].

Следующим элементом состава незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, характеризующим степень вреда, нанесенного правоохраняемым общественным отношениям, является объективная сторона рассматриваемого деяния.

Как известно из общей теории права, объективная сторона любого административного правонарушения представляет собой совокупность трех признаков: собственно деяния, общественно опасных последствий и причинно-следственной связи между ними. Это означает, что общественно-опасный вред наступил вследствие совершенного деяния и явился причиной его возникновения.

Незаконное перемещение товаров может совершаться как в форме действия, так и в форме бездействия, однако для целей определения малозначительно-

го незаконного перемещения товаров считаем целесообразным более подробно остановиться только на общественно опасных последствиях данного деяния, поскольку именно они свидетельствуют о том вреде, который нанесен правоохраняемым интересам.

Незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС в любом его проявлении является правонарушением с формальным составом. Это означает, что для привлечения к административной ответственности достаточно одного лишь факта совершения противоправного действия вне зависимости от наступления общественно опасных последствий, поскольку при установлении правовых основ регулирования общественных отношений в сфере таможенного дела законодатель руководствовался интересами безопасности и экономическими интересами государства.

Как следует из Постановления Пятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 № 05АП-5443/2017, «сам по себе факт отсутствия негативных последствий не является обстоятельством, свидетельствующим о малозначительности совершенного правонарушения. В рассматриваемом случае существенная угроза охраняемым общественным отношениям выражается не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении общества к исполнению своих публичных правовых обязанностей, к формальным требованиям публичного права, поскольку установленная обязанность заявителем исполнялась недобросовестно, ненадлежащим образом»¹. Помимо позиции придерживается И. О. По-

¹ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2017 № 05АП-5443/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a741a30e-b85d-437e-9b56-b8f67c65458a/2333f2c0-0314-479a-a1ce-302f0cb481e4/A51-12843-2017_20170830_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

дальный: «Оценка социальной опасности правонарушения не может сводиться к анализу негативных публичных материальных последствий, а должна быть нацелена на выяснение того или иного отношения лица, привлекаемого к административной ответственности, к формальным требованиям публичного права» [11, с. 107–130].

Незаконное перемещение товаров является оконченным с момента нарушения требований (условий) при перемещении товаров через таможенную границу. Поэтому степень вреда, нанесенного правонарушением общественным отношениям, на наш взгляд, следует оценивать не с точки зрения пренебрежительного отношения субъекта к установленным обязанностям, а с точки зрения степени ее влияния на установленный и охраняемый государством порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, который призван обеспечивать безопасность государства и его фискальные интересы.

В этой связи выражим несогласие с мнением С. М. Даровских о том, что «ущерб нематериального характера может соизмеряться с месячным сроком проведения административного расследования, по окончании которого составляется протокол об административном правонарушении (либо может быть вынесено постановление о прекращении дела) и дело передается на рассмотрение уполномоченному органу (лицу), судье, которые вправе прекратить дело по основаниям малозначительности» [12, с. 96–98].

На наш взгляд, невозможно измерить ущерб нематериального характера, нанесенный установленному порядку перемещения товаров, временем, затраченным таможенным органом на проведение административного расследования. Так, с учетом положений п. 3 ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ срок административного расследования может составлять от одного месяца до шести и продлеваться этот срок может по разным причинам, независящим от

степени общественной опасности самого правонарушения. В случаях продления таких сроков это вовсе не означает, что дело об административном правонарушении приобрело особую значимость, а деяние стало более общественно опасным, в связи с чем не подлежит прекращению по малозначительности.

Представляется, что такой подход в практике привлечения к административной ответственности недопустим, поскольку не отвечает основополагающему принципу равенства всех перед законом, ставя участников административно-юрисдикционных правоотношений в неравные условия привлечения к административной ответственности в зависимости от затраченного таможенным органом времени на производство по делу об административном правонарушении.

Степень влияния субъекта незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС на проявляющие себя во внешней среде последствия наиболее низка, поскольку, как определил Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении Пленума от 24.03.2005 № 5: «Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения».

О. Н. Шерстобоев полагает, что «большую опасность для государства представляют лица, которые пошли на нарушение закона умышленно, ранее неоднократно привлекались к ответственности за однородные правонарушения, в действиях которых имеются признаки, отягчающие административную ответственность. Для таких лиц малозначительность является способом избежать заслуженного наказания. В этом случае предупредительная цель административных наказаний, реализуемая через их ка-

рательную сущность, достигнута не будет. Избежав негативных последствий, связанных с назначением меры ответственности, эти лица не только не исправятся, но будут простимулированы к нарушению правовых норм в дальнейшем. ... Представляется, что сами по себе личностные характеристики (в отрыве от иных конструктивных признаков правонарушения) действительно не могут свидетельствовать о незначительном вреде виновного противоправного деяния» [5, с. 57–60].

Как отмечает И. О. Подвальный, «роль правонарушителя применительно к Постановлению Пленума ВС РФ № 5, вероятно, должна трактоваться широко: не как роль при соучастии (организатор, пособник, исполнитель), а как совокупность объективных и субъективных признаков поведения правонарушителя. При этом уместно задаться вопросом: каков перед нами вариант поведения, какова роль правонарушителя в объективной реальности, в реальной жизни – злостный, матерый, активно и преднамеренно (умышленно) действующий правонарушитель, или его представитель (когда речь идет о юридических лицах), или субъект, впервые совершивший противоправное деяние, неопытный, не имеющий достаточных профессиональных знаний, вследствие ошибки непреднамеренно оступившийся и т.п.» [11, с. 107–130].

Выразим согласие с О. Н. Шерстобоевым и И. О. Подвальным, однако добавим, что оба автора в данном случае ссылаются лишь на субъективные признаки физического лица, в то время как субъектами административной ответственности признаются качественно разные лица. Даже упоминая представителя юридического лица, И. О. Подвальный тем не менее не конкретизирует признаки самого юридического лица как непосредственно го субъекта административных правоотношений.

Таким образом, соглашаясь с высказанным, добавим лишь только, что ос-

новным характеризующим признаком субъекта ответственности – физического лица, деяние которого может быть признано малозначительным, должна являться добросовестность и низкая вероятность совершения подобных правонарушений в дальнейшем.

Также необходимо остановиться отдельно на признаках субъекта незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС – юридического лица, характеризующих совершение им малозначительного деяния (которые, впрочем, могут характеризовать и субъекта – физического лица, но для юридического лица эти признаки являются, на наш взгляд, единственно возможными). Таковыми могут рассматриваться совершение правонарушения впервые, в отсутствие обстоятельств, отягчающих административную ответственность, принятие всех зависящих от виновного лица мер по недопущению совершения административного правонарушения.

Статья 4.3 КоАП РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих административную ответственность, что не вызывает затруднений в правоприменительной практике, поэтому особое внимание этим обстоятельствам уделять не будем.

Трудности, на наш взгляд, могут возникнуть при повторном применении положений ст. 2.9 КоАП РФ к одному и тому же субъекту за однородные правонарушения. Насколько это возможно и справедливо? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Для начала необходимо определиться, какова природа малозначительности как правового явления: это обстоятельство освобождения от административной ответственности или исключающее ее? В настоящее время в научной среде нет единства мнений на этот счет. Допускается определение малозначительности как обстоятельства, исключающего административную ответственность [13; 14] и как обстоятельства освобождения от

нее [7; 8; 15; 16; 17]. Поддерживаем позицию последних, поскольку, в первую очередь, на этот вопрос ответил сам законодатель в тексте дефиниции ст. 2.9 КоАП РФ, предусмотрев возможность для лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, освобождения от административной ответственности при малозначительности совершенного деяния.

Разницу между обстоятельствами, исключающими административную ответственность и освобождающими от нее, выявил В. В. Степанов: «...действие, совершенное при обстоятельствах, исключающих юридическую ответственность, является, в сущности, общественно полезным; такое действие является правомерным в силу прямого указания закона. Действие же, которое подпадает под основания освобождения от юридической ответственности, приносит вред обществу, оно противоправно» [18, с. 139–140].

Соглашаясь с В. В. Степановым в различии правовой природы обстоятельств освобождения от административной ответственности и обстоятельств ее исключающих, Н. М. Жданов и А. Н. Жданова подчеркивают, что общим признаком обоих оснований является окончательный результат их установления – административная ответственность не наступает [19, с. 61–65].

А. П. Рожнов, являясь приверженцем теории отнесения малозначительности к исключающим административную ответственность обстоятельствам, обосновывает это тем, что «для освобождения от любой юридической ответственности требуется наличие правонарушения, а в случае совершения малозначительного действия его (правонарушения) попросту нет, поскольку в таком действии нет признака общественной опасности, требуемого для данного правонарушения, наличествующего лишь "формально", исключительно с юридической, внешней стороны. ... Следовательно, малозначитель-

ность правонарушения не освобождает от уголовной ответственности (вероятно, здесь допущена опечатка, поскольку речь идет об ответственности за правонарушение, а не преступление. – В. А.), а влечет ненаступление таковой, абсолютно исключает ее по причине отсутствия ее основания – факта совершения правонарушения» [13, с. 81–87].

Выразим свое несогласие с такой позицией, поскольку малозначительность в административном праве – понятие оценочное, в связи с чем правоприменитель трактует его в зависимости от обстоятельств совершенного правонарушения в каждом конкретном случае в рамках своих дискреционных полномочий, предоставленных законодателем. Признание действия малозначительным – это не обязанность, а право судьи, что напрямую корреспондирует положениям п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5. Таким образом, ответственность лица может наступить, а может и не наступить, это в данном случае зависит от судебного усмотрения. Также нельзя здесь говорить об отсутствии факта совершения правонарушения. Как раз сам факт совершения правонарушения имеет место быть, в противном случае это делало бы в принципе невозможным применение мер государственного принуждения к субъекту ответственности.

Таким образом, малозначительность незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС – это обстоятельство, освобождающее делинквента от административной ответственности при одновременном наличии всех элементов состава правонарушения. Факт освобождения от ответственности свидетельствует об отсутствии состояния наказанности, т. е. лицо не считается подвергнутым административному наказанию. Следовательно, при последующем совершении однородного административного правонарушения лицо не будет считаться совершившим его повторно.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что субъект ответственности юридически может сколь угодно много раз быть освобожденным от административной ответственности за совершение однородных административных правонарушений и каждый раз он будет считаться впервые совершившим правонарушение.

Более того, известны случаи применения положений ст. 2.9 КоАП РФ к лицу, ранее привлекавшемуся к административной ответственности. Так, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.05.2021 № Ф07-3728/2021 при вынесении решения об освобождении юридического лица от административной ответственности по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ суд указал, что «доводы подателя жалобы о повторном совершении таможенным представителем однородного административного правонарушения сами по себе не исключают применение статьи 2.9 КоАП РФ применительно к обстоятельствам рассматриваемого в настоящем деле правонарушения»¹.

Парадокс, но в дефиниции ст. 3.4 КоАП РФ – более строгой меры реагирования государства – предусмотрена невозможность ее применения в случае повторного совершения правонарушения, в то время как ст. 2.9 КоАП РФ такого запрета не содержит, хотя является более мягкой мерой государственного реагирования по сравнению с предупреждением.

Представляется, что данное обстоятельство не в полной мере соответствует принципам справедливости и соразмерности наказания, поскольку деяние хоть и не общественно опасное либо имеет не-

значительную общественную опасность, но все же обладает всеми признаками административного правонарушения, т. е. фактически состав и событие правонарушения реализовались в охраняемых общественных отношениях, а по юридическим последствиям, вернее по отсутствию таковых, как будто ни состава, ни события административного правонарушения никогда и не было. Устное замечание в данном случае призвано превентивно реализовать воспитательно-профилактическую функцию в целях дальнейшего несовершения лицом правонарушений. Совершение же такового, пусть даже опять и малозначительного, свидетельствует о недостижении устным замечанием своей цели, вследствие чего у субъекта ответственности может возникнуть чувство безнаказанности.

Данная проблема легко решается в случае рассмотрения дела об административном правонарушении должностным лицом таможенного органа, поскольку каждый факт совершения правонарушения и освобождения лица от ответственности фиксируется в общей поисковой системе между всеми таможенными органами, что позволяет выявить совершение одним лицом того или иного правонарушения в области таможенного дела вне зависимости от того, в каком именно таможенном органе осуществлялось производство по делу об административном правонарушении. В случае последующего совершения малозначительного однородного правонарушения можно говорить о систематичности, что, в свою очередь, позволит должностному лицу, рассматривающему дело об административном правонарушении, в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий действовать в соответствии с принципом справедливости и уже не применять положения ст. 2.9 КоАП РФ повторно.

Однако это осложняется, когда дело об административном правонарушении рассматривается судьей, в распоряжении

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.05.2021 № Ф07-3728/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/aa61951f-f804-4696-93f9-c4fad3c79a1d/d536c5bb-4a3e-4ec4-92fb-3a84f3e6a182/A21-4306-2020_20210513_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.11.2021).

которого нет такой поисковой системы. Выход в данном случае видится один – учитывать в определении о передаче дела об административном правонарушении на рассмотрение судье все факты совершения лицом однородных правонарушений и освобождения от административной ответственности в том числе, равно как и при обжаловании постановления таможенного органа в судебных органах. В данном случае все факты совершения однородных правонарушений возможно учитывать в отзывах на жалобы лиц.

Следующим важным признаком субъекта малозначительного правонарушения является признак добросовестности, который должен оцениваться индивидуально в каждом отдельном случае. По мнению Н. Н. Мукасевой и Р. В. Федосеева, это «сведения, которые свидетельствуют о том, какие разумные и зависящие от него действия были предприняты лицом, привлекаемым к ответственности, для того чтобы предотвратить нарушение или минимизировать его последствия» [20]. В качестве примера можно привести лишь малую толику таких, на наш взгляд, добросовестных действий.

Например, в ходе производства по делу об административном правонарушении по ч. 3 ст. 16.1 КоАП РФ в отношении морского перевозчика будет установлено, что перевозчик в соответствии со ст. 16 Конвенции ООН о морской перевозке грузов от 1978 г.¹ внес в морской коносамент обоснованные оговорки о возможно содержащихся в нем неточностях, касающихся количественных и качественных характеристик товара, а также об отсутствии у него разумной возможности проверки таких сведений. Такое поведение свидетельствует об осознании лицом своей обязанности сообщить таможенному органу достоверные

сведения о количественных и качественных характеристиках товара при одновременной невозможности их проверки (например, при загрузке на складе продавца упакованного товара, который не представляется возможным проверить без вскрытия упаковки). Лицо, осознавая свою обязанность и беспомощность в ее выполнении, заранее ставит таможенный орган в известность о том, что у него отсутствовала возможность сверки всех характеристик товара с указанными в товаросопроводительных документах.

Возможна и другая ситуация. В ходе административного расследования по ст. 16.21 КоАП РФ в случае хранения незаконно перемещенных товаров установлено, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, принимая от третьих лиц на реализацию такие товары, проявилнюю степень заботливости и осмотрительности, получив у собственника таможенную декларацию, свидетельствующую о перемещении товара через таможенную границу ЕАЭС с соблюдением всех установленных таможенных правил. В данном случае, скорее всего, таможенная декларация оформлена на другой, аналогичный товар, но это не имеет значения для характеристики субъекта ответственности, поскольку здесь важен сам факт проявленной добросовестности лица, привлекаемого к ответственности в части проверки сведений о законности нахождения товара, являющегося предметом административного правонарушения, на таможенной территории ЕАЭС.

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать несколько выводов в соответствии с поставленными ранее задачами, что, по мнению автора, несет в себе определенную теоретическую и практическую значимость.

С учетом того, что определение малозначительности совершенного деяния трактуется судьями в правоприменитель-

¹ Конвенция ООН о морской перевозке грузов: [заключена в г. Гамбурге 31.03.1978]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3826 (дата обращения: 04.10.2021).

ной практике по-разному, в целях выработки единообразного подхода, представляется обоснованным определять степень вреда, нанесенного правонарушением охраняемым общественным отношениям, через призму совокупности всех элементов состава правонарушения, а не в отрыве объективных от субъективных.

По мнению автора, определение того, насколько ощутимы результаты неправомерного действия в контрольной сфере и насколько легко они могут быть устранимы, поможет правоприменителю очертить ту невидимую грань, за которой начинается существенный вред, причиненный совершенным правонарушением. При этом незаконное перемещение товаров посягает на установленный порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС. Таким образом, деяние необходимо оценивать с точки зрения степени его влияния на установленный и охраняемый государством порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, который призван обеспечивать безопасность государства и его фискальные интересы, а именно: на эффективное функционирование установленного порядка перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС с учетом его

предназначения и условий существования. При этом малозначительное незаконное перемещение возможно рассматривать как дефект, существенно не влияющий либо не влияющий вовсе на условия функционирования установленного порядка перемещения товаров и не достигший необходимой степени общественной опасности для применения мер государственного воздействия. Являясь незначительным дефектом, правонарушение не может нарушить установленный порядок перемещения товаров.

Ввиду того, что малозначительным правонарушением может быть признано только такое правонарушение, которое совершено по неосторожности, для признания действий юридического лица в совершении незаконного перемещения товаров через таможенную границу малозначительными необходимо установить наличие у этого лица возможности для соблюдения установленных правил перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС при одновременном несоблюдении данным лицом установленной обязанности, что, в свою очередь, не явилось следствием пренебрежительного отношения юридического лица к исполнению своих публично-правовых обязанностей.

Список литературы

1. Ломакина Л. А. Понятие малозначительности административного правонарушения в КоАП РФ // Журнал российского права. 2012. № 9(189). С. 55–59.
2. Карпов А. А. Теоретические аспекты классификации объектов административных правонарушений в области таможенного дела // Таможенное дело. 2008. № 2. С. 32–38.
3. Долгих И. П. О правовых основах объявления лицу, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, устного замечания // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2019. № 10. С. 166–170.
4. Дорохов Н. А., Безрук А. Н. Правовое явление «малозначительные деяния» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2012. № 1(53). С. 95–96.
5. Шерстобоев О. Н. К вопросу о малозначительности административных правонарушений: некоторые проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 57–60.
6. Шишкина О. Е., Сайко Н. А. Малозначительность в административно-деловом праве // Законность. 2015. № 7. С. 50–54.

7. Ключников И. А. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики об освобождении от административной ответственности по малозначительности правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
8. Гуменюк Т. А. Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2006. № 11. С. 16–29.
9. Панов А. Б. О малозначительности административных правонарушений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 80–98.
10. Дербина О. В., Купеева Л. Ч. Проблемные вопросы определения признаков малозначительности административного правонарушения // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2017. № 1(37). С. 31–33.
11. Подвальный И. О. К вопросам малозначительности административных правонарушений, возникших в практике арбитражных судов Северо-Западного округа // Арбитражные споры. 2009. № 1. С. 107–130.
12. Даровских С. М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 7. С. 96–98.
13. Рожнов А. П. Понятие малозначительности нуждается в унификации // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 81–87.
14. Дубровская И. Предупредить или наказать? // ЭЖ-Юрист. 2013. № 5. С. 1–3.
15. Дерюга Н. Н., Дерюга А. Н. Пенологические аспекты условий наступления административной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 105–112.
16. Чаннов С. Е. Основания для освобождения от административной ответственности // Гражданин и право. 2011. № 4. С. 3–14.
17. Керамова С. Н. Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 172–174.
18. Степанов В. В. Правовая природа норм о малозначительности правонарушения // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 139–140.
19. Жданов Н. М., Жданова А. Н. Освобождение от административной ответственности // Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 61–65.
20. Мукассеева Н. Н., Федосеев Р. В. Проблемы правового регулирования категории «Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности» // Юридическая наука. 2019. № 7. С. 78–80.

References

1. Lomakina L. A. Ponyatie maloznachitel'nosti administrativnogo pravonarusheniya v KoAP RF [The concept of insignificance of an administrative offense in the Administrative Code of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 9(189), pp. 55–59.
2. Karpov A. A. Teoreticheskie aspekty klassifikacii ob"ektov administrativnyh pravonarushenij v oblasti tamozhennogo dela [Theoretical aspects of classification of objects of administrative offenses in the field of customs affairs]. *Tamozhennoe delo = Customs business*, 2008, no. 2, pp. 32–38.
3. Dolgih I. P. O pravovyh osnovah ob"yavleniya licu, v otnoshenii kotorogo osushchestvlyaetsya proizvodstvo po delu ob administrativnom pravonarushenii, ustnogo zamechaniya [On the legal basis of the announcement of an oral remark to a person in respect of whom proceedings on an administrative offense are being conducted]. *Novoe slovo v naуke i*

praktike: gipotezy i aprobaciya rezul'tatov issledovanij = New Word in Science and practice: hypotheses and approbation of research results, 2019, no. 10, pp. 166–170.

4. Dorohov N. A., Bezruk A. N. Pravovoe yavlenie "maloznachitel'nye deyaniya" [The legal phenomenon of "insignificant acts"]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Astrakhan State Technical University*, 2012, no. 1(53), pp. 95–96.

5. Sherstoboev O. N. K voprosu o maloznachitel'nosti administrativnyh pravonarushenij: nekotorye problemy teorii i praktiki [On the question of the insignificance of administrative offenses: some problems of theory and practice]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2008, no. 10, pp. 57–60.

6. Shishkina O. E., Sajko N. A. Maloznachitel'nost' v administrativno-deliktnom prave [Insignificance in administrative-tort law]. *Zakonnost' = Legality*, 2015, no. 7, pp. 50–54.

7. Klyushnikov I. A. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva i pravoprimenitel'noj praktiki ob osvobozhdenii ot administrativnoj otvetstvennosti po maloznachitel'nosti pravonarushenij. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Improvement of legislation and law enforcement practice on exemption from administrative liability for minor offenses. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2013.

8. Gumenyuk T. A. Maloznachitel'nost' administrativnogo pravonarusheniya kak osnovanie osvobozhdeniya ot administrativnoj otvetstvennosti [Insignificance of an administrative offense as a basis for exemption from administrative responsibility]. *Vestnik ekonomiceskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2006, no. 11, pp. 16–29.

9. Panov A. B. O maloznachitel'nosti administrativnyh pravonarushenij [On the insignificance of administrative offenses]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, no. 2, pp. 80–98.

10. Derbina O. V., Kupeeva L. Ch. Problemnye voprosy opredeleniya priznakov maloznachitel'nosti administrativnogo pravonarusheniya [Problematic issues of determining the signs of insignificance of an administrative offense]. *Vestnik Vologodskogo instituta prava i ekonomiki Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij = Bulletin of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service*, 2017, no. 1(37), pp. 31–33.

11. Podval'nyj I. O. K voprosam maloznachitel'nosti administrativnyh pravonarushenij, voznikshih v praktike arbitrazhnyh sudov Severo-Zapadnogo okruga [To the issues of insignificance of administrative offenses that have arisen in the practice of arbitration courts of the North-Western District]. *Arbitrazhnye spory = Arbitration disputes*, 2009, no. 1, pp. 107–130.

12. Darovskih S. M. K voprosu o maloznachitel'nosti administrativnogo pravonarusheniya [On the question of the insignificance of an administrative offense]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the South Ural State University*, 2012, no. 7, pp. 96–98.

13. Rozhnov A. P. Ponyatie maloznachitel'nosti nuzhdaetsya v unifikacii [The concept of insignificance needs unification]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2017, no. 6, pp. 81–87.

14. Dubrovskaya I. Predupredit' ili nakazat'? [Warn or punish?]. *EZH-Yurist = EJ-Lawyer*, 2013, no. 5, pp. 1–3.

15. Deryuga N. N., Deryuga A. N. Penologicheskie aspekty uslovij nastupleniya administrativnoj otvetstvennosti [Technological aspects of the conditions for the onset of administrative responsibility]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 4, pp. 105–112.

16. Channov S. E. Osnovaniya dlya osvobozhdeniya ot administrativnoj otvetstvennosti [Grounds for exemption from administrative responsibility]. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2011, no. 4, pp. 3–14.

17. Keramova S. N. Maloznachitel'nost' administrativnogo pravonarusheniya kak osnovanie osvobozhdeniya ot administrativnoj otvetstvennosti [Insignificance of an administrative offense as a basis for exemption from administrative responsibility]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public service and personnel*, 2019, no. 2, pp. 172–174.
18. Stepanov V. V. Pravovaya priroda norm o maloznachitel'nosti pravonarusheniya [The legal nature of the norms on the insignificance of the offense]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2007, no. 1, pp. 139–140.
19. Zhdanov N. M., Zhdanova A. N. Osvobozhdenie ot administrativnoj otvetstvennosti [Exemption from administrative responsibility]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative law and process*, 2012, no. 4, pp. 61–65.
20. Mukaseeva N. N., Fedoseev R. V. Problemy pravovogo regulirovaniya kategorii "maloznachitel'nost' administrativnogo pravonarusheniya kak osnovanie osvobozhdeniya ot administrativnoj otvetstvennosti" [Problems of legal regulation of the category "Insignificance of an administrative offense as a basis for exemption from administrative responsibility"]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2019, no. 7, pp. 78–80.

Информация об авторе / Information about the Author

Андреева Виктория Михайловна, соискатель
ученой степени кандидата юридических наук,
Российская таможенная академия, г. Люберцы,
Российская Федерация,
e-mail: veroni2005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-3474-7236

Viktoriia M. Andreeva, Applicant for a Degree of
the Candidate of Jurisprudence, Russian Customs
Academy, Lyubertsy, Russian Federation,
e-mail: veroni2005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-3474-7236

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-152-161>

О современных политологических аграрных исследованиях

Е. С. Устинович¹

¹Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И. И. Иванова
ул. Карла Маркса 70, г. Курск 305004, Российская Федерация

e-mail: lenausti@mail.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обоснована необходимостью оценки теоретико-методологического инструментария анализа структуры, сущности и содержания современной государственной аграрной политики в связи с активными процессами развития аграрного сектора экономики России вследствие введений в 2014–2015 годах экономических санкций против Российской Федерации, а также в связи с изменениями, предусмотренными Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в новом паспорте научных специальностей, предусматривающим исследования отраслевой государственной политики.

Цель исследования – анализ и обобщение научных результатов, полученных российскими учеными в сфере политической науки за весь период ее тридцатилетнего развития в части разработки категорий, связанных с категорией «Государственная аграрная политика», уточняющих ее сущность и содержание, направления и структуру и т.д., а также развитие методологического инструментария политологических исследований в аграрной сфере. Иными словами, государственная аграрная политика как объект современных политологических исследований.

Задачами исследования стали: обоснование актуальности анализа современного состояния разработок в российской политической науке по совершенствованию категорий, связанных с категорией «государственная аграрная политика»; анализ состояния разработок в российской политической науке по совершенствованию категорий, связанных с категорией «государственная аграрная политика»; анализ состояния развития методологического инструментария политологических исследований государственной аграрной политики; формирование выводов по результатам исследования.

Методология научного исследования сфокусирована исключительно на использовании научных результатов, полученных учеными политической сферы за весь период развития современной политической науки в России. Тем самым предполагается получение полного представления роли российской политической науки в развитии исследований отраслевой государственной политики, государственной аграрной политики. Также при подготовке статьи использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации.

Результатом исследования стало формирование комплексного представления о состоянии политологических аграрных исследований в современной российской политической науке.

Вывод. Государственная аграрная политика как объект политологического анализа не приобрела необходимый научный интерес у политологического исследовательского сообщества в России.

Ключевые слова: государство; политика; отраслевая государственная политика; методология; анализ категорий; совершенствование методологии.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Устинович Е. С. О современных политологических аграрных исследованиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 152–161.
<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-152-161>.

Поступила в редакцию 27.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Устинович Е. С., 2022

About Modern Political Agricultural Research

Elena S. Ustinovich¹

¹Kursk State Agricultural Academy named after Professor I.I. Ivanova
70 Karl Marx str., Kursk 305004, Russian Federation

 e-mail: lenausti@mail.ru

Abstract

The relevance of the research topic is justified by the need to assess the theoretical and methodological tools for analyzing the structure, essence and content of modern state agrarian policy in connection with the active development processes of the agricultural sector of the Russian economy due to the introduction in 2014-2015. economic sanctions against the Russian Federation, as well as, in connection with the changes provided by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the new passport of scientific specialties, which provides for the study of sectoral state policy.

The purpose of the study is to analyze and generalize the scientific results obtained by Russian scientists in the field of political science over the entire period of its thirty-year development in terms of the development of categories related to the category "State agrarian policy", clarifying its essence and content, directions and structure, etc. and also, the development of methodological tools for political science research in the agricultural sector. In other words, state agrarian policy as a modern object of political science research.

The objectives of the study were: substantiation of the relevance of the analysis of the current state of developments in Russian political science to improve the categories associated with the category "State agrarian policy"; analysis of the state of development in Russian political science; improvement of categories associated with the category "State agrarian policy"; analysis of the state of development of methodological tools for political science research of state agrarian policy; the formation of conclusions based on the results of the study.

The research methodology is focused exclusively on the use of scientific results obtained by scientists in the political sphere over the entire period of development of modern political science in Russia.

Thus, it is expected to obtain a complete understanding of the role of Russian political science in the development of research on sectoral state policy, state agrarian policy. Also, when preparing the article, general scientific methods of analysis and synthesis of information were used.

The result of the study was the formation of a comprehensive understanding of the state of political science agrarian research in modern Russian political science.

Conclusion. State agrarian policy as an object of political science analysis did not acquire the necessary scientific interest from the political science research community in Russia.

Keywords: state; politics; sectoral state policy; methodology; category analysis; improvement of methodology.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ustinovich E.S. About Modern Political Agricultural Research. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochniki i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* . 2022; 12(1): 152–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-152-161>.

Received 27.12.2021

Accepted 18.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Настоящее исследование было проведено с целью формирования комплексного представления о состоянии политологических исследований государственной аграрной политики России за весь ее

более чем тридцатилетний период развития.

Авторский замысел проведенного исследования включил в себя уяснение роли российской политической науки в развитие таких исследовательских направлений, как «виды государственной политики», согласно предыдущему пас-

порту научных специальностей по направлению 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии за несколько десятилетий. Это также и определение важнейших научных результатов политической науки по разработке проблематики «государственной аграрной политики» в российской науке.

Методология

В исследовании использованы общенаучные методы исследования – анализа и синтеза информации при включении методов политического анализа.

Проанализированы полнотекстовые статьи, авторефераты диссертаций, тексты диссертационных исследований российских ученых в сфере политической науки, представленные в открытом доступе на официальных сайтах Российской государственной библиотеки, официальных сайтах государственных учреждений высшего образования, Научной электронной библиотеки eLibrary, официальном сайте научной электронной библиотеки «КиберЛенинка», а также на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru/>.

В связи с тем, что целью настоящего исследования стало определение роли именно политической науки и объема ее вклада в развитие проблематики «государственной аграрной политики», автором намеренно выведены соответствующие научные разработки в экономической и аграрной науках, экономике сельского хозяйства, социологии и праве за рамки настоящего исследования.

Предмет исследования составили именно политологические исследования, научные результаты и разработки.

Результаты и их обсуждение

2021 год стал рубежным для уточнения направлений исследований в российской науке, включая российскую политическую науку. Существенно были пересмотрены паспорта научных специальностей и уточнены актуальные и пер-

спективные направления развития. Особое место среди них отведено государственной отраслевой политике.

Мы полагаем, что именно данное событие научной сферы существенным образом повлияет на дальнейшие исследовательские векторы и отраслевая политика станет все чаще появляться в качестве объекта политологических исследований в российской науке.

Между тем становится очевидной необходимость провести своего рода «аудит» тех исследований уровня диссертационных, монографических работ и просто научных статей, которые сформировали общий багаж исследований государственной аграрной политики.

Проанализировав научные материалы (авторефераты диссертаций, тексты диссертаций, тексты научных статей и т.д.) в указанных выше источниках, формируется вполне ясная картина степени разработанности проблематики государственной аграрной политики в политической науке. Здесь сразу можно выделить главные проблемы.

Во-первых, можно смело утверждать, что, к сожалению, проблематика государственной аграрной политики не стала объектом политологических исследований как важнейшей части государственной политики на протяжении длительного периода времени.

Во-вторых, научный интерес к государственной аграрной политике в рамках политической науки носил преимущественно фрагментарный характер. По политическим наукам, по проблеме так или иначе связанной с государственной аграрной политикой, защищено всего несколько диссертаций уровня кандидатской диссертации и 2 докторские диссертации. Единичны монографические исследования в рамках политических наук по проблематике государственной аграрной политики. Налицо практическое отсутствие подробного и постоянного анализа состояния государственной аграрной политики в современной России.

В-третьих, глубокие и значимые научные политологические результаты не затронули проблематики государственной аграрной политики в исследуемый период.

В-пятых, исследования государственной аграрной политики условно можно периодизировать в зависимости от воздействия на ее особенности формирования и реализации ряда факторов, прежде всего глобального, внешнеполитического и финансово-экономического характера. В частности, содержательно исследования периода конца 90-х годов прошлого века относились преимущественно к проблематике реформирования аграрного сектора экономики, что вполне объяснимо кардинальной трансформацией механизмов хозяйствования в аграрной сфере, правового института земельно-имущественных отношений и т.д.

Исследования начала 2000-х гг. в качестве условий формирования и реализации государственной аграрной политики в России определяли ее модернизацию, глобальный мировой финансовый кризис 2008 г. и др.

Исследования, относящиеся к хронологическим рамкам после 2014 г. по настоящее время, в качестве основного фактора реализации государственной аграрной политики определяют фактор внешнеэкономических (де-факто политических) санкций в отношении Российской Федерации.

В-шестых, де-факто в российской политической науке не проводились глубокие политологические исследования аграрной политики с учетом ее институциональной, правовой и законодательной составляющей и т.д.

Рассмотрим научные результаты политологических исследований государственной аграрной политики более детально.

Справедливости ради заметим, что вопросы аграрной политики государства находились в центре внимания ряда исследователей в середине 90-х годов XX

века. Здесь следует отметить диссертацию доктора политических наук, профессора РАНХиГС при Президенте Российской Федерации В. В. Бакушева «Политика аграрного реформирования в России: генезис, кризисы, ориентиры» (1995) [1] и ряд его более ранних и последующих публикаций по данной проблематике [2; 3; 4]. К сожалению, данные работы Бакушева были опубликованы крайне малым тиражом (100 экз.) и не оцифрованы в РГБ, поэтому их содержательный анализ стал по данной причине невозможным.

К этому же периоду можно отнести диссертационное исследование уровня кандидатской диссертации И. Г. Мюрберг, выполненную и защищенную в 2003 г. в секторе истории политической философии Института философии РАН на тему «Аграрные стратегии как объект политологического анализа». При очевидной доминирующей в исследовании философской и исторической компоненте, тем не менее, И. Г. Мюрберг вполне конкретно отмечала современные проблемы аграрной сферы (начала XXI в.) как объекта политического регулирования и управления со стороны государства. В частности, И. Г. Мюрберг подчеркивала: «В настоящее время сельское хозяйство целиком отдано на откуп правительствам как административным органам, теоретический кругозор которых никогда не выходит за рамки экономики», и отметила «практическое отсутствие сколь-нибудь целостного теоретического представления об аграрной сфере как одной из ипостасей политического бытия современных социетальных сообществ» [5, с. 3].

К сожалению, работ по данной проблематике после 2006 г. у автора более опубликовано не было. Монографию И. Г. Мюрберг «Аграрная сфера и политика трансформации», опубликованную в 2006 г., следует отнести к междисциплинарному политико-философскому исследованию, о чем пишет и сам автор в предисловии к изданию.

К концу первого десятилетия XXI в. появилось несколько диссертационных работ, защищенных по политическим наукам по проблематике аграрной политики современного Российского государства. В частности, это докторская диссертация И. Е. Абрамовой на тему «Механизмы функционирования и реализации государственной аграрной политики в условиях модернизации (политологический анализ)» (2009) [6] и Т. В. Пономаренко на тему «Государственная политика по модернизации сельскохозяйственной отрасли современной России (политологический анализ)» (2011) [7]. В. В. Бакушев стал официальным оппонентом в каждой из данных диссертационных работ.

Подчеркнем, что государственная аграрная политика выступила в качестве объекта диссертационного исследования И. Е. Абрамовой. В 2009 г. И. Е. Абрамова утверждала, что «изучение российской аграрной политики показывает множество примеров экономической политики как политики непродуманной и научно необоснованной» [6, с. 22].

К сожалению, автор не предложил собственного определения категории «государственная аграрная политика». Однако подчеркивая важность «аграрной политики как целостной системы политico-экономической деятельности государства» [6, с. 4], И. Е. Абрамова решает целый ряд крупных для политической науки и практики политico-административного управления проблем реализации аграрной политики государства того периода. В частности, формулируются выводы и предложения о необходимости большего использования научной компоненты, результатов научно-теоретических и практических разработок в практике реализации государственной аграрной политики. Сделаны предложения о необходимости разработки модели посткризисного развития АПК (мировой финансовый кризис 2008 года), концепции региональной аграрной политики, формиро-

вания многоуровневой модели аграрной политики и др. [6, с. 12–13]

И. Е. Абрамова в своем диссертационном исследовании обращает внимание на необходимость изменения принципов и механизмов формирования аграрной политики в целом и концепции аграрной политики в частности, подчеркивая, что «Концепции развития АПК как системы национального проектирования не имеется. И поэтому власть вынуждена решать фундаментальные вопросы российского будущего путем запоздалого реагирования на дисфункции политической системы» [6, с. 13].

Также немаловажно отметить, что И. Е. Абрамова опиралась в своем исследовании на работы многих российских ученых – представителей различных наук. Отдельным блоком соответствующие исследования, выполненные именно в рамках российской политической науки, не были выделены. Таким образом, исследование носит глубокий междисциплинарный и комплексно-научный характер.

Не освещая в рамках данной статьи более подробно основные положения докторской диссертации И. Е. Абрамовой, субъективно можем отметить, что, пожалуй, это первая такого уровня диссертация в политических науках, объектом исследования которой выступила государственная аграрная политика.

Государственная аграрная политика также выступила в качестве объекта диссертационного исследования уровня кандидатской диссертации по политическим наукам Т. В. Пономаренко [7, с. 8]. Ее предмет – вопросы и проблемы государственной политики по модернизации сельскохозяйственной отрасли России.

К сожалению, следует отметить, что данное диссертационное исследование также не содержит авторского определения категории «государственная аграрная политика», несмотря на то, что она выступила в качестве объекта исследования. Однако это важно с позиций развития

теории политической науки в части разработки категорий, операциональных определений и их структур для направления исследований по видам государственной политики.

Тем не менее положительно следует отметить глубокий анализ состояния проблем сельскохозяйственной отрасли производства в 2000-х гг. вплоть до 2011 г. и недостаточных мер государственного регулирования как основы эффективной аграрной политики в исследуемый период.

К сожалению, проведенный анализ не показал дальнейшего развития аграрных исследований в политической науке.

Сегодня лишь отдельные публикации посвящены теоретико-методологическим аспектам государственной аграрной политики [8; 9].

На порядок больше делается в этом направлении коллегами-учеными-экономистами, особенно учеными-аграриями. При этом, однако, необходимо также отметить, что исследований именно по государственной аграрной политике не так много. Все-таки, в первую очередь, это исследования экономики отраслей АПК [10; 11], управления АПК [2, с. 100-116; 13; 14; 15; 16], международных отношений и мирового опыта ведения сельского хозяйства [17, с. 36-46; 18, с. 21-27; 19, с. 28-33], цифровых трансформаций АПК [20, с. 124-127], влияние Covid-пандемии на аграрную политику [21, с. 96-105] и т. д.

Из последних актуальных публикаций можно назвать научную статью О. Г. Овчинникова (Центр аграрных проблем Института США и Канады РАН,

2021) «Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики: аграрная политика в России и США до пандемии», где автором представлены «универсальные принципы эффективной аграрной политики и степень их соблюдения в аграрной политике Правительства России» [22], направления аграрной политики и механизмы ее реализации в сравнительном с США аспекте.

Это также статья О. Г. Овчинникова «Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики» [23], в которой автор детально характеризует аграрную политику Российской Федерации до 2020 г.

Выводы

Исходя из проведенного политологического анализа массива исследований аграрной политики в рамках политической науки, можно сделать вывод о том, что вопросы операционального определения категории и структуры категории «государственная аграрная политика» в современной политической науке не завершены.

Политологические аграрные исследования, научные политологические исследования вопросов и проблем формирования и реализации государственной аграрной политики до сих пор не носят комплексный и системный характер. Научных политологических школ и центров исследований аграрной политики государства, к сожалению, не сформировалось.

Список литературы

1. Бакушев В. В. Политика аграрного реформирования в России: генезис, кризисы, ориентиры: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 1995. 63 с.
2. Бакушев В. В. Крестьянское хозяйство России: становление: (статус, организация, характер хозяйствования) / Консалтинг сервис, Нижегородский филиал СП «Амсовинвест», «Интехинвест». Н. Новгород: [б. и.], 1991.
3. Бакушев В. В. Аграреформирование-95?!: оценки экспертов, авторские предложения для корректива. М.: [б. и.], 1995. 33 с.

4. Бакушев В. В., Зейналов И. М. Не упустить шанс муниципалитетов при интеграции аграрного производства в Евразийском экономическом союзе // Право и государство: теория и практика. 2015. № 5. С. 127–129.
5. Мюрберг И. И. Аграрная сфера и политика трансформации. М.: Институт философии РАН, 2006. 176 с.
6. Абрамова И. Е. Механизмы функционирования и реализации государственной аграрной политики в условиях модернизации: политологический анализ: автореф. дис. ... докт. полит. наук. Ростов н/Д, 2009. 54 с.
7. Пономаренко Т. В. Государственная политика по модернизации сельскохозяйственной отрасли современной России: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2011. 30 с.
8. Устинович Е.С. Вопросы операционального определения категории «государственная региональная экономическая политика» и «региональная экономическая политика» в современной политической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 63–69.
9. Устинович Е. С. Вопросы структуры категории «региональная экономическая политика» в современной политической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 123–128.
10. Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России / Е. В. Соловьева, А. С. Наумов, Р. Г. Янбых, Н. В. Орлова, С. Н. Абдолова // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 6. С. 10–16.
11. Харченко Е. В., Петрова С. Н., Зюкин Д. А. Оценка динамики развития сельскохозяйственного производства в регионах России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 6. С. 84–88.
12. Аллатов А. В., Семкин А. Г. Развитие стратегических направлений оптимизации систем управления в сельском хозяйстве геостратегических территорий России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 7. С. 100–116. <https://doi.org/10.33938/217-100>.
13. Волков С. Н., Хлыстун В. Н., Фомин А. А. К 30-летию начала в России современной аграрной реформы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 6. С. 4–8.
14. Устинович Е. С. Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 1. С. 55–63.
15. Устинович Е. С., Куликов М. В. Политико-административные и экономико-правовые проблемы развития предпринимательства в регионах России (опыт Курской области) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 1. С. 132–140.
16. Устинович Е. С., Бочанов М. А. Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 1. С. 55–62.
17. Прохоренко О. С. Особенности государственной поддержки малого бизнеса в аграрной сфере Европейского Союза // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 8. С. 36–46. <https://doi.org/10.33938/218-36>.
18. Ставцев А. Н., Аллатов А. В., Осипов А. Н. Перспективы реализации экспортного потенциала АПК России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 9. С. 21–27. <https://doi.org/10.33938/219-21>.
19. Шиловская С. А. Анализ реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК» в рамках национального проекта (программы) «Международная кооперация и эксп

порт» // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 9. С. 28–33. <https://doi.org/10.33938/219-28>.

20. Великанова Л. О., Филиппов А. Н. Особенности формирования новой реальности цифровых технологий на предприятиях российского агропромышленного комплекса // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 7. С. 124–127. <https://doi.org/10.33938/217-124>.

21. Измайлова М. А., Хашир А. А., Брагинец Ю. Н. Влияние пандемии Covid – 19 на прогнозы развития сельского хозяйства // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 5. С. 96–105. <https://doi.org/10.33938/215-96>.

22. Овчинников О. Г. Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики: аграрная политика в России и США до пандемии // США & Канада: Экономика – Политика – Культура. 2021. Вып. № 10. С. 43–62. <https://doi.org/10.31857/S268667300016897-6>.

23. Овчинников О. Г. Современные тенденции развития аграрного сектора и аграрной политики // США & Канада: Экономика – Политика – Культура. 2021. Вып. № 9. С. 5–30. <https://doi.org/10.31857/S268667300016430-3>.

References

1. Bakushev V. V. Politika agrarnogo reformirovaniya v Rossii: genezis, krizisy, orientiry. Avtoref. diss. dokt. polit. nauk [The policy of agrarian reform in Russia: genesis, crises, landmarks. Dr. polit. sci. abstract diss.]. Moscow, 1995. 63 p.
2. Bakushev V. V. Krest'yanskoe hozyajstvo Rossii: stanovlenie: (status, organizaciya, harakter hozyajstvovaniya) [Peasant economy of Russia: formation: (status, organization, nature of management)]. Nizhnii Novgorod, 1991.
3. Bakushev V. V. Agroreformirovanie-95?!: ocenki ekspertov, avtorskie predlozheniya dlya korrektiv [Agro-reformation-95?!: expert assessments, author's suggestions for adjustments]. Moscow, 1995. 33 p.
4. Bakushev V. V., Zejnalov I. M. Ne upustit' shans municipalitetov pri integraciya agrarnogo proizvodstva v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze [Do not miss the chance of municipalities in the integration of agricultural production in the Eurasian Economic Union]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: theory and practice*, 2015, no. 5, pp. 127–129.
5. Myurberg I. I. Agrarnaya sfera i politika transformacii [Agrarian sphere and transformation policy]. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 2006. 176 p.
6. Abramova I. E. Mekhanizmy funkcionirovaniya i realizacii gosudarstvennoj agrarnoj politiki v usloviyah modernizacii: politologicheskij analiz. Avtoref. diss. dokt. polit. nauk [Mechanisms of functioning and implementation of the state agrarian policy in the conditions of modernization: political analysis. Dr. polit. sci. abstract diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 54 p.
7. Ponomarenko T. V. Gosudarstvennaya politika po modernizacii sel'skohozyajstvennoj otрасli sovremennoj Rossii: politologicheskij analiz. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [State policy on the modernization of the agricultural sector of modern Russia: a political analysis. Cand. polit. sci. abstract diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 30 p.
8. Ustinovich E. S. Voprosy operaciona'nogo opredeleniya kategorii "gosudarstvennaya regional'naya ekonomiceskaya politika" i "Regional'naya ekonomiceskaya politika" v sovremennoj politicheskoj nauke [Issues of operational definition of the category "State regional economic Policy" and "Regional economic Policy" in modern political science]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 63–69.

9. Ustinovich E. S. Voprosy struktury kategorii "regional'naya ekonomiceskaya politika" v sovremennoj politicheskoy nauke. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 123–128.
10. Serova E. V., Naumov A. S., Yanbyh R. G., Orlova N. V., Abdolova S. N. Problemy sel'skogo razvitiya i novye podhody k ik resheniyu v Rossii [Questions of the structure of the category "Regional economic policy" in modern political science]. *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal = International Agricultural Journal*, 2021, no. 6, pp. 10–16.
11. Harchenko E. V., Petrova S. N., Zyukin D. A. Ocenka dinamiki razvitiya sel'skohozyajstvennogo proizvodstva v regionah Rossii [Assessment of the dynamics of development of agricultural production in the regions of Russia]. *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal = International Agricultural Journal*, 2021, no. 6, pp. 84–88.
12. Alpatov A. V., Semkin A. G. Razvitiye strategicheskikh napravlenij optimizacii sistem upravleniya v sel'skom hozyajstve geostrategicheskikh territorij Rossii [Development of strategic directions of optimization of management systems in agriculture of geostrategic territories of Russia]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozyajstve = Economics, labor, management in agriculture*, 2021, no. 7, pp. 100–116. <https://doi.org/10.33938/217-100>.
13. Volkov S. N., Hlystun V. N., Fomin A. A. K 30-letiyu nachala v Rossii sovremennoj agrarnoj reformy [To the 30th anniversary of the beginning of modern agrarian reform in Russia]. *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal = International Agricultural Journal*, 2021, no. 6, pp. 4–8.
14. Ustinovich E. S. Politiko-ekonomicheskie bar'ery razrabotki gosudarstvennoj politiki po sozdaniyu institutov regional'nogo razvitiya [Political and economic barriers to the development of state policy on the creation of regional development institutions]. *Problemy postsovetskogo prostranstva = Problems of the post-Soviet space*, 2020, no. 1, pp. 55–63.
15. Ustinovich E. S., Kulikov M. V. Politiko-administrativnye i ekonomiko-pravovye problemy razvitiya predprinimatel'stva v regionah Rossii (opyt Kurskoj oblasti) [Political-administrative and economic-legal problems of entrepreneurship development in the regions of Russia (experience of the Kursk region)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional problems of economic transformation*, 2020, no. 1, pp. 132–140.
16. Ustinovich E. S., Bochanov M. A. Politiko-ekonomicheskie bar'ery razrabotki gosudarstvennoj politiki po sozdaniyu institutov regional'nogo razvitiya [Political and economic barriers to the development of state policy on the creation of regional development institutions]. *Problemy postsovetskogo prostranstva = Problems of the post-Soviet space*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 55–62.
17. Prohorenko O. S. Osobennosti gosudarstvennoj podderzhki malogo biznesa v agrarnoj sfere Evropejskogo Soyuza [Features of state support for small businesses in the agricultural sector of the European Union]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozyajstve = Economics, labor, management in agriculture*, 2021, no. 8, pp. 36–46. <https://doi.org/10.33938/218-36>.
18. Stavcev A. N., Alpatov A. V., Osipov A. N. Perspektivy realizacii eksportnogo potenciala APK Rossii [Prospects for the realization of the export potential of the agro-industrial complex of Russia]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozyajstve = Economics, labor, management in agriculture*, 2021, no. 9, pp. 21–27. <https://doi.org/10.33938/219-21>.
19. Shilovskaya S. A. Analiz realizacii federal'nogo proekta "Eksport produkcií APK" v ramkah nacional'nogo proekta (programmy) "Mezhdunarodnaya kooperaciya i eksport" [Analysis of the implementation of the federal project "Export of agricultural products" within the framework of the national project (program) "International cooperation and export"]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozyajstve = Economics, labor, management in agriculture*, 2021, no. 9, pp. 28–33. <https://doi.org/10.33938/219-28>.

20. Velikanova L. O., Philippov A. N. Osobennosti formirovaniya novoj real'nosti cifrovych tekhnologij na predpriyatiyah rossijskogo agropromyshlennogo kompleksa [Features of the formation of a new reality of digital technologies at the enterprises of the Russian agro-industrial complex]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozyajstve = Economics, labor, management in agriculture*, 2021, no. 7, pp. 124–127. <https://doi.org/10.33938/217-124>.
21. Izmajlova M. A., Hashir A. A., Braginec Yu. N. Vliyanie pandemii Covid – 19 na prognozy razvitiya sel'skogo hozyajstva [The impact of the Covid - 19 pandemic on agricultural development forecasts]. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozyajstve = Economics, labor, management in agriculture*, 2021, no. 5, pp. 96–105. <https://doi.org/10.33938/215-96>.
22. Ovchinnikov O. G. Sovremennye tendencii razvitiya agrarnogo sektora i agrarnoj politiki: agrarnaya politika v Rossii i SSHA do pandemii [Modern trends in the development of the agricultural sector and agricultural policy: agricultural policy in Russia and the USA before the pandemic]. *SSHA & Kanada: Ekonomika – Politika – Kul'tura = USA & Canada: Economics - Politics - Culture*, 2021, is. 10, pp. 43–62. <https://doi.org/10.31857/S268667300016897-6>.
23. Ovchinnikov O. G. Sovremennye tendencii razvitiya agrarnogo sektora i agrarnoj politiki [Modern trends in the development of the agricultural sector and agricultural policy]. *SSHA & Kanada: Ekonomika – Politika – Kul'tura. – 2021 = USA & Canada: Economics – Politics – Culture. – 2021*, is 9, pp. 5–30. <https://doi.org/10.31857/S268667300016430-3>.

Информация об авторе / Information about the Author

Устинович Елена Степановна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, управления и гуманитарных наук, Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И. И. Иванова; руководитель Курского отделения Национального союза политологов, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lenausti@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics, Management and Humanities, Kursk State Agricultural Academy named after Professor I. I. Ivanova; Head of the Kursk branch of the National Union of Political Scientists, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lenausti@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-162-173>

Трансформация политической системы в Афганистане: проблемы формирования «инклюзивного правительства»

Е. Н. Малик¹

¹Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
ул. Приборостроительная 35, г. Орёл 302015, Российская Федерация

e-mail: malik57-elena@mail.ru

Резюме

Актуальность. Приход к власти запрещенного в Российской Федерации исламистского радикального движения «Талибан» в Афганистане в августе 2021 года стал серьезным поводом для обсуждения мировым сообществом проблем формирования в стране «инклюзивного правительства». Трансформация политического режима обуславливает решение весьма непростых задач для политических лидеров Афганистана: во-первых, сформировать национальное правительство в стране; во-вторых, разработать действенные механизмы управления современной финансово-экономической политикой и т.д. Данная проблема является актуальной в связи с тем, что решение афганского вопроса затрагивает национальную безопасность как стран Центральной Азии, так и России.

Цель исследования состоит в комплексном анализе факторов, которые послужили становлению и развитию движения «Талибан» на территории Афганистана, а также выявлении актуальных проблем формирования в стране «инклюзивного правительства».

Задачами исследования стали: обоснование условий смены власти в Афганистане и выявление идеологических противоречий у этнополитических сил страны; анализ geopolитических интересов ведущих стран мира, а также Евросоюза по поводу смены правительства в Афганистане и установления власти движения «Талибан»; определение эффективных условий обеспечения международной безопасности в решении афганского вопроса, как на международном, так и на региональном уровне.

Методология. Исследование проводилось с опорой на общенаучные и прикладные методы научного познания, в том числе структурно-функциональный и сравнительный методы, системный анализ.

Результаты. Наиболее важные аспекты, раскрывающие структурно-функциональную характеристику высшей власти, созданной талибами в провозглашенном ими Исламском эмирате Афганистан, указывает на ее теократические основы. Афганский вопрос необходимо решать как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Выводы. Оценка geopolитических интересов мировых игроков по поводу смены правительства в Афганистане показала, что в целом международные акторы готовы к диалогу с талибами по вопросам международного признания и легитимности общенационального афганского правительства.

Ключевые слова: политическая элита; международные отношения; политическая власть; Афганистан; талибы; радикализм; исламизм; Евросоюз; национальная безопасность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Малик Е. Н. Трансформация политической системы в Афганистане: проблемы формирования «инклюзивного правительства» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 162–173. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-162-173>.

Поступила в редакцию 22.12.2021

Принята к публикации 20.01.2022

Опубликована 28.02.2022

Transforming the Political System in Afghanistan: the Challenge of Forming an "Inclusive Government"

Elena N. Malik¹

¹ Academy of Federal Security Guard Service of the Russian Federation
35 Priborostroitel'naya str., Orel 302015, Russian Federation

 e-mail: malik57-elena@mail.ru

Abstract

Relevance. The coming to power of the Islamic radical Taliban movement banned in the Russian Federation in Afghanistan in August 2021 was a serious reason for the world community to discuss the problems of forming an "inclusive government" in the country. The transformation of the political regime entails very difficult tasks for the political leaders of Afghanistan: firstly, to form a national government in the country; secondly, to develop effective mechanisms for the management of modern finance and the economy etc. This problem is urgent due to the fact that the solution of the Afghan issue affects the national security of both the countries of Central Asia and Russia.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the objective and subjective factors of the transformation of the political regime in Afghanistan, as well as the identification of pressing problems of the formation of an "inclusive government" in the country.

The objectives of the study were: substantiation of the conditions for the change of power in Afghanistan and the identification of ideological contradictions among the ethno political forces of the country; analysis of geopolitical interests of leading countries of the world, as well as the European Union, regarding the change of government in Afghanistan and the establishment of the authority of the Taliban movement; Identifying effective conditions for international security in addressing the Afghan issue, both at the international and regional levels.

Methodology. The study was conducted based on general scientific and applied methods of scientific knowledge, including structural-functional and comparative methods, systemic analysis.

Results. The most important aspects that reveal the structural and functional characteristics of the highest authority created by the Taliban in the Islamic Emirate of Afghanistan, proclaimed by them, indicate its theocratic foundations. The Afghan issue needs to be addressed at both the regional and global levels.

Conclusions. An assessment of the geopolitical interests of world players regarding the change of government in Afghanistan showed that, in general, international actors are ready for dialogue with the Taliban on issues of international recognition and legitimacy of the national Afghan government.

Keywords: political elite; international relations; political power; Afghanistan; Taliban; radicalism; Islamism; European Union; national security.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Malik E. N. Transforming the Political System in Afghanistan: the Challenge of Forming an "Inclusive Government". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Серия: История и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 162–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-162-173>.

Received 22.12.2021

Accepted 20.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Уникальность ситуации в Афганистане заключается в том, что его политическая система открыта внешнему воздействию в силу как внешних, так и внутренних причин. К внешним причинам относятся прямое вмешательство международного сообщества и процессы глобализации и демократизации, а к внутренним – приход в правительство людей, долгое время

живших на Западе. Политическая элита Афганистана испытывает давление со стороны как других государств, так и вооруженной оппозиции [1].

Непростая история мусульманского мира указывает на влияние реформаторских движений не только изменять социальный уклад и политическую жизнь мусульман, но и основы исламской веры. Сегодня очевидна определенная взаимо-

связь между ростом исламского фундаментализма и особенностями государственного устройства. В августе 2021 г. в Афганистане произошла смена власти. Это совпало с выводом войск США из Афганистана. «Афганистан выступает одной из первых стран, где власть принадлежала представителям "воинствующего" ислама, представленного движением "Талибан"» [2; 3]. В данной ситуации очень важна позиция «больших» стран, т. к. талибовский режим может представлять угрозу не только населению Афганистана, но и другим субъектам международных отношений.

Долгие века Афганистан, находясь на перепутье между Востоком и Западом, имеет стратегическое положение в центре Евразии. Данные обстоятельства обусловливают стремление многих держав оказывать геополитическое влияние на Афганистан. В начале XX в. с целью контроля над Афганистаном «Большую игру» вели Российская и Британская империи. После череды англо-афганских войн Эмирят Афганистан провозгласил свою полную независимость от Великобритании и стал суверенным государством. В 1929 г. Эмирят был упразднен и провозглашено Королевство Афганистан во главе с Мухаммедом Надир-шахом. С 1933 г. его сын, король Мухаммед Захиршах проводит в стране политику модернизации, заботясь о процветании нации [4]. С 1970 г. Афганистан захлестнули конфликты, основанные на революционной почве смены политического режима. 17 июля 1973 г. в Афганистане произошел государственный переворот, при котором кузен короля Мухаммед Дауд провозгласил Афганистан республикой, а себя – ее президентом.

Спустя пять лет, 27 апреля 1978 г., в Кабуле произошел новый переворот. Власть захватила прокоммунистическая Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) [4, с. 84]. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. оказал непосредственное влияние на развитие конфликта. «Событие окончательно убе-

дило тысячи жителей страны, что идет не просто антиправительственный мятеж, а *джихад*, священная война против безбожников. В условиях неграмотности и религиозного сознания у подавляющего большинства афганцев ислам стал идеологией сопротивления кабульскому правительству и его советским союзникам» [6].

Методология

Проведенное исследование основано на принципах системности и логики научного знания, что позволило провести достаточно глубокий анализ различных информационных источников и фактического материала с целью выявления объективных и субъективных факторов трансформации политического режима в Афганистане, а также определения актуальных проблем формирования в стране «инклюзивного правительства».

Исследование проводилось с опорой на общенаучные и прикладные методы научного познания, в том числе структурно-функциональный и сравнительный методы, системный анализ, а также посредством интерпретации конкретных исторических аспектов смены политического режима в Афганистане с начала XX в.

Источниковая база строилась с учетом научных работ, посвященных анализу сущности экстремистских исламистских организаций, их генезиса, а также рассмотрению тех факторов, которые послужили становлению и развитию движения «Талибан» на территории Афганистана.

Результаты и их обсуждение

Первые организационные действия по созданию движения «Талибан» относятся ко второй половине 80-х годов XX века, когда появилась перспектива вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана. После ухода советских войск в 1989 г. единое государство в Афганистане практически

перестало существовать, череда междоусобиц боевиков в борьбе за власть лишь накаляла ситуацию, страна была совершенно в безвыходном положении. На севере страны повстанцы создали «Северный союз» и 16 апреля 1992 г. отряды моджахедов вошли в Кабул. «Прежняя Республика Афганистан пала, вместо нее победители провозгласили новое Исламское государство Афганистан, которое международное сообщество сразу признало легитимной властью» [7, с. 50].

На деле в 1992 г. война в Афганистане не закончилась, на территории страны зреали идеологические распри противоборствующих группировок. На юге активно набирало силу движение «Талибан». Его основал мулла Мухаммед Омар, ставший ветераном военных действий против НДПА и СССР. Большинство талибов по национальности пуштуны, которые объявили себя защитниками интересов афганского народа и стремились создать в Афганистане исламское государство, основанное на законах Шариата. Как писал А. Д. Давыдов: «”Талибан” стал наследником деобандизма – возникшего в 19 в. среди индийских мусульман радикального учения, близкого к саудовскому ваххабизму» [8, с. 68].

Осенью 1994 г. «Талибан» начал развертывать активные действия на афганской территории. Весной 1995 г. «Талибан» осуществил захват западных афганских провинций и взял под свой контроль всю южную половину страны. Летом 1996 г. президент Исламского Государства Раббани и премьер-министр Хекматияр, ранее враги, договорились о сотрудничестве против общего противника. Победы «Талибана» не прекращались. 27 сентября 1996 г. войска муллы Омара взяли столицу Кабул. Боевики провели публичные казни президента Мухаммеда Наджибуллу и его соратников [9].

29 октября 1997 г. мулла Омар провозгласил подконтрольные территории Исламским эмиратом Афганистан. Однако мировое сообщество, за исключени-

ем Пакистана, ОАЭ и Саудовской Аравии, отказалось признавать легитимность власти и жестокую социальную политику талибов [9, с. 100–109].

К концу 1990-х гг. движение «Талибан» раскололось на две фракции: ортодоксы и технократы. Первая, во главе с муллой Омаром и его ближайшим окружением, разместилась в Кандагаре. Вторая, под управлением министра иностранных дел Вакиля Ахмада Мутаваккиля, перешла на более умеренные позиции и дислоцировалась в Кабуле.

Наш анализ показал, что в 1990-х гг. «Талибан» укрепил свои позиции в Афганистане среди других религиозно-политических сил, и движение добилось власти исходя из результатов нового витка гражданской войны. «Талибы не только не стали орудием возвращения бывшего монарха, но, наоборот, утвердив свою власть на большей части территории Афганистана, приступили к созданию собственной государственности» [11, с. 109].

Отметим, что «Талибан» систематически был в первых рядах по участию в международных скандалах. Талибовский режим, по сути, сделал из Афганистана тренировочный полигон для исламских фундаменталистов и убежище для экстремистов, что, безусловно, препятствовало развитию дипломатических отношений с другими странами. Так, руководство «Талибана» не выдало лидера ультрарадикальной организации «Аль-Каида»¹ Усаму бен Ладена, стоявшего за серией крупных международных терактов, в том числе в 2001 г. в Нью-Йорке. После этого США обвинили «Талибан» в размещении на территории Афганистана тренировочных баз террористического движения «Аль-Каида» и начали спецоперацию «Несокрушимая свобода» [12, с. 39–40].

Известно, что события 11 сентября 2001 г. послужили санкционированному

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

ООН вторжению американских и союзных войск на территорию Афганистана для борьбы с международным терроризмом. В 2001-2002 гг. при поддержке Северного альянса войска США разбили силы «Талибана», после чего движение перешло к тактике устрашающих насилие терактов. Основные силы ушли в горные районы Вазиристана, другие перешли к партизанской войне на территории Афганистана и Пакистана.

Как высказываются эксперты, «современные талибы дистанцируются от своих предшественников из 1990-х, которые установили в Афганистане одну из самых мрачных диктатур в истории 20 в.» [13, с. 107]. Современное правительство талибов заявляет об умеренности в выражении политических позиций, снижении фактора исламского радикализма и религиозной нетерпимости. «Талибан» заверяет мировую общественность, что они готовы принять меры, направленные на соблюдение прав человека, препятствовать наркотрафику, а также проводить политику по борьбе с терроризмом на территории Афганистана.

Стоит обратить внимание на тот факт, что несмотря на то, что «ИГ»¹ и «Талибан» в международном сообществе призваны террористическими организациями, между собой они враждуют. Конфликт начался еще в 2015 г., когда «афганская ячейка» ИГ посягнула на земли пуштунов. Богословы из движения «Талибан» сегодня выступают против законности существования «Исламского государства Хорасан» («Халифат Хорасан») и его идеологии. В основе этой оправданной борьбы лежит идеологическое и теократическое противоречие. «Халифат Хорасан», организация в большей степени, чем другие, «нацелена на проведение террористических актов. Активно ведет вербовочную деятельность. Организация специализируется на осуществлении атак на воздушные цели, что является акту-

альным для боевиков в условиях Афганистана» [14, с. 228].

В 2020 г. США и «Талибан» заключили соглашение: США должны вывести войска, а талибы не использовать Афганистан для подрыва безопасности в Америке. 1 мая 2021 г. США и НАТО начали официально выводить свои войска из Афганистана. Столица страны Кабул перешла в режим усиленной безопасности в ожидании реакции талибов на решение США вывести войска из Афганистана. Уже в августе боевики «Талибана» начали безжалостное наступление на столицу. После того, как президент Афганистана Ашраф Гани покинул страну, талибы подняли свой флаг над президентским дворцом [15].

Дипломатство США и ряда стран ЕС начали срочную эвакуацию сотрудников своих посольств в Афганистане в силу нарастающей угрозы их жизни.

Международная реакция на новое правительство Афганистана была весьма осторожной и неоднозначной. Страны западной коалиции оказались перед непростым выбором установления дипломатических отношений с властями Исламского эмирата Афганистан. Внешнеполитический истеблишмент настаивает на том «...чтобы афганская территория не использовалась для угроз или нападений на страны или для укрытия или обучения террористов, или для планирования или финансирования террористических актов...» [16, с. 94].

С самого начала захвата власти в Афганистане международное сообщество выражало беспокойство о том, что возможны нарушения прав человека режимом «Талибана». Через несколько дней после того, как талибы вновь пришли к власти, США заморозили финансовые резервы правительства Афганистана, хранящиеся на банковских счетах США. Президент США Джо Байден и правительство Белого дома решили «играть под вторым номером» и ждать конкретных действий от талибов, не принимая заранее поспешных решений. Как под-

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

черкнул советник по национальной безопасности Джейк Салливан: «Талибан должен продемонстрировать всему миру, кем они являются»¹.

В американском истеблишменте наблюдаются разные реакции на афганский вопрос. Джо Байден и правительство Белого дома решили занять выжидательную позицию. Одни политические силы поддерживают политику американского президента. «Администрация США под руководством Джо Байдена пересмотрит свое отношение к мирным переговорам по Афганистану», – говорится в заявлении спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси. Оппоненты же американского лидера обвиняют его за «неуклюжий» уход США из Афганистана, «включая эвакуацию американцев и уязвимых афганцев из Кабула»².

Белый дом по-прежнему не готов идти на уступки по вопросу будущих дипломатических отношений с талибами. Вашингтон заявил, что будет оценивать новое афганское правительство не по словам, а по делам и потребует от талибов выполнения данных ранее обещаний, главные из которых – соблюдение прав женщин, беспрепятственный выезд из Афганистана оставшихся там американцев и афганцев с необходимыми документами и пресечение на афганской территории террористической деятельности, угрожающей безопасности других стран. «Мир пристально наблюдает за происходящим», – говорится в заявлении Госде-

партамента³. Лидер демократического большинства в Палате представителей Стени Хойер выразил обеспокоенность по поводу безопасности афганских партнеров США, которые работали бок о бок с американскими войсками, а также американских дипломатов и специалистов по развитию.

Реакция Евросоюза более неопределенная, они не выбирают четкой позиции выстраивания отношений с Талибаном. ЕС признает необходимость вести диалог с новыми властями Афганистана. «Нам потребуется выстраивать диалог с властями, находящимися в Кабуле, кто бы они ни были. Талибы выиграли эту войну. Значит, мы должны говорить с ними», – заявил глава европейской дипломатии Жозеп Боррель. В целом западные лидеры готовы к диалогу с талибами и налаживанию с ними отношений. Однако Евросоюз дал четко понять: возобновление иностранной помощи в Афганистане состоится при соблюдении талибами основных прав человека и разрешении вопроса об эвакуации афганцев, сотрудничавших с Западом.

В последние месяцы Германия принимала участие в переговорах с новым Афганским правительством талибов и других религиозно-политических группировок. Берлин, обсуждая вопрос дипломатического представительства в Афганистане с мировым сообществом, подчеркивает важность международной интеграции. Глава МИД Германии Хайко Маас заявил, что «...столкнулись с серьезным гуманитарным кризисом, которого мы должны избегать. Поэтому мы должны оперативно оказывать гуманитарную помощь людям, прежде всего через ООН...»⁴.

¹ Нужно ли говорить с талибами? Реакция Запада на смену власти в Афганистане // RFI. 2021. 18 авг. URL: <https://www.rfi.fr/tu/в-мире/20210818-нужно-ли-говорить-с-талибами-реакция-запада-на-смену-власти-в-афганистане/> (дата обращения: 20.10.2021).

² События в Кабуле: реакция американских законодателей // Русская служба «Голоса Америки». 2021. 16 авг. URL: <https://www.golosameriki.com/a/us-afghanistan-law-makers-reaction/6003588.html> (дата обращения: 20.10.2021)

³ Афганистан: Запад недоволен новым правительством талибов, Гани отрицает, что бежал с деньгами // BBC News. 2021. 8 сент. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58481914> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴ Замарева Н. Исламский эмирят Афганистан: внутренние и внешние вызовы (2021 г.) //

В Великобритании на момент смены власти в августе 2021 г. правительство не было столь решительным в заявлениях. По словам главы британской дипломатии Доминика Рааба, его страна еще не готова к диалогу с талибами, но международные переговоры в Дохе все еще продолжаются, и нужно дождаться, какой состав правительства окончательно утвердится в Афганистане. В то же время он признает, что шансы талибов принять коалиционное правительство очень малы.

Позже премьер-министр Великобритании Борис Джонсон допустил возможность сотрудничества с новыми властями при соблюдении ими определенных условий. «Мы должны считаться с существующими реалиями, что в Афганистане произошла смена режима. Мы приняли решение о том, что признавать новые власти в Афганистане преждевременно. Мы будем судить об этом режиме, основываясь на его действиях, а не словах», — подчеркнул глава британского правительства¹.

После выхода США китайские компании добились успеха в горнодобывающей отрасли Афганистана, в частности на редкоземельные элементы, используемые в микрочипах и других передовых технологиях. Руководство КНР заявило, что «ожидают от радикального движения "Талибан" выполнения ранее взятых на себя обязательств по формированию "открытого и представляющего широкие силы нового правительства в Афганистане, которое дистанцируется от террористи-

ческих организаций»². Также дипведомство Китая выразило надежду на то, что талибы пойдут на создание широкой политической коалиции, способной управлять страной. Безусловно, у Китая есть существенные интересы в рамках реализации масштабного транспортного проекта «Один пояс, один путь».

Генсек ООН Антониу Гуттерриш призвал международную общественность выстраивать конструктивный диалог с движением «Талибан». ООН «...подтверждает важность защиты прав человека, призывает все стороны стремиться к инклюзивному политическому урегулированию путем переговоров; поддерживать и развивать достижения, которых афганский народ добился за последние двадцать лет; подтверждает необходимость приверженности верховенству закона и подчеркивает важность соблюдения всеми сторонами своих обязательств» [17].

Как было сказано, прежний талибовский режим, установившийся в Афганистане с 1996 по 2001 гг., официально признали лишь три соседних по региону государства: Пакистан, Саудовская Аравия и ОАЭ. На этот раз официальное признание власти «Талибана» любой страной мира имеет шансы на успех. Большинство стран осторожно воспринимают новую власть в Афганистане и напрямую заявляют, что готовы рассмотреть сотрудничество и будущий диалог между сторонами. Однако в отличие от западных стран Россия, Китай и Турция заявили, что не закроют свои посольства в Кабуле и готовы к диалогу с новым правительством.

Смена власти в Афганистане стала серьезным испытанием для ШОС с точки зрения обеспечения ключевых задач безопасности Организации. «Представители движения "Талибан" в значительной

Аналитика Российского Совета по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/natalia-zamaraeva/islamskiy-emirat-afganistan-vnutrennie-i-vneshnie-vyzovy-2021-g/> (дата обращения: 20.10.2021).

¹ Нужно ли говорить с талибами? Реакция Запада на смену власти в Афганистане // RFI. 2021. 18 авг. URL: <https://www.rfi.fr/ru/v-mire/20210818-nuzhno-li-govorit-s-talibami-reaktsiya-zapada-na-smenu-vlasti-v-afganistante> (дата обращения: 20.10.2021).

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 162–173

² Власти Китая рассказали об ожиданиях от «Талибана» // Lenta.Ru. 2021. 16 авг. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/16/unholyalliance/> (дата обращения: 20.10.2021).

степени усилили свое влияние в местах компактного проживания таджикских и узбекских диаспор в северных провинциях Афганистана, приграничных с Таджикистаном» [18, с. 135]. Все соседние с Афганистаном страны, за исключением Туркменистана, являются членами ШОС, что делает организацию непосредственно вовлеченной в решение афганского вопроса и обостряет проблемы неконтролируемого наркотрафика, потока беженцев, распространения радикального исламизма и сепаратистских движений на приграничных территориях государств-членов ШОС.

Безусловно, события в Афганистане затрагивают национальную безопасность Российской Федерации, усиливают напряженность на таджикско-афганской границе и т.д. Реализация талибами «проекта по объединению Центрально-азиатского региона под знаменем радикального ислама, поиск союзников сделает Центральную Азию зоной нестабильности, распространения религиознополитического экстремизма, терроризма, напрямую угрожающей пограничным районам Российской Федерации» [19, с. 114]. К тому же растет экономическая нагрузка на российский бюджет из-за дополнительных расходов на поставку вооружения и укрепление военных баз в Таджикистане и Киргизии, совместные военные учения со странами Центральной Азии, в том числе в рамках ОДКБ, вблизи границ с Афганистаном.

В свою очередь, МИД России координирует свои действия с важными региональными игроками: Китаем, Ираном, Пакистаном и Индией. Больше всего Россию беспокоит то, что Афганистан может стать убежищем для джихадистов из кавказского региона, особенно тех, кто связан с ИГИЛ. Мы разделяем мнение российских ученых Е. С. Устинович и Д. Л. Цыбакова, что «в настоящее время Россия пересматривает подходы к выработке приоритетов в защите интересов личности, общества и государства, что требует принципиальной модернизации концеп-

туальных основ политики в различных сферах и секторах национальной безопасности» [20, с. 142]. Основными положениями российской политики в данном направлении являются дипломатическая работа по нормализации отношений с Афганистаном и помочь странам Центральной Азии в поддержании безопасности в регионе.

Безусловно, что сегодня преимущество в афганском вопросе принадлежит Российской Федерации. Правительство США после вывода войск из Афганистана потеряло рычаги влияния на сложившуюся обстановку. Так, 20 октября 2021 г. в Москве (так называемый «московский формат») состоялась встреча по решению афганского вопроса российской стороны и афганских лидеров «совместно с официальными представителями Индии, Ирана, Казахстана, Киргизии, Китая, Пакистана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана без участия американских государственных чиновников»¹. На переговорах афганские власти обсудили предоставление экономической и политической поддержки для Афганистана, а также признание страны на международном уровне.

Страны-участницы призвали руководство Афганистана предпринять дальнейшие шаги по совершенствованию государственного управления. Важность создания инклюзивного афганского правительства, отражающего интересы всех этнополитических сил в стране, была подчеркнута как ключевой шаг в продвижении национального примирения между афганцами. В этой связи стороны предложили выступить с коллективной инициативой по скорейшему созыву международной представительной конференции доноров под эгидой Организации Объединенных Наций при том понимании, конечно, что основное бремя экономического и финансового восстанов-

¹ В Москве начались консультации московского формата по Афганистану // ТАСС. 2021. 20 окт. URL: www.tass.ru/politika/12710145 (дата обращения: 21.10.2021).

ления и постконфликтное развитие Афганистана должно опираться на силы, которые присутствовали в стране в течение последних 20 лет.

Также в ходе встречи обсуждались перспективы развития военно-политической ситуации в Афганистане.

В условиях столкновения национальных интересов государств в вопросе разрешения афганского кризиса ШОС, как крупнейшему объединению в регионе и гаранту международной и региональной безопасности, предстоит выработать комплекс мер по предотвращению гуманитарной катастрофы в Афганистане, распространению экстремистских, сепаратистских и террористических движений, прежде всего в рамках контактной группы «ШОС-Афганистан» и Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС.

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что Исламский эмир Афганистан, который

существовал в 1996–2001 гг., с точки зрения талибов, не прекращал своего существования, а находился под воздействием внешней агрессии на протяжении последних 20 лет. Талибы понимают свой приход к власти как продолжение Исламского эмирата.

Наш анализ показал, что афганский вопрос необходимо решать как на региональном, так и на глобальном уровнях. Вовлечение соседних стран является неизбежным при решении афганского вопроса.

В рамках «московского формата» в октябре 2021 г. на прямой встрече дипломатов из десяти стран с движением «Талибан» высокопоставленные лица Афганистана заявили, что в перспективе они назначат постоянное руководство. Это станет основополагающим условием завершения процесса национального примирения в Афганистане, иначе талибовский режим не получит международного признания и легитимность.

Список литературы

1. Виташов Д. С. Особенности государства и права Афганистана при режиме движения «Талибан» (1996–2001 гг.) // Международное публичное и частное право. 2005. № 5. С. 57–64.
2. Плешов О. В. Движение «Талибан»: истоки фундаментализма // Афганистан: война и проблемы мира. М.: ИВ РАН, 2008. 195 с.
3. Шохуморов С. Афганские талибы и Пакистан: от союза к разногласиям? // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / под ред. А. Малашенко и М. Олкотт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. 264 с.
4. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М.: Крафт+, 2004. 529 с.
5. Коргун В. Г. Ислам и государственная власть в Афганистане // Афганистан: проблемы войны и мира. Вып. 3. М.: ИИИ и БВ, ИВ РАН, 2018. 204 с.
6. Красинский В. В., Машко В. В. Кто есть кто в международном терроризме: справ. М.: ИНФРА-М, 2019. 128 с.
7. Белокреницкий В. Я. Пуштуны Афганистана и Пакистана: демографическая динамика и политическая роль. М.: ИИИ и БВ, ИВ РАН, 2012. 231 с.
8. Давыдов А. Д. Режим талибов: жесткая исламизация // Афганистан: проблемы войны и мира. М.: ИИИ и БВ, ИВ РАН, 1996. 207 с.
9. Босин Ю. В. Афганистан: полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Гуманитарий, 2002. 232 с.

10. Москаленко В. Н. Афганистан и Пакистан // Афганистан: война и проблемы мира. М.: ИВ РАН, 1998. 277 с.
11. Сикоев Р. Исламский Эмират Афганистан: тоталитарный режим рубежа XXI века // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 107–115.
12. Пластун В., Адрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках geopolитики. М.: Рус. биогр. ин-т: Сократ, 2018. 116 с.
13. Бирюков С. В., Пономаренко Б. Т. Эволюция радикального исламистского движения «Талибан»: от основания до наших дней // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 12 (150). С. 106–110.
14. Моисеев С. В. «Талибан» и «Халифат Хорасан»: террористические группировки в современном Афганистане // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21-1. С. 227–228.
15. Шафак М. Перспективы Афганистана в связи с соглашением правительства США и движения Талибан // Вестник Бишкекского государственного университета. 2021. № 1 (55). С. 37–42.
16. Добаев И. Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 91–97.
17. Кортунов А. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия // Аналитический доклад РСМД. 2021. № 10. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/reshenie-problemy-afganistana-neobkhodimye-usloviya-i> (дата обращения: 21.10.2021).
18. Шедий М. В., Малик Е. Н. Международный терроризм в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 130–144.
19. Арчаков М. К. Движение «Талибан» и Накшбандийский тарикат: новые угрозы для Центральной Азии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 4 (28). С. 111–115.
20. Устинович Е. С., Цыбаков Д. Л. Доктринальное обеспечение государственной политики национальной безопасности России в контексте конституционной реформы 2020 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 4. С. 142–151.

References

1. Vitashov D. S. Osobennosti gosudarstva i prava Afganistana pri rezhime dvizheniya "Taliban" (1996–2001 gg.) [Features of the State and law of Afghanistan under the regime of the Taliban movement (1996–2001)]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and Private law*, 2005, no. 5, pp. 57–64.
2. Pleshov O. V. Dvizhenie "Taliban": istoki fundamentalizma [The Taliban Movement: the Origins of Fundamentalism]. Afganistan: vojna i problemy mira [Afghanistan: War and Peace Problems]. Moscow, IV RAN Publ., 2008. 195 p.
3. Shohumorov S. Afganskie taliby i Pakistan: ot soyuza k raznoglasiyam? [The Afghan Taliban and Pakistan: from alliance to disagreement?]. Islam na postsovetskom prostranstve: vzglyad iznutri; ed. by A. Malashenko i M. Olcott [Islam in the post-Soviet Space: an Inside View]; ed. by A. Malashenko and M. Olcott. Moscow, Art-Biznes-Centr Publ., 2001. 264 p.
4. Korgun V. G. Istoriya Afganistana. XX vek [The history of Afghanistan. XX century]. Moscow, Kraft+ Publ., 2004. 529 p.

5. Korgun V. G. Islam i gosudarstvennaya vlast' v Afganistane [Islam and State Power in Afghanistan]. Afganistan: problemy vojny i mira [Afghanistan: Problems of War and Peace]. Is. 3. Moscow, III i BV, IV RAN Publ., 2018. 204 p.
6. Krasinskij V. V., Mashko V. V. Kto est' kto v mezhdunarodnom terrorizme [Who is who in international terrorism]. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 128 p.
7. Belokrenickij V. Ya. Pushtuny Afganistana i Pakistana: demograficheskaya dinamika i politicheskaya rol' [Pashtuns of Afghanistan and Pakistan: demographic dynamics and political role]. Moscow, III i BV, IV RAN Publ., 2012. 231 p.
8. Davydov A. D. Rezhim talibov: zhetskaya islamizaciya [Taliban regime: Hard Islamization]. Afganistan: problemy vojny i mira [Afghanistan: War and Peace Problems]. Moscow, III i BV, IV RAN Publ., 1996. 207 p.
9. Bosin Yu. V. Afganistan: polietnicheskoe obshchestvo i gosudarstvennaya vlast' v istoricheskem kontekste [Afghanistan: Multiethnic Society and State Power in a historical context]. Moscow, Gumanitarij Publ., 2002. 232 p.
10. Moskalenko V. N. Afganistan i Pakistan [Afghanistan and Pakistan]. Afganistan: problemy vojna i mira [Afghanistan: War and Peace problems]. Moscow, IV RAN Publ., 1998. 277 p.
11. Sikoev R. Islamskij Emirat Afganistan: totalitarnyj rezhim rubezha XXI veka [The Islamic Emirate of Afghanistan: the totalitarian regime of the turn of the XXI century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = *Social Sciences and Modernity*, 2013, no. 4, pp. 107–115.
12. Plastun V., Adrianov V. Nadzhibulla. Afganistan v tiskah geopolitiki [Afghanistan in the grip of geopolitics]. Moscow, Rus. biogr. in-t Publ., Sokrat Publ., 2018. 116 p.
13. Biryukov S. V., Ponomarenko B. T. Evolyuciya radikal'nogo islamistskogo dvizheniya "Taliban": ot osnovaniya do nashih dnej [The evolution of the radical Islamist Taliban movement: from its foundation to the present day]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura* = *Etnosocium and interethnic culture*, 2020, no. 12 (150), pp. 106–110.
14. Moiseev S. V. "Taliban" i "Halifat Horasan": terroristicheskie gruppirovki v sovremennom Afganistane ["Taliban" and "Khorasan Caliphate": terrorist groups in modern Afghanistan]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* = *Actual problems of combating crimes and other violations*, 2021, no. 21-1, pp. 227–228.
15. Shafak M. Perspektivy Afganistana v svyazi s soglasheniem pravitel'stva SSHA i dvizheniya Taliban [Afghanistan's prospects in connection with the agreement between the US government and the Taliban]. *Vestnik Bishkekskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Bishkek State University*, 2021, no. 1 (55), pp. 37–42.
16. Dobaev I. Nepravitel'stvennye religiozno-politicheskie organizacii islamskogo mira [Non-governmental religious and political organizations of the Islamic world]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = *World Economy and International Relations*, 2002, no. 4, pp. 91–97.
17. Kortunov A. Reshenie problemy Afganistana: neobhodimye usloviya i mezhdunarodnye posledstviya [Solving the problem of Afghanistan: the necessary conditions and international consequences]. *Analiticheskij doklad RSMD* = *INF Analytical Report*, 2021, no. 10. Available at: <https://russian-council.ru/activity/publications/reshenie-problemy-afganistana-neobkhodimye-usloviya-1>. (accessed 21.10.2021)
18. Shedij M. V., Malik E. N. Mezhdunarodnyj terrorizm v kontekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [International terrorism in the context of ensuring the national security of the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo*

universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 130–144.

19. Archakov M. K. Dvizhenie "Taliban" i Nakshbandijskij tarikat: novye ugrozy dlya Central'noj Azii [The Taliban movement and the Naqshbandi Tariqa: New threats to Central Asia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 2020, vol. 7, no. 4 (28), pp. 111–115.

20. Ustinovich E. S., Cybakov D. L. Doktrinal'noe obespechenie gosudarstvennoj politiki nacional'noj bezopasnosti Rossii v kontekste konstitucionnoj reformy 2020 goda [Doctrinal support of the state policy of national security of Russia in the context of the constitutional reform of 2020]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 142–151.

Информация об авторе / Information about the Author

Малик Елена Николаевна, кандидат политических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орёл, Российская Федерация, e-mail: malik57-elena@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9849-3581

Elena N. Malik, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Employee of Academy of Federal Security Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russian Federation, e-mail: malik57-elena@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9849-3581

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-174-183>

Политика Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта через призму ее национальных интересов и стратегии развития

М. В. Шедий¹

¹Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации
ул. Приборостроительная 35, г. Орел 302015, Российская Федерация

e-mail: m_v_shedij@mail.ru

Резюме

Актуальность. В политической науке постепенно набирает обороты новый предмет научных исследований – государственная политика развития искусственного интеллекта. Отправной точкой для них стало закрепление в Российской Федерации Указом Президента России Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Однако данные исследования носят пока достаточно разрозненный и единичный характер.

Между тем фактор стремительности развития современных ИКТ, цифровых и мобильных технологий, широко используемых в информационной сфере государства и общества, накладывает на политологическое сообщество определенную ответственность на мобильность оценки, включая в том числе прогнозную оценку состояния политики России в области развития искусственного интеллекта. Несомненную ценность приобретают также и сравнительные политологические исследования, связанные с исследованием опыта передовых в цифровом развитии стран мира.

Цель исследования состоит в определении актуальных, политико-стратегических проблем политики России в области развития искусственного интеллекта.

Задачи исследования состоят в определении степени разработанности политики Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта как предмета исследования, основных, актуальных проблем реализации данной политики с учетом национальных интересов и стратегии развития.

Методология исследования включает в себя общенаучные методы анализа и синтеза научной информации и метод политической науки – политологический анализ.

Результаты. Определены основные проблемы развития политики в области искусственного интеллекта в нашей стране через призму защиты национальных интересов страны, российского общества и личности в условиях беспрецедентного уровня и скорости развития технологий.

Вывод. Необходимость постоянной аналитической поддержки реализации политики государства в области развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: государственная политика; искусственный интеллект; стратегия; национальные интересы; стратегия развития.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шедий М. В. Политика Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта через призму ее национальных интересов и стратегии развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 174–183. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-174-183>.

Поступила в редакцию 23.12.2021

Принята к публикации 25.01.2021

Опубликована 28.02.2022

© Шедий М. В., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 174–183

The Policy of the Russian Federation in the Field of Artificial Intelligence Development Through the Prism of its National Interests and Development Strategy

Maria V. Shediy¹

¹Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation
35 Priborostroilenskaya str., Orel 302015, Russian Federation

 e-mail: m_v_shedij@mail.ru

Abstract

Relevance. In political science, a new subject of scientific research is gradually gaining momentum - the state policy of the development of artificial intelligence. The starting point for them was the consolidation in the Russian Federation by the Decree of the President of Russia of the Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030. However, these studies are still quite scattered and isolated. Meanwhile, the factor of the rapid development of modern ICT, digital and mobile technologies widely used in the information sphere of the state and society imposes on the political science community a certain responsibility for the mobility of assessment, including, among other things, a predictive assessment of the state of Russia's policy in the field of artificial intelligence development. Comparative political science studies related to the study of the experience of advanced countries in the digital development of the world are also of undoubted value.

The purpose of the study is to determine the actual, political and strategic problems of Russia's policy in the field of artificial intelligence development.

The objectives of the study are to determine the degree of elaboration of the policy of the Russian Federation in the field of artificial intelligence development as a subject of research, the main, urgent problems of the implementation of this policy, taking into account national interests and development strategy.

The research methodology includes general scientific methods of analysis and synthesis of scientific information and the method of political science - political analysis.

Results. The main problems of the development of policy in the field of artificial intelligence in our country through the prism of protecting the national interests of the country, Russian society and the individual in an unprecedented level and speed of technology development are identified.

Conclusion. The need for constant analytical support for the implementation of state policy in the field of artificial intelligence development.

Keywords: state policy; artificial intelligence; strategy; national interests; development strategy.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shediy M. V. The Policy of the Russian Federation in the Field of Artificial Intelligence Development Through the Prism of its National Interests and Development Strategy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochnika i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 174–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-174-183>.

Received 23.12.2021

Accepted 25.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Спустя три года после принятия Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года (далее – ИИ), в российской политической и в целом общественной и гуманитарной науке появилось уже достаточное количество публикаций, связанных с исследованием

актуальных вопросов и проблем развития ИИ. На основе анализа документов стратегического планирования в области развития информационного общества и ИИ, массива научных публикаций по проблемам развития информационного общества в Российской Федерации и искусственного интеллекта сформулированы

основные проблемы политики нашей страны в развитии ИИ.

Методология

Методология исследования включает в себя основные методы анализа и синтеза научной информации при включении в дизайн исследования политологического анализа и междисциплинарного подхода к исследованию.

В исследовании использованы публикации и данные, находящиеся в открытом доступе, которые могут быть верифицированы. Гарантируется объективность результатов и соблюдение научной этики при проведении исследования.

Методология исследования также содержит междисциплинарный компонент. Междисциплинарный подход к настоящему исследованию определил методы отбора и состав источников, научных публикаций. Оно, в частности, базируется на актуальных, современных научных публикациях российских ученых, представителей различных наук – политических, социологических, юридических, экономических и др., объединенных общей исследовательской целью – оценкой состояния государственной политики развития искусственного интеллекта в России.

Использованы документы политико-стратегического характера, в частности, Стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года.

Результаты и их обсуждение

В процессе проведения настоящего исследования были использованы научные работы уровня монографий и научных статей различных российских ученых, в которых в качестве предмета исследования выступила в различных рабочих курсах политика России как государства в развитии искусственного интеллекта.

Проблематика исследования, очевидно, стала актуальной для различных ученых в области политической науки,

социологии, юриспруденции, экономики [1; 2; 3, с. 131–139; 4; 5; 6; 7]. Активно исследуют проблему ИИ в государственном управлении, международных отношениях [8; 9].

Справедливо подчеркивается, что проблема исследования искусственного интеллекта уже вышла за рамки технических наук. Со своей стороны подчеркнем, что она уже достаточно прочно вошла в качестве предмета исследования и в политическую науку [10, с. 160–169; 11].

Однако, несмотря на вполне справедливый междисциплинарный интерес, считаем данную проблематику особенной, специализированной, в связи с чем рядом ученых она рассматривается через призму национальных интересов, проблем национальной безопасности [12].

С учетом развития технологий ИИ и процессов цифровизации в структуре национальной безопасности важнейшим направлением сегодня становится кибербезопасность (кибератаки, кибершпионаж и т.д.).

Так, еще в 2014 г. Президент России В. Путин в интервью латиноамериканскому информационному агентству Prensa Latina и ИТАР ТАСС дал оценку кибершпионажу как лицемерию в отношениях партнеров, посягательству на суверенитет страны, прав граждан¹.

Именно вопросы национальной безопасности определяют необходимость использования ИИ странами мира в современную цифровую эпоху. Их опыт становится объектом в том числе научного интереса в российской науке.

Полагаем, что по состоянию на сегодняшний день наиболее исследован среди зарубежных стран опыт применения ИИ в США. Как отмечает Я. В. Селянин, первыми выгодоприобретателями при внедрении технологий ИИ становятся специальные службы, которые способны

¹ Путин: кибершпионаж – это лицемерие и нарушение прав человека. URL: <http://itar-tass.com/politika/1310699> (дата обращения: 25.10.2022).

получить «максимальный и наиболее быстрый результат», в частности за счет «использования данных о геолокации и тесных связях разведсообщества США с ведущими ИТ-компаниями США, которые могут определять местоположение устройств под управлением операционных систем своего производства по всему миру» [13, с. 53]. Как отмечает ученый далее: «Всё это стало возможным благодаря упрощению доступа к данным из-за развития и широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий и использованию методов машинного обучения, больше известных как искусственный интеллект (ИИ)» [13, с. 53–54].

Нами также сделан акцент на исследование основных проблем развития политики в области искусственного интеллекта в нашей стране через призму защиты национальных интересов государства, российского общества и личности в условиях беспрецедентного уровня и скорости развития технологий.

В этой связи с учетом логики построения предыдущих документов доктринального характера о структуре и содержании национальных интересов в информационной сфере, выделяем несколько основных проблем структуры политики развития ИИ:

- проблемы, связанные с эффективностью реализации научно-технической политики Российской Федерации;
- вопросы цифровизации государственного управления и сервисов предоставления государственных услуг;
- проблемы применения технологий ИИ в публичной политике и проблемы скоординированной государственной политики; несовершенство стратегии развития ИИ;
- социально-экономические проблемы, связанные с развитием ИИ (роль домохозяйств) и ряд других.

Как отмечает Я. В. Селянин, например, в США: «Данные теперь официально объявлены "стратегическим активом" государства», а «приоритетами объявле-

ны повышение их доступности и защищённости, а также подготовка специалистов для работы с данными» [12].

Важнейшая задача государственного управления сегодня абсолютно во всех странах мира – обработка больших массивов данных социально-экономического, общественно-политического и управленческого характера.

Общеизвестно, что так называемое электронное правительство в Российской Федерации было окончательно сформировано в 2010 г. [14, с. 17–22] Важнейшими сегментами электронного правительства стал сегмент государственных и муниципальных закупок, а также государственных услуг [7, с. 86–88]. Применение ИИ для улучшения сервиса предоставления государственных услуг очевидно. Образно выражаясь, государственные услуги «будущего» при использовании smart- и предиктивной аналитики, ботов значительно увеличат доли электронных сервисов государственных ведомств и повысят качество предоставления государственных услуг.

Вопросы цифровизации государственного управления во многом преследуют важную цель, связанную напрямую с национальными интересами государства и общества – борьбой с коррупцией. Здесь вполне можно согласиться с мнением С. Г. Васина, который в качестве основополагающих проблем общественно-политического и социально-экономического развития нашей страны при принятии двух стратегий развития информационного общества в России и искусственного интеллекта до 2030 г. называет проблему «коррупции, воровства и неэффективного использования бюджетных средств» [15].

Безусловно, цифровые технологии и искусственный интеллект, применяемый в рамках реализации функций государственного управления, системы предоставления государственных услуг цифровым способом могут в значительной мере снять данную проблему, связанную,

прежде всего, с эгоистической природой человека.

Наиболее структурированно проблемы применения технологий ИИ в современной российской публичной политике, на наш взгляд, сформулировал С. Н. Федорченко, определил их как «новые возможности политической коммуникации; медиаполитика, медиатизация политической сферы; аксиологическая политика; социальные сети, боты; органы государственной власти; возможности и ограничения новых технологий в политическом анализе; значение интеллектуальных систем для демократии и демократических процедур; угрозы киберавтократии; легитимность политического режима и национальная безопасность; политические ценности, политическая пропаганда, фреймы, политические мифы, стереотипы, "мягкая сила", "умная сила"; цифровая дипломатия; риски медиаманипулирования, информационных войн, формирования политической повестки дня; опыт применения интеллектуальных систем в организации качественной коммуникации между обществом и государством» [16].

Проблема несовершенства Национальной стратегии развития искусственного интеллекта¹ как документа стратегического планирования отмечается В. И. Бланузец, который подчеркивает, что «цели, объявленные в национальной стратегии, относятся к концепции слабого искусственного интеллекта», притом что «основные конкуренты нашей страны на ми-

ровой арене ориентируются на создание технологии сильного ИИ» [17].

Напомним, что Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в России до 2030 года была принята в октябре 2019 г. на уровне Указа Президента Российской Федерации. Это лишний раз подчеркивает высочайший уровень не только научно-технической и технологической значимости, но и высшей политической значимости закрепленных в ней положений. В национальной стратегии развития ИИ, в частности, в этой связи подчеркивается, что недостаточное развитие и применение в решении вопросов социально-экономического развития в нашей стране конкурентоспособных технологий ИИ влечет за собой отставание в экономическом и технологическом развитии. Это также не соответствует национальным интересам и целям развития России как современного государства.

Ведь основной целью развития ИИ в Российской Федерации, согласно Национальной стратегии, является рост качества жизни российских граждан и их благосостояния (Раздел V. Цели и основные задачи развития искусственного интеллекта).

В этой связи, по оценке В. И. Бланузцы, вероятнее всего, Национальная стратегия развития ИИ, скорее всего, будет дополнена новыми положениями, соответствующими не только задачам внедрения технологий «слабого» ИИ.

Однако практическое измерение современной технологической жизни показывает не только ведущую роль государства в развитии современных ИКТ, цифровых технологий, искусственного интеллекта. Многое в этом направлении делается также и со стороны бизнес-институтов, а также рядовых граждан страны [18, с. 3–32].

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения: 25.10.2021).

В этой связи подчеркнем, что отличительная особенность развития ИКТ, цифровых технологий, ИИ состоит в активной вовлеченности в эти процессы со стороны общества. Следует отметить возросшую роль домохозяйств в процессе самообеспечения компьютерной техникой, доступов к Интернету, мобильными технологиями. Это значительно облегчает государству переход к цифровой экономике, предоставлению цифровых государственных услуг. Однако следует понимать, что экономические возможности населения могут стать предельными при условии роста цен на информационные и мобильные технологии. Например, генеральный директор российского представительства Acer Дмитрий Кравченко отмечал: «В 2020 г. из-за ажиотажного спроса на ПК цены на них стали расти. Затем из-за пандемии COVID-19 разрушились цепочки поставок комплектующих – некоторые производящие их предприятия просто закрылись»¹.

При этом, по данным Банка России, «годовая инфляция продолжила увеличиваться и составила 4,91%: текущие темпы роста цен по-прежнему заметно превышали низкие значения конца 2019 года»² [19, с. 87–96].

Приведенные оценки специалистов-практиков вызывают определенную тревожность, связанную с возможным спадом инвестиционной и экономической в целом активности населения по приобретению компьютеров и ПК, обусловленно-

го ростом цен на такого рода продукцию и снижением покупательской способности населения. Однако будем надеяться, что спад не будет критичным для населения страны.

Справедливо ради отметим, что несмотря на серьезный и значимый для бюджета домохозяйств финансовый аспект у населения любой страны идущей по пути ИКТ-развития, присутствует сильнейший мотивационный фактор. Н. П. Бродская в этой связи подчеркивает, что «современному миру стоит готовиться к колossalным переменам всех сторон жизни, начиная со взаимодействия с устройствами и заканчивая принципами функционирования общества в целом» [20].

Таким образом, нами проведено относительно небольшое исследование структуры политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации. Достаточно кратко, штрихами обозначены, с позиций автора, наиболее важные проблемы реализации данной политики.

Определены и сформулированы основные проблемы развития политики в области искусственного интеллекта в нашей стране через призму защиты ее национальных интересов, российского общества и личности в условиях беспрецедентного уровня и скорости развития технологий.

Выводы

Важнейший вывод по результатам проведенного исследования состоит в необходимости постоянной аналитической поддержки реализации политики государства в области развития искусственного интеллекта. Многое в данном направлении должна привнести и современная российская политическая наука, т. к. данная проблема носит не только технологический и социально-экономический характер, но также в значительной степени политический.

¹ Компьютеры подорожали минимум на 20% за год. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/03/31/864092-kompyutery-podorozhali> (дата обращения: 25.10.2021).

² Динамика потребительских цен. №12 (60). Декабрь 2020 года. Информационно-аналитический комментарий. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-04-01_v_rossii_bespresdentno https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31914/CPD_2020-12.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

Список литературы

1. Цифровизация в государственном управлении, общественной жизни и правовой сфере: монография / М. Ю. Архипова, Е. В. Розанова, В. П. Сиротин, А. А. Соловьев, С. Ю. Нарциссова; под общ. ред. В. В. Попадейкина. М.: Эдитус, 2022. 238 с.
2. Дадашев З. Ф., Устинова Н. Г. Влияние искусственного интеллекта на экономику // Эпоха науки. 2019. № 18. С. 52–57.
3. Коданева С. И. Перспективы и риски внедрения искусственного интеллекта в государственном управлении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 131–139. <https://doi.org/10.31249/tgravo/2021.01.14>.
4. Логинов Е. Л., Шкута А. А. Искусственный интеллект в органах госуправления // Государственная служба. 2017. № 5 (109). С. 24–29.
5. Михальченкова Н. А. Искусственный интеллект в контексте публичного управления // Власть. 2021. № 5. С. 122–127.
6. Пуртова Е. А. Использование технологий Legal tech в публичной политике // Евразийский Союз Ученых. 2019. №7-4 (64). С. 4–6.
7. Устинович Е. С. Государственные информационные услуги // Государство и право. 2008. № 10. С. 86–88.
8. Васин С. Г. Искусственный интеллект в управлении государством // Управление. 2017. № 3 (17). С. 5–10.
9. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>.
10. Пикалов Б. В. Формирование государственной политики развития искусственного интеллекта в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 160–169.
11. Устинович Е. С. Политические меры и программы в поддержку искусственного интеллекта в агробизнесе в целях устойчивого развития отрасли // Современная экономика: актуальные проблемы, задачи и траектории развития: материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Курск: Курск. гос. с.-х. акад. им. проф. И. И. Иванова, 2021. С. 33–42.
12. Селянин Я. В. Государственная политика США в области искусственного интеллекта: цели, задачи, перспективы реализации // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 4. С. 140–163.
13. Селянин Я. В. Разведсообщество США и искусственный интеллект // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51, № 6. С. 52–70. <https://doi.org/10.31857/S268667300015219-0>.
14. Устинович Е. С. Формирование единого информационного пространства взаимодействия власти, бизнеса и общества // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 45 (180): Спец. вып. С. 17–22.
15. Выходец Р. С. Пространство политики ЕС в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15, № 3. С. 108–117.

16. Федорченко С. Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 41–53.
17. Блануца В. И. Государственная политика развития искусственного интеллекта в России: анализ стратегических целей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. № 8. С. 69–76.
18. Лексин В. Н. Искусственный интеллект в экономике и политике нашего времени. Статья 3. Искусственный интеллект в государственной политике России и зарубежных стран // Российский экономический журнал. 2020. № 6. С. 3–32.
19. Устинович Е. С. О современном состоянии информационного, компьютерного и телекоммуникационного обеспечения образовательного процесса высшего образования в Российской Федерации // Социальная политика и социальное партнерство. 2022. № 2. С. 87–96.
20. Бродская Н. П. Искусственный интеллект: попытки применения в социальном пространстве и проблемы адаптации // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 11. С. 3112–3120. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.11.005>.

References

1. Arhipova M. Yu., Pozanova E. B., Sirotin B. P., Solov'ev A. A., Narcissova C. Yu. Cifrovizaciya v gosudarstvennom upravlenii, obshchecetvennoj zhizni i pravovoj sfere [Digitalization in public administration, public life and the legal sphere]; ed. by B. B. Popadejkina. Moscow, Edityc Publ., 2022. 238 p.
2. Dadashev Z. F., Ustinova N. G. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na ekonomiku [The impact of artificial intelligence on the economy]. *Epoha nauki = The Age of Science*, 2019, no. 18, pp. 52–57.
3. Kodaneva S. I. Perspektivy i riski vnedreniya iskusstvennogo intellekta v gosudarstvennom upravlenii [Prospects and risks of the introduction of artificial intelligence in public administration]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i parvo = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law*, 2021, no. 1, pp. 131–139. <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.14>.
4. Loginov E. L., Shkuta A. A. Iskusstvennyj intellekt v organah gosupravleniya [Artificial intelligence in public administration]. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*, 2017, no. 5 (109), pp. 24–29.
5. Mihal'chenkova N. A. Iskusstvennyj intellekt v kontekste publichnogo upravleniya [Artificial intelligence in the context of public administration]. *Vlast' = Power*, 2021, no. 5, pp. 122–127.
6. Purtova E. A. Ispol'zovanie tekhnologij Legal tech v publichnoj politike [The use of Legal-tech technologies in public policy]. *Evrazijskij Soyuz Uchenyh = Eurasian Union of Scientists*, 201, no. 7-4 (64), pp. 4–6.
7. Ustinovich E. S. Gosudarstvennye informacionnye uslugi [State information services]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 10, pp. 86–88.
8. Vasin S. G. Iskusstvennyj intellekt v upravlenii gosudarstvom [Artificial intelligence in state management]. *Upravlenie = Management*, 2017, no. 3 (17), pp. 5–10.

9. Cvetkova N. A. Fenomen cifrovoj diplomati v mezhdunarodnyh otnosheniyah i metodologiya ego izucheniya [The phenomenon of digital diplomacy in international relations and the methodology of its study]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International relations*, 2020, no. 2, pp. 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>.
10. Pikalov B. V. Formirovanie gosudarstvennoj politiki razvitiya iskusstvennogo intellekta v Rossiijskoj Federacii [Formation of the state policy for the development of artificial intelligence in the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 160–169.
11. Ustinovich E. S. Politicheskie mery i programmy v podderzhku iskusstvennogo intellekta v agrobiznese v celyah ustojchivogo razvitiya otrazhi [Policy measures and programs in support of artificial intelligence in agribusiness for the sustainable development of the industry]. *Sovremennaya ekonomika: aktual'nye problemy, zadachi i traektorii razvitiya. Materialy II Vse-rossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoy konferencii* [Modern Economy: Current problems, tasks and development trajectories: materials of the II All-Russian (National) Scientific and Practical Conference]. Kursk, Kursk St. Agricultural akad. im. prof. I. I. Ivanova, 2021, pp. 33–42.
12. Selyanin Ya. V. Gosudarstvennaya politika SSHA v oblasti iskusstvennogo intellekta: celi, zadachi, perspektivy realizacii [US state policy in the field of artificial intelligence: goals, objectives, prospects for implementation]. *Problemy nacional'noj strategii* = *Problems of the National Strategy*, 2020, no. 4, pp. 140–163.
13. Selyanin Ya. V. Razvedsoobshchestvo SSHA i iskusstvennyj intellekt [The US Intelligence Community and artificial Intelligence]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* = *USA and Canada: Economics, politics, culture*, 2021, vol. 51, no. 6, pp. 52–70. <https://doi.org/10.31857/S268667300015219-0>.
14. Ustinovich E. S. Formirovaniye edinogo informacionnogo prostranstva vzaimodejstviya vlasti, biznesa i obshchestva [Formation of a unified information space for interaction between government, business and society]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* = *Regional economy: theory and practice*, 2010, no. 45 (180). Spec. vyp, pp. 17–22.
15. Vyhodec R. S. Prostranstvo politiki ES v oblasti iskusstvennogo intellekta [The EU policy space in the field of artificial intelligence]. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* = *Eurasian integration: Economics, Law, Politics*, 2021, vol. 15, no. 3, pp. 108–117.
16. Fedorchenco S. N. Znachenie iskusstvennogo intellekta dlya politicheskogo rezhima Rossii: problemy legitimnosti, informacionnoj bezopasnosti i "myagkoj sily" [The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: problems of legitimacy, information security and "soft power"]. *Vestnik MGOU. Seriya: Istorya i politicheskie nauki* = *Bulletin of the Moscow State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 41–53.
17. Blanuca V. I. Gosudarstvennaya politika razvitiya iskusstvennogo intellekta v Rossii: analiz strategicheskikh celej [State policy of Artificial Intelligence development in Russia: analysis of strategic goals]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2020, no. 8, pp. 69–76.
18. Leksin V. N. Iskusstvennyj intellekt v ekonomike i politike nashego vremeni. Stat'ya 3. Iskusstvennyj intellekt v gosudarstvennoj politike Rossii i zarubezhnyh stran [Artificial intelligence in the economy and politics of our time. Article 3. Artificial intelligence in the state policy

of Russia and foreign countries]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*, 2020, no. 6, pp. 3–32.

19. Ustinovich E. S. O sovremenном sostoyanii informacionnogo, komp'yuternogo i telekommunikacionnogo obespecheniya obrazovatel'nogo processa vysshego obrazovaniya v Rossiskoj Federacii [About the current state of information, computer and telecommunication support of the educational process of higher education in the Russian Federation]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social policy and social partnership*, 2022, no. 2, pp. 87–96.

20. Brodskaya N. P. Iskusstvennyj intellekt: popytki primeneniya v social'nom prostranstve i problemy adaptacii [Artificial intelligence: attempts of application in social space and problems of adaptation]. *Voprosy politologii = Questions of political science*, 2020, vol. 10, no. 11, pp. 3112–3120. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.11.005>.

Информация об авторе / Information about the Author

Шедий Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации России, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: m_v_shedij@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7856-3992

Mariya V. Shedij, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Employee of Academy of Federal Security Guard Service, Orel, Russian Federation,
e-mail: m_v_shedij@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7856-3992

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-184-193>

Особый комитет при Министерстве финансов и его вклад в подготовку винной реформы 1863 года

Н. Е. Горюшкина¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья раскрывает персональный состав Особого комитета при Министерстве финансов, учрежденного для проектирования винной реформы, его роль в определении нового курса в отношении питей. Данный исторический сюжет мало освещен в научных изданиях, потому обладает безусловной новизной. Нынешний этап модернизации алкогольного рынка требует поиска успешных практик алкогольной реформации в истории России, что придает исследованию особую актуальность и значимость.

Цель – осветить состав Особого комитета при Министерстве финансов и его вклад в разработку винной реформы 1863 года.

Задачи: дать характеристику членам Особого комитета; оценить итоговый документ; объяснить, почему дело о винной реформе передано из Министерства финансов в Департамент государственной экономии Государственного Совета.

Методология. Решение исследовательских задач было осуществлено на принципах историзма, научной объективности и системности. Свое применение в работе нашли и такие методы, как антропологический, сравнительный, синхронный.

Результаты. 8 августа 1858 года Александр II учредил при Министерстве финансов Особый комитет для выработки альтернативной откупам питейной системы. В состав Особого комитета, руководимого министром финансов А. М. Княжевичем, вошли директор Департамента разных податей и сборов Ф. Л. Переверзев, вице-директор Я. И. Голубев, а также члены Совета министра финансов Б. Е. Прутченко и А. И. Новицкий. Все высокие чиновники имели опыт работы с откупами, знали их достоинства и недостатки. Потратив немало времени на обсуждение, предложить достойной замены откупному порядку они так и не смогли. Итогом работы Особого комитета при Министерстве финансов стала записка с предложением некой «переходной системы», которая по условиям функционирования мало чем отличалась от откупов.

Выход. Вся предшествовавшая служебная деятельность членов Особого комитета укоренила в них страх перед переменами. Ничего, кроме «переходной системы», комитет А. М. Княжевича не предложил. «Модная» акцизная система была отвергнута «реформаторами», что оправдывалось попечением о финансовом благополучии России. Дело о винной реформе было передано в Департамент государственной экономии Государственного Совета под патронаж А. П. Заблоцкого-Десятковского.

Ключевые слова: алкоголь; правительенная политика; винная реформа; Особый комитет; Министерство финансов.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).

Для цитирования: Горюшкина Н.Е. Особый комитет при Министерстве финансов и его вклад в подготовку винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 184–193. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-184-193>.

Поступила в редакцию 16.12.2021

Принята к публикации 19.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Горюшкина Н.Е., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 184–193

The Contribution of the Special Committee Under the Ministry of Finance to the Preparation of the Wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina¹

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
 e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance. The article reveals the personal composition of the Special Committee under the Ministry of Finance, established to design the wine reform, its role in determining the new course in relation to drinking. This historical plot is poorly covered in scientific publications, therefore it has an absolute novelty. The current stage of modernization of the alcohol market requires the search for successful practices of alcohol reformation in the history of Russia, which gives the study special relevance and significance.

The purpose is to highlight the composition of the Special Committee under the Ministry of Finance and its contribution to the development of the wine reform of 1863.

Objectives: to characterize the members of the Special Committee; to evaluate the final document; to explain why the case of wine reform was transferred from the Ministry of Finance to the Department of State Economy of the State Council.

Methodology. The solution of research tasks was carried out on the principles of historicism, scientific objectivity and consistency. Such methods as anthropological, comparative, and synchronous have also found their application in the work.

Results. On August 8, 1858, Alexander II established a Special Committee under the Ministry of Finance to develop an alternative drinking system to pay-offs. The Special Committee, headed by Finance Minister A.M. Knyazhevich, included Director of the Department of Various Taxes and Fees F.L. Pereverzhev, Vice-Director and Ya.I. Golubev, as well as members of the Council of Finance Minister B.E. Prutchenko and A.I. Novitsky. All high officials had experience working with payoffs, knew their advantages and disadvantages. After spending a lot of time on discussion, they could not offer a worthy replacement for the pay-off order. The result of the work of the Special Committee under the Ministry of Finance was a note with a proposal for a certain "transitional system", which, according to the operating conditions, differed little from the payoffs.

Conclusions. All the previous official activities of the members of the Special Committee ingrained in them a fear of change. The committee of A.M. Knyazhevich did not propose anything other than a "transitional system". The "fashionable" excise system was rejected by the "reformers", which was justified by concern for the financial well-being of Russia. The case of wine reform was transferred to the Department of State Economy of the State Council under the patronage of A.P. Zabolotsky-Desyatovsky.

Keywords: alcohol; government policy; wine reform; Special Committee; Ministry of Finance.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: Research and development within the state assignment "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" for the year 2021 (№ 0851-20200033).

For citation: Goryushkina N. E. The Contribution of the Special Committee Under the Ministry of Finance to the Preparation of the Wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 184–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-184-193>.

Received 16.12.2021

Accepted 19.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Замена винных откупов акцизом в 1863 г. – одно из самых масштабных пре-

образований, когда-либо осуществленных в отношении питей. Процесс разработки винной реформы в целом и «Поло-

жения о питейном сборе» в частности освещены в исторической литературе, но исключительно в общих чертах [1; 2; 3; 4]. Исследователи до сих пор не дали ответы на такие важные вопросы: кто входил в состав учрежденного при Министерстве финансов Особого комитета? какой план преобразования питейного сбора был ими предложен? почему разработка винной реформы в конечном итоге была передана из Министерства финансов в Государственный Совет? Без этих ответов картина винной реформы выглядит не ясной, а имена сановников, что были унаследованы Александром II от отца и включены в преобразовательный процесс, забытыми.

В данной статье поставлена цель – раскрыть состав Особого комитета при Министерстве финансов и его место в разработке винной реформы.

Материалы, которые были привлечены для достижения поставленной цели, хранятся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации. Немалая часть сведений была почерпнута из мемуаров современников преобразования. Оценить жизненный багаж, с которым подошли к винной реформе высокие сановники Министерства финансов, их субъективную мотивацию, без исследования их биографий было бы сложно, в этой связи автором были изучены списки высших чинов государственного управления, а также биографические словари чинов Российской империи XIX в. Общественный взгляд на деятельность «реформаторов» воссоздан, основываясь на материалы периодической печати, в том числе революционно-демократической направленности.

Методология

Решение исследовательских задач было осуществлено на принципах историзма, научной объективности и системности. Первый – позволил рассмотреть деятельность Особого комитета в контек-

сте событий конца 1850-х гг. – набирающее силу трезвенное движение, растущая «мода» на акциз, широкая критика откупной системы в прессе. Связанные между собой принципы объективности и системности предоставили возможность объяснить неспособность членов Особого комитета к выработке радикальной программы преобразования не одним, а целым рядом факторов, в том числе их жизненным опытом, сложной финансовой ситуацией в России в момент подготовки винной реформы, отсутствием традиций свободного рынка и др.

Свое применение нашли и такие специальные методы, как антропологический, сравнительный, синхронный, позволившие в совокупности понять психологию «реформаторов», объяснить их позицию в отношении питей, оценить проделанный ими объем работ.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на благоприятные результаты откупных торгов на 1858–1862 гг. речь о сохранении откупной системы взимания сбора с питей на будущее не шла. Александр II дал министру финансов А. М. Княжевичу поручение разработать новый порядок сбора с питей [5, л. 4 об.].

Министр финансов был фигурантом примечательной.

Александр Максимович Княжевич родился в 1792 г. в Уфе в семье губернского прокурора. Окончив в 1805 г. гимназию, он поступил в Казанский университет на отделение нравственно-политических наук.

В 1811 г. Александр Максимович перебрался в столицу и определился помощником столоначальника в Экспедицию государственных доходов, где уже служили его старшие братья – Дмитрий, Николай и Владислав. Счастливый случай помог Княжевичу выдвинуться: в 1815 г. он был командирован для работы в ликвидационной комиссии в Вену, где сблизился с генерал-интендантом армии Е. Ф. Канкриным. Когда Егор Францевич

был назначен министром финансов, он привлек к работе молодого, но подающего надежды Княжевича. Легко владея пером, Александр Максимович много лет «оболванивал» (выражение самого Е. Ф. Канкрина. – *Прим. авт.*) записки министра финансов [6, с. 401].

Несмотря на явное расположение Канкрина, движение Княжевича по карьерной лестнице не было быстрым. Только через 20 лет Александр Максимович получил должность вице-директора Департамента государственного казначейства, а в 1831 г. – директора Канцелярии министра финансов. На Княжевича указывали как на вероятного преемника Канкрина. Он «блестел на втором плане», но оказался непригодным для первого [7, с. 477].

Когда в 1840 г. Егор Францевич забирался в заграничный отпуск, управление министерством (к удивлению многих) было доверено не Княжевичу, а Ф. П. Вронченко, который на тот момент заведовал Особой канцелярией по кредитной части. Помехой к назначению Александра Максимовича исполняющим обязанности министра финансов стал, по-видимому, скандал, разразившийся из-за участия братьев Княжевичей в откупных делах [7, с. 407–408].

Еще в 1825 г. они, желая упрочить финансовое положение, передали собственные и заимствованные средства известному петербургскому откупщику Фейгину. Несколько лет Княжевичи получали с откупов прибыль. Но дела у Фейгина в какой-то момент расстроились, образовалась недоимка в 1300 тыс. руб. ассигнациями. Чтобы спасти свои и чужие деньги, братьям Александра Максимовича пришлось взять откуп Фейгина в управление, что, учитывая близость Александра Максимовича к Канкрину, широко обсуждалось в столице и нанесло удар по репутации Княжевича [8].

В 1843 г. Канкрин во второй раз уезжал за границу, и снова министерство было доверено Вронченко. Княжевич, ожидавший высокого назначения, к расстройству своему получил только долж-

ность директора Департамента казначейства. Вронченко, став министром финансов, старался «задвинуть» Княжевича и не позволил ему осуществить ни одной меры «законодательного характера» [7, с. 412].

К служебным неприятностям Александра Максимовича добавилось личное горе: скончался его брат Дмитрий. Оказалось, что за Дмитрием Максимовичем числится задолженность в 148 тыс. руб., и Александр Максимович был вынужден слезно просить всех министров войти в тяжелое положение семьи брата и списать недоимку. Дело решилось «в благоприятном смысле», но новая волна осуждения «окатила» Княжевича. Надежды на повышение по службе рушились сами собой, и после смерти Вронченко в 1852 г. министерское кресло занял не он, а «взятый из Комитета министров» П. Ф. Брок [7, с. 413].

Брок тяготился опытным Княжевичем и лично содействовал переводу Александра Максимовича в сенаторы. Казалось, что в Сенате и завершится его служебная карьера. Однако откупа, так навредившие карьере Княжевича, на закате ее сослужили добрую службу. Великий князь Константин Николаевич, противник откупной системы, поручил Княжевичу составить обзор об откупах в России и нашел его весьма дельным [7, с. 416].

Вопрос об отмене откупного строя уже не одно десятилетие был на повестке дня правительства – очередной приступ был отложен ввиду разразившейся Крымской войны. Брок оказался «слабым» министром, и по подсказке Константина Николаевича Александр II обратил свой взор на Княжевича, надеясь, что тому удастся повторить успех патрона по стабилизации бюджета. Так, в марте 1858 г. на 66 году жизни Княжевич все-таки получил министерский портфель. За годы службы с Канкриным Княжевич хорошо усвоил, что министр финансов должен быть бережливым, осторожным, и стремился к этому [9, с. 373].

Для исполнения высочайшего поручения в отношении винной реформы (оно было одним из первых для нового министра финансов) Александр Максимович предложил создать Особый комитет из проверенных чиновников. Это были директор и вице-директор Департамента разных податей и сборов Ф. Л. Переверзев и Я. И. Голубев, а также представители Совета министра финансов Б. Е. Прутченко и А.И. Новицкий. 8 августа 1858 г. состав Особого комитета был высочайше утвержден [5].

Кем были члены Особого комитета? На основании каких заслуг они были включены в состав Особого комитета?

Федор Лукич Переверзев родился в 1792 г. С 1807 г. он учился в Харьковском университете, по окончании которого был зачислен подпоручиком в 6-й полк Владимирского ополчения. В 1814 г. Переверзев стал полковым адъютантом в Черниговском пехотном полку, в 1818 г. – старшим адъютантом во 2-м пехотном корпусе, 1820 г. – капитаном в лейб-гвардии Гренадерском полку, в 1821 г. – подполковником в Олонецком пехотном полку.

В возрасте 30 лет Федор Лукич перешел на статскую службу и стал чиновником особых поручений, а затем – правителем канцелярии и начальником 1-го отделения Департамента внешней торговли Министерства финансов.

В 1825 г. Переверзев был назначен вице-губернатором в Нижний Новгород. Вице-губернаторы, как известно, немалую часть времени посвящали организации откупных торгов, подыскивали претендентов на питейные заведения [10]. Всем было известно, что лучшие питейные заведения отходили «благодарным» просителям, а «благодарили» откупщики именно вице-губернаторов. По этой причине должность вице-губернатора считалась более доходной и желанной, чем должность губернатора. Федор Лукич от выгод положения не отказывался и «благодарности» принимал с благодарностью.

В 1830 г. он перебрался в Санкт-Петербург, где стал директором канцелярии Министра внутренних дел, а затем – директором Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. Но его пребывание в столице было недолгим. В 1831 г. Федор Лукич отправился справлять должность гражданского губернатора в Саратовскую губернию. Ввиду нерасположения к нему министра внутренних дел Блудова, сменившего графа Закревского, Федор Лукич обязанности губернатора исполнял, но в должности утвержден не был. Это ему не мешало проявлять необыкновенное самодурство, о котором его подчиненные вспоминали много лет. Просмотр подготовленных бумаг Переверзев проводил ежедневно в 10 часов вечера. Плохо подготовленные бумаги он рвал, кидал на пол, топтал ногами, а провинившихся подчиненных обзывал «скотами», «ослами» и «телятами» [11, с. 155–156].

В 1835 г. Переверзев получил должность гражданского губернатора Киевской губернии, но «там, говорят, заворовался, был уволен, долго оставался без места, а потом был причислен к министерству внутренних дел». Профессор Санкт-Петербургского университета А. В. Никитенко, знавший Переверзева лично, признавал Федора Лукича «круглым невеждой, к тому же нетрезвым» [12, с. 41].

Несмотря на нелестное мнение о чиновнике в столице, в 1856 г. Переверзев получил должность директора Департамента разных податей и сборов в Министерстве финансов. Своим новым назначением он гордился и считал себя вправе осудить «преступную идею о необходимости дарования крестьянам свободы» [13, л. 52].

Для конструктивного творчества, надо признать, Переверзев подходил мало. Но должность директора Департамента разных податей и сборов обязывала Федора Лукича хорошо разбираться в питейном деле, как и Якова Ивановича Го-

лубева, исполнявшего обязанности вице-директора этого департамента.

Яков Иванович Голубев родился в 1800 г. в Тверской губернии. Службу в классном чине он начал в 1822 г. В 1837 г. Голубев стал начальником отделения во II-м департаменте Министерства государственных имуществ. В 1843 г. Голубев перешел на службу в Министерство финансов на пост вице-директора Департамента разных податей и сборов. Яков Иванович знал «неприятности» от откупов, но не принимал и «модную», но «насквозь западную» акцизную систему. «Продажность хлебного вина есть зло, но сие зло неизбежно», – заявлял он [14].

Вполне объясним призыв в Особый комитет Бориса Ефимовича Прутченко и Антона Ивановича Новицкого. Княжевич счел их полезными, их предшествовавшую деятельность можно было рассматривать как подготовку к роли реформаторов.

Борис Ефимович родился в 1785 г. Службу свою он начал в 16 лет с должности канцеляриста Черниговского генерального суда. В 1802 г. Прутченко перебрался в Петербург и стал канцеляристом в III департаменте, а с 1810 г. – в I департаменте Правительствующего сената, который ведал организацией винных откупов.

В 1813 г. по инициативе министра финансов графа Д. А. Гурьева был учрежден Особый комитет для изыскания средств к поддержанию питейных сборов, в качестве секретаря к Особому комитету был прикомандирован Прутченко. В 1818 г. недоимками откупщиков занялся очередной Особый комитет при Правительствующем сенате. Имевший опыт канцелярской работы Борис Ефимович оказался весьма полезным по секретарской части. Особых талантов начальство в нем не замечало, но характеризовало как человека аккуратного, старательного и услужливого [15, ч. 1, с. 76].

В 1819 г. Борис Ефимович получил должность начальника отделения Департамента разных податей и сборов. Конец

эпохи царствования Александра I застал Прутченко на посту рязанского вице-губернатора, в 1830 г. он был переведен на ту же должность в Кострому, в 1831 г. – в Нижний Новгород, где из кресла вице-губернатора он пересел в кресло председателя Казенной палаты [16, с. 43].

В 1857 г. Прутченко стал членом Совета министра финансов, а в 1859 г. 74-летний чиновник занял место директора Департамента государственного казначейства. Бориса Ефимовича считали «человеком старой закалки». Министр финансов положился на опыт своего подчиненного, который много лет «заведовал» откупами, а потому мог иметь свое мнение на счет откупного строя. Мнение он, видимо, имел, но оно в полной мере соответствовало взглядам остальных членов Особого комитета [17, с. 230].

В числе «реформаторов» оказался и Антон Иванович Новицкий. Родился сановник в 1804 г. Служебную деятельность он начал в 1827 г. в канцеляриях Министерства финансов. Новицкий обладал бесспорными редакторскими способностями [18; 19].

Нельзя сказать, что «реформаторы» бездействовали, но отчетливого представления о том, в каком направлении должна развиваться винная реформа, они не имели. В качестве альтернативы откупам члены Особого комитета рассмотрели систему обеспеченной администрации, предложенную князем Ф.-К. Друцким-Любецким; систему хозяйственного управления, действовавшую на землях Войска Донского; систему распорядительства, разработанную П. Ф. Броком; акцизную систему, высочайше утвержденную 15 марта 1854 г. для привилегированных губерний, а также акцизные системы, применявшиеся в передовых европейских государствах. Ни одна из названных систем не вызывала оптимизма, особенно негативно они относились к «западному» акцизу.

Чиновники, лучшие годы которых пришлись на время царствования Николая I, в полной мере разделяли взгляды

министра финансов Е. Ф. Канкрина на акциз [20]. «Слово акциз, — говорил Егор Францевич, — на первый взгляд, имеет нечто привлекательное; но, рассматривая в подробности существо и последствия акциза, какового у нас почти вовсе не существует, нельзя легко решиться на онного. Известно, что акциз (*excise*) в Англии, соединенные пошлины (*droits reunites*) во Франции, бывший в Пруссии акциз и подобные же финансовые учреждения в других землях: они почитаются величайшим, но неизбежным злом; и, к сожалению, сказать должно, что финансы вообще и везде не малою частью основаны на таких доходах, кои в существе своем тягостны, неблаговидны и сопряжены с неприятным фискальством» [15, ч. 1, с. 85].

Жесткая критика откупной системы продолжала звучать и в правительственные канцеляриях, и в светских салонах, и со страниц толстых журналов и газет. Трезвенное движение охватило всю Европейскую Россию. Игнорировать высочайшую волю и общественный запрос на отмену откупов, чиновники, перешедшие к Александру II в наследство от родителя, не могли и были вынуждены прибегнуть к сложным риторическим и идеологическим комбинациям с целью объяснить, почему следует сохранить откупной порядок.

30 декабря 1859 г. министр финансов предоставил в Государственный совет записку. В ней указывалось на специфические условия России (разнообразие в организации питейного сбора в разных частях страны, «дробность» алкогольного рынка, вороватость чиновничества), на опасность резких перемен в сборе с питьем, на чужеродность для России «модного» акциза. Члены Особого комитета старались убедить и себя, и членов Государственного совета, что предпочтительнее для российских финансов не вводить каких-то новаций, а поправить откупной строй [21].

Главным аргументом против акцизной системы был выдвинут дефицит кад-

ров в России. «Поступление по новой системе дохода, составляющего половину государственного, — сказано в записке, — будет обеспечено (при акцизе. — Н.Г.) только одною добросовестностью лиц, коим вверится надзор за питейной частью. В деле первостепенной важности такое обеспечение, несмотря на назначение хорошего жалования служащим, крайне неверно. <...> Поручение чиновникам надзора за столь огромным и необходимым для государства доходом будет сопряжено с величайшим риском для казны и что, в случае значительного недопоступления определенного по расписи дохода, Государственное казначейство будет поставлено в большое затруднение по удовлетворению текущих расходов» [22, ч. 5, с. 45–46].

Особый комитет предложил установить в России переходную систему, на основе которой был бы обеспечен переход великороссийских и сибирских губерний к «акцизной системе с частным комиссионерством». Питейные сборы в переходный период продолжали бы сдаваться с торгов так называемым комиссионерам, мало-помалу в великороссийских и сибирских губерниях вводился бы «чистый акциз», который «отлаживался» бы через уменьшение и возвышение акцизной ставки в разных полосах России [23].

В чем состояло различие «переходной системы» от откупов, а комиссионеров от откупщиков, из записи было неясно, как и то, каким образом «переходный период» может стать прологом акцизной системе, какой результат при «переходной системе» следует считать положительным.

Министр финансов был солидарен с членами Особого комитета. В особом мнении, приложенном к проекту, он повторил тезис об отсутствии в России честного чиновничества. «Неисправное управление чисто акцизной системой, если оно произойдет по введении ее в действие, — предупреждал Александр Максимович, — неизбежно расстроит питейные сборы на всем пространстве 50 гу-

берний, и тогда правительство, какие бы ни были изысканы системы, не скоро восстановит в них порядок и доведет доход до нынешней цифры». С акцизом, считал Княжевич, надо было бы повременить, иначе Министерство финансов, чтобы пополнить бюджет, будет вынуждено прибегнуть к новым обременениям народа [24].

Записка Особого комитета была рассмотрена в Департаменте государственной экономии, а потом в Общем собрании Государственного совета и была найдена «слабой по содержанию». Казалось, откупная система и на этот раз устоит, что случалось не единожды. Но Александр II проявил решимость, руководствуясь, быть может, не столько либеральными взглядами, сколько пониманием необходимости «органических» перемен для России. Он потребовал продолжить подготовку винной реформы [24].

Государственный секретарь В. П. Бутков направил дело о винной реформе в Департамент государственной экономии Государственного совета под патронаж А. П. Заблоцкого-Десятovского.

Выводы

Вся предшествовавшая служебная деятельность членов Особого комитета при Министерстве финансов укоренила в них страх перед переменами, сделала их инертными, погасила всякий порыв. Предложить достойную альтернативу откупам они не смогли. Итогом работы Особого комитета стала записка об учреждении «переходной системы», мало чем отличающейся от действовавших откупов. В «моде» был акциз, но все, что было о нем известно, в первую очередь, полная свобода оборота алкоголя, не получило отклика у членов Особого комитета. Свой негативный настрой по отношению к акцизной системе и свою безынициативность они оправдывали попечением о финансовом благополучии России, произвести научный расчет перспектив нового питейного строя «реформаторы» не смогли. Дело о винной реформе вынуждено было быть передано из Министерства финансов в Департамент государственной экономии Государственного совета под патронаж А. П. Заблоцкого-Десятovского.

Список литературы

1. Войнович И. А. Питейный вопрос: исследование в экономическом и финансовом отношении. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1876. 164 с.
2. Головачев А. А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб.: В тип. Ф. С. Сущинского, 1872. 398 с.
3. Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1898. 106 с.
4. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России: Ист. очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1890. 252 с.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–4 об.
6. Судейкин В. Т. Александр Максимович Княжевич // Русская старина. Г. 23. 1892. Т. 76, кн. 10–12. С. 398–432.
7. Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1891. 586 с.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1155. Оп. 1. Д. 221. Л. 1–2.
9. Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского (1840 – 1890 гг.) // Русская старина. 1915. Т. 161, № 1–3. С. 367–375.

10. РГИА. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1119. Л. 22.
11. Записки о Саратове К. И. Попова // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 155–236.
12. Дневник Александра Васильевича Никитенко // Русская старина. Г. 21. 1890. Т. 66. № 2. С. 35–53.
13. Герцен А. И. Федор Переверзев – вития рабства // Колокол. 1859. 15 сентября. Л. 52.
14. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1750. Л. 1 об.
15. Сведения о питейных сборах в России. СПб.: В Тип. II-го Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1860–1861. Ч. 1. 201 с.
16. Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1840. Т. 4. 124 с.
17. Высшие чины Российской империи (22.10.1721 – 2.03.1917): биографический словарь: в 4-х т. / сост. Е. Л. Потемкин. М.: [Б. и.], 2019. Т. 3. 658 с.
18. Новицкий А. И. Историческое обозрение законодательства о гербовом сборе в России. СПб.: Тип. Артиллерийского департамента В. М., 1861. 119 с.
19. Новицкий А. И. Историческое обозрение законодательства о крепостной пошлине в России. СПб.: Тип. Артиллерийского департамента В. М., 1862. 66 с.
20. Горюшкина Н. Е. «Я брошу откупа, но укажите мне, чем их заменить»: о возврате откупов в министерство Е. Ф. Канкрина // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6 (51), ч. 1. С. 202–206.
21. РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
22. Сведения о питейных сборах в России. СПб.: В Тип. II-го Отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1860–1861. Ч. 5. 251 с.
23. ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 218. Л. 2-8 об.
24. ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 203. Л. 1-5.

References

1. Vojnovich I. A. Pitejnyj vopros: issledovanie v ekonomicheskem i finansovom otnoshenii [Drinking question: research in economic and financial terms]. St. Petersburg, Tip. M. Ettingera, 1876. 164 p.
2. Golovachev A. A. Desyat' let reform [Ten years of reforms]. 1861–1871. St. Petersburg, V tip. F. S. Sushchinskogo, 1872. 398 p.
3. Lebedev V. A. Pitejnoe delo [Drinking business]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego senata, 1898. 106 p.
4. Terskij N. S. Pitejnye sbory i akciznaya sistema v Rossii: Ist. ocherk i nastoyashchee polozhenie: Opyt srovnitel'nogo issledovaniya glavnejshih rezul'tatov akciznoj sistemy i ee znacheniya dlya gosudarstva, kazny i naseleniya [Drinking fees and the excise system in Russia: Historical essay and the present situation: The experience of comparative research of the main results of the excise system and its significance for the state, treasury and population]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1890. 252 p.
5. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 1, d. 5, l. 1–4 ob.
6. Sudejkin V. T. Aleksandr Maksimovich Knyazhevich [Alexander Maksimovich Knyazhevich]. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. G. 23, 1892, vol. 76, no. 10–12, pp. 398–432.
7. Skal'kovskij K. A. Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deyateli [Our statesmen and public figures]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1891. 586 p.

8. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 1155, op. 1, d. 221, l. 1-2.
9. Iz vospominanij Evgenija Ivanovicha Lamanskogo (1840 – 1890 gg.) [From the memoirs of Evgeny Ivanovich Lamansky (1840–1890)]. *Russkaya starina = Russian History*, 1915, vol. 161, no. 1-3, pp. 367–375.
10. RGIA, f. 571, op. 1, d. 1119, l. 22.
11. Zapiski o Saratove K. I. Popova [Notes on Saratov by K. I. Popov]. Saratovskij kraj. Istoricheskie ocherki, vospominaniya, materialy [Saratov region. Historical essays, memoirs, materials]. Vyp. 1. Saratov, 1893, pp. 155–236.
12. Dnevnik Aleksandra Vasil'evicha Nikitenko [Diary of Alexander Vasilyevich Nikitenko]. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. G. 21, 1890, vol. 66, no. 2, pp. 35–53.
13. Gercen A. I. Fedor Pereverzev – vitiya rabstva [Fyodor Pereverzev - the vitia of slavery]. *Kolokol = The Bell*, 1859, September 15, l. 52.
14. GARF, f. 109, op. 3, d. 1750, l. 1 ob.
15. Svedeniya o pitejnyh sborah v Rossii [Information about drinking fees in Russia]. St. Petersburg, V Tip. II-go Otdeleniya sobstvennoj E. I. V. kancel'yarii, 1860–1861, pt. 1. 201 p.
16. Spisok vysshim chinam gosudarstvennogo, gubernskogo i eparhial'nogo upravleniya [List of the highest ranks of the state, provincial and diocesan administration]. St. Petersburg, Tip. 2-go Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancel'yarii, 1840, vol. 4, 124 p.
17. Vysshie chiny Rossijskoj imperii (22.10.1721 – 2.03.1917): biograficheskij slovar' [The highest ranks of the Russian Empire (22.10.1721 - 2.03.1917): biographical dictionary]; ed. by E. L. Potemkin. Moscow, 2019, vol. 3. 658 p.
18. Novickij A. I. Istoricheskoe obozrenie zakonodatel'stva o gerbovom sbore v Rossii [Historical review of the legislation on stamp duty in Russia]. St. Petersburg, Tip. Artillerijskogo Departamenta V. M. Publ., 1861. 119 p.
19. Novickij A. I. Istoricheskoe obozrenie zakonodatel'stva o krepostnoj poshline v Rossii [Historical review of Serf Duty legislation in Russia]. St. Petersburg, Tip. Artillerijskogo Departamenta V. M., 1862. 66 p.
20. Goryushkina N. E. "Ya broshu otkupa, no ukazhite mne, chem ih zmetit": o vozvrate otkupov v ministerstvo E.F. Kankrina ["I will throw the pay-offs, but tell me how to notice them": about the return of pay-offs to the Ministry of E.F. Kankrin]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2013, no. 6 (51), pt. 1, pp. 202–206.
21. RGIA, f. 574, op. 1, d. 1, l. 4.
22. Svedeniya o pitejnyh sborah v Rossii [Information about drinking fees in Russia]. St. Petersburg, V Tip. II-go Otdeleniya sobstvennoj E. I. V. kancel'yarii, 1860–1861, pt. 5. 251 p.
23. GARF, f. 647, op. 1, d. 218, l. 2-8 ob.
24. GARF, f. 647, op. 1, d. 203, l. 1-5.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-194-203>

Практика театральной гастрольной деятельности в сельской местности в контексте социального функционирования регионального театра в 1964–1985 годах

С. А. Заельская¹

¹ Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская 14, г. Оренбург 460014, Российская Федерация

e-mail: sv_a_z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Обращение к гастрольной деятельности театров Урала в период позднего социализма продиктовано кризисным состоянием современного общества, в духовной культуре которого заметно обозначилась тенденция снижения эстетических вкусов и смены эстетических ориентиров. Исторический опыт трансляции художественных ценностей среди сельского населения, присущий театральным коллективам в советскую эпоху, может быть полезным при обеспечении основ духовной безопасности сегодня, приобщения различных социальных слоев населения к высокому профессиональному искусству.

Целью исследования является изучение практического опыта сельской гастрольной деятельности театров Урала в условиях директивного управления сферой культуры в 1964–1985 годах.

Задачи. Опираясь на архивный региональный источниковый материал, в статье формулируются задачи: охарактеризовать объемы театрального обслуживания села; изучить новые формы и способы гастрольной работы театральных коллективов Урала в сельской местности; выявить существенные признаки гастрольной практики на селе в региональных масштабах.

Методология. Методологической основой исследования являются системно-исторический подход, сравнительно-исторический и системный методы, а также ретроспективный метод в синергии с универсальными логическими методами – анализа, синтеза, сравнения и моделирования.

Результаты. Гастрольная деятельность осуществлялась в соответствии с идеологизированной политикой партии, за счет государственного финансирования и была обоснована как в идеологическом, так и общекультурном планах, что позволяло развивать это социально значимое театральное явление. В поздний советский период на Урале фиксируется увеличение объемов, количественных и качественных показателей сельских гастролей профессиональных театров. Расширяется география гастрольных турне уральских театров.

Вывод. Гастрольные практики позволяли театрам вести огромную работу по пропаганде лучших произведений театрального искусства сельскому зрителю, живущему территориально удаленно от учреждений профессионального искусства. Партийно-государственная политика обозначила театрам четкие границы их деятельности, как в идеологическом, так и в производственном плане, при этом поддерживая и финансируя сельские гастроли.

Ключевые слова: театральные гастроли; профессиональное искусство; театральные коллективы; гастрольный репертуар; региональный театр; Урал.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Заельская С. А. Практика театральной гастрольной деятельности в сельской местности в контексте социального функционирования регионального театра в 1964–1985 годах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 194–203. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-194-203>.

Поступила в редакцию 15.12.2021

Принята к публикации 18.01.2022

Опубликована 28.02.2022

© Заельская С. А., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 194–203

The Practice of Theatrical Touring Activities in Rural Areas in the Context of the Social Functioning of the Regional Theater in 1964–1985

Svetlana A. Zaelskaya¹✉

¹ Orenburg State Pedagogical University
14 Soviet str., Orenburg 460014, Russian Federation

✉ e-mail: sv_a_z@mail.ru

Резюме

Relevance. The appeal to the touring activity of the theaters of the Urals during the period of late socialism was dictated by the crisis state of modern society, in the spiritual culture of which there was a noticeable tendency to a decrease in aesthetic tastes and a change in aesthetic guidelines. The historical experience of broadcasting artistic values among the rural population, inherent in theater groups in the Soviet era, can be useful in ensuring the foundations of spiritual security today, introducing various social strata of the population to high professional art.

The purpose of the research is to study the practical experience of rural touring activities of the theaters of the Urals in the conditions of directive management of the sphere of culture in 1964 - 1985.

Objectives. Based on the archival regional source material, the following tasks are formulated in the article: to characterize the volume of theatrical services in the village; to study new forms and methods of touring work of theatrical groups of the Urals in rural areas; to identify essential signs of touring practice in the countryside on a regional scale.

Methodology. The methodological basis of the research is a system-historical approach, comparative-historical and system methods, as well as a retrospective method in synergy with universal logical methods - analysis, synthesis, comparison and modeling.

Results. The touring activity was carried out in accordance with the ideologized policy of the party, at the expense of state funding and was justified, both in ideological and general cultural plans, which made it possible to develop this socially significant theatrical phenomenon. In the late Soviet period, an increase in the volume, quantitative and qualitative indicators of rural tours of professional theaters was recorded in the Urals. The geography of tours of Ural theaters is expanding.

Conclusion. Touring practices allowed theaters to do a great job of promoting the best works of theatrical art to rural viewers who live geographically far from professional art institutions. Party-state policy has defined clear boundaries for theaters of their activities, both ideologically and productively, while encouraging and financing rural tours.

Keywords: theatrical tour; professional art; theater groups; tour repertoire; regional theater; Ural.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zaelskaya S. A. The Practice of Theatrical Touring Activities in Rural Areas in the Context of the Social Functioning of the Regional Theater in 1964–1985. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 194–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-194-203>.

Received 15.12.2021

Accepted 18.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Советский театр, вовлеченный в орбиту политики партии и государства, испытывал властное давление и одновременно являлся мощным каналом трансляции ценностей советской эпохи, проводником идей и идеалов советского об-

раза жизни. К задачам, поставленным партией перед театром, относились: формирование нового советского человека, творческое заполнение его досуга. Решая эти задачи, театральные коллективы вовлекались в активную гастрольную работу, посредством которой расширялись

масштабы привлечения к искусству граждан, проживающих территориально удаленно от столицы, в сельской местности.

Специфической и широко распространённой театральной гастрольной формой на Урале в поздний советский период стали турне творческих коллективов театров в сельскую местность своего и соседних региональных образований. Исторический опыт сельских гастролей профессиональных театров в эпоху позднего социализма нуждается в системном изучении ввиду его социальной значимости, в силу вовлечения в орбиту театральной деятельности сельского населения периферийно удаленного от культурных центров распространения эстетических ценностей. Представляется актуальным изучение практического опыта гастрольной деятельности театров Урала в связи с нарастанием кризисных явлений в духовной сфере современного общества, для которого характерна смена эстетических приоритетов, снижения духовных стандартов. Особый интерес в указанном плане приобретают сельские гастрольные практики, их изучение в исторической ретроспективе.

Методология

Методологической основой исследования является системно-исторический подход, предполагающий наличие системы и функциональных взаимодействий между элементами ее структуры. Гастрольная деятельность театров рассматривается как подсистема театральной культуры, имеющая свою структуру, присущие ей функции и функциональные связи с подсистемами и элементами театральной культуры – системы высокого порядка, которая, в свою очередь, вступает во взаимодействие с социально-экономической и политико-идеологической средой.

Исследование осуществлялось в соответствии с принципами историзма, системности, объективности. Исходя из применяемого методологического подхо-

да, в исследовании использовались методы, выявляющие преимущественно качественную определенность культурных событий позднесоветского периода. Выявление существенно-содержательной основы гастрольных практик, их функционального назначения осуществлялось с применением системного метода. Установить различия и сходства разнообразных аспектов изучаемой деятельности стало возможным при использовании сравнительно-исторического метода. Осмыслению событий прошлого, фиксации связей между культурными событиями в свете современных знаний об итогах уже свершившихся фактов содействовал ретроспективный метод в синергии с общенаучными логическими методами анализа, синтеза, сравнения и моделирования.

Результаты и их обсуждение

Разнообразные аспекты гастрольной деятельности регионального театра в изучаемый период исследовались современными учеными с позиций переосмысливания опыта недавнего советского прошлого. Качество культурных услуг, предоставляемых учреждениями культуры, в том числе и театрами, сельскому населению Дагестана изучено в работе М. Э. Искендерова [1]. Политическая деятельность советской власти по организации досуга граждан, в том числе посредством театральной активности, изучена Ж. С. Сыздыковой, Б. А. Досовой [2]. Авторы определяют роль учреждений культуры в организации свободного времени населения. Непримиримые противоречия между творческой и финансовой составляющей гастрольной работы регионального театра изучены И. И. Крыловской на основе анализа широкого круга исторических источников [3]. Влияние местных партийно-государственных органов власти на гастрольную и репертуарную деятельность театра Хакасии было исследовано на основе анализа обширного круга разноплановых историче-

ских источников в статье Ю. К. Трояковой [4]. С методологических позиций системного и компаративного подходов исследована гастрольная деятельность музыкальных театров Поволжья в конце 1930 – первой половине 1940-х гг. в монографии О. В. Тузовой [5]. В итоге в работах исследователей поднимались разнообразные вопросы, так или иначе затрагивающие гастрольную деятельность театров в условиях политики-идеологического контроля со стороны власти в территориальных масштабах различных регионов. Тем не менее гастрольная деятельность театров Урала в позднюю советскую эпоху нуждается в изучении с целью реконструкции процесса гастрольной работы театральных коллективов в сельской местности, обобщения опыта культурного обслуживания сельского населения, повышения общей и эстетической культуры общества посредством обращения к историческому прошлому.

Предметом исследования является сфера гастрольной театральной деятельности в территориальных рамках регионов Урала, распространяющая свое эстетическое влияние на сельское население. Гастрольная деятельность обладает необходимыми структурными элементами, такими как репертуар, временные и пространные границы реализации проекта, актерский коллектив, финансирование проекта, логистическая составляющая, под которой понимается оборудование (декорации, костюмы, техника, аппаратура) и организационная работа (рекламная деятельность, продажа билетов, прием коллектива, театрального имущества, открытие проекта, учет предпочтений зрителей, гастрольный график).

Вся система сельской гастрольной деятельности выполняла функции трансляции социального опыта, пропаганды искусства социалистического реализма, распространения художественно-эстетических ценностей и приобщения сельского населения к театральному искусству. В основе взаимодействия между компонентами гастрольной системы лежали идео-

логический и творческий способы. Причем творческая составляющая подчинялась идеологическому диктату, выстраивалась в соответствии с требованиями партийности, иначе воплощение ее в жизнь в изучаемую историческую эпоху не представлялось возможным. Репертуар, временные и пространственные рамки турне, коллектив, финансирование и логистика в основе своей подчинялись партийно-государственной политике, сами являлись ее отражением и проводником ее основных принципов. Основная задача, которая ставилась перед профессиональным искусством, заключалась в выработке у сельчан советских культурных образцов поведения и образа жизни в социалистическом обществе средствами театрального искусства. Творческий арсенал средств для воплощения театрального замысла театры черпали из богатейшего эстетического опыта предшествующих эпох. Гастрольные практики позволяли театрам вести огромную работу по пропаганде лучших произведений театрального искусства сельскому зрителю, живущему территориально удаленно от учреждений профессионального искусства.

Целью гастрольной деятельности как системы является формирование благоприятных условий для создания, пропаганды, распространения и популяризации театрального искусства, оптимизация эффективного обслуживания в том числе и сельского населения. Партийно-государственное руководство страны ставило перед театральным искусством задачу приобщения к его творчеству широких масс трудящихся, рассматривая гастроли как «творческий отчет перед трудящимися». Деятельность театров по осуществлению сельских гастролей выстраивалась в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» от 10 ноября 1977 г. [6, с. 570–577] Большинство стационарных театров территориально располагались в

городах, что препятствовало вовлечению в орбиту созидательной работы указанных учреждений населения районных центров, сел, деревень. По этой причине при планировании гастрольной деятельности руководством театров существенное внимание уделялось работе в сельской местности.

Репертуарная политика находилась под незыблемым контролем партийно-государственных органов и могла реализоваться на практике при условии строжайшего соответствия, предъявляемого к репертуарным планам, требованиям, выработанным властью. Анализ региональных источников позволяет сделать заключение о широком жанровом многообразии пьес, демонстрируемых сельским жителям театрами Урала в гастрольных поездках. В гастрольном репертуаре были представлены пьесы на темы современности, социалистического производства, героического прошлого советской страны, классические произведения. Присутствовали как спектакли всемирно известных писателей, советских авторов («Океан» А. Штейна), так и пьесы местных авторов, национальная драматургия («Похищение девушки», «Судьба – не судьба» М. Карима, «Матери ждут сыновей» А. Мирзагитова, «Нэркэс» И. Юмагурова, «Этембай» Н. Наджми, «Андро и Сандро» Г. Хугаева, «Наша единственная», «Настя и Степан» Е. Загребина, «Деревенская комедия» М. Варфоломеева) [7, с. 107; 8, л. 82].

Временные границы реализации исследуемого процесса гастрольной деятельности театров совпадают с вхождением советского искусства в период позднего социализма, ознаменовавшего собой, по мнению ряда исследователей, «бронзовый век» российской культуры [9, с. 206–209] и завершаются началом политики «перестройки», переходного периода в развитии общества и страны, выходом профессионального искусства в иное, ценностное качественное состояние.

Пространственные границы гастрольной деятельности театров Урала довольно обширны и географически охватывают территорию Урала (Башкирская АССР, Удмуртская АССР, Оренбургская, Пермская, Свердловская и Челябинская области). Творческие коллективы профессиональных театров сумели охватить своей работой прежде всего сельские территории своего региона. Так, Стерлитамакский русский драматический театр Башкирской АССР в период летних гастролей 1965 г. осуществил турне по Мелеузовскому, Зианчуринскому, Хайбуллинскому, Баймакскому, Учалинскому, Белорецкому, Бирскому, Янаульскому, Мишкинскому, Илишевскому, Бураевскому районам республики [7, с. 106]. Пермский театр юного зрителя в течение 1965–1966 гг. показал более 200 спектаклей в Бардымском, Сивинском, Чернушинском, Верещагинском, Оханском, Пермском, Карагайском, Нытвенском районах [10, л. 2]. Челябинский областной театр кукол в гастрольный сезон 1966 г. обслужил 44,8 тыс. сельчан Сосновского, Аргаяшского, Кусинского, Чебаркульского районов области, сыграв 216 спектаклей [11, л. 12].

Творческие группы Свердловского государственного академического театра оперы и балета имени А. В. Луначарского провели 175 концертов на полевых станах своей области за годы десятой пятилетки [12, л. 4]. Хлеборобам Стерлитамакского, Белорецкого, Салаватского, Стерлибашевского районов БАССР продемонстрировал свое искусство Республиканский русский театр драмы в июне – июле 1980 г. В поселке Янаул выступил Башкирский академический театр драмы. Салаватский государственный драматический театр гастролировал в Бурзянском и Белорецком районах республики [7, с. 107]. Только за 1980 г. театрами Оренбургской области было показано 2845 спектаклей и обслужено 6180 тыс. сельских зрителей разных возрастных категорий [13, л. 94]. Творческие бригады Музыкального театра Удмуртской автоном-

ной социалистической республики только за первое полугодие 1982 г. продемонстрировали 89 спектаклей, которые посмотрели 32,4 тыс. сельских зрителей, проживающих в Алнашском, Можгинском, Дебесском, Вавожском и ряде других районов республики [14, л. 3]. Гастрольный актерский коллектив Удмуртского государственного драматического театра в течение сезона 1982–1983 гг. обслужил 14,6 тыс. сельских зрителей в 12 из 25 районов республики, продемонстрировав им 39 спектаклей [8, л. 82].

Расширяя маршруты гастрольной деятельности, ряд театральных коллективов Урала обслужили колхозников и рабочих не только отдаленных районов своего региона, но и соседних областей и республик. Так, передвижные Сибайский и Салаватский театры БАССР со своей гастрольной творческой миссией побывали, помимо отдаленных уголков своей республики, и в Оренбургской и Челябинской областях [7, с. 107]. Свердловский академический театр драмы, находясь на гастролях в Казахстане, посвященных двадцатипятилетию освоения целинных и залежных земель, провел много шефских выступлений в целинных совхозах [15, л. 53].

Анализ источников позволяет сделать заключение об увеличении объемов театрального обслуживания сельских зрителей, как количественных, так и территориальных. В итоге к середине 1980-х гг. каждый третий спектакль и каждый второй концерт профессиональных театральных коллективов демонстрировался для сельских зрителей [16, л. 17].

Актерский коллектив, исполняющий репертуарный замысел, отличался профессионализмом, мастерством и умением работать в самых неприхотливых условиях. Творческие работники Свердловского академического театра драмы: главный режиссер А. Л. Соколов, заслуженные артисты РСФСР Ю. П. Васильев, А. В. Петров, артисты Ю. Алексеев, В. Величко – неоднократно выезжали в сельские районы области для проведения консультаций

сельской самодеятельности, оказания репертуарной помощи, проведения семинаров для руководителей сельской художественной самодеятельности [17, л. 45; 18, л. 1]. В Оренбургской области в первой половине 1980-х гг. 82 творческих работника осуществляли шефство над сельскими районами, оказывали помочь 47 коллективам художественной самодеятельности [16, л. 17].

Государственное финансирование сельских гастролей, убыточное с позиций рыночной экономики, являлось оправданным с точки зрения исторической перспективы. Последствия духовного плана, практически не заметные в момент реализации проекта, проявлялись в приобщении села к достижениям искусства, с одной стороны, и внедрению в общественное сознание идеологических установок – с другой. В этом случае деятельность театров была направлена на выполнение такой важнейшей социальной функции искусства, как передача историко-социального опыта.

Гастрольные турне сопровождались внедрением в жизнь новых форм и методов работы театров. Творческие встречи стали одной из них. Все театры Урала активно практиковали их, будучи закрепленными за определенным сельским районом, колхозом. Так, коллектив Пермского театра юного зрителя организовал и провел встречи с сельскими зрителями в Ильинском, Очерском, Кунгурском, Суксунском, Березовском и других районах своего региона. Ведущие артисты Коми-Пермяцкого театра в составе агитпоезда осуществили творческие встречи с сельчанами Косинского района [19, л. 10]. Бригада молодых артистов Свердловского академического театра драмы в сентябре 1981 г. провела 25 концертно-творческих отчетов на полевых станах, животноводческих фермах, станциях технического обслуживания Алапаевского и Сысерского районов Свердловской области [18, л. 2]. Актерским коллективом Удмуртского драматического театра в 1982 г. была организована 21 творческая

ская встреча с сельчанами своей республики. Интересно прошла творческая встреча-отчет заведующего литературной частью театра, драматурга Е. Загребина в Якшур-Бодынском районе перед земляками 11 марта 1983 г. [8, л. 82–83]

Параллельно с гастрольными турне театральные коллективы зачастую оказывали серьезную шефскую помощь сельским самодеятельным коллективам или своим же филиалам. Шефство над селом включало в себя создание на селе спутников, филиалов, опорных пунктов, количество консультаций, оказание помощи в проведении театрализованных праздников, тематических вечеров, устных журналов, литературно-музыкальных композиций, читательских конференций, лекций, бесед с охватом количества зрителей [20, л. 34].

Проводились занятия по сценическому искусству, гриму, актерскому мастерству, сценическому действию, оказывалась помощь в постановке танцевальных, музыкальных номеров. Режиссеры и артисты работали с народными театрами, помогали ставить произведения, принимали спектакли, консультировали, осуществляли разборы спектаклей. Артисты Башкирского академического театра драмы имени М. Гафури провели вышеперечисленные мероприятия в драматических кружках Хайбуллинского, Баймакского, Чекмагушевского, Бижбулянского районов республики [21, л. 18]. Оренбургский областной драматический театр осуществлял работу лаборатории режиссеров и художников народных театров [22, с. 306]. В Челябинской области располагалось 20 театральных филиалов, которые находились под пристальным присмотром профессиональных театров области [23, л. 67].

Многие театральные коллективы Урала за активную шефскую работу на селе были награждены разнообразными наградами: дипломами Министерства культуры СССР, ЦК профсоюзов работников культуры, ЦК профсоюза работников сельского хозяйства; значками «За

культурное шефство над селом»; почетными грамотами [13, л. 93]; переходящим Красным знаменем Министерства культуры СССР, ВЦСПС, Министерства сельского хозяйства СССР и ЦК профсоюзов работников культуры [12, л. 4].

Грань между гастрольными турне и шефской помощью зачастую являлась весьма условной, т. к., осуществляя шефскую помощь, театры давали концерты, спектакли, так или иначе выступали перед сельскими зрителями, транслировали художественные ценности, способствовали повышению общей культуры населения. Поэтому разнообразные виды шефской помощи трансформировались в специфические формы гастрольных практик, т. к. функциональное назначение их и цели во многом совпадали.

Выводы

Таким образом, гастрольная деятельность профессиональных театров Урала, представляющая собой систему последовательно осуществленных мероприятий, проект, направленный на организацию выступлений театрального коллектива за пределами своего театра, в сельских населенных пунктах, способствовала формированию и расширению особого художественного пространства профессионального искусства, распространению его влияния на сельских зрителей, привлекавшихся посредством гастрольных практик к элитарным эстетическим ценностям, культурному проведению досуга.

Гастрольная деятельность, как любая иная работа театров, находилась под пристальным идеологическим контролем власти. Политика партийно-государственных органов в сфере профессионального искусства оценивается неоднозначно. Определяя контроль над репертуаром и плановыми количественными показателями театральной работы, власть одновременно поощряла, целенаправленно поддерживала и финансировала сельские гастроли.

В изучаемый хронологический период на Урале увеличились объемы театрального обслуживания сельского населения, усилилось качество оказываемых услуг, репертуар отличался жанровым разнообразием. Практика гастрольной деятельности театров усложнилась, впитав в себя новые формы творческой работы, когда показы спектаклей дополнялись творческими встречами-отчетами с театральными деятелями. Существенной осо-

бенностью гастрольных практик театральных коллективов Урала в поздний советский период было сочетание гастрольных турне и шефского обслуживания населения. Открытие филиалов театров в сельской местности способствовало наиболее продуктивной гастрольной работе, т. к. имелись уже созданные площадки для функционирования, зачастую технически оборудованные самими театрами.

Список литературы

1. Искендеров М. Э. Организация досуга сельских жителей в 60–70-е гг. XX в. // Вестник института ИАЭ. 2016. № 1. С. 78–81.
2. Сыздыкова Ж. С., Досова Б.А. Политика советской власти по организации досуга граждан в 1950–1960 гг. (на материалах Центрального Казахстана) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9, № 5(50). С. 566–572.
3. Крыловская И. И. Репертуарная политика и проблема отчётности в Хабаровском краевом театре музыкальной комедии // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад: материалы XXIII научной конференции с международным участием. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 282–288.
4. Троякова Ю. К. Особенности работы партийных органов Хакасии по осуществлению театральной политики в 1980–1991 гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4, т. 1. С. 36–41.
5. Тузова О. В. Музыкальная культура Поволжья в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг.: монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2020. 348 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 12: 1975–1977. Изд. 8-е, доп. М.: Политиздат, 1978. 605 с.
7. История культуры Башкортостана. Вып. 5. Культурная жизнь в Башкортостане: сборник документов и материалов. 1960–1994 гг. Уфа: Гилем, 1995. 330 с.
8. ЦГАУР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-1105. Оп. 2. Д. 56.
9. Ванюков Д. А. Эпоха застоя. М.: Мир книги, 2008. 240 с.
10. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-1680. Оп. 1. Д. 14.
11. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. 1632. Оп. 1. Д. 47.
12. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-240. Оп. 1. Д. 645.
13. ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 2568. Оп. 1. Д. 1113.
14. ЦГАУР. Ф. Р-1490. Оп. 1. Д. 314.
15. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 98. Д. 313.
16. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 83. Д. 29.
17. ЦДООСО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 22.
18. ГАСО. Ф. Р-2354. Оп. 1. Д. 982.
19. ПГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории). Ф. 8197. Оп. 1. Д. 553.

20. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 856.
21. НАРБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-1910. Оп. 2. Д. 330.
22. Заельская С. А. Основные направления деятельности профессиональных театров Урала по культурному обслуживанию сельского зрителя в 1970-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей / отв. ред. и сост. В. В. Кондрашин, А. И. Шевельков. М.: Институт истории РАН, 2020. С. 303–308
23. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 195. Д. 268.

References

1. Iskenderov M. E. Organizatsiya dosuga selskikh zhiteley v 60–70-e gg. XX v. [Organization of leisure time for rural residents in the 60s – 70s. XX century]. *Vestnik instituta IAE = Bulletin of the Institute of the IAE*, 2016, no. 1, pp. 78–81.
2. Syzdykova Zh. S., Dosova B.A. Politika sovetskoy vlasti po organizatsii dosuga grazhdan v 1950–1960 gg. (na materialakh Tsentralnogo Kazakhstana) [The policy of the Soviet government on organizing the leisure of citizens in the 1950–1960s. (based on materials from Central Kazakhstan)]. *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnosheniy = Questions of national and federal relations*, 2019, vol. 9, no. 5(50), pp. 566–572.
3. Krylovskaya I. I. [Repertoire policy and the problem of reporting in the Khabarovsk regional theater of musical comedy]. *Kultura Dalnego Vostoka Rossii i stran ATR: Vostok-Zapad. Materialy XXIII nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Culture of the Far East of Russia and Asia-Pacific countries: East-West. Proceedings of the XXIII scientific conference with international participation]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2017, pp. 282–288.
4. Troyakova Yu. K. Osobennosti raboty partiynykh organov Khakasii po osushchestvleniyu teatralnoy politiki v 1980–1991 gg. [Features of the work of the party organs of Khakassia on the implementation of theatrical policy in 1980–1991]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Cherepovets State University*, 2012, no. 4, vol. 1, pp. 36–41.
5. Tuzova O. V. Muzykalnaya kultura Povolzhia v kontse 1930-kh – pervoy polovine 1940-kh gg. [Musical culture of the Volga region in the late 1930s – the first half of the 1940s]. Samara, Samara St. Eng. Univ. Publ., 2020. 348 p.
6. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 12, 1975–1977. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 605 p.
7. Istorya kultury Bashkortostana. Vyp. 5. Kulturnaya zhizn v Bashkortostane. Sbornik dokumentov i materialov. 1960–1994 gg. [The history of culture of Bashkortostan. Issue 5. Cultural life in Bashkortostan. Collection of documents and materials. 1960–1994]. Ufa, Gilem Publ., 1995. 330 p.
8. TsGAUR (Tsentralnyy gosudarstvennyy arkiv Udmurtskoy respubliki) [Central State Archives of the Udmurt Republic], f. R-1105, op. 2, d. 56.
9. Vanyukov D. A. Epokha zastoya [The era of stagnation]. Moscow, Mir knigi Publ., 2008. 240 p.
10. GAPK (Gosudarstvennyy arkiv Permskogo kraya) [State Archives of the Perm Territory], f. R-1680, op. 1, d. 14.
11. OGAChO (Obyedinenny gosudarstvennyy arkiv Chelyabinskoy oblasti) [United State Archives of the Chelyabinsk Region], f. 1632, op. 1, d. 47.
12. GASO (Gosudarstvennyy arkiv Sverdlovskoy oblasti) [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-240, op. 1, d. 645.

13. OGAAO (Obyedinenny gosudarstvenny arkiv Orenburgskoy oblasti) [United State Archives of the Orenburg Region], f. 2568, op. 1, d. 1113.
14. TsGAUR, f. R-1490, op. 1, d. 314.
15. TsDOOSO (Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti) [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region], f. 4, op. 98, d. 313.
16. OGAAO, f. 371, op. 83, d. 29.
17. TsDOOSO, f. 334, op. 1, d. 22.
18. GASO, f. R-2354, op. 1, d. 982.
19. PGANI (Permskiy gosudarstvenny arkiv noveyshey istorii) [Perm State Archive of Contemporary History], f. 8197, op. 1, d. 553.
20. GAOO, f. R-2568, op. 1, d. 856.
21. NARB (Natsionalnyy arkiv Respubliki Bashkortostan) [National Archives of the Republic of Bashkortostan], f. R-1910, op. 2, d. 330.
22. Zayelskaya S. A. Osnovnyye napravleniya deyatelnosti professionalnykh teatrov Urala po kulturnomu obsluzhivaniyu selskogo zritelya v 1970-e gg. [The main activities of the professional theaters of the Urals for the cultural services of the rural audience in the 1970s.]. Gosudarstvennaya vlast i krestianstvo v XIX – nachale XXI veka [State power and the peasantry in the nineteenth and early twenty-first centuries: a collection of articles]. Moscow, Institut istorii RAN Publ., 2020, pp. 303–308.
23. OGAChO, f. P-288, op. 195, d. 268.

Информация об авторе / Information about the Author

Заельская Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: sv_a_z@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6559-5402

Svetlana A. Zaelskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: sv_a_z@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6559-5402

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-204-215>

«Хранители ценных предметов»: о работе художественной интеллигенции в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века

В. В. Ткачев¹

¹ Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, Иркутск 664003, Российская Федерация

e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи состоит в том, что рассматривается история участия представителей художественной интеллигенции в организации общедоступных мероприятий для горожан Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Работа позволяет изучить с разных сторон основные этапы проведения коллекционерами художественных мероприятий (от составления планов до реализации проектов). Исследование определило то, что собиратели редких предметов поддерживали жителей в процессе создания общедоступных выставочных пространств.

Цель работы – по выявленным архивным материалам представить историю участия представителей художественной интеллигенции в организации мероприятий для горожан Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века.

Задачи исследования определены следующие: проанализировать документы Государственного архива Иркутской области, Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева о жизни и деятельности коллекционеров, проведении художественных мероприятий; определить проблемы, с которыми сталкивались организаторы данных событий.

Методология. Исследование придерживается принципов историзма, системности и научной объективности. Применяются такие методы, как историко-генетический и проблемно-хронологический.

Результаты. В работе по выявленным документам из Государственного архива Иркутской области и Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева реконструируется история участия коллекционеров в художественных событиях Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX века. Доказано то, что активная работа собирателей и ценителей редких предметов искусства влияла на деятельность творческих организаций и процесс создания музеев и галерей.

Выходы. Работа представила основные направления деятельности разных представителей художественной интеллигенции по приобщению жителей Байкальской Сибири к предметам искусства во второй половине XIX – начале XX века. В исследовании выявлены и проанализированы исторические источники из архивов, что позволяет восстановить историю участия коллекционеров региона в работе творческих объединений.

Ключевые слова: История Сибири; Байкальская Сибирь; городская культура; городское общество; просвещение; художественная интеллигенция; художественная жизнь.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития»

Для цитирования: Ткачев В. В. «Хранители ценных предметов»: о работе художественной интеллигенции в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 204–215. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-204-215>.

Поступила в редакцию 20.12.2021

Принята к публикации 20.01.2021

Опубликована 28.02.2022

“Keepers of Valuable Items”: About the Work of the Artistic Intelligentsia in the Cities of Baikal Siberia in the Second half of the XIX – early XX Century

Vitaliy V. Tkachev¹

¹ Irkutsk State University
1 K. Marx str., 664003 Irkutsk, Russian Federation
 e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

The relevance of the article lies in the fact that the history of the participation of representatives of the artistic intelligentsia in the organization of public events for the townspeople of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries is considered. The work allows you to study from different angles the main stages of art events held by collectors (from drawing up plans to implementing projects). The study determined that collectors of rare items supported residents in the process of creating public exhibition spaces.

The purpose of the work is to present the history of the participation of representatives of the artistic intelligentsia in organizing events for the townspeople of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries based on the identified archival materials.

The objectives of the study are defined as follows: to analyze the documents of the State Archives of the Irkutsk Region, the Irkutsk Regional Art Museum named after I.I. V. P. Sukachev about the life and work of collectors, holding art events; identify the problems faced by the organizers of these events.

Methodology. The study adheres to the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. Methods such as historical-genetic and problem-chronological are used.

Results. In the work on identified documents from the State Archives of the Irkutsk Region and the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukacheva reconstructs the history of the participation of collectors in the artistic events of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries. It has been proven that the active work of collectors and connoisseurs of rare art objects influenced the activities of creative organizations and the process of creating museums and galleries.

Conclusions. The work presented the main areas of activity of various representatives of the artistic intelligentsia in introducing the inhabitants of Baikal Siberia to art objects in the second half of the 19th - early 20th centuries. The study identified and analyzed historical sources from the archives, which allows us to restore the history of the participation of collectors in the region in the work of creative associations.

Keywords: History of Siberia; Baikal Siberia; urban culture; urban society; education; artistic intelligentsia; artistic life.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The research was supported by Irkutsk State University, project N 091-21-322 "Artistic life in the cities of Baikal Siberia in the second half of the XIX - early XX centuries: history and features of development".

For citation: Tkachev V. V. "Keepers of Valuable Items": About the Work of the Artistic Intelligentsia in the Cities of Baikal Siberia in the Second half of the XIX – early XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 204–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-204-215>.

Received 20.12.2021

Accepted 20.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

Исторические исследования современности направлены на то, чтобы дать определённую оценку главных культур-

ных событий, которые проводились во второй половине XIX – начале XX в. Данные работы подчёркивали активное участие отдельных представителей художественной интеллигенции в мероприя-

тиях. Важно изучить не только жизнь активных участников, но и их роль в организации выставок, экскурсий и т. д. Известно то, что в городах Байкальской Сибири (Иркутской губернии и Забайкальской области) появляются творческие люди, такие как А. П. Богословский, Р. С. Пророков, А. Н. Турунов, М. Я. Лейбович, которые поддерживали любые идеи о том, как создавать общедоступные площадки. Взаимодействие их с разными представителями художественной интеллигенции из Москвы и Петербурга расширяло знания о том, как эффективно реализовывать проекты в регионе (от экономического планирования до воплощения в действительность).

Во второй половине XIX – начале XX в. происходил процесс приобщения горожан Байкальской Сибири к отечественному и зарубежному искусству. Художники, коллекционеры поддерживали работу иркутских учёных и совместно с ними участвовали в создании выставочных пространств, где знакомили городское общество с живописными полотнами и другими ценными экспонатами.

Данная работа подтверждает то, что коллекционеры принимали участие в деятельности общественных организаций, которые проводили выставки, создавали новые учебные заведения по развитию искусства в регионе. В исследовании прослеживается история создания собраний предметов искусства в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. В результате использования неопубликованных ранее документов из фондов Государственного архива Иркутской области и Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева проведён анализ выявленных свидетельств о деятельности коллекционеров Байкальской Сибири; изучены собрания предметов искусства, с которыми знакомились жители; восстановлена история организации художественных мероприятий; выделены трудности и особенности в процессе планиро-

вания и реализации выставочных проектов.

Жизнь и деятельность А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича изучали многие сибирские исследователи. В трудах В. Ф. Чиркова, Б. С. Шостаковича, Л. Н. Сытко, Т. П. Огородниковой и других восстановлена история формирования собраний предметов искусства в городах Байкальской Сибири [1; 2; 3]. Изучению особенностей культурного взаимодействия между разными представителями городского общества посвящены работы В. П. Шахерова и Н. И. Гавриловой [4; 5; 6; 7; 8].

Многие исследования по истории отдельных предметов искусства в музеиных фондах Иркутска, Верхнеудинска, Нерчинска, Читы актуальны на настоящий момент, т. к. они дают направления для более глубокого изучения коллекций, которые формировались во второй половине XIX – начале XX в. [9; 10] В научных трудах А. Д. Фатьянова, Т. Г. Ларевой, Ю. П. Лыхина представлены сюжеты, связанные с художественной жизнью Иркутска [11; 12; 13]. В качестве примера можно привести работы А. Д. Фатьянова, которые были направлены на изучение истории появления уникальных предметов искусства в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева [14; 15; 16].

Художественную жизнь Иркутска и Иркутской губернии в начале XX в. изучал и представил в своих работах Ю. П. Лыхин [17; 18]. Особенность его работ состоит в том, что впервые историком публиковались архивные документы о жизни и творчестве иркутских и западных мастеров, общественных организаций, как центральных (Москвы и Санкт-Петербурга), так и сибирских архивов. Научную и выставочную деятельность ВСОИРГО рассматривали иркутские исследователи в своей коллективной монографии [19; 20]. Также историю организации художественных мероприятий в Иркутске продолжает изучать настоящий автор [21].

Таким образом, историки, культурологи, музеологи изучали жизнь и деятельность А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича, но многие аспекты, связанные с перемещением предметов искусства между разными владельцами коллекций, включение известных живописных полотен в состав экспозиций передвижных выставок во второй половине XIX – начале XX в. не раскрываются подробно в работах. Данное исследование, используя новые источники, восстанавливает историю формирования собраний предметов искусства в городах Байкальской Сибири и создания выставочных пространств.

Методология

Работа придерживается историзму, что позволяет выявить особенности в создании общедоступных выставочных пространств и уникальных коллекций предметов искусства в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. В исследовании используется системный подход, который помогает проанализировать большой объём исторических документов из фондов Государственного архива Иркутской области и Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Также в работе благодаря историко-генетическому методу восстанавливаются ранее неизвестные факты, которые определяют особенности развития художественной жизни Байкальской Сибири в изучаемый период. В результате включения в статью такого метода, как проблемно-хронологического, подробно представлена жизнь и деятельность известных коллекционеров (А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича) в процессе развития художественного пространства и деятельности творческих объединений по проведению уникальных мероприятий для региона.

В статье анализируются исторические источники из фондов Восточно-Сибирского отдела Императорского Рус-

ского географического общества (далее – ВСОИРГО) (ГАИО. Ф. 293), Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии (далее – ОРНОиНР) (ГАИО. Ф. 197), входящие в состав Государственного архива Иркутской области, и личные дела художников, коллекционеров из собрания Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Анализируются материалы о А. П. Богословском, Р. С. Пророкове, А. Н. Турунове, М. Я. Лейбовиче, которые состояли в творческих и научных организациях Иркутска. Данные источники показывают то, как представители художественной интеллигенции (художники и коллекционеры) принимали участие в научных экспедициях, в создании выставочных пространств города во второй половине XIX – начале XX в.

Результаты и их обсуждение

Деятельность представителей сибирской интеллигенции, таких как А. П. Богословский, Р. С. Пророков, А. Н. Турунов, М. Я. Лейбович, была направлена на развитие художественного пространства. Известно то, что во второй половине XIX – начале XX в. происходил процесс приобщения городского общества Байкальской Сибири к отечественному и зарубежному искусству. Важным условием в проведении любого художественного мероприятия является то, что в этих событиях должны были принимать участие специалисты, которые хорошо понимали все особенности построения экспозиций, музейной работы. Научные труды историков, культурологов, музеологов направлены на то, чтобы дать определённую оценку деятельности коллекционеров, исследователей, которые создавали выставочные пространства в Иркутской губернии и Забайкальской области. Данные работы подчёркивали активное участие отдельных представителей художественной интеллигенции в мероприятиях. В сибирской историографии отмечается

то, что отличие развития городской среды в изучаемый период состоит в том, что творческие объединения используют разные формы работы в процессе приобщения жителей к предметам искусства. Художники, коллекционеры поддерживали работу иркутских учёных и совместно с ними участвовали в создании выставочных пространств, где знакомили городское общество с живописными полотнами и другими ценными экспонатами. Исторические источники сообщают современному поколению о том, что во второй половине XIX – начале XX в. развивались культурные связи, проводились художественные мероприятия: выставки, лекции, экскурсии. Создавались благоприятные условия для формирования и развития художественной жизни региона.

Современные исследователи в своих трудах подтверждают то, что во второй половине XIX – начале XX в. коллекционеры Байкальской Сибири участвовали в научной, просветительской деятельности ВСОИРГО и ОРНОиНР. Всё это даёт возможность рассмотреть их работу в городах более подробно.

Алексей Петрович Богословский – инженер путей сообщения, художник, исследователь художественного пространства Байкальской Сибири. А. П. Богословский занимался активно общественной работой, связал всю свою жизнь с искусством. Алексей Петрович участвовал в организации мероприятий ВСОИРГО, т. к. был его членом с 1894 г. Он активно проводил мероприятия как международного, так и регионального уровня; собирал исторические, этнографические материалы; изучал музейные коллекции; публиковал свои статьи в издании ВСОИРГО. Одним из направлений, которым занималось общество, являлось проведение художественных выставок как западных, так и сибирских мастеров. Многие предметы искусства можно было приобретать на таких мероприятиях. Лучшие работы передавались в музеи и частные галереи жителей Иркутской губернии. А. П. Богословский знал

основные принципы работы с произведениями искусства: от их перемещения по городам до включения в состав тематических экспозиций. Он занимался организационными (финансовыми, хозяйственными) вопросами при построении выставок. Также осуществлял деловую переписку с мастерами, когда происходил процесс создания программы будущего мероприятия. Алексей Петрович сталкивался и с определёнными проблемами. Исторические источники сохранили данные свидетельства в фондах Государственного архива Иркутской области [22, л. 20].

С 1903 г. Алексей Петрович состоял и постоянно поддерживал деятельность ОРНОиНР, организовывал художественные мероприятия в Иркутске. Историю данного объединения стоит рассмотреть отдельно, т. к. А. П. Богословский во многих вопросах разбирался, предлагал решить определённые трудности, с которыми сталкивалось общество.

ОРНОиНР было создано 6 июня 1900 г. Данная организация занималась изучением состояния дел в сфере образования, науки и просвещения. В этой деятельности принимали участие известные учёные, коллекционеры, художники, учителя и другие представители общественности. Благодаря взаимодействию горожан и членов ОРНОиНР, возможно было определить интересы и предпочтения жителей в науке, искусстве, культуре, что направляло организацию на использование новых форм работы.

Работа ОРНОиНР по приобщению жителей Иркутской губернии к искусству определяется несколькими направлениями: проведение лекций; художественных выставок, концертов и спектаклей с демонстрацией живописных полотен и развитие художественного образования. Деятельность ОРНОиНР заключалась в изучении состояния сферы образования, культурной среды Иркутской губернии. Так, члены объединения принимали участие в экспедициях по всей территории региона. Они собирали информацию о

том, как развиваются населённые пункты, где жители получают своё первое образование и т. д. По результатам обработки полученных данных обществом было предложено развивать просветительскую и образовательную среды. Одна из идей заключалась в проведении публичных лекций по искусству.

В рамках второго направления работы ОРНОиНР по приобщению жителей региона к предметам искусства проводились общедоступные концерты, спектакли, вечера, где демонстрировались живописные полотна сибирских и западных мастеров. Свидетельства по данным мероприятиям находятся в сибирских архивах и были представлены ранее в научных трудах исследователей [23, л. 6].

Также ОРНОиНР постоянно поддерживало и развивало художественное образование и просвещение. В отчёте за 1900–1901 гг. сообщается то, что новое учебное заведение (рисовальная школа) создаётся по инициативе общественности: «Желая придать большую прочность предприятию, они (Н. И. Верхотуров и М. А. Рутченко) обратились к обществу, чтобы школа была открыта от его имени» [24, л. 10]. Инициативу создания учебного заведения поддержал и А. П. Богословский.

Свидетельства об участии А. П. Богословского в организации художественных выставок в Иркутске можно посмотреть в источниках периодической печати. Данные свидетельства сохранили не только информацию о том, когда мероприятия и в каком помещении с участием Алексея Петровича прошли, но и то, как жители оценивали события. В таких заметках отмечалось количество посетителей, возможность приобрести понравившиеся картины, участники выставок с указанием городов, название самых известных живописных полотен и другие интересные для исследователя факты. В газете «Восточное обозрение» от 1900 г. сообщается то, что в зале Общественного собрания по Амурской улице состоялась художественная выставка имеющихся в

Иркутске произведений искусства. Выставка была организована по инициативе А. П. Богословского и других членов кружка любителей живописи, образовавшегося при Обществе любителей музыки и литературы осенью 1899 г. Были показаны произведения русских и европейских мастеров: И. К. Айвазовского, М. М. Антокольского, А. Г. Варнека, А. И. Корзухина, К. Е. Маковского, С. Тончи, Л. Хофелиха, Р. Шульце, работавших в Восточной Сибири в 1870–1880-х гг. польских ссыльных С. Вронского и Ю. Беркмана, лейтенанта Ф. М. Белкина и др. Кроме того, в выставке участвовали своими работами местные художники и любители: Н. И. Верхотуров, М. И. Зязин, А. И. Кузнецов, В. Г. и И. Г. Шешуновы. Выставка вызвала большой резонанс в городе и охотно посещалась публикой. Только за первые три дня на ней побывало более 550 человек. К выставке был издан каталог.

В 1902 г. газеты «Иркутские губернские ведомости» и «Восточное обозрение» писали о том, что в Общественном собрании проходила выставка картин и этюдов лейтенанта Ф. М. Белкина, одного из участников Байкальской гидрографической экспедиции под начальством Ф. К. Дриженко (1896–1902). На выставке было представлено 165 работ, распределенных по нескольким разделам. Самый большой из них был посвящен Байкалу – 72 картины. Северный Ледовитый океан изображали 34 работы, религиозные верования бурят-буддистов, Гусиногорский дацан, праздник Цам – 20, кавказское побережье Черного моря – 17, Онежское озеро – 14, Крым – 3 и разных этюдов – 5. Выставка была устроена иркутским благотворительным обществом «Утоли моя печали», в пользу которого пошел весь сбор с выставки. Главные хлопоты по устройству выставки взял на себя ее «заведующий» А. П. Богословский. Выставка вызвала большой интерес у иркутян и была продлена на неделю сверх первоначального срока. Картины продавались [25, л. 8].

Многие художественные мероприятия в городах Байкальской Сибири проводил известный собиратель предметов искусства и исследователь художественной жизни региона Р. С. Пророков (1858–1936). Руфин (Руфим) Самойлович – член распорядительного комитета ВСОИРГО, заведующий астрономической обсерватории. С 1908 по 1917 г. в течение десяти лет при музее данной научной организации устраивал художественные выставки, привлекая для участия в них не только местных профессиональных художников, но и любителей. В последующем привлекал на мероприятия мастеров и из других городов Сибири и даже столицы России. С выставок этих приобретал произведения и лично для своей коллекции. В его собрании были работы сибиряков В. Д. Вучичевича-Сибирского, Г. Гуркина, Н. В. Лодейщикова, П. Кислелькова, И. Шешунова, а также этюды самого известного представителя русской художественной школы, создателя исторических полотен В. И. Сурикова. После кончины его вдова передала Иркутскому художественному музею несколько картин из его коллекции, а также весь архив Р. С. Пророкова, связанный с организацией выставок, переписка с художниками, фотографии отдельных картин и экспозиции в музее ВСОИРГО, каталоги и списки экспонированных произведений с оценкой их стоимости для продажи. Под его руководством в Иркутске было проведено 9 художественных выставок с 1909 по 1917 г.

Исторические источники сохранили подробности того, как Р. С. Пророков создавал выставочные пространства и поддерживал художников во всех начинаниях. Так, в одном заявлении в Распорядительный комитет ВСОИРГО по организации выставки в Иркутске от 10 марта 1919 г. сообщалось следующее: «Несколько любителей-художников обратились ко мне с предложением выставить свои картины, писаные масляными и акварельными красками, в помещении музея на Пасхальные недели для обозрения их публичного, с тем чтобы плату за вход

посещения отправить в пользу отдела Географического общества. И необходимые местные расходы по избирательству этой выставки отделения и на свой счёт. Но виду художественного имею честь просить Распорядительный комитет рассмотреть вопрос и в случае одобрения его возбудить ходатайство о разрешении хранить выставки» [26, л. 2].

Сведения о работе Руфина Самойловича в Иркутске можно встретить в переписке А. Н. Турунова с сотрудниками Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Анатолий Николаевич – участник выставок: сибирской художественной картин, скульптур и рисунков. В собрании Иркутского областного художественного музея находится четыре акварели мастера: «Голод», «Лама», «Крестьянин» и «Могилы» [26, л. 12].

В одном письме к сотрудникам Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева А. Н. Турунов сообщал интересные сведения о сибирских художниках и о работах, которые выставлялись коллекционерами в Иркутске в начале XX в.: «Ваш ответ на запрос о работах художника М. И. Пескова получил. Я уже сообщал Вам, что на выставке «Старый Иркутск» (кажется в 1914 г.) экспонировались два портрета его работы «Лаврентьевых» (из собрания Собакарёва). Возможно, что они и сейчас имеются в семье Собакаревых. Жена Собакарева урождённая Лаврентьева. Собакаревы жили где-то в районе улицы Желябова (б. Мало-Трапезниковая)» [27, л. 5]. Историк сообщает также о том, что недавно в Иркутске умер Р. С. Пророков (1936 г.), который много лет заведовал астрономической обсерваторией. Он сохранил записи о сибирских художниках и о создании своих живописных полотен, т. к. принимал активное участие в устройстве художественных выставок и общался со многими мастерами в начале XX в.

Также художественные мероприятия проводил коллекционер М. Я. Лейбович. Моисей Яковлевич – сын иркутского

купца. В годы советской власти был почтовым служащим. Известно, что он собрал редкие и уникальные книги, был поклонником изобразительного искусства. Ему удалось сохранить богатую книжную коллекцию, а картины были отданы на хранение в фонды Иркутской картинной галереи. В коллекции М. Я. Лейбовича находились произведения видных французских и итальянских живописцев второй половины XIX в. (Паллар, Прателла и др.) и рисунки русских мастеров В. Борисова-Мусатова, М. Добужинского, Л. Пастернака, И. Репина, К. Сомова, а также иркутян. В собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева находятся более тридцати картин и рисунков русских и иностранных художников, подаренных М. Я. Лейбовичем в 1921, 1925, 1928 и 1930 гг. [27, л. 8]

Таким образом, деятельность А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича влияла на формирование художественного пространства, развитие общественной инициативы, приобщение горожан Байкальской Сибири к предметам искусства во второй половине XIX – начале XX в. Они поддерживали общественные, творческие и научные организации. Их жизнь была связана с искусством. Коллекционеры постепенно собирали материалы, уникальные картины, эскизы, рисунки, скульптуру, книги; изучали творчество и историю создания живописных полотен сибирскими и западными мастерами. Источники показали то, что в процессе проведения художественных мероприятий в городах Байкальской Сибири развивалась и общественная инициатива.

Выводы

Таким образом, исследование доказало то, что в результате деятельности коллекционеров, общественных деятелей во второй половине XIX – начале XX в. создавались выставочные пространства, для горожан становились более доступ-

ными концерты и музыкальные вечера, поддерживалось развитие художественного образования, музеев и галерей. Высшим достижением являлось то, что жители знакомились с новыми достижениями в искусстве, культурными традициями России и Сибири. В результате посещения разных представителей городского общества художественных событий в городах Байкальской Сибири проявлялся интерес к ценным предметам и расширялись знания о действительности. Деятельность многих представителей художественной интеллигенции влияла на развитие художественного пространства. Коллекционеры постепенно собирали материалы, изучали творчество и историю создания живописных полотен сибирскими и иностранными мастерами.

Экономические, культурные, политические изменения второй половины XIX – начала XX в. являлись основой для создания общественных объединений по приобщению горожан Байкальской Сибири к искусству. В данный период жители Иркутской губернии и Забайкальской области знакомились с произведениями искусства отечественных и зарубежных мастеров. Важным условием в проведении любого художественного мероприятия является то, что в этих событиях должны были принимать участие специалисты, коллекционеры, которые хорошо понимали все особенности построения экспозиций, музейной работы. Современные научные труды историков, культурологов, музеологов направлены на то, чтобы дать определённую оценку деятельности коллекционеров, исследователей, которые создавали выставочные пространства в городах Байкальской Сибири. Данные работы подчёркивали активное участие отдельных представителей художественной интеллигенции в мероприятиях. В представленный период активно расширяют свою деятельность общественные и научные организации по приобщению жителей к предметам искусства. Художники и коллекционеры поддерживали работу иркутских учёных

и совместно с ними участвовали в создании выставочных пространств, где знакомили городское общество с живописными полотнами и другими ценностями экспонатами.

В результате деятельности А. П. Богословского, Р. С. Пророкова, А. Н. Турунова, М. Я. Лейбовича в городах Байкальской Сибири формируются собственные, уникальные коллекции картин, рисунков, эскизов, скульптуры и книг. Хранители ценных предметов и культурного наследия изучают творчество сибирских и западных мастеров, что сильно влияло на определение будущих направлений в исследовании художественной жизни региона. Коллекционеры участво-

вали в организации разных культурных, научных событий (выставок, лекций, экскурсий) ВСОИРГО и ОРНОиНР. Многие предметы из их собраний входили в состав экспозиций на мероприятиях как регионального, так и международного уровня. Исследования в данном направлении должны продолжаться, т. к. на современном этапе исторической науки активно используются уникальные, выявленные в сибирских архивах источники. Они расширят знания о прошлом и помогут ответить на важные вопросы по истории формирования коллекций предметов искусства в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XX вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. Т. 1. С. 81–82.
2. Завещано потомкам : художественная коллекция В. П. Сукачева в Иркутске : художественный альбом / Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 8–13.
3. Русское искусство XVII – начала XX века : Иконопись. Деревянная скульптура. Живопись. Иркутск : Артиздат, 2008. С. 4–5.
4. Шахеров В. П. Купеческие библиотеки в культурном наследии Иркутска // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 3. С. 518–528.
5. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск : Приамурские ведомости, 2006. С. 15–22.
6. Гаврилова Н. И. Развитие сферы гражданской активности иркутян: деятельность добровольных неполитических объединений города во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 58–62.
7. Паликова Т. В. Формирование музеиного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 148–154.
8. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-т, 2008. С. 16–18.
9. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX – начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. С. 21–26.
10. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348–349.
11. Токарев В. П. Изобразительное искусство Сибири XIX в. Новосибирск: Наука : Сиб. изд. фирма, 1973. С. 8–10.
12. Токарев В. П. Художники Сибири XIX в. Новосибирск: Наука : Сиб. изд. фирма, 1993. С. 4–6.

13. Манзырева Е. С. Развитие художественной культуры в городах Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 18–22.
14. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1995. С. 19–20.
15. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1967. С. 12–13.
16. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1990. С. 51–54.
17. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 35–38.
18. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библ. словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. С. 122–126.
19. Дамешек Л. М. Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 20–22.
20. ВСОРГО в лицах: библиографический словарь. Вып. 2 / под ред. Ю. А. Зуляра, Л. М. Корытного. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012. С. 78–114.
21. Ткачев В. В. Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 216–227.
22. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 282.
23. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4.
24. ГАКО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2.
25. ГАКО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 13.
26. Архив ИОХМ (Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева). Личное дело Р. С. Пророкова.
27. Архив ИОХМ. Личное дело А. Н. Турунова.

References

1. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine arts of Siberia of the XVII – early XXI centuries]. Tobol'sk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014, pp. 81–82.
2. Zaveshchano potomkam: khudozhestvennaya kollektiya V. P. Sukacheva v Irkutske [Bequeathed to descendants: art collection of V. P. Sukachev in Irkutsk]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2009, pp. 8–13.
3. Russkoye iskusstvo XVII – nachala XX veka: Ikonopis'. Derevyannaya skul'ptura. Zhivopis' [Russian art of the 17th - early 20th centuries: Iconography. Wooden sculpture. Painting]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2008, pp. 4–5.
4. Shaharov V. P. Kupecheskiye biblioteki v kul'turnom nasledii Irkutska [Merchant libraries in the cultural heritage of Irkutsk]. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya = Historical and economic research*, 2021, vol. 22, no. 3, pp. 518–528.
5. Shakherov V. P. Irkutsk kupecheskiy: istoriya goroda v litsakh i sud'bakh [Merchant Irkutsk: the history of the city in persons and destinies]. Khabarovsk, Priamurskiye vedomosti, 2006, pp. 15–22.
6. Gavrilova N. I. Razvitiye sfery grazhdanskoy aktivnosti irkutyan: deyatel'nost' dobrovol'nykh nepoliticheskikh ob"yedineniy goroda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [De-

velopment of the sphere of civic activity in Irkutsk: the activities of voluntary non-political associations of the city in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya = Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, 2017, vol. 21, pp. 58–62.

7. Palikova T. V. Formirovaniye muzeynogo prostranstva gorodov Zabaykal'ya rubezha XIX–XX vekov [Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia at the turn of the XIX – XX centuries]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of social and economic development of Siberia*. 2020, no. 1, pp. 148–154.

8. Palikova T. V. Razvitiye kul'tury gorodov Zabaykal'skoy oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Development of the culture of the cities of the Trans-Baikal region (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Ulan-Ude, Buryat St. Univ. Publ., 2008, pp. 16–18.

9. Lareva T. G. Istorya izobrazitel'nogo iskusstva Pribaykal'ya XX – nachala XXI veka [History of the fine arts of the Baikal region of the XX beginning of the XXI century]. Irkutsk, Print Layn Publ., 2015, pp. 21–26.

10. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 348–349.

11. Tokarev V. P. Izobrazitel'noye iskusstvo Sibiri XIX v. [Fine arts of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1973, pp. 8–10.

12. Tokarev V. P. Khudozhniki Sibiri XIX v. [Siberian artists of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1993, pp. 4–6.

13. Manzyreva Ye. S. Razvitiye khudozhestvennoy kul'tury v gorodakh Vostochnoy Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [Development of artistic culture in the cities of Eastern Siberia (XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstva = Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts*, 2014, no. 2 (7), pp. 18–22.

14. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollecionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1995, pp. 19–20.

15. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1967, pp. 12–13.

16. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoye kn. izd-vo, 1990, pp. 51–54.

17. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy" Publ., 2002, pp. 35–38.

18. Lyhin Yu. P., Kryuchkova T. A. Ikonopiscy, mastera i hudozhniki Irkutska (XVII vek – 1917 god) [Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century-1917)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy" Publ., 2000, pp. 122–126.

19. Dameshek L. M. Muzey VSORGO: istoriya formirovaniya kollektsiy i vystavochnaya deyatel'nost' (1851–1931 gg.) [VSORGO Museum: History of Collection Formation and Exhibition Activities (1851–1931)]. Irkutsk, ISU Publ., 2013, pp. 20–22.

20. VSORGO v litsakh: biobibliograficheskiy slovar'. Vyp. 2. [VSORGO in persons: a bio-bibliographic dictionary. Is. 2]; ed. by Yu. A. Zulyar, L. M. Korytnyi. Irkutsk, Institut geografii im. V. B. Sochavy SO RAN Publ., 2012, pp. 78–114.

21. Tkachev V. V. Organizatsiya khudozhestvennykh meropriyatiy Vostochno-Sibirskim otdelom Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Organization of Artistic Events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 216–227.

22. GAIO (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti) [State Archives of the Irkutsk Region], f. 293, op. 1, d. 282.
23. GAIO, f. 197, op. 1, d. 4.
24. GAKO, f. 293, op. 1, d. 2.
25. GAKO, f. 293, op. 1, d. 13.
26. Archive IOChM (Arkhiv Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya im. V. P. Sukacheva) [Archive of the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukacheva]. Lichnoye delo R. S. Prorokova [Personal file of R.S. Prorokov].
27. Archive IOChM. Lichnoye delo A. N. Turunova [A. N. Turunov's personal file].

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1057-3270

Vitaliy V. Tkachev, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-216-222>

Общественно-политические настроения крестьян в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века

Н. С. Петрищева¹, К. А. Зарубина²

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

e-mail: kris1996z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Исследуя общественно-политические настроения в России в предреволюционные годы, важно понимать, что в этот период времени большую часть населения составляло крестьянство, поэтому для формирования общего представления об особенностях развития общественно-политического сознания в России во второй половине XIX – начале XX века необходимо определить: как в сельской местности относились к верховной власти, курсу реализуемой ею политики; каким образом крестьянство выражало свои недовольства и как эти недовольства оценивало правительство страны. При этом особое внимание следует уделить анализу региональных, особо уникальных архивных материалов, поскольку об общегосударственных тенденциях развития общественно-политического сознания в рассматриваемый период и их взаимосвязи с развитием предреволюционной ситуации в стране можно судить, основываясь на изучении данных материалов. Вследствие чего исследование общественно-политических настроений курского крестьянства в обозначенный период представляется актуальным.

Цель научной статьи – исследование общественно-политических настроений крестьянства в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века.

Задачи научного исследования: определить, какие проблемы больше всего волновали курское крестьянство в рассматриваемый период; как крестьяне относились к верховной власти; каким образом выражали своё недовольство и как это влияло на развитие предреволюционной ситуации в Курской губернии.

Методология. В процессе работы использовались методы: логический, исторический, хронологический, метод синтеза и анализа, обобщения и систематизации.

Результаты исследования отличает оригинальность, поскольку большинство архивных источников, используемых для написания работы, были введены в научный оборот впервые. Они могут стать базой для дальнейшего изучения указанной проблемы, новых теоретических обобщений результатов научных изысканий.

Выход. Во второй половине XIX – начале XX века курские крестьяне активно распространяли запрещённую литературу, изготавливали листовки, брошюры с политически опасным содержанием, выражали своё недовольство реализуемым правительством и лично императором внутриполитическим курсом через оскорбление монарха, членов царской семьи. При этом в основном крестьян волновал земельный вопрос, в связи с чем эта категория населения и проявляла подобную политическую «активность».

Ключевые слова: оскорбление; воззвание; листовки; общественно-политическое сознание; политическая пропаганда.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Для цитирования: Петрищева Н. С., Зарубина К. А. Общественно-политические настроения крестьян в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 216–222. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-216-222>.

Поступила в редакцию 23.12.2021

Принята к публикации 24.01.2021

Опубликована 28.02.2022

© Петрищева Н. С., Зарубина К. А., 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022; 12(1): 216–222

Socio-Political Sentiments of Peasants in Kursk Province in the Second half of the XIX – Early XX Century

Natalya S. Petrishcheva¹, Kristina A. Zarubina¹✉

¹ Southwest State University 94

50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

Relevance. Studying the socio-political mood in Russia in the pre-revolutionary years, it is important to understand that during this period of time the majority of the population was the peasantry. Therefore, in order to form a general idea of the peculiarities of the development of socio-political consciousness in Russia in the second half of the XIX–early XX century, it is necessary to determine: how the supreme power was treated in rural areas, the course of the policy implemented by it; how the peasantry expressed their discontent, and how these discontent was assessed by the government of the country. At the same time, special attention should be paid to the analysis of regional, especially unique archival materials, since national trends in the development of socio-political consciousness in the period under review and their relationship with the development of the pre-revolutionary situation in the country can be judged based on the study of these materials. As a result, the study of the socio-political sentiments of the Kursk peasantry in the designated period seems relevant.

The purpose. The purpose of the scientific article is to study the socio-political sentiments of the peasantry in the Kursk province in the second half of the XIX–early XX century.

Objectives. The objectives of the scientific research: to determine which problems most concerned the Kursk peasantry in the period under review, how the peasants treated the supreme power, how they expressed their dissatisfaction, and how it affected the development of the pre-revolutionary situation in the Kursk province.

Methodology. In the process of working on the research, the following methods were used: historical, logical, chronological, synthesis and analysis, generalization and systematization.

The results of the study are distinguished by originality, since most of the archival sources used for writing the work were introduced into scientific circulation for the first time. They can become the basis for further study of this problem, new theoretical generalizations of the results of scientific research.

Conclusion. In the second half of the XIX–early XX century, Kursk peasants actively distributed banned literature, produced leaflets, pamphlets with politically dangerous content, expressed their dissatisfaction with the internal political course implemented by the government and personally by the emperor through insulting the monarch, members of the royal family. At the same time, the peasants were mainly concerned about the land issue, in connection with which this category of the population showed similar political «activity».

Keywords: insult; appeal; leaflets; socio-political consciousness; political propaganda.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was completed within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).

For citation: Petrishcheva N. S., Zarubina K. A. Socio-Political Sentiments of Peasants in Kursk Province in the Second Half of the XIX – early XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochnika i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 216–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-10-21>.

Received 23.12.2021

Accepted 24.01.2021

Published 28.02.2022

Введение

Современная историография дореволюционного периода обычно рассматривает историю развития как Курской гу-

бернии, так и в целом России в системе отношений государство – крестьянство, потому что большая часть населения в

этот период проживала в сельской местности.

По данным Всероссийской переписи, в 1897 г. в Российской империи проживало всего 125 млн 681 тыс. человек, из них городского населения (без Привислинских губерний и Средней Азии) – 13 млн 735 тыс. человек [1, с. 12]. Так, крестьянство в 1897 г. составляло более 75% населения страны [2, с. 32–40]. В Курской губернии преобладание сельского населения над городским было ещё более впечатляющим, поскольку в том же 1897 г. в регионе всего проживало 2 млн 371 тыс. человек, из них лишь 222 тыс. – в городах [1, с. 27].

В связи с этим в рассматриваемый период времени особое внимание верховная власть уделяла общественно-политическим настроениям крестьянства, ведь именно эту часть населения (причём, судя по данным статистики, самую большую часть) учёные, как правило, называли опорой российского самодержавия [3, с. 57; 4, с. 63–64; 5, с. 145]. Однако и в крестьянских массах в рассматриваемый период стали активно распространяться оппозиционные противоправительственные идеи и даже консервативное крестьянство начинало сомневаться в верности курса политики, реализуемого действующим правительством и лично императором. Хотя действующая власть это нередко называла «глухим недовольством» [6, с. 39].

Методология

Для достижения поставленной цели в ходе исследования использовались принципы объективности, историзма, научной достоверности. Этот подход позволяет комплексно, объективно проанализировать исторические источники. Использовались такие общенаучные методы, как анализ, синтез, исторический, логический, хронологический методы, метод обобщения и систематизации. Методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации применялись при изучении ар-

хивных материалов для получения новых знаний об общественно-политических настроениях крестьян Курской губернии в предреволюционные годы. Исторический и хронологический методы позволили исследовать проявление социальных недовольств в крестьянской среде Курской губернии в разные периоды. В основу формулировки выводов по результатам проведенного исследования был положен логический метод.

Результаты и их обсуждение

В Курской губернии, как мы отмечали ранее, большая часть населения во второй половине XIX – начале XX в. проживала в сельской местности, в связи с чем особо следует сказать о распространении в этой среде политической преступности, поскольку именно от того, как основная масса населения воспринимала противоправительственные идеи, нередко зависело внедрение в общественное сознание пропагандируемых революционных лозунгов и призывов, стабильность внутриполитического развития страны.

Как замечает А. Г. Чукаев, именно в южных регионах страны в конце XIX – начале XX в. нарастали крестьянские волнения, «переходившие в погромы помещичьих земель, захваты урожая и земли» [7]. В Курской губернии такие недовольства в основном были связаны с решением земельного вопроса. Так, в рассматриваемый период времени в Департамент полиции МВД регулярно поступали сообщения от курских жандармов, где чиновники указывали на то, что в крестьянской среде Курской губернии были распространены убеждения, «будто бы немедленно после священного коронования их Императорского Величества последует повеление о разделе помещичьей земли между крестьянами» [8, л. 24].

Курские крестьяне сочиняли целые депеши, в которых утверждалось, что уже скоро будет возможно заново разделить землю между «мужиками». Боль-

шинство таких сочинений были опасными для верховной власти, поэтому такую «издательскую» деятельность расценивали как политические преступления [9, л. 17–18; 10, л. 110].

В начале XX в. подобные революционные воззвания включали информацию и иного содержания, не связанного с решением так называемого земельного вопроса. В основном в таких сочинениях сообщалось о произошедших ранее забастовках, демонстрациях в Москве, Санкт-Петербурге, Харькове, Екатеринославле и других крупных городах.

Следует отметить, что тексты с оппозиционными идеями, составленные крестьянами, были достаточно ярко эмоционально окрашены. Так, в содержании листовок, распространяемых среди крестьян в данный период, часто встречались выражения: «жить стало невыносимо», «деревня разорена», «благоволеют только крупные капиталисты», «всеобщее разорение», «страшное преступление министра», «куда идут казенные денежки», «правительственные воры», «злодейский заговор против крестьян» и др. [10, л. 12, 32, 44–45, 47, 75, 110]

Нередко в сельскую местность «проникали» различные листовки, воззвания, брошюры с оппозиционными политическими идеями и «со стороны». Говоря о методах распространения таких листовок среди крестьян, укажем на то, что часто политически опасные воззвания высыпали по почте. Так, по сообщению уездной земской управы в 1902 г. на имя крестьянина г. Белгород Курской губернии И. Бавыкина пришло письмо с воззванием «О прирезке земли мужикам», в результате было возбуждено уголовное дело [11, л. 7]. Примечательно, что почтово-телеграфные конторы нередко проверяли подозрительную корреспонденцию, вынимая из почтовых ящиков воззвания, прокламации и т. п. [10, л. 7, 11]

В начале XX в., по сведениям департамента полиции, в сельской местности Курской губернии распространялись ре-

волюционные издания разными способами. К примеру, в сёлах, деревнях региона нередко появлялись неизвестные молодые люди, которые разбрасывали имеющиеся у них брошюры, книжки антиправительственного содержания. Данную «литературу» раздавали крестьянам и при этом рекомендовали, прочитав, передавать другим. Часто такие издания подбрасывали тайно в различные постройки, во дворы. Из обращения департамента полиции: «Упомянутые книжки и брошюры охотно читаются сельским населением и по прочтении передаются без всякого злого умысла от одного лица к другому, причём даже наблюдались случаи публичного чтения таких изданий целой толпе крестьян...» [12, л. 176–177].

Однако нередко крестьяне ввиду своей неграмотности не понимали, что принимали листовки политического характера за обычную бумагу и выбрасывали, использовали в быту. Так, в 1902 г. в Колоденской волости Курской губернии крестьянин, обнаружив записки на путевой стороне, сначала не придал им серьёзного значения, и посчитал, что из поезда выбросили «бумагу на папироски», поскольку и раньше кондукторы, машинисты бросали ему из поездов папиросную бумагу. Он отнёс листы в свою «будку», положил их на полку и забыл. Позже к нему зашёл артельный староста А. М. Маркин, который, увидев листы, сказал, что их курить нельзя, а необходимо отнести дорожному мастеру. Далее листовки отдали в полицию, а пути были осмотрены на предмет обнаружения иной политически опасной литературы [10, л. 44–45].

Обычным выражением недовольства курсом реализуемой политики в это время среди крестьян было оскорбление личности государя, членов его семьи. Так, во второй половине XIX – начале XX в. оскорбительные слова в отношении императора произносили крестьяне: Н. С. Калитьевский [13, л. 50–100], К. Ф. Дагаев, А. А. Семёнов, М. А. Лу-

кин, А. А. Болдуша (по прозвищу Шеянов), Т. В. Хицун и др. [14, л. 72–109] Чаще всего оскорблений при этом звучали в адрес Николая II, иногда высказанная брань имела отношение и к членам семьи императора. Так, в 1904 г. крестьянин Грайворонского уезда И. К. Жильцов был обвинён в заочном оскорблении наследника российского престола [15, л. 1–7], а О. Г. Мазалеев, крестьянин Дмитриевского уезда – в оскорблении императрицы Александры Федоровны [16, л. 2]. Нередко крестьяне оскорбляли изображения государя, что также считалось не только способом выражения недовольства, но и опасным преступлением [17, л. 85–86].

Говоря об оскорблении императора, заметим, что нередко в отношении монарха звучала нецензурная брань. Излюбленным выражением крестьян, употребляемым в отношении личности государя, было известное «мать вашу» или «мать твою» [14, л. 117; 18, л. 36, 38, 118, 131; 19, л. 46], не менее распространённым было сравнение императора с «чёртом» [14, л. 193, 209; 19, л. 38, 45]. Чаще всего подобные оскорблений звучали во время «пьяных посиделок» [20, с. 250–256].

Так, в Курской губернии в рассматриваемый период крестьянство активно воспринимало противоправительственные идеи. Главной темой для выражения недовольства был нерешенный земельный вопрос. Крестьяне как слушали воззвания, зачитываемые им более политически «активными» лицами, так и сами

составляли самые настоящие депеши, обращённые как к своим «собратьям» крестьянам, так и к верховной власти. При этом тексты таких обращений были достаточно эмоциональными. Крестьяне заключали, что «жить стало невыносимо», «деревня разорена», а «благоволеют только крупные капиталисты», «правительственные воры». Нередким явлением было оскорбление личности императора и членов его семьи, при этом крестьяне не подбирали выражения, использовали нецензурную лексику. Это и многое другое власть оценивала как преступную деятельность.

Выводы

В целом, следует отметить, что курское крестьянство во второй половине XIX – начале XX в. активно обсуждало политические проблемы. В сельской местности регулярно находили различные листовки, брошюры, воззвания революционного содержания, иную запрещённую литературу, которую как присыпали из других регионов, так и сочиняли, печатали на месте. Нередко курские крестьяне между собой в открытой форме осуждали внутриполитический курс развития, однако само выражение оппозиционных противоправительственных идей было неграмотным, поскольку решить все государственные проблемы, по мнению крестьян, можно было, наделив большую часть населения землёй, которая была у них отобрана в результате проведения крестьянской реформы.

Список литературы

1. Тройницкий Н. А. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. I. СПб., 1905. 320 с.
2. Бурдина Е. Н. Политические настроения и социальное поведение крестьянской бедноты Западной Сибири в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2(100). С. 32–40.
3. Аврех А. Я. Царизм и третий европейская система. М.: Наука, 1966. 179 с.
4. Мазырина Н. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина // Проблемы науки. 2015. № 5 (35). С. 63–64.

5. Петров А. П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М.: Мысль, 1977. 398 с.
6. Струве П. Б. Русская мысль. Т. 29, вып. 3–4. М.: Тип.-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1908. С. 39.
7. Чукарев А. Г. Противостояние. 1900–1917 // Верой и правдой. URL: <http://yaroslavl.fsb.ru/book/gl21.html> (дата обращения: 25.03.2020)
8. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7.
9. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 143
10. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160.
11. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 139.
12. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135.
13. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 122.
14. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145.
15. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 56.
16. ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 97.
17. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149.
18. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23.
19. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25.
20. Зарубина К. А. Оскорбление императора, или как судили в России в конце XIX – начале XX века за ругательства в адрес государя (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 6. С. 250–256.

References

1. Trojnwickij N. A. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. [The First General Population Census of the Russian Empire]. Vol. I. St. Petersburg, 1905. 320 p.
2. Burdina E. N. Politicheskie nastroeniya i social'noe povedenie krest'yanskoy bednoty Zападnoj Sibiri v pervye gody sovetskoy vlasti [Political sentiments and social behavior of the peasant poor of Western Siberia in the early years of Soviet power]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*, 2018, no. 2 (100), pp. 32–40.
3. Avrekh A. Ya. Carizm i tret'eiyun'skaya sistema [Tsarism and the Third June system]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 179 p.
4. Mazyrina N. A. Agrarnaya reforma P. A. Stolypina [Agrarian reform by P. A. Stolypin]. *Problemy nauki = Problems of Science*, 2015, no. 5 (35), pp. 63–64.
5. Petrov A. P. Kritika fal'sifikacii agrarno-krest'yanskogo voprosa v trekh russkih revolyuciyah [Criticism of the falsification of the agrarian-peasant question in the three Russian revolutions]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 398 p.
6. Struve P. B. Russkaya mys'l' [Russian Thought]. Vol. 29, is. 3–4. Moscow, Tip.-lit. T-va I. N. Kushnerev i Ko., 1908, pp. 39.
7. Chukarev A. G. Protivostoyanie. 1900–1917 [Confrontation. 1900–1917]. Veroj i pravdoj [Faithfully and truly]. Available at: <http://yaroslavl.fsb.ru/book/gl21.html>. (accessed 25.03.2020)
8. ГАКО (Государственный архив Курской области) [The State Archive of the Kursk region], f. 1642, op. 1, d. 7.
9. ГАКО, f. 1642, op. 1, d. 143.
10. ГАКО, f. 1642, op. 1, d. 160.
11. ГАКО, f. 1642, op. 1, d. 139.
12. ГАКО, f. 1642, op. 1, d. 135.

13. GAKO, f. 1642, op. 1, d. 122.
14. GAKO, f. 1642, op. 1, d. 145.
15. GAKO, f. 795, op. 1, d. 56.
16. GAKO, f. 801, op. 1, d. 97.
17. GAKO, f. 1642, op. 1, d. 149.
18. GAKO, f. 795, op. 1, d. 23.
19. GAKO, f. 795, op. 1, d. 25.
20. Zarubina K. A. Oskorblenie imperatora, ili kak sudili v Rossii v konce XIX – nachale XX veka za rugatel'stva v adres gosudarya (na materialah Kurskoj gubernii) [Insulting the emperor, or how they were judged in Russia at the end of the XIX - beginning of the XX century for swearing at the sovereign (based on the materials of the Kursk province)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series History and Law*, 2019, vol. 9, no. 6, pp. 250–256.

Информация об авторах / Information about the Authors

Петрищева Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: petrishceva_nc@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5336-9253

Зарубина Кристина Александровна, преподаватель кафедры теории истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kris1996z@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2725-6906

Natalia S. Petrishcheva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: petrishceva_nc@mail.ru,
ORCID: 00-0002-5336-9253

Kristina A. Zarubina, Lecturer of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest state University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kris1996z@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2725-6906

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-223-232>

Историография военно-морского флота России в XIX – начале XX века

В. А. Герман¹

¹Воронежский государственный аграрный университет им. Петра I
ул. Мичурина 1, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

 e-mail: g.w.a@bk.ru

Резюме

Актуальность. В статье поднимается проблема изучения истории российского флота в XIX – начале XX века. В начале XIX века, несмотря на более столетнее существование российского военно-морского флота, практически отсутствовали труды по его истории, когда имеющиеся работы по этой теме во многом носили публицистический характер. Надо отметить, что чисто исследовательская деятельность истории русского флота началась в 20-е годы XIX века, а систематические работы по военно-морской истории России, основанные на научном подходе, появились только во второй половине XIX века. При этом концептуально военно-морская историография теоретически была оформлена только в начале XX века.

Цель статьи: исследовать развитие российской военно-морской историографии в XIX – начале XX века.

Задачи: рассмотреть деятельность авторов первых исследовательских работ по истории русского флота в 20-е годы XIX века; изучить научную деятельность по сбору неопубликованных источников и публикацию на основе архивных материалов системных работ по истории военно-морского флота России во второй половине XIX века.

Методология. В работе использовались традиционные и общенаучные методы вместе с историко-сравнительным и биографическими подходами при изучении деятельности военно-морских историков.

Результаты. В исследовании показана обстоятельная работа, проделанная отечественными историками по изучению военно-морской истории. Фактически, результатом работы по изучению истории русского флота стало формирование научно-философской концепции истории.

Выводы статьи содержат мнение об окончательном формировании к началу XX века отечественной военно-морской историографии. Исторические труды по российскому военно-морскому флоту остаются актуальными в настоящее время.

Ключевые слова: Российская империя; военно-морской флот; военно-морская историография; научная деятельность; архивные материалы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Герман В. А. Историография военно-морского флота России в XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 223–232. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-223-232>.

Поступила в редакцию 19.12.2021

Принята к публикации 21.01.2022

Опубликована 28.02.2022

Historiography of the Navy Russia in the XIX – Early XX Centuries

Vladislav A. German¹

¹Voronezh State Agrarian University Peter I
1 Michurina str., Voronezh 394087, Russian Federation

 e-mail: g.w.a@bk.ru

Abstract

Relevance of the article. The article raises the problem of studying the history of the Russian fleet in the XIX – early XX centuries. At the beginning of the 19th century, despite the existence of the Russian navy for more than a century, there were practically no works on its history, when the available works on this topic were largely journalistic in nature. It should be noted that purely research activity in the history of the Russian fleet began in the 1920s, and systematic works on the naval history of Russia, based on a scientific approach, appeared only in the second half of the 19th century. At the same time, conceptually, naval historiography was theoretically formalized only at the beginning of the 20th century.

Purpose articles: explore the development of Russian naval historiography in the 19th – early 20th centuries.

Objectives: consider the activities of the authors of the first research papers on the history of the Russian fleet in the 20s of the XIX century; to study scientific activity in collecting unpublished sources and publishing, based on archival materials; systemic works on the history of the Russian Navy in the second half of the 19th century.

Methodology. The work used traditional and general scientific methods, along with historical-comparative and biographical approaches in studying the activities of naval historians.

Results. The study shows the detailed work done by domestic historians on the study of naval history. In fact, the result of the study of the history of the Russian fleet was the formation of a scientific and philosophical concept of history.

Conclusions article contain an opinion about the final formation by the beginning of the 20th century. national naval historiography. Historical works on the Russian Navy remain relevant at the present time

Keywords: Russian Empire; Russian Navy; naval historiography; scientific activity; archival materials.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: German V. A. Historiography of the Navy Russia in the XIX – Early XX Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 223–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-223-232>.

Received 19.12.2021

Accepted 21.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

По словам М. В. Жеребкина, в XVIII в. стараниями двух правителей Петра I и Екатерины II Российской империи удалось решить многовековой вопрос с выходом к Балтийскому и Чёрному морям [1, с. 167]. История, связанная с военными действиями за выход к обозначенным морям, а также последующим созданием и развитием российского военно-морского флота вызывала интерес как у профессиональных исследователей, так и военных моряков. Начало изучению ис-

тории русского флота было положено И. Л. Голенищевым-Кутузовым [2], который в 1764 г. издал сборник, содержащий имена всех служивших на флоте флагманов, офицеров и корабельных мастеров. Однако в начале XIX в. работы по истории военно-морского флота носили фрагментарный характер, т. к. обобщенная военная история из-за отсутствия необходимых условий не сложилась в отдельную отрасль исторической науки. В этот период появились труды по истории русского флота адмирала А. С. Шишкова,

среди которых главный был посвящён военным действиям российского флота против шведского в 1788–1790 годах [3]. Однако, несмотря на должность историографа военно-морского флота, А. С. Шишков вошёл в историю как русский филолог, литературовед и писатель, поэтому его работы по военно-морской истории носили публицистический характер. Надо отметить работы В. Н. Берха [4; 5; 6; 7], который занимался историей русских географических открытий, а затем написавший биографии первых русских адмиралов, и К. Ф. Германа [8], однако их труды могли служить только материалом для дальнейших исследований по истории русского флота. Поэтому в статье приводится история развития изучения военно-морской истории России на протяжении XIX – XX вв. отечественными исследователями.

Методология

В научной статье был задействован базовый принцип историзма, что нашло отражение в объективности выводов. Одновременно использовался историко-сравнительный метод, который позволил сопоставить результаты деятельности исследователей военно-морского флота. Проблемно-хронологический метод позволил представить развитие исследования военно-морской истории России на протяжении XIX – начала XX в. Наконец, биографический подход нашёл отражение непосредственно в изучении деятельности исследователей истории русского флота.

Результаты и их обсуждение

Чисто исследовательская работа по этой теме началась в 20-е годы XIX века и была связана с именами Н. А. Бестужева, А. В. Висковатова и А. П. Соколова.

Работы Н. А. Бестужева имели очень важное значение по изучению процесса развития военно-морской истории России, однако особо стоит обратить внимание на его труд «Опыт истории русского

флота» [9]. Над историей русского флота Н. А. Бестужев работал в 1822–1825 гг., внимательно изучая архивы Адмиралтейского департамента, летописи и другие источники. По мнению Н. А. Бестужева, в XVII в. в России были заложены предпосылки для создания военно-морского флота, реализованные потом Петром I [10, с. 94].

А. В. Висковатов работал не только над историей русского флота, но и над трудами по общевойсковой историографии, которые были основаны на многочисленных источниках. При этом работы А. В. Висковатова «Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия» [11] и «Строение военных судов в России при царях Михаиле Феодоровиче и Алексии Михайловиче» [12] отличались точным изложением фактов, однако в них имелись серьёзные недостатки в выводах и оценках. А. В. Висковатов критиковал труды по истории русского флота А. С. Шишкова и В. И. Берха, которые, по его мнению, представляли собой краткий конспект морских журналов [10, с. 146].

А. П. Соколов был первым в российской военно-морской историографии, определявший цели военно-морской истории и её связь с общей историографией, выдвигая тем самым на передний план причинно-следственные связи как влияние на исторический процесс [10, с. 148]. Главным трудом А. П. Соколова стала «Летопись крушений и пожаров судов русского флота...» [13], для написания которой были не только привлечены архивные данные, но и использованы записи выживших участников пожаров и крушений судов.

Однако до середины XIX в. изучение истории русского флота не имело системы и носило эпизодический характер, поэтому главной задачей был сбор неопубликованных источников по военно-морской истории. Этую деятельность начал осуществлять С. И. Елагин в 1860–

1861 гг., осуществив работу по сбору документов не только в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Таганрога и Николаева, но и Стокгольма, Лондона, Амстердама, Гааги и Вены [11, с. 6].

На основе тщательного анализа собранных документов С. И. Елагин начал создавать труды по истории русского флота по Азовскому (1696–1712 гг.) и Балтийскому (170 –1725 гг.) периодам. К истории Азовского флота С. И. Елагин отнёс монографию «История русского флота. Период Азовский» [15], в которой были подробно исследованы постройка первых галер в Подмосковье для взятия крепости Азов Петром I, начало кораблестроения в Воронеже, участие кумпанств в судостроении, создание адмиралтейства в Воронеже, приведены личности, первыми возглавившие русский флот, история найма иностранных моряков и кораблестроителей и функционирование Азовского флота до оставления Азова Россией по мирному договору с Турцией в 1711 г. В конце книги был приведён список судов Азовского флота, построенных при Петре I, в котором можно узнать название судна, его девиз, его класс и другие характеристики, год и место его постройки и имя корабельного мастера судна. При этом монография С. И. Елагина по Азовскому периоду русского флота при Петре I и в настоящее время не потеряла актуальности и используется исследователями при написании работ по истории Азовского флота в начале XVIII в.

К Балтийскому периоду С. И. Елагин отнёс статью из Морского сборника «Утверждение России на балтийском прибрежье» [16], а также отдельные книги «Начало Кронштадта» [17] и «Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого: 1702–1725» [18]. В этих работах С. И. Елагин приводит военные действия русских войск в начальный период (1700–1703) Северной войны, которые закончилось изгнанием шведов из устья реки Невы, закреплением русских войск на острове

Котлин, где была основана в 1704 г. крепость Кроншлот, и история дальнейшего строительства до смерти Петра I города-порта и военно-морской базы Кронштадт. Стоит обратить внимание на Список судов Балтийского флота, который был составлен практически аналогично Списку судов Азовского флота.

Кроме того, у С. И. Елагина имелись и другие работы по истории. В «Материалах для истории русского морского законодательства» [19] С. И. Елагина приводятся первые нормативно-правовые акты, связанные с плаванием на судах при Алексее Михайловиче и Петре I, а также сравнение положений военных артикулов российского флота 1710 г. с предложенными Петру I в 1698 г. К. Крюйсом статьями и Датским морским уставом, а в статье «Спасительные лодки» [20] С. И. Елагин рассматривал историю конструкций спасательных лодок, а также их технические характеристики вместе с историей Английского общества для спасения людей с судов, терпящих крушение у берега. В «Проекте памятной книжки для матросов» [21] С. И. Елагин приводил исторические случаи подвигов русских матросов как во время военной службы и сражениях, так и в мирной жизни. Наконец, в статье «Наши флаги» [22] С. И. Елагин рассматривал и историю появления бело-сине-красного флага на русских судах в конце XVII в. и использования других флагов русским флотом при Петре I. Тем самым С. И. Елагин был первым исследователем истории русского флота, работы которого отличались подлинным научно-историческим подходом и были документально обоснованы [10, с. 294].

После смерти С. И. Елагина в 1868 г. самостоятельную деятельность по написанию научных работ по военно-морской истории продолжили его ученики В. Ф. Головачёв и Н. А. Коргуев, что позволяет говорить о формировании первой в России военно-морской исторической школы. В. Ф. Головачёв был первым из

российских военно-морских историков, использующих критический исторический подход в исторических исследованиях. Так, в работе «Действия русского флота в войне со шведами в 1788–90 гг.» [23] В. Ф. Головачёв анализировал ошибки и нерешительность русского командования в начальный период войны, которые лишили русскую армию переломить ход военной кампании в 1788 г. в свою пользу, а в труде «Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г.» [24; 25] В. Ф. Головачёв указывал на стратегические приобретения русского флота по результатам его победы над турецким, но также указывал и на ошибки русской эскадры во время боя. Наконец, в монографии «История Севастополя как русского порта» [26] В. Ф. Головачёв писал о присоединении Крыма к России и истории становления Черноморского флота, а также анализировал положение Севастополя как порта. При этом В. Ф. Головачёв кратко указал в книге строительство жилых зданий в Севастополе, когда более подробно о развитии Севастополя писала С. П. Шендрекова [27]. Н. А. Коргуев в труде «Штурмана русского военного флота» [28] писал об истории изменения положения штурманских должностей на русском флоте с момента их введения Петром I, а в «Обзоре преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 года» [29] – об изменениях в этом военно-морском учебном заведении в эпоху правлений Александра II и Александра III. Научная деятельность учеников С. И. Елагина по изучению истории русского флота позволяет говорить о возникновении первой военно-морской исторической школы в России.

Среди военно-морских историков XIX в. стоит также отметить Ф. Ф. Веселаго, которому вместо умершего в 1869 г. С. И. Елагина было поручено составлять историю русского флота. Особенностью деятельности Ф. Ф. Веселаго было расширение источниковедческой базы военно-морского флота России, продолжив не-

завершенную А. П. Соколовым и С. И. Елагиным работу по публикации архивных материалов. В своих работах Ф. Ф. Веселаго осторожно и критично обращался с источниками, что позволило ему в большей степени добиться достоверности приводимых фактов [10, с. 295]. Ф. Ф. Веселаго подробно рассмотрел процесс строительства флота в Северную войну, тесно связывая его с ходом военных действий, а его данные о строительстве верфей и закладки на них морских судов в работе «Список русских военных судов с 1668 по 1860 год» [30] до сих пор являются актуальными. Однако Ф. Ф. Веселаго практически не затрагивал анализ военно-морского искусства: в его работах было описание морских сражений без особой характеристики русской морской стратегии и тактики [10, с. 297]. Наконец, в работе Ф. Ф. Веселаго 1893–1895 гг. «Краткая история русского флота» [31; 32] первая её часть была посвящена развитию мореплавания с древнейших времён и до 1800 г., а вторая – его состоянию в XIX в.

В завершение статьи стоит выделить работы Е. И. Аренса, в частности «Морскую силу и историю» [33] 1912 г., где он попытался сделать выводы по развитию российской военно-морской историографии в XIX в., однако его труд во многом носил философский характер. Е. И. Аренс выступал за необходимость изучения в целом истории военно-морского флота, а не только истории военно-морского искусства, т. к. последний предмет изучает только действия на море, игнорируя другие события, что позволяло, по мнению Е. И. Аренса, использовать этот предмет во все времена, но его нельзя относить к истории, а только к анализу исторических факторов [6, с. 304]. Тем самым, по мнению Е. И. Аренса, правильной являлась военно-морская история в целом при изучении проблем с политических и стратегических точек зрения, поэтому только такая наука могла раскрыть пути дальнейшего развития русского флота [33, с. 72].

Выводы

Таким образом, в начале XIX в. работы по истории русского флота, связанные с именами А. С. Шишкова, В. Н. Берх-ха и К. Ф. Германа, носили публицистический характер и не представляли особой исторической ценности. Непосредственно исследовательская деятельность по военно-морской истории России началась в 20-е годы XIX века и была связана с именами Н. А. Бестужева, А. В. Висковатова и А. П. Соколова. Однако до середины XIX в. труды по военно-морской истории России носили эпизодический характер и не имели системы. Для системного составления истории русского флота под руководством С. И. Елагина был осуществлён сбор исторических документов по этой теме. С. И. Елагин на основе архивных материалов написал монографию по истории Азовского русского флота, ко-

торая является актуальной и в настоящее время. После смерти С. И. Елагина написание подлинно научных работ по военно-морской истории продолжили его ученики: В. Ф. Головачёв и Н. А. Коргуев, что позволяет считать С. И. Елагина основателем первой в России военно-морской исторической школы. Продолжил работу А. П. Соколова и С. И. Елагина по публикации архивных материалов по истории русского флота Ф. Ф. Веселаго, которому удалось в своих трудах добиться достоверности приводимых фактов благодаря расширению источниковедческого материала. Наконец, стоит упомянуть об Е. И. Аренсе, который первым выпустил труд по российской военно-морской историографии, однако носивший философский характер. Таким образом, к началу XX в. в России окончательно сформировалась военно-морская историография.

Список литературы

1. Жеребкин М. В. Исторические вызовы России и поиски ответов на них // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. № 1. С. 165–172.
2. Голенищев-Кутузов И. Л. Собрание списков, содержащее имена всех служивших в российском флоте с начала оного флагманов, обер-сарваеров, и корабельных мастеров, и ныне служащих в оном и при Адмиралтействе как флагманов, так штаб- и обер-офицеров. СПб.: Тип. Мор. шляхет. кадет. корпуса, 1764. 55 с.
3. Шишков А. С. Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений Главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова. СПб.: Тип. Императорской рос. акад., 1826. 294 с.
4. Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 1. СПб.: Морская тип., 1831. 354 с.
5. Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 2. СПб.: Морская тип., 1832. 391 с.
6. Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 3. СПб.: Морская тип., 1834. 291 с.
7. Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота. Ч. 4. СПб.: Морская тип., 1836. 126 с.
8. Герман К. Ф. Статистическое описание Российского флота в начале 1805 года // Статистический журнал. 1808. Т. 2, ч. 1. С. 36–120.
9. Бестужев Н. А. Опыт истории Российского флота. Л.: Судпромгиз, 1961. 172 с.

10. Бескровный Л. Г. *Очерки военной историографии России*. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 318 с.
11. Висковатов А. В. *Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия*. СПб.: Мор. учен. ком., 1864. 170 с.
12. Висковатов А. В. *Строение военных судов в России при царях Михаиле Феодоровиче и Алексии Михайловиче*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1856. 44 с.
13. Соколов А. П. *Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 год*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855. 365 с.
14. Глазунова Л. В. Роль С. И. Елагина в изданиях Морского министерства // Елагинские чтения. Вып. I. СПб.: Остров, 2003. С. 5–9.
15. Елагин С. И. *История русского флота. Период Азовский*. СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1864. 319 с.
16. Елагин С. И. *Утверждение России на балтийском прибрежье* // Морской сборник. 1866. № 1. С. 109–128.
17. Елагин С. И. *Начало Кронштадта*. Кронштадт: Кронштадтский вестник, 1866. 31 с.
18. Елагин С. И. *Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725*. СПб.: Тип. Морского м-ва, 1867. 74 с.
19. Елагин С. И. *Материалы для истории русского морского законодательства*. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1859. 53 с.
20. Елагин С. И. *Спасительные лодки* // Морской сборник. 1857. № 5. С. 50–76.
21. Елагин С. И. *Проект памятной книжки для матросов* // Морской сборник. 1857. № 10. С. 1–45.
22. Елагин С. И. *Наши флаги* // Морской сборник. 1863. № 10. С. 229–240.
23. Головачёв В. Ф. *Действия русского флота в войне со шведами в 1788–90 гг.: 1788 г.* СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1870. 133 с.
24. Головачёв В. Ф. *Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г.* // Морской сборник. 1900. № 1. С. 55–88.
25. Головачёв В. Ф. *Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г.* // Морской сборник. 1900. № 2. С. 31–68.
26. Головачёв В. Ф. *История Севастополя, как русского порта*. СПб.: Изд. Севастопольского отд. на Политехн. выст., 1872. 260 с.
27. Шендрикова С. П., Босняк В. Н. *Урбанистическое развитие Крыма после присоединения полуострова к Российской империи (на примере Севастополя и Ялты)* // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. № 2. С. 171–177.
28. Коргуев Н. А. *Штурмана русского военного флота* // Морской сборник. 1886. № 2. С. 1–30.
29. Коргуев Н. А. *Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 года*. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1897. 432 с.
30. Веселаго Ф. Ф. *Список русских военных судов с 1668 по 1860 год*. СПб.: тип. Морского м-ва, 1872. 799 с.
31. Веселаго Ф. Ф. *Краткая история русского флота*. Вып. 1. СПб.: Тип. В. Демакова, 1893. 302 с.
32. Веселаго Ф. Ф. *Краткая история русского флота*. Вып. 2. СПб.: Тип. В. Демакова, 1895. 160 с.
33. Аренс Е. И. *Морская сила и история*. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1912. 125 с.

References

1. Zhrebkin M. V. Istoricheskie vyzovy Rossii i poiski otvetov na nih [Historical challenges of Russia and the search for answers to them]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, no. 1, pp. 165–172.
2. Golenishchev-Kutuzov I. L. Sobranie spiskov, soderzhashchee imena vsekh sluzhivshih v rossijskom flote s nachala onogo flagmanov, ober-sarvaerov, i korabel'nyh masterov, i nyne sluzhashchih v onom i pri Admiraltejstve kak flagmanov, tak shtab- i ober-oficerov [A collection of lists containing the names of all flagships, officers, and shipwrights who have served in the Russian Navy since the beginning of it, and now serving in it and at the Admiralty as flagships, staff and chief officers]. St. Petersburg, Tip. Mor. shlyahet. kadet. korpusa, 1764. 55 p.
3. Shishkov A. S. Voennye dejstviya rossijskogo flota protiv shvedskogo v 1788, 89 i 90 godah, pocherpnutye iz dnevnih zapisok i donezenij Glavnonachal'stvovavshego nad onym admirala Chichagova [The military actions of the Russian fleet against the Swedish in 1788, 89 and 90, gleaned from the daily notes and reports of Admiral Chichagov, who was in charge of it]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoj Ros. akad., 1826. 294 p.
4. Berh V. N. Zhizneopisaniya pervykh rossijskikh admiralov ili optyt istorii rossijskogo flota [Biographies of the first Russian admirals or the experience of the history of the Russian Fleet]. Pt. 1. St. Petersburg, Morskaya tip., 1831. 354p.
5. Berh V.N. Zhizneopisaniya pervykh rossijskikh admiralov ili optyt istorii rossijskogo flota [Biographies of the first Russian admirals or the experience of the history of the Russian Fleet]. Pt. 2. St. Petersburg, Morskaya tip., 1832. 391 p.
6. Berh V.N. Zhizneopisaniya pervykh rossijskikh admiralov ili optyt istorii rossijskogo flota [Biographies of the first Russian admirals or the experience of the history of the Russian Fleet]. Pt. 3. St. Petersburg, Morskaya tip., 1834. 291 p.
7. Berh V.N. Zhizneopisaniya pervykh rossijskikh admiralov ili optyt istorii rossijskogo flota [Biographies of the first Russian admirals or the experience of the history of the Russian Fleet]. Pt. 4. St. Petersburg, Morskaya tip., 1836. 126 p.
8. German K. F. Statisticheskoe opisanie Rossijskogo flota v nachale 1805 goda [Statistical description of the Russian Fleet at the beginning of 1805]. *Statisticheskij zhurnal = Statistical Journal*, 1808, vol. 2, pt. 1, pp. 36–120.
9. Bestuzhev N. A. Optyt istorii Rossijskogo flota [Experience of the history of the Russian Fleet]. Leningrad, Sudpromgiz Publ., 1961. 172 p.
10. Beskrovnyj L. G. Ocherki voennoj istoriografii Rossii [Essays on the Military Historiography of Russia]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 318 p.
11. Viskovatov A. V. Kratkij istoricheskij obzor morskikh pohodov russkih i morehodstva ih voobshche do iskhoda XVII stoletiya [A brief historical overview of Russian sea voyages and their navigation in general before the end of the XVII century]. St. Petersburg, Mor. uchen. kom. Publ., 1864. 170 p.
12. Viskovatov A. V. Stroenie voennih sudov v Rossii pri caryah Mihail Feodoroviche i Aleksii Mihajloviche [The structure of military courts in Russia under Tsars Mikhail Feodorovich and Alexy Mikhailovich]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1856. 44 p.

13. Sokolov A. P. *Letopis' krushenij i pozharov sudov russkogo flota ot nachala ego po 1854 god* [Chronicle of wrecks and fires of ships of the Russian fleet from its beginning to 1854]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1855. 365 p.
14. Glazunova L. V. *Rol' S. I. Elagina v izdaniyah Morskogo ministerstva* [The role of S. I. Elagin in the publications of the Maritime Ministry]. *Elaginskie chteniya = Elagin readings*. Is. I. St. Petersburg, Ostrov Publ., 2003, pp. 5–9.
15. Elagin S. I. *Istoriya russkogo flota. Period Azovskij* [The history of the Russian Fleet. The Azov Period]. St. Petersburg, Tip. Gogenfel'dena, 1864. 319 p.
16. Elagin S. I. *Utverzhdenie Rossii na baltijskom pribrežh'i* [Approval of Russia on the Baltic coast]. *Morskoy sbornik = Marine Collection*, 1866, no. 1, pp. 109–128.
17. Elagin S. I. *Nachalo Kronshtadta* [The beginning of Kronstadt]. Kronstadt, Kronstadtskii vestnik, 1866. 31 p.
18. Elagin S. I. *Spisok sudov Baltijskogo flota, postroennyh i vzyatyh v carstvovanie Petra Velikogo* [List of ships of the Baltic Fleet built and taken in the reign of Peter the Great], 1702–1725. St. Petersburg, Tip. Morskogo m-va, 1867. 74 p.
19. Elagin S. I. *Materialy dlya istorii russkogo morskogo zakonodatel'stva* [Materials for the history of Russian maritime legislation]. St. Petersburg, Tip. Mor. m-va, 1859. 53 p.
20. Elagin S. I. *Spasitel'nye lodki* [Rescue boats]. *Morskoy sbornik = Marine collection*, 1857, no. 5, pp. 50–76.
21. Elagin S. I. *Proekt pamyatnoj knizhki dlya matrosov* [The project of a commemorative book for sailors]. *Morskoy sbornik = Marine collection*, 1857, no. 10, pp. 1–45.
22. Elagin S. I. *Nashi flagi* [Our flags]. *Morskoy sbornik = Marine Collection*, 1863, no. 10, pp. 229–240.
23. Golovachyov V. F. *Dejstviya russkogo flota v vojne so shvedami v 1788–90 gg.: 1788 g.* [Actions of the Russian Fleet in the war with the Swedes in 1788–90: 1788]. St. Petersburg, Tip. I. I. Glazunova, 1870. 133 p.
24. Golovachyov V. F. *Chesmenskoe srazhenie v ego politicheskoy i strategicheskoy obstanovke i russkij flot v 1769 g.* [The Battle of Chesma in its political and strategic setting and the Russian Fleet in 1769]. *Morskoy sbornik = Naval Collection*, 1900, no. 1, pp. 55–88.
25. Golovachyov V. F. *Chesmenskoe srazhenie v ego politicheskoy i strategicheskoy obstanovke i russkij flot v 1769 g.* [The Battle of Chesma in its political and strategic setting and the Russian Fleet in 1769]. *Morskoy sbornik = Naval Collection*, 1900, no. 2, pp. 31–68.
26. Golovachyov V. F. *Istoriya Sevastopolya, kak russkogo porta* [The history of Sevastopol as a Russian port]. St. Petersburg, Izd. Sevastopol'skago otd. na Politekhn. vyst., 1872. 260 p.
27. Shendrikova S. P., Bosnyak V. N. *Urbanisticheskoe razvitiye Kryma posle prisoedineniya poluostrova k Rossijskoj imperii (na primere Sevastopolja i Yalty)* [Urban development of the Crimea after the annexation of the peninsula to the Russian Empire (on the example of Sevastopol and Yalta)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория и право = Proceedings of the Southwest State University. Series History and Law*, 2019, no. 2, pp. 171–177.
28. Korguev N. A. *Shturmana russkogo voennogo flota* [Navigator of the Russian Navy]. *Morskoy sbornik = Marine collection*, 1886, no. 2, pp. 1–30.
29. Korguev N. A. *Obzor preobrazovanij Morskogo kadetskogo korpusa s 1852 goda* [Review of the transformations of the Naval Cadet Corps since 1852]. St. Petersburg, tip. Mor. m-va, 1897. 432 p.

-
30. Veselago F. F. Spisok russkih voennyyh sudov s 1668 po 1860 god [List of Russian military vessels from 1668 to 1860]. St. Petersburg, Tip. Morskogo m-va, 1872. 799 p.
31. Veselago F. F. Kratkaya istoriya russkogo flota [A brief history of the Russian Fleet]. Is. 1. St. Petersburg, Tip. V. Demakova, 1893. 302 p.
32. Veselago F. F. Kratkaya istoriya russkogo flota [A brief history of the Russian Fleet]. Is. 2. St. Petersburg, Tip. V. Demakova, 1895. 160 p.
33. Arens E. I. Morskaya sila i istoriya [Sea power and history]. St. Petersburg, Tip. Gl. upr. udelov, 1912. 125 p.

Информация об авторе / Information about the author

Владислав Александрович Герман, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права, Воронежский государственный аграрный университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: g.w.a@bk.ru,
ORCID: 0000-0003-4446-0239

Vladislav A. German, Post-Graduate Student of the Department of Humanities, Civil and Criminal Law, Voronezh State Agrarian University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: g.w.a@bk.ru,
ORCID: 0000-0003-4446-0239

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-233-242>

Основные этапы сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в области образования и науки в новейшей истории

Ф. Пираков

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российской Федерации

✉ e-mail: farhodpirakov@yahoo.com

Резюме

Актуальность. На современном этапе международных гуманитарных отношений Российской Федерации и Республики Таджикистан существует ряд вопросов, исследованных в недостаточной степени, в частности в сфере сотрудничества в сфере высшего образования и науки. Анализ позитивного опыта взаимоотношений между странами в данной сфере позволит найти оптимальное решение возникающим сегодня проблемам.

Цель настоящей статьи состоит в изучении истории развития образовательного и научно-технического сотрудничества между Россией и Таджикистаном после 1991 года.

Задачи исследования: проанализировать договоры и соглашения, заключенные между странами в исследуемый период; изучить материалы, содержащие информацию об особенностях организации процесса подготовки квалифицированных кадров для Таджикистана в российских вузах; выявить степень эффективности межгосударственного сотрудничества в образовательной и научно-технической сфере в период 1991–2020 годов; изучить усилия стран в популяризации изучения русского языка в Таджикистане.

Методология. Источниковая база исследования включает опубликованные (соглашения, законодательные акты, сборники документов, научные труды, интернет-ресурсы) и архивные материалы. В работе использованы общенаучные методы синтеза и анализа информации, а также методы, характерные для исторических исследований: сравнительно-исторический и историко-правовой.

Результаты. Исследование показало, что на современном этапе гуманитарные отношения между Россией и Таджикистаном, основанные на положительном опыте советского периода, развиваются динамично. Изучение заключенных межгосударственных документов позволило выявить степень эффективности сотрудничества между странами.

Вывод. Результаты, полученные в исследовании, могут выступать базой для изучения проблемы организации и дальнейшего развития межгосударственных связей России и Таджикистана в сфере высшего образования и науки с учетом исторического опыта.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество; межгосударственные соглашения; высшее образование; научно-технические контакты; поддержка русского языка; обучение за рубежом.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Пираков Ф. Основные этапы сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в области образования и науки в новейшей истории // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 233–242. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-233-242>.

Поступила в редакцию 23.12.2021

Принята к публикации 24.01.2022

Опубликована 28.02.2022

The Main Stages of Cooperation Between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in the Field of Education and Science in Recent History

Farhod Pirakov¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

 e-mail: farhodpirakov@yahoo.com

Abstract

Relevance. At the present stage of international humanitarian relations between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, there are a number of issues that have not been sufficiently studied, in particular, in the field of cooperation in the field of higher education and science. An analysis of the positive experience of relations between countries in this area will make it possible to find the optimal solution to the problems that arise today.

The purpose of this article is to study the history of the development of educational and scientific-technical cooperation between Russia and Tajikistan after 1991.

Research objectives: to analyze the treaties and agreements concluded between the countries during the study period; study materials containing information on the specifics of organizing the process of training qualified personnel for Tajikistan in Russian universities; to identify the degree of effectiveness of interstate cooperation in the educational, scientific and technical sphere in the period 1991–2020; study the efforts of countries in promoting the study of the Russian language in Tajikistan.

Methodology. The source base of the study includes published (agreements, legislative acts, collections of documents, scientific papers, Internet resources) and archival materials. The work uses general scientific methods of synthesis and analysis of information, as well as methods characteristic of historical research: comparative historical and historical and legal.

Results. The study showed that at the present stage, humanitarian relations between Russia and Tajikistan, based on the positive experience of the Soviet period, are developing dynamically. The study of the concluded interstate documents made it possible to identify the degree of effectiveness of cooperation between the countries.

Conclusion. The results obtained in the study can serve as a basis for studying the problem of organizing and further developing interstate relations between Russia and Tajikistan in the field of higher education and science, taking into account historical experience.

Keywords: humanitarian cooperation; interstate agreements; higher education; scientific and technical contacts; support of the Russian language; education abroad.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pirakov F. The Main Stages of Cooperation Between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in the Field of Education and Science in Recent History. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(1): 233–242. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-233-242>.

Received 23.12.2021

Accepted 24.01.2022

Published 28.02.2022

Введение

На сегодняшний день в Республике Таджикистан существуют определенные проблемы в области образования, в том числе в сфере высшего профессионального образования. По словам проректора по международным связям Российской-таджикского (Славянского) университета

(РТСУ) У. М. Мансурова: «Советская система готовила кадры исходя из потребностей СССР, а сейчас... они уже утратили свою актуальность и не востребованы молодежью»¹. Эти проблемы призыва-

¹ Мансуров У. М. В сфере образования Таджикистана еще многое нужно сделать.

на решать интернационализация высшего образования, которая стала современной реальностью для всех стран постсоветского пространства¹. В данном вопросе активную помощь республике оказывает Российской Федерации.

Поиск путей для дальнейшего сближения системы высшего образования обеих стран и усиление взаимодействия в научной сфере для обеспечения мобильности студентов и научных работников представляет собой особую актуальность в наши дни.

Целью настоящей статьи является анализ этапов становления межгосударственных связей в сфере образования и науки между Россией и Таджикистаном в новейшее время путем изучения подписанных документов и фактического сотрудничества в данной области после 1991 г.

Методология

В статье использованы общенаучные методы синтеза и анализа информации (для анализа информационных ресурсов и источников). Кроме того, статья базируется на методах, характерных для исторических исследований: сравнительно-исторический метод позволяет исследовать явления в разные исторические периоды (на начальном этапе становления независимых межгосударственных гуманитарных отношений и в наши дни); историко-правовой метод дает возможность изучить взаимодействие стран с точки зрения его правового происхождения и процесса развития.

В качестве источников исследования использованы нормативные документы,

URL: <https://tj.sputniknews.ru/radio/20200619/1031439503/Tajikistan-sfera-obrazovaniya.html> (дата обращения: 15.10.2021).

¹ Хумайро Б. Образование в Таджикистане: большие проблемы и слабые перспективы. URL: <https://cabar.asia/ru/khumajro-bakhtier-obrazo-vanie-v-tadzhikistane-bolshie-problemy-i-slabye-perspektivy> (дата обращения: 15.10.2021).

законодательные акты, научные работы, материалы периодической печати и ресурсы Интернет, а также архивные материалы Академии наук и Министерства образования и науки РТ.

Результаты и их обсуждение

На протяжении многих веков таджикский народ является активным участником региональных процессов и играет значительную роль в политической и культурной жизни народов не только Средней Азии, но и всего постсоветского пространства. Его главными целями являются добрососедские отношения со странами центральноазиатского региона, мирное сосуществование и установление дипломатических отношений со всеми странами на дружеской основе. В этом плане особый интерес представляют отношения, складывающиеся между Таджикистаном и Российской Федерацией в новейшее время, которые имеют глубокие исторические корни [1; 2; 3; 4;].

История развития сотрудничества между нашими странами свидетельствует, что Россия всегда занимала и занимает одно из ведущих мест в системе различных связей Таджикистана [5; 6], которые становятся предметом научного осмысливания современных исследователей [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. И сегодня Россия для Таджикистана – стратегический партнер и союзник². Между нашими странами существуют многогранные дружеские отношения, служащие на благо развития обеих стран [14].

Анализ взаимоотношений России и Таджикистана в области гуманитарного сотрудничества, в частности в сфере высшего образования и науки, имеет, на

² Лавров С. Выступление и ответы на вопросы профессорско-преподавательского состава и студентов Российско-Таджикского (Славянского) университета. Душанбе, 24 апреля 2012 года. URL: http://www.mid.ru/domp/bro_4.nsf/ (дата обращения: 15.10.2021).

наш взгляд, особую актуальность в современных условиях.

Начиная с 1992 г., после установления дипломатических отношений, российско-таджикские связи и сотрудничество развиваются во всех направлениях. В новых исторических условиях политическую и правовую основу взаимоотношений России и Таджикистана составляют такие законодательные акты, как: Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией (25.05.1993 г., г. Москва)¹; Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации о научно-техническом сотрудничестве (25.05.1993 г., г. Москва); Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Москвы о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях (7.07.1995 г., г. Москва); Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма (19.09.1995 г., г. Душанбе)²; Договор о союзническом взаимодействии Российской Федерации и Республики Таджикистан, ориентированный в XXI век (16.04.1999 г., г. Москва)³.

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией от 25 мая 1993 г. // Народная газета. 1993. 3 авг.

² Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма от 19.09.1995 г. // Народная газета. 1995. 21 сент.

³ Договор о союзническом взаимодействии между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией, ориентированный в XXI век от 16 апреля 1999 г. // Народная газета. 1999. 22 апр.

Перечисленные документы раскрывают практически весь спектр взаимоотношений Российской Федерации и Республики Таджикистан, включая вопросы сотрудничества в сфере высшего образования и науки.

Важность развития высшего образования в своих речах отмечает также и Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон: «Только тот народ, который заботится о процветании науки и образования, способен достойно управлять своим государством» [15, с. 36].

Дальнейшее развитие отношений между Россией и Таджикистаном в сфере образования было обусловлено заключением 19 сентября 1995 г. Соглашения, упомянутого выше. Данный документ стал фундаментом, на котором строилось сотрудничество между странами в области дошкольного, общего среднего, высшего и дополнительного профессионального образования². Кроме того, Соглашение оказывает содействие процессу разработки нормативных документов и правовой базы о взаимном признании документов об образовании, ученых степеней и званий.

Как отмечают специалисты, «в современных условиях образовательная политика Таджикистана направлена на мировой рынок и формируется с учетом интеграционных процессов, делает первые шаги по направлению интеграции образовательной системы Таджикистана в мировое образовательное пространство. Поэтому формирование национальной образовательной политики требует особой сосредоточенности на глобальных проблемах в этой области» [16, с. 199].

В 1996 г. в рамках межгосударственного договора в Таджикистане начал свою работу Российско-Таджикский (славянский) университет (РТСУ). Некоторое время спустя в Таджикистане открыли свои филиалы и некоторые другие вузы РФ: в 2009 г. – Московский государственный университет (МГУ), в 2011 г. – Московский энергетический институт

(МЭИ) и Московский институт стали и сплавов (МИСиС). В 2019/2020 учебном году в этих учебных заведениях обучалось около 8 тыс. граждан Таджикистана [17].

По свидетельству ученых, «... укрепление таджикско-российских отношений во многом определяется и функционированием русского языка в различных сферах Республики Таджикистан»¹. Согласно Конституции РТ, русскому языку в республике придан статус языка межнационального общения. 4 апреля 2003 г. Президент РТ издал Указ «Об улучшении изучения русского языка в РТ» и в декабре того же года для исполнения данного Указа Правительством республики была принята специальная государственная программа.

Начиная с 2004 г. для достижения целей, перечисленных в госпрограмме, при поддержке Посольства России в Таджикистане Министерством образования и науки РТ и Представительством Россотрудничества в Республике Таджикистан систематически проводятся различные мероприятия, способствующие процессу более глубокого изучения русского языка в республике².

Следует отметить деятельность Фонда «Русский мир», направленную на популяризацию изучения русского языка в республике. Так, поддержка Фонда способствовала организации в ряде вузов Таджикистана Центров русского языка: первый из них начал работать 10 июня 2008 г. в Таджикском государственном институте языков. В том же году аналогичные Центры открылись при Таджикском государственном педагогическом университете (ТГПУ) и РТСУ; в 2010 г. Таджикский национальный университет (ТНУ) также организовал подобный Центр.

¹ Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества стран СНГ (МФГС): офиц. сайт. URL: <http://www.mfgs-sng.org> (дата обращения: 15.10.2021).

² Россотрудничество в Таджикистане продлевает сроки подачи заявок на обучение в российских вузах по квоте. URL: <http://www.tjk.gov.ru/node/9320> (дата обращения: 15.10.2021).

В то же время со стороны Правительства РФ развитие русского языка и его углубленное изучение в Таджикистане было поддержано принятием Федеральной целевой программы «Русский язык на 2011–2015 гг.»³.

Правительством России на системной основе оказывается содействие Республике Таджикистан в процессе подготовки высококвалифицированных кадров для народного хозяйства республики. Граждане Таджикистана имеют равные с гражданами России права в вопросах доступа к высшему образованию в Российской Федерации. С каждым годом растет количество студентов из Таджикистана, обучающихся в вузах Российской Федерации. Если в 2005 г. российские вузы приняли 700 граждан Таджикистана, то в 2008 г. их количество превысило 4,5 тыс. человек [18].

На сегодняшний день в высших учебных заведениях Российской Федерации проходят обучение более 24,6 тыс. граждан Республики Таджикистан. В 2019/2020 учебном году в вузах России обучались 72,2% от общего числа таджикских студентов, обучающихся за рубежом⁴.

В республике ежегодно проводятся выставки-ярмарки российских вузов, целью которых является отбор абитуриентов для учебы в вузах России. Популярность российских вузов среди таджикской молодежи обусловила тот факт, что в 2016/2017 учебном году квота граждан Таджикистана для учебы в высших учебных заведениях Российской Федерации

³ О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2011–2015 годы: постановление Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 492: [ред. от 29.07.2015]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115599/ (дата обращения: 15.10.2021).

⁴ В Минобразования рассказали, сколько таджикских студентов учится за рубежом. URL: <https://tj.sputniknews.ru/education/20200717/tajikskie-studenty-zagranitsa-statistika-1031593520.html> (дата обращения: 15.10.2021).

ции составила 750 мест, что является одним из самых высоких показателей среди стран СНГ¹.

Наряду с этим следует отметить положительную динамику роста количества государственных стипендий, выделяемых Россией гражданам Республики Таджикистан для обучения в вузах Российской Федерации: если в 2006–2007 учебном году было выделено 150 стипендий, то в 2009/ 2010 учебном году их количество составило 410 (включая студентов, аспирантов и докторантов).

Активно развивается сотрудничество России и Таджикистана в научной сфере, которое не прекращалось даже в сложные в политическом отношении 1990-е гг. Взаимодействие между институтами Академий наук обеих стран развивается по целому ряду направлений:

- сотрудничество Памирского биологического института (Таджикистан) и Совета межрегиональной программы «Сибирь» (г. Новосибирск), Совета по исследованию озонового слоя (г. Москва), Совета «Биологические основы защиты от вредителей и болезней» (г. Санкт-Петербург);
- Института физиологии и биофизики растений (Таджикистан) и Института физиологии растений им. К. А. Тимирязева (РФ);
- Института гастроэнтерологии (Таджикистан) и Института лазерной медицины, Института экспериментальной медицины (г. Санкт-Петербург), Медицинского стоматологического института им. А. Н. Семашко (Москва);
- Института истории, этнографии и археологии им. А. Дониша (Таджикистан) и института истории материальной культуры (г. Москва) и Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург);
- Института астрофизики Академии наук РТ с Институтом астрофизики и Институтом прикладной математики Рос-

сийской академии наук. Между этими научными учреждениями в 2006 г. было заключено Соглашение о научно-техническом сотрудничестве, продолжившее тесные научные контакты, созданные в прежние годы [20].

Позитивная динамика сотрудничества России и Таджикистана в сфере науки и образования обусловлена также и аттестацией научных и педагогических кадров в сфере высшего образования. 12 февраля 1997 г. между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан заключено соответствующее Соглашение в данной сфере. По свидетельству экспертов, «руководствуясь соответствующими нормативно-правовыми актами, российская сторона взяла на себя проведение аттестации научных и подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации, создание докторантур, анализ аттестационных дел и докторатов, их экспертизу, оказание методической помощи докторантурным и ученым (научно-техническим) советам Таджикистана» [21]. Документ обусловил возможность получения таджикскими учеными диплома российского образца после защиты докторатов в Республике Таджикистан.

В 2001 г. научными учреждениями и учебными заведениями Республики Таджикистан получено разрешение для продолжения работы докторантурных советов по различным специальностям.

Визит президента Академии наук Республики Таджикистан М. И. Илолова в Российскую академию наук в 2007 г. создал основу для подписания ряда соглашений по укреплению и дальнейшему развитию научно-технического сотрудничества между странами.

В 2008 г. визит Д. А. Медведева в Таджикистан послужил основой для заключения Межправительственного соглашения о создании Международного научно-исследовательского центра (МНИЦ) «Памир-Чакалтай». Документ обеспечил возможность совместного использования

¹ Москва принимает VI Межпарламентский форум «Россия – Таджикистан» // Парламентская газета. 2018. 28 окт.

учеными России и Таджикистана Центра по проведению астрофизических исследований космических лучей сверхвысоких энергий, расположенного в высокогорном научном полигоне Ак-Архар, а также находящейся там рентгеноэмиссионной установки, не имеющей аналогов в мире [22, с. 118].

В качестве других наиболее известных международных научных проектов можно назвать развитие археологических исследований на территории Республики Таджикистан, в том числе и в древнем городе Пенджикент на северо-западе республики, совместные исследования в области астрофизики на базе обсерватории «Санглох», изучение природного многообразия Таджикистана, лингвистические экспедиции и др.

Выводы

Начиная с 1992 г. российско-таджикское сотрудничество плодотворно разви-

вается по всем направлениям. Особую актуальность в современных условиях имеют образовательные и научные связи. Россия на системной основе оказывает содействие Таджикистану в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства республики.

Таким образом, можно констатировать, что взаимодействие России и Таджикистана в сфере высшего образования и науки в годы независимости развивалось успешно и плодотворно, что дало таджикской науке импульс для развития, особенно в сфере подготовки научных кадров. Взаимовыгодное сотрудничество служит стимулом для дальнейшего развития дружбы, взаимовыгодного сотрудничества между народами России и Таджикистана. Анализ показал, что межгосударственные отношения Российской Федерации и Республики Таджикистан в сфере высшего образования и науки имеют хорошие перспективы на будущее.

Список литературы

1. Абдулатипов Р. Г. Год русского языка // Курьер Таджикистана. 2007. 11 февр.
2. Абдулатипов Р. Г. Мой таджикский народ. Душанбе: Изд-во МВД РТ, 2011. 271 с.
3. Алиева Р. Р. Приоритетные направления таджикско-российских отношений на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Худжанд, 2016. № 2. С. 30–41.
4. Аршинов Ю. Е., Лапенко М. В., Рекеда С. В. Россия – Таджикистан: основные сферы сотрудничества (К 25-летию установления дипломатических отношений) // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2(105). С. 170–182.
5. История таджикского народа. Новейшая история (1941–2010 гг.). Т. VI / под общ. ред. акад. Р. М. Масова. Душанбе: Дониш, 2011. 687 с.
6. Пирумшоев Х. П., Маликов М. Х. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. Душанбе: РТСУ, 2009. 677 с.
7. Абдусаматов Б. Б., Баянова Л. Н. Взаимодействие России и Таджикистана в сфере образования // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2018. № 2 (46). С. 125–130.
8. Бободжанова У. А. Российско-таджикские отношения в 90-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 167 с.
9. Бормотов Р. И. Дезинтеграционные и интеграционные факторы социальных трансформаций в постсоветских республиках. М.: Лаборатория книги, 2011. 113 с.
10. Гендерное образование: региональный обзор в восьми странах СНГ: Армении, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане и Узбекистане / под общ. ред. И. Н. Тартаковской. М.: Вариант, 2006. 319 с.

11. Мирзоев Д.А., Розиков Ф. Вопросы изучения военно-политического, экономического и культурного сотрудничества Республики Таджикистан и Российской Федерации в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Таджикского национального университета. 2019. № 5, ч. 2. С. 39–45.
12. Шарипов А. А. История высшего образования Таджикистана: опыт и проблемы (вторая половина 40-х – первая половина 90-х гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Душанбе, 2000. 40 с.
13. Розиков Ф. М. Дипломатические, торгово-экономические и культурные взаимоотношения Таджикистана и России в период независимости: 1991–2012 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2013. 169
14. Сайдов З. Межгосударственные отношения Республики Таджикистан в двустороннем формате. Душанбе: АВАСТО, 2001. 112 с.
15. Рахмонов Э. Ш. Доклад на первой сессии Маджлиси Оли Республики Таджикистан (7 апреля 1995 г.). Душанбе: Ирфон, 1995. С. 36.
16. Рахматуллаева М. Образовательная стратегия Таджикистана в условиях трансформации общества // Ученые записки. 2016. № 2. С. 197–202.
17. Зунунова М. Количество квот для поступления в вузы России увеличено // Народная газета. 2019. 27 февр.
18. Пирназарова П. А. Взаимоотношения Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере образования, науки и культуры (1991–2011 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2013. 26 с.
19. Текущий архив Академии наук РТ. Отчеты об основных итогах научной и научно-организационной деятельности АН РТ за 1991–2019 гг.
20. Текущий архив Министерства образования Республики Таджикистан. Годовые отчеты за 1993–2019 гг.
21. Пирназарова П. А. Координация научных связей между таджикскими и русскими учеными в годы независимости // Апрельская научная конференция в Аграрном университете Таджикистана имени Ш. Шотемура. Душанбе, 2012. С. 56–60.
22. Официальный визит Президента Российской Федерации Д. А. Медведева в Таджикистан 29 августа 2008 г. // Дипломатия Таджикистана. Душанбе: УИ МИД РТ, 2008. С. 118–120.

References

1. Abdulatipov R. G. God russkogo yazyka [Year of the Russian language]. *Kur'er Tadzhikistana = Courier of Tajikistan*, 2007, February 11.
2. Abdulatipov R. G. Moj tadzhikskij narod [My Tajik people]. Dushanbe, MVD RT Publ., 2011. 271 p.
3. Alieva R. R. Prioritetnye napravleniya tadzhiksko-rossijskikh otnoshenij na rubezhe XX–XXI vv. [Priority directions of Tajik-Russian relations at the turn of the XX-XXI centuries]. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki = Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. Hudzhand, 2016, no. 2, pp. 30–41.
4. Arshinov Yu. E, Lapenko M. V., Rekeda S. V. Rossiya – Tadzhikistan: osnovnye sfery sotrudnichestva (K 25-letiyu ustanovleniya diplomaticeskikh otnoshenij) [Russia - Tajikistan: the main areas of cooperation (To the 25th anniversary of the establishment of diplomatic relations)]. *Evrazijeskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2017, no. 2(105), pp. 170–182.

5. Istorya tadzhikskogo naroda. Novejshaya istoriya (1941–2010 gg.) [The history of the Tajik people. Recent history (1941–2010).]; ed. by R. M. Masova. Dushanbe, Danish Publ., 2011, vol. 6. 687 p.
6. Pirumshoev H. P., Malikov M. H. Rossiya – Tadzhikistan: istoriya vzaimootnoshenij [Russia – Tajikistan: the history of relations]. Dushanbe, RTSU Publ., 2009. 677 p.
7. Abdusamatov B. B., Bayanova L. N. Vzaimodejstvie Rossii i Tadzhikistana v sfere obrazovaniya [Cooperation between Russia and Tajikistan in the field of education]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully = Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla*, 2018, no. 2 (46), pp. 125–130.
8. Bobodzhanova U. A. Rossijsko-tadzhikskie otnosheniya v 90-e gody XX veka. Diss. kand. ist. nauk [Russian-Tajik relations in the 90s of the XX century. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2006. 167 p.
9. Bormotov R. I. Dezintegracionnye i integracionnye faktory social'nyh transformacij v postsovetskih respublikah [Disintegration and integration factors of social transformations in post-Soviet republics]. Moscow, Laboratoriya knigi, 2011. 113 p.
10. Gendernoe obrazovanie: regional'nyj obzor v vos'mi stranah SNG: Armenii, Azerbajdzhan, Gruzii, Kazahstane, Kyrgyzstane, Moldove, Tadzhikistane i Uzbekistane [Gender education: regional overview in eight CIS countries: Armenia, Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan and Uzbekistan]; ed. by I. N. Tartakovskoj. Moscow, Variant Publ., 2006. 319 p.
11. Mirzoev D.A., Rozikov F. Voprosy izucheniya voenno-politicheskogo, ekonomiceskogo i kul'turnogo sotrudnichestva Respubliki Tadzhikistan i Rossijskoj Federacii v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [Issues of studying military-political, economic and cultural cooperation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in domestic and foreign historiography]. *Vestnik Tadzhikskogo nacional'nogo universiteta = Bulletin of the Tajik National University*, 2019, no. 5, pt. 2, pp. 39–45.
12. Sharipov A. A. Istorya vysshego obrazovaniya Tadzhikistana: opyt i problemy (vtoraya polovina 40-h – pervaya polovina 90-h gg.). Avtoref. diss. dokt. ist. nauk [History of Higher education in Tajikistan: Experience and problems (second half of the 40s - first half of the 90s). Dr. hist. sci. abstract diss.]. Dushanbe, 2000. 40 p.
13. Rozikov F. M. Diplomaticheskie, torgovo-ekonomicheskie i kul'turnye vzaimootnosheniya Tadzhikistana i Rossii v period nezavisimosti: 1991–2012 gg. Diss. kand. ist. nauk [Diplomatic, trade, economic and cultural relations between Tajikistan and Russia during the period of independence: 1991–2012. Cand. hist. sci. diss.]. Dushanbe, 2013. 169 p.
14. Saidov Z. Mezhgosudarstvennye otnosheniya Respubliki Tadzhikistan v dvustoronnem formate [Interstate relations of the Republic of Tajikistan in a bilateral format]. Dushanbe, AVASTO Publ., 2001. 112.
15. Rahmonov E. Sh. Doklad na pervoj sessii Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan (7 aprelya 1995 g.) [Report at the first session of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan (April 7, 1995)]. Dushanbe, Irfon Publ., 1995. 36 p.
16. Rahmatullaeva M. Obrazovatel'naya strategiya Tadzhikistana v usloviyah transformacii obshchestva [Educational strategy of Tajikistan in the conditions of transformation of society]. *Uchenye zapiski = Scientific notes*, 2016, no. 2, pp. 197–202.
17. Zununova M. Kolichestvo kvot dlya postupleniya v vuzy Rossii uvelicheno [The number of quotas for admission to Russian universities has been increased]. *Narodnaya gazeta = Narodnaya Gazeta*, 2019, February 27.
18. Pirnazarova P. A. Vzaimootnosheniya Respubliki Tadzhikistan i Rossijskoj Federacii v sfere obrazovaniya, nauki i kul'tury (1991–2011 gg.). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Relations

between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the field of education, science and culture (1991-2011). Cand. hist. sci. abstract diss.]. Dushanbe, 2013. 26 p.

19. Tekushchij arhiv Akademii nauk RT. Otchety ob osnovnyh itogah nauchnoj i nauchno-organizacionnoj deyatel'nosti AN RT za 1991–2019 gg. [Current archive of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Reports on the main results of scientific and scientific-organizational activities of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for 1991–2019].

20. Tekushchij arhiv Ministerstva obrazovaniya Respubliki Tadzhikistan. Godovye otchety za 1993– 2019 gg. [Current archive of the Ministry of Education of the Republic of Tajikistan. Annual reports for 1993–2019].

21. Pirnazarova P. A. Koordinaciya nauchnyh svyazej mezhdu tadzhikskimi i russkimi uchenymi v gody nezavisimosti [Coordination of scientific relations between Tajik and Russian scientists in the years of independence]. *Aprel'skaya nauchnaya konferenciya v Agrarnom universitete Tadzhikistana imeni Sh. Shotemura* [April Scientific conference at the Agricultural University of Tajikistan named after Sh. Shotemura]. Dushanbe, 2012, pp. 56–60.

22. Oficial'nyj vizit Prezidenta Rossijskoj Federacii D. A. Medvedeva v Tadzhikistan 29 avgusta 2008 [Official visit of the President of the Russian Federation D. A. Medvedev to Tajikistan on August 29, 2008]. Diplomatiya Tadzhikistana. Ezhegodnik [Diplomacy of Tajikistan. Yearbook]. Dushanbe, UI MID RT, 2008, pp. 118–120.

Информация об авторе / Information about the Author

Пираков Фарход, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: farhodpirakov@yahoo.com

Pirakov Farhod, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: farhodpirakov@yahoo.com

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация бесплатная.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

 e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. Список литературы к статье обязательен и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>